

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Издательство
«Просвещение»

БИБЛИОТЕКА
УЧИТЕЛЯ
ИСТОРИИ

НАКАЗЪ

направлены в Государственный Совет по рассмотрению.

Нужно принять свои меры из материальной борьбы не для того, чтобы добиться нравственно беспринципной нравственности. Шмаков — Родина. Он считает не для того, чтобы бороться за идею, но для материальной борьбы, для материальной борьбы, для материальной борьбы.

[illegible]

Наша задача доказать, что можно выбрать из данных букв

КАПИТАЛЪ

КРИТИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

КАРЛА МАРКСА

ОТЪ ОБРАЩЕНИЯ КАПИТАЛА

№ 2 Известия Совета
РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ

ИЗВЪСТІЕ

COBETA PASADENA

Комитет Contra Рабочий Движ.
города Новороссийска Цена 10
1945 года. Сентябрь 17

1. 18-го декабря 1941 года
Судебная Коллегия Президиума Верховного
Суда СССР

...объединяет министерство культуры...

1) Parameters: $\alpha = 0.05$, $\beta = 0.8$

10月10日

СОЦІАЛЬДЕМОКРАТЪ

[illegible]

адный жалост этот
знания, широты полноты
и крестоносца, божественный фавор
жизни и смерти!

Да здравствуют велико-
русская русская, да здрав-
ствуют международная
революционная!

4 (17) genadisa 130/1320

БИБЛИОТЕКА
УЧИТЕЛЯ
ИСТОРИИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Под общей редакцией
академика Г. Н. Севостьянова

МОСКВА
«ПРОСВЕЩЕНИЕ»
1993

ББК 63.3(2)7
И90

Авторы:

В. А. Артемов, Н. А. Васецкий, В. Л. Генис, В. П. Наумов,
В. В. Соколов, М. Г. Станчев, Б. А. Старков, Р. К. Такер,
Г. И. Чернявский, Д. К. Шелестов

Исторические портреты/В. А. Артемов, Н. А. Васец-
И90 кий, В. Л. Генис и др.; Под общ. ред. Г. Н. Севостьяно-
ва.— М.: Просвещение, 1993.—319 с. (Б-ка учителя
истории).— ISBN 5-09-003808-2.

В книгу включены биографии политических и государственных деятелей нашей страны 20—40-х гг., жизнь и деятельность которых долгое время замалчивались или искажались,— И. В. Сталина, Л. Д. Троцкого, Г. Е. Зиновьева, Л. Б. Каменева, М. М. Литвинова, М. Н. Рютина и др. На основе архивных материалов авторы прослеживают судьбу этих людей на фоне исторических событий указанного периода.

Книга предназначена учителям, она будет также интересна широкому кругу читателей.

4306010000 — 254

И 103(02)—93 подписное

ББК 63.3(2)7

ISBN 5-09-003808-2 © Артемов В. А., Васецкий Н. А., Генис В. Л. и др.,
1993

Предисловие

В стране проводятся радикальные реформы, крупные преобразования, происходит духовное обновление общества, становление правового государства, утверждение прав и достоинства личности. Перемены эти совершаются в условиях широкого плюрализма мнений, столкновения разных идей и взглядов, острых споров и дебатов, при резкой поляризации и противостоянии политических сил.

Происходящие процессы более выпукло и отчетливо обнажили негативные явления в обществе. Среди них следует особо отметить тотальный дефицит культуры и образованности. Наблюдается падение нравственности, разрушение вековых традиций, обычаев и общепринятых норм. Поэтому все громче, тревожнее и обеспокоеннее призывы: культура спасет общество, если общество защитит культуру.

Взволнованно и заинтересованно обсуждаются такие вопросы, как человек в обществе и его ответственность за судьбу страны. Много говорят и пишут об общечеловеческих ценностях, разрыве связи времен и преемственности поколений, недопустимом и опасном нигилизме к прошлому. Первостепенное значение в этой связи приобрели проблемы гуманизации образования и нравственного воспитания нашей молодежи.

В бурное время стремительного и неумолимого развития событий у народов возросло национальное самосознание, стремление к суверенитету и независимости; заметно повысился интерес к истории, к прошлому нашей Родины. И это понятно, ибо исторический опыт бесценен, он многому учит и постоянно напоминает о великом предназначении человека как творца истории. Знание ее помогает глубже понять настоящее и предвидеть будущее. Минувшее как бы подсказывает, чему следовать и что отвергать. В этом отношении полезность исторических знаний и их воспитательное воздействие неоспоримы. Особенно в кризисный период.

Люди хотят знать историческую правду, пристально всматриваясь в летопись ушедших поколений. Любознательность пытается уловить сходство и различие эпох и времен, найти ответы на волнующие и подчас мучительные, животрепещущие вопросы современности.

Велика ответственность историков, призванных своими исследованиями воссоздавать правду о прошлом, содейство-

вать формированию исторического сознания и культуры широких слоев общества. По нашему мнению, это возможно прежде всего путем публикации правдивых книг, написанных без идеологического пресса, объективно, доходчиво и увлекательно, на основе изучения документов и архивных материалов.

Однако в течение длительного времени история нашего общества, особенно советский период, излагалась во многих работах тенденциозно, предвзято и субъективно. Слишком произвольны были обращение с фактами и документами, их трактовка и оценка. Широкое распространение получила так называемая «фигура умолчания». Как известно, жертвами массовых репрессий, беззакония и произвола — по вине Сталина и его окружения — стали в 30-х гг. многие государственные и политические деятели. На долгие годы их имена незаслуженно были преданы забвению. И только недавно они возвращены истории. Учеными, публицистами и научной общественностью проведена значительная работа по восстановлению исторической правды, опубликованы статьи и книги. Но это только первые шаги.

Предлагаемая читателю книга содержит галерею исторических портретов. Это — история в лицах. Избранные нами персонажи, их жизнь и деятельность позволяют лучше познать и осмыслить эпоху, полную драматизма и трагизма. Большинство из них были необычайно яркими, талантливыми и одаренными людьми. Это — не однозначные фигуры, но отличительной их чертой являлась убежденность. У каждого было свое видение мира; они отстаивали свои взгляды, боролись за претворение в жизнь своих целей, верили в идеалы.

Очерки, посвященные хорошо известным и популярным в свое время государственным деятелям, написаны специалистами на основе документов, хранящихся в архивах. Отдельные оценки, возможно, не совпадают с ранее высказанными мнениями в печати других авторов. Это естественно, так как по мере выявления новых документов будет еще немало уточнений и споров по поводу жизнеописания личностей, о которых идет речь.

В заключение хотелось бы выразить надежду, что книга эта привлечет внимание учителей истории. В ней много нового и неизвестного. Читателю рассказано о создании административно-командной системы; показано, как и почему повсюду подавлялось инакомыслие, насаждался страх, внедрялось абсолютное послушание. Книга побуждает к размышлению, вызывает гнев, возмущение и протест. Она расширяет представление о трагических страницах в истории нашего народа, которые никогда не должны повториться.

Академик Г. Н. Севостьянов

**Роберт
К. Такер¹
и В. СТАЛИН**

К жизни и деятельности Сталина проявляется повышенный интерес. В последнее время о нем много пишут и говорят. Уже создана обширная литература, различающаяся по содержанию и направленности. Вокруг личности Сталина ведутся споры и дискуссии, и они будут продолжаться еще долгие годы — по мере выявления новых документов, материалов и интерпретаций.

В двухтомной, еще не завершенной биографии Сталина мною подробно, на широком историческом фоне и с привлечением многочисленных документов проанализировано его восхождение к власти и постепенная узурпация ее, годы сталинской диктатуры, методы проведения Сталиным внутренней и внешней политики до 1941 г.²

В данной статье мне хотелось бы остановиться на некоторых, на мой взгляд, недостаточно изученных аспектах биографии Сталина, в частности, показать по возможности его психологию, характер, раскрыть мотивы его поведения, поступков, мышления и действий как политика.

* * *

Взгляд на Сталина прежде всего как на человека, обуреваемого жаждой власти, является весьма распространенным.

¹ Роберт К. Такер — профессор Принстонского университета, США.

² Автором опубликованы две книги: Сталин: Путь к власти. 1879—1929. — М., 1990; Stalin in Power. 1928—1941. — N. Y., 1990.

Этот взгляд не столько неверен, сколько неполон. Сталин был непревзойденным мастером в деле сосредоточения власти в своих руках. Его скрытность, способность наперед рассчитывать свои действия, плести заговоры, притворяться, верно оценивать других людей с точки зрения их полезности или опасности для его целей служили ему в этом хорошую службу. Однако его целью никогда не была власть только ради власти. Его политическая жизнь являлась одним непрерывным усилием — выступать в роли революционного героя, каким был до него Ленин, и удостаиваться, опять-таки как Ленин, оваций от благодарной партии за свои свершения в качестве политического лидера. Власть была главным средством для достижения важнейшей цели Сталина: знаменитости и славы.

Небольшого роста — не более 163 см, с рябым лицом и искалеченной вследствие перенесенной в детстве травмы левой рукой, коренастого сложения, он имел неприметную внешность. В неофициальной обстановке говорил так тихо, что даже близко находившимся слушателям приходилось напрягать слух, чтобы не потерять нить разговора.

Единственный оставшийся в живых из четырех детей Екатерины Джугашвили, маленький Сосо вырос в лачуге в небольшом городе Гори в Грузии, закавказской колонии Российской империи. Хотя он всегда уклончиво рассказывал о раннем периоде своей жизни и о своем происхождении, однажды в частном разговоре он заявил, что его отец был священником. Если это так, то муж Екатерины, сапожник Виссарион Джугашвили не был его настоящим отцом. Сосо Джугашвили выучил русский язык в местной церковной школе, где его мать подрабатывала уборщицей. Екатерина хотела, чтобы сын стал священником, и он, получив стипендию для продолжения образования, поступил в русскую православную духовную семинарию в столице Грузии Тифлисе.

У мальчика было тяжелое детство. Сильно пивший отец бил его и его мать, и все это привело к возникновению у молодого Джугашвили общего тревожного состояния, которое может вызвать формирование невротической личности. Что это значит? Человек, у которого отрицательные эмоциональные переживания в детстве вызывают общее тревожное состояние, т. е. чувство одиночества и беспомощности в потенциально враждебном окружающем мире, пытается искать и находить внутреннюю опору для укрепления уверенности в себе путем создания идеализированного образа самого себя, например, как великого воина. Постепенно молодой человек бессознательно переходит от самоидеализа-

ции к убеждению, что его реальная личность полностью соответствует этому идеальному образу, что на самом деле он именно такой, каким воображает себя. Начиная с этого времени он тратит всю свою энергию на то, чтобы доказать делом реальность этого идеального восприятия самого себя и заслужить признание окружающими этого образа.

Все известное о детских годах Джугашвили позволяет говорить, что сначала он создал идеализированный образ своего «Я» как воина-мстителя по имени Коба. В последующие годы в Тифлисской семинарии, где он примкнул к революционному подполью, его идеальный образ своего «Я», т. е. Кобы, трансформировался в образ революционера-подпольщика. И именно тогда мстительность, присущая ему в детские годы, превратилась в одну из основных черт характера. К тем, кто не желал относиться к нему так, как того заслуживало его идеальное «я», он испытывал скрытую враждебность, завоевавшую ему уже в эти годы среди своих собратьев-революционеров репутацию человека с трудным характером. Позднее среди тех людей, которые хорошо его знали, его мстительность чуть ли не вошла в поговорку. Наряду со стремлением добиться славы, потребность в отмщении и, таким образом, триумфе над теми, кого он считал врагами, стала одной из его отличительных черт.

Самоидеализация Джугашвили как революционера окончательно оформилась в начале 1890-х гг., когда в Ленине, руководителе большевистской фракции марксистской партии, появившейся в Российской империи, он нашел героя, с которым отождествлял себя. Так как Ленин был ярким образцом типично русского радикала, отождествление с ним привело к тому, что русским стало и национальное самосознание Джугашвили, участника движения, которое он впоследствии называл «русским большевизмом» и рассматривал как сугубо русское явление. Поскольку образец для подражания был русским, он также должен был стать русским. Джугашвили воображал себя русским революционером «Сталиным» (имя, означающее человека из стали и напоминающее «Ленин»). Однако в течение всей жизни этот идеальный образ Сталина как русского вступал в противоречие с его грузинской личностью как Джугашвили, говорившего по-русски с хорошо различимым грузинским акцентом (это может служить объяснением того, что он говорил по-русски так тихо).

Таким образом, Сталин, в отличие от многих других старых большевиков (так назывались члены партии, которые вступили в нее до 1917 г.), испытывал гордое чувство

принадлежности к русским как нации. Та Россия, частью которой он впервые ощутил себя, была революционной страной времен антигосударственного восстания 1905 г. В 1917 г. он продемонстрировал свое чувство гордости за эту страну, отстаивая на VI съезде партии большевиков «творческий марксизм», основанный на положении, что Россия должна указать Европе путь к социалистической революции. Этот «творческий марксизм» Сталин противопоставил «догматическому марксизму», утверждавшему, что Европа должна указать путь России. Последующие события, кульминацией которых была победа революции в октябре, подтвердили в его сознании правильность его русоцентрического взгляда на начинавшуюся мировую революцию.

Гражданская война, во время которой он стал революционным государственным деятелем, была в его политической жизни временем окончательного формирования личности. Милитаризованная культура гражданской войны позднее сказалась в его авторитарной склонности отдавать команды, в его безжалостности, столь свойственной для комиссара, в его привычном стиле одежды (партийный китель и сапоги), в грубости его выражений и даже в том, что запечатлелось в его памяти (например, он с удовольствием вспоминал, как в 1920 г. солдаты одной из частей Красной Армии рыскали по Одессе в поисках некоей «Антанты», которая, как они слышали, была виновата в том, что им приходится воевать до сих пор).

В начале 20-х гг. Сталин мог считать себя одним из вождей революционной России. Такой взгляд был тем более правильным, если учесть ту централизаторскую роль, которую он играл как народный комиссар по делам национальностей в правительстве Ленина. Он был одним из тех, кто осуществлял, часто насильственными средствами, политику возвращения населенных национальными меньшинствами окраин, в том числе его родной Грузии; в состав нового многонационального государства — Советской России. Хотя Ленин несет основную ответственность за централизаторскую политику, в результате проведения которой большая часть стремившихся к независимости окраин была присоединена к Советской России, ни сам Ленин, ни его единомышленники — другие руководители большевиков — не думали о себе с гордостью (как это делал Сталин), что они являются представителями возрожденной русской государственности.

Однако хотя большевистская революция и создала режим, заявлявший о себе как о классовом, тем не менее она была исключением из того правила, что за республиканскими рево-

люциями современного периода следует подъем национального сознания. Уже в 1921 г. большевик с Украины В. П. Затонский, делегат X съезда партии, сетовал на то, что революция пробудила национальное движение в России. По его словам, революция, превратив Россию из фактической колонии Западной Европы в центр мирового движения, породила чувство «русского красного патриотизма» в сердцах многих большевиков, гордившихся не только тем, что они русские, но и старавшихся думать о себе прежде всего как о русских и рассматривать новое государство скорее как новую «единую, неделимую» Россию, чем как федерацию с советским строем¹.

Сталин был одним из тех большевиков, которые заразились «русским красным патриотизмом». Он доказал это и своим отношением к нерусским меньшинствам, в особенности грузинам, пока занимал пост народного комиссара по делам национальностей. В частности, именно грубость и мстительность Сталина в отношении его родной Грузии во время и вскоре после ее насильственного присоединения Красной Армией в начале 1921 г., наконец, открыли Ленину глаза на ту опасность, которую Сталин представлял для советского режима и для революции. Ленин в своей работе «К вопросу о национальностях или об автономизации», продиктованной 30—31 декабря 1922 г., говорил об «истинно русском» настроении Сталина, его торопливости и административном увлечении, его озлоблении по отношению к «соцнал-национализму» (националистические тенденции на окраинах, населенных меньшинствами). Он отметил далее, что грузин типа Сталина, который забывал об осторожности и предупредительности в отношениях с тем или иным национальным меньшинством, был не кем иным, как «грубым великорусским держимордой». 4 января 1923 г. Ленин добавил постскрипtum о Сталине к уже написанному письму в адрес XII съезда партии, в котором он все еще надеялся принять участие. (В письме рассматривался вопрос о преемственности.) В постскриптуме Ленин указал, что «Сталин слишком груб», и предлагал переместить его с занимаемого им поста Генерального секретаря на другую работу. Если бы Ленин вскоре не перенес удар, который положил конец его активной политической жизни, вполне возможно, что Сталин был бы удален со своего высокого поста и последующая история Советской России и всего мира была бы иной.

¹ См.: X съезд РКП (б). — М., 1960. — С. 202—203.

Смерть Ленина в 1924 г. обострила в партии политическую борьбу, развернувшуюся в преддверии этого события. В союзе с умеренными правыми, которыми руководили Алексей Рыков, Николай Бухарин и Михаил Томский, Сталин вступил в затяжную борьбу с левой оппозицией, возглавлявшейся Троцким. В 1926 г. разбитая фракция Троцкого объединила силы с группировкой Григория Зиновьева и Льва Каменева и образовала «объединенную оппозицию». Но Сталин снова одержал верх, и в конце того же года Троцкий, Зиновьев и Каменев были исключены из Политбюро. В октябре 1927 г. вожди «объединенной оппозиции» были исключены из партии и высланы.

Затем Сталин начал ожесточенную борьбу против правого крыла в партии. Лидеры умеренных потерпели поражение, а в ноябре 1929 г. они публично отреклись от своих «правоуклонистских» взглядов.

Была ли у Сталина в 20-х гг. своя собственная политическая установка, отличная от взглядов других большевиков, как левых, так и правых? По мнению Троцкого, высказанному в начале 30-х гг. (и это мнение оказало значительное влияние на многих историков), у него таковой не было. Троцкий утверждал, что Сталин был «центристом», который в погоне за самым главным для него — властью, объединился с правыми, а затем, после разгрома левых в 1927 г., обрушился на своих бывших союзников справа, совершив тем самым зигзаг влево. Он воспринял программу правых, когда начал отстаивать в конце 1924 г. «социализм в одной стране», а затем присвоил программу левых (или карикатуру на нее), когда начал действовать самостоятельно в 1928—1929 гг.

В противовес этому взгляду я считаю, что Сталин имел свою, отличную от других программу и что в 20-е гг. он выработал политическую линию, давшую его программе конкретное выражение. Его курс на союз с правыми против Троцкого помешал ему открыто провозгласить свои концепции, прежде чем левая оппозиция была разгромлена, а ее представители исключены из политической жизни. Даже в последующие годы он воздерживался от раскрытия всего радикализма и экстремизма своей программы. Однако ее можно восстановить по его отдельным высказываниям в течение этого десятилетия.

«Истинно русские» настроения Сталина сделали из него большевика национального типа, весьма отличного от умеренных правых в партии, которые хотели приспособлять политику к нуждам деревенской общины при построении кооперативного социализма и намеревались постепенно отхо-

доть от мировой революции как политической цели. Даже в период самого тесного политического союза с ними Сталин давал знать о существовании такого расхождения тем, что в своих речах преднамеренно делал упор на необходимость возобновления революции за рубежом. И хотя он поддерживал идею правых о том, что Россия может проделать весь путь к социализму в международной изоляции, он и правые доказывали это по-разному, что отражало различие между его и их разновидностями русского национализма.

Как мировоззрение, суть которого состоит в национальном самоуважении, национализм существует в двух основных разновидностях: патриотическое служение своему народу и его положительным национальным чертам и шовинизм, высокомерная национальная гордость, чувство превосходства над другими народами. Национальные большевики из числа правых были националистами первого типа, Сталин — второго. Он исповедовал радикальную разновидность русского национального большевизма, смесь большевистской революционности и великорусского шовинизма, который Ленин правильно распознал в нем в 1922 г. Та резкость, с которой Сталин, в отличие от правых, проповедовал доктрину «социализма в одной стране», могла бы навести на мысль о том, что его национальный большевизм все-таки отличается от их национального большевизма. Он выступал как человек, гордящийся тем, что Россия способна в одиночку проделать весь путь к социалистическому будущему и послужить примером для всего человечества, точно так же как в 1917 г. она указала всей Европе путь к революции.

Русский национализм Сталина отличался антисемитизмом. В середине 20-х гг. он исподволь использовал антисемитизм в борьбе против левой оппозиции, основные представители которой — Троцкий, а затем Зиновьев и Каменев — были евреями (их подлинные фамилии соответственно Бронштейн, Радомысльский и Розенфельд). Он поощрял высмеивание лидеров оппозиции как евреев на собраниях, проводимых в партийных ячейках на фабриках. Он вроде бы преподносил свою фракцию как русскую партийную фракцию, а троцкистов — как еврейскую. То, что евреи, сколь бы русифицированы в культурном отношении ни были, не могут стать настоящими русскими, кажется, было одним из его главных убеждений. Это проявлялось, например, в том, что он заключал в кавычки слово «русский», когда говорил о «русских меньшевиках типа Абрамовича и Дана». Партии, стране и самому себе он внушал, что настоящие большевики — это настоящие русские, что большевизм — это не еврей-

ское, а национальное русское явление и что Ленин, как основатель партии, и он сам, как будущий преемник Ленина, являются лучшим доказательством этого.

Из нашего анализа вытекает, что после смерти Ленина в лишенной внутреннего единства группе советских лидеров было три различные программы: правая, левая и сталинская. Наличие трех, а не двух программ не вполне осознавалось в то время, так как в отличие от позиций правых и левых позиция Сталина не раскрывалась в публичных заявлениях как политическая линия его фракции. Программой она оставалась только в его собственном мозгу, а открытое выражение начала получать в его политических заявлениях и в полемике с правыми лишь к концу 20-х гг.

Большевизм Сталина был радикально правый. Выдвигая это суждение, я расхожусь с теми моими советскими коллегами, которые еще недавно характеризовали политический курс Сталина как разновидность левого экстремизма. Читатель вправе спросить: какая разница, был ли Сталин левым или правым радикалом? На самом деле разница огромна. Как политическое течение большевизм исторически был левым явлением. Даже такие правые партийные лидеры середины 20-х гг., как Рыков и Бухарин, все-таки оставались в рамках собственно большевизма как левой идеологии и политики, исповедуя его умеренную, а не радикальную разновидность. Большевизм Сталина, будучи правым радикализмом, в лучшем случае лишь маргинально имеет право на то, чтобы считаться большевизмом, хотя Сталин не без успеха старался показать, что его проповедь «социализма в одной стране» и была единственной, подлинной разновидностью большевизма и что сам он был, как гласили плакаты того времени, «Лениным сегодня».

Как крайне правый большевик, Сталин сочетал агрессивный великорусский национализм и все авторитарное и насильственное из наследия революции и гражданской войны. Сюда входили ленинская концепция и практика революции сверху, которые выражались в обрушивании «дубинки» государственной власти на многочисленных врагов революции. Но Ленину никогда не приходило в голову сталинское представление о «построении социализма» как процессе, включающем использование репрессивных средств против значительной части тех социальных слоев, которые поддерживали революцию; что особенно проявилось во время изобиловавшей жестокостями коллективизации крестьянства. Такое представление сложилось у Сталина потому, что он начал приравнивать построение социализма к строительству государства вообще, в том смысле, в каком оно понималось

в русской истории и воплощалось в деятельности таких царей, как Петр Великий и Иван Грозный. Этот человек, с чрезвычайно развитой склонностью к самоидеализации, конечно, хотел также доказать, что он — это «Ленин сегодня», и полагал, что сможет сделать это, осуществив новую «Октябрьскую революцию» в виде коллективизации, «революцию сверху», как он назвал ее в своем «Кратком курсе» по истории партии, опубликованном в 1938 г.

Радикально правый большевизм Сталина был питательной средой, в которой готовился его наиболее результативный и в то же время катастрофический по своим последствиям шаг как политического деятеля: выработка политической концепции под влиянием изучения предшествующей русской истории, которой он живо интересовался в 20-е гг. Он нашел в отдаленном прошлом страны модель социально-экономических преобразований, ведущихся под руководством государственной власти и направленных на наращивание мощи, необходимой для обороны и экспансии во враждебном международном окружении. В речи на расширенном пленуме Центрального Комитета в ноябре 1928 г. Сталин отметил, что Петр Великий пытался преодолеть вековую отсталость России тем, что лихорадочно строил мануфактуры и заводы, которые могли бы снабжать армию оружием и укреплять оборону страны¹. Теперь большевики должны сделать то, чего не удалось царю Петру, т. е. провести такую же индустриализацию, ориентированную на удовлетворение военных потребностей.

В 1931 г., когда такая индустриализация была в самом разгаре, а террор уже применялся для того, чтобы загонять крестьян в колхозы (что представлялось многим возрождением существовавшего в России крепостного права), Сталин в выступлении на совещании руководителей промышленности перечислил те поражения, которые матушка-Русь потерпела за всю свою историю от иностранцев, и провозгласил необходимость за десять лет догнать развитые страны в области обороноспособности, дабы избежать новых поражений в будущем.

В начале 30-х гг. Сталин считал, что он должен вести страну и партию через революционное строительство Советского русского государства, сравнимое по своему всемирно-историческому значению, с одной стороны, с Октябрьской революцией Ленина, с другой — с петровским революционным преобразованием страны сверху, но с одним отличием:

¹ См.: Правда. — 1928. — 24 нояб.

там, где Петр потерпел поражение, Сталин добьется успеха. Путем сверхбыстрой индустриализации, опирающейся на контролируемое государством коллективизированное сельское хозяйство, он сделает из России могущественную военно-промышленную державу, способную отстаивать свои интересы во враждебном международном окружении. Международная коммунистическая революция в свое время возобновится, но останется русоцентрической и примет форму распространения власти Советского государства на соседние страны. Товарищи по партии начали понимать, чего он добивается, только тогда, когда он стал проводить свою концепцию в жизнь в конце 20-х гг. За рубежом непонимание было еще более глубоким.

Результаты сталинской политики во многом оказались плачевными. В индустриализации страны были достигнуты заметные успехи, но в целом картина была безотрадной. Построение социализма штурмом в традициях принудительного русского государственного строительства на практике оказалось слишком дорогостоящим способом национального развития. Коллективизация крестьянства при помощи террора обернулась самым страшным в истории страны голодом, который сопровождался потерей примерно половины поголовья скота. Количество потерянных человеческих жизней не поддается сколько-нибудь точному подсчету.

Сам Сталин был убежден, что он был мозгом второй революции и заслуживал за это благодарности и признательности. Но многие другие члены Коммунистической партии возлагали на него вину за провал коллективизации. Они не испытывали внутренней потребности видеть в нем героя революционной истории. Многие высшие руководители и руководители на местах сознавали, что он несет личную ответственность за политику террора при проведении коллективизации. Вследствие этого в начале 30-х гг. в рядах партии возникли антисталинские настроения. Одним из многих проявлений этого стало Обращение, составленное в 1932 г. М. Н. Рютиным, секретарем районного комитета партии в Москве, который поддерживал правую оппозицию Сталину в конце 20-х гг.

Рютин выразил в своем Обращении суровое осуждение Сталина за его разрыв с ленинизмом, за установление личной диктатуры и проведение политики, поставившей страну на край пропасти. Авантюристические темпы коллективизации расстроили всю экономику, разорили народ и подорвали веру людей в социализм, говорилось в Обращении. Коллективизация с помощью террора, направленного

против середняцких и бедняцких масс, довела деревню до отчаянного положения. Уцелело едва ли больше 30% поголовья скота, имевшегося в 1927 г., а миллионы крестьян превратились в бродяг, ищущих пристанища в перенаселенных городах. В 1933 г. грозит голод. Дальше в Обращении говорится, что подлинный ленинизм становится запрещенным учением. На страну надет намордник. живая большевистская мысль задушена, печать превратилась в чудовищную фабрику лжи. Сталин и его клика узурпировали права партии и поощряют бесчестных и хитрых карьеристов, льстецов и холуев, всегда готовых переменить свои убеждения по приказу начальства. Самый смелый и гениальный провокатор не смог бы сделать больше для дискредитации ленинизма и социалистического строительства. Опасения Ленина в отношении Сталина полностью подтвердились. Он губит дело коммунизма, и с его руководством должно быть покончено как можно скорее¹.

Одним из читателей Обращения Рютина был Сталин. Он пришел в такую ярость, что ему показалось недостаточно арестовать Рютина и исключить из партии тех, с кем он обсуждал свое Обращение. Сталин потребовал от Политбюро санкционировать казнь Рютина как террориста. Среди полного молчания, воцарившегося на заседании Политбюро, заговорил Киров: «Нельзя этого делать. Рютин не пропащий человек, а заблуждающийся... Не поймут нас люди»². Сталин, вероятно, чувствуя, что большинство настроено против удовлетворения его требования, не стал настаивать, и пока Рютин отделался десятилетним тюремным заключением.

Активная оппозиция Рютина и других членов партии была не единственным фактором, с которым Сталину приходилось считаться. Многие, особенно старые большевики, отрицательно относились к тому обществу, которое начало возникать на месте нэпа в начале 30-х гг. Некоторые с трудом верили, а другие вовсе не поверили, что это общество и есть общество зарождающегося социализма. Они не смогли спокойно принять утверждение Сталина, сделанное в 1933 г., что социализм уже создан во всех сферах экономики. В то время, когда Сталин говорил это, значительная часть сельского населения голодала. Миллионы людей умирали, не выдерживая работы в лагерях принудительного труда, которые за годы пятилетки пополнились несметным числом заключен-

¹ См.: Юность. — 1988. — № 11.

² Волкогонов Д. Триумф и трагедия Сталина: Политический портрет. — М., 1990. — Кн. 1. — С. 86.

ных. Многие жители новых промышленных центров из-за нехватки нормального жилья ютились в холодных и темных домах барачного типа.

Основная часть большевиков старшего поколения, говоря о социализме, имела в виду вовсе не такое общество. В их представлении, социализм не сводился просто к индустриализации наряду с государственной собственностью и планированием или изгнанию капиталистических элементов из экономики. Многие из них полагали, что социализм будет означать улучшение условий жизни трудящихся, а не вопиющую бедность; что построение социализма не вызовет необходимости в массовом терроре против крестьян; что социализм принесет больше, а не меньше равенства; меньше, а не больше бюрократии; больше народной самодеятельности на тех началах, которые были намечены Лениным в его набросках «государства-коммуны», и что возрождение таких атрибутов прежнего царского режима, как каторга, паспортная система и барщина, никак не является составной частью социалистического строительства. Многие большевики, которые поддерживали Сталина в 20-е гг., были склонны разделять этот взгляд, точно так же как и многие из тех, кто встал на сторону Троцкого, Зиновьева, Шляпникова, Бухарина и др.

Зная, что большая часть его соратников-революционеров не может с легкостью примирить лишения и неравенства, окружающие их, со своими ценностями, характерными для социалистов марксовского или ленинского толка, Сталин пытался идеологически помочь им. Его ставленник Молотов объяснял на XVII всесоюзной партийной конференции в феврале 1932 г., что социализм не обязательно влечет за собой материальное изобилие. Необходимо, говорил советский премьер, дать отпор рассуждениям вроде того, что «социализм — производство ради потребления»; такая точка зрения является «одиозной и неправильной»¹. Эта «неправильная» идея, однако, была аксиомой для целого поколения русских социалистов.

Более молодые члены партии еще могли верить Сталину, когда он говорил об успехах в области строительства социализма; большая часть старшего поколения не могла. Их недоверие было ему, несомненно, хорошо известно из многих источников, среди прочего, и из донесений ОГПУ; и это не могло не вызывать его ярости и желания отомстить. Ведь это было косвенным признаком недоверия к нему само-

¹ XVII конференция ВКП (б). — М., 1932. — С. 148.

му как вождю, под руководством которого страна осуществляла пророчество Ленина: «Из России нэповской будет Россия социалистическая». И если этого превращения не происходило, то он уже не мог быть тем, чем, по его мнению, должен быть он, Сталин, в своих собственных глазах: строителем социализма.

Для Сталина было невозможно признать, что он погубил дело и что критика его руководства была хотя бы отчасти справедливой. Это было бы началом его краха, расставанием с самим собой — «идеальным Сталиным». Поскольку он не мог значительно снизить уровень притязаний своего идеального «я», он должен был заострить свое внимание на достижениях. Что же касается того, какой ценой давались эти достижения, он должен был либо считать потери неизбежными, либо относиться к ним так, как будто он не несет ответственность за них. Более того, он должен был рассматривать изменения, происходящие во время пятилетки, как равные Октябрьской революции по своим последствиям. Ленин, под чьим руководством совершилась Октябрьская революция, вызывал восхищение своей партии, которую он привел к этому триумфу. Сейчас он, Сталин, в свою очередь заслуживал восхищения. Многие, особенно простой народ, действительно воздавали ему дань — он мог видеть проявления этого в советской печати, в растущем внимании к его революционному прошлому. Но другие, и их было немало, видели все в черном свете. Вместо признания факта исторической победы они старались преуменьшить созидательные свершения. Вместо того чтобы приветствовать его гениальное руководство, они критиковали его и интриговали против него.

— Представляется, что таким образом Сталин оценивал положение в 1932—1933 гг. Он не мог усмотреть в своих действиях хоть что-нибудь, что дало бы повод для критики, и не мог не считать критиков и скептиков намеренными злопыхателями, которые пытаются сорвать революционное строительство социализма тем, что порочат его как руководителя и делают все возможное для того, чтобы его замысел рухнул. Он не мог не видеть в каждом таком Рютине контрреволюционера, замышляющего убийство, вредителя, врага народа, тем более опасного, что он скрывается под маской лояльности. Поскольку критическое отношение к нему было широко распространено, о чем Сталин, несомненно, знал из секретных донесений, он мог только заключить, что множество людей плетет заговоры с целью уничтожения как его самого, так и режима. Таким образом, он начал воображать себя предполагаемой жертвой большого контрреволюцион-

ного заговора, во главе которого стояли некоторые из старых большевиков и ответвления которого охватывали всю страну. Он уже вступал на путь, который вел к террору второй половины 30-х гг.

XVII съезд партии в январе — феврале 1934 г. укрепил его намерение вступить на путь террора. Несколько делегатов, собравшись в Москве перед началом съезда, решили, что настало время выполнить совет Ленина, содержащийся в его политическом завещании, и удалить Сталина с поста Генерального секретаря. Они обратились к Кирову, первому секретарю Ленинградского комитета партии, с предложением занять должность Генерального секретаря, но Киров отказался. Вскоре об этом узнал Сталин. Далее, в конце съезда, когда происходили выборы нового Центрального Комитета, значительное число делегатов вычеркнули в своих бюллетенях имя Сталина.

Ни попытка сговора накануне съезда, ни голоса, поданные против Сталина в конце его, не составляли угрозы для пребывания Сталина у власти. Но их было достаточно, чтобы он пришел в безмерную ярость. Восторженный прием, оказанный Кирову при произнесении им речи на съезде, тот факт, что некоторые старые большевики хотели видеть Кирова во главе партии, большое количество голосов, полученных им при выборах Центрального Комитета, — все это, с точки зрения Сталина, могло быть вменено в вину сторонникам Кирова и самому Кирову. Потрясение и гнев Сталина после того, как выяснилось унижительное для него обстоятельство, а именно большое количество голосов, поданных против него при выборах Центрального Комитета, должны были быть тем бóльшими, что было неизвестно, кто именно из 1225 делегатов подал их. Поэтому в сознании Сталина все они оказались под подозрением, и более тысячи делегатов съезда впоследствии стали жертвами террора.

Таким образом, XVII съезд партии привел к окончательному отчуждению Сталина от большевистской партии в том виде, в каком она существовала тогда. Сталин не только не добился подтверждения своей уверенности в том, что он занимает особое место в ряду чтимых партией вождей, а, напротив, стал более одиноким, жаждущим мести и опасным. Теперь он уверовал в то, что измена свила гнездо даже в самом высшем органе партии. Поэтому после съезда, считал он, необходимо не простое продолжение кампании чистки, которая шла в предшествующие месяцы, но чистка нового типа — как по размаху, так и по методам. Не бескровное изгнание из партии, как в прошлом, а применение

к исключенному репрессий как к предателю и врагу революции; не простое сокращение числа членов партии, но радикальное ее обновление как следующая большая задача. Целое поколение членов партии, которое не прошло испытания на верность, должно было уйти, уступив место новому поколению «настоящих большевиков», которые будут верить в революционный гений Сталина, преданно следовать за ним вне зависимости от того, куда он может повести их. Пусть ждановы, и молотовы, и берии, которые могут быть его преданными сторонниками и восторженными учениками, станут новой когортой вождей партии, обновленной так, чтобы соответствовать идеалу Сталина. Пусть появится партия, преклоняющаяся перед Лениным — Сталиным.

Для Сталина было естественным считать, что событием, которое развяжет наступление террора, может быть убийство. Советская история содержала эпизод, который навел на подобные размышления и который врезался в память сталинского поколения: события 30 августа 1918 г., когда эсеры убили главу Петроградской ЧК М. С. Урицкого и пытались убить Ленина в Москве. После этого резко активизировался красный террор. Таким образом, существовал прецедент для того, чтобы начать цикл государственного террора в ответ на убийство видного большевика (в Ленинграде) и попытку убийства верховного вождя (в Москве).

На мой взгляд, Сталин несет ответственность за убийство Кирова. Следует согласиться с выводом, который сделал по этому поводу Хрущев: «Конечно, не Сталин лично поручил Николаеву. Для этого Николаев слишком мал. Но что по поручению Сталина кто-то его подготовил, у меня нет сомнения. Это убийство было организовано сверху. Я считаю, что оно было организовано Ягодой, который мог действовать только по секретному поручению Сталина, полученному... с глаза на глаз»¹.

С начала 1935 г. и до лета 1936 г. метла чистки прошла по советскому обществу, затронув различные слои. Множество людей, в том числе исключенные члены партии, были арестованы и отправлены в лагеря или сосланы. Хотя репрессии нашли отражение в печати, они шли с наименее возможной шумихой. Исключения из партии проводились под лозунгом «проверки партийных документов». Потом последовал «обмен партийных билетов». За очень небольшими исключениями, ведущие деятели режима, как в Москве, так и в провинции, оказались мало задеты. Это был период

¹ Хрущев Н. С. Воспоминания // Огонек. — 1989. — № 28. — С. 30.

тихого террора. Затем, после главных московских сфабрикованных процессов в августе 1936 г. и в январе 1937 г., на которых обвиняемые сознались, что были руководителями (несуществующего) большого заговора, ставящего целью свержение советского режима, Сталин развязал террор в полную силу. Подчинив Центральный Комитет, поставив во главе НКВД Ежова и его людей, расстреляв (в июне 1937 г.) многих военачальников, отладив репрессивную машину, запасясь во многих случаях материалами на людей, которые должны были стать жертвами, и внедрив в сознание народа с помощью сфабрикованных судебных процессов представление о существовании обширного противогосударственного заговора, Сталин начал осуществление своего проекта радикального переустройства советской политической об-
щины.

Огненный смерч репрессий пронесся по средним и высшим слоям общества, начиная с марта — апреля 1937 г., и утих не ранее 1939 г. Точное количество жертв все еще является предметом для полемики среди осведомленных советских историков. Достаточно сказать, что ни одна страна не переживала такого ожесточенного государственного террора, как Советский Союз, что арестованные и приговоренные к смерти или заключенные в концлагеря исчислялись миллионами, что горе и трудности, перенесенные их родными и близкими, не поддаются никакому измерению. Столь же велик был моральный, духовный, экономический, военный и культурный ущерб, причиненный Советскому государству.

В разгар террора Сталин продолжал оставаться в тени. После его выступлений на февральско-мартовском пленуме Центрального Комитета в 1937 г. он не произносил больших речей в течение двух лет. Всего лишь два раза в 1937 г. и один раз в 1938 г. он высказывался публично и в этих случаях едва затрагивал вопрос о терроре. Тем самым он старался создать у народа представление о том, что террор — дело не его рук и что те, кто ответствен за него, могут даже не ставить Сталина в известность о нем.

За сценой, однако, он был главным режиссером террора. Его кабинет в Кремле являлся командным пунктом. Те, кто на публике играли видную роль, например Вышинский и Ульрих, были его марионетками. Ежов, чье имя стало синонимом эпохи («ежовщина»), все это время оставался послушным исполнителем. Каждый день он являлся к Сталину с толстой пачкой бумаг и совещался с ним в течение трех или четырех часов, получая приказы. Он приносил Сталину на одобрение списки будущих жертв, где были указаны и предполагаемые приговоры. В 1937—1938 гг. Сталин одобрил

383 таких списка, включавшие имена 44 000 деятелей партии, правительства, комсомола, военных, хозяйственников и деятелей культуры. В основном это были люди настолько известные, что Сталин знал их или мог иметь о них представление. Решения относительно жертв более низкого ранга принимали другие. То, что человек будет признан виновным, часто заочно, подразумевалось само собой.

Сталин активно контролировал процесс террора, руководил подготовкой трех больших московских процессов, по своей собственной инициативе отдавал приказы об арестах, занимался изучением подробностей текущих допросов, уточнял в отдельных случаях, какие именно пытки необходимо применить к тем или иным арестованным, делал выговоры работникам НКВД, если они не сумели вырвать необходимое признание вины, и даже устраивал очные ставки в своем кабинете между видными руководителями и теми, кого удалось с помощью пыток заставить давать против них показания. Он лично вмешался для того, чтобы обеспечить бойню в вооруженных силах, начавшуюся с истребления группы Тухачевского. Для этого он выступил на секретном совещании политработников вооруженных сил в августе 1937 г. и потребовал уничтожения врагов, которые якобы обнаружались среди военных. Когда один из участников совещания спросил: «Можем ли мы говорить полным голосом о врагах народа?», Сталин ответил: «На весь мир... Обязательно должны...»¹. После этого Ворошилов и Ежов издали приказ, гласивший, что в вооруженных силах существует разветвленная шпионская организация, и требовавший изобличения подозреваемых. Затем, в конце 1937 г., НКВД провел массовые репрессии в Красной Армии.

Как Сталин смог навязать свою волю и свою политику террора нации в 165 миллионов человек? Помогли ему в этом и исторически сложившаяся пассивность народа перед лицом государственной власти, и дисциплинированность, присущая партии. Большую роль сыграли и тщательное планирование и организация этого поэтапного заговора сверху, наряду с превращением органов безопасности в новую опрочнину. Еще один фактор — это непонимание многими большевиками того, что и почему происходит. Мысли и побуждения Сталина, а следовательно, и его действия были тайной за семью печатями даже для высокопоставленных деятелей. Не понимая его, они не могли понять значения проводимого

¹ Петров Ю. П. Партийное строительство в Советской Армии и Флоте. — М., 1964. — С. 300.

им террора. Это непонимание было ему на руку. Следует отметить необыкновенную хитрость и лицемерие, высказанные Сталиным в его подходе к тем людям, которых он уже обрек на уничтожение. Так, он дружески беседовал с маршалом Блюхером за несколько дней до ареста этого военачальника. А. Серебровский, заместитель наркома тяжелой промышленности, был арестован в госпитале через два дня после того, как Сталин позвонил его жене, выразил свое беспокойство тем, что она ходит пешком, и сказал, что предоставляет в ее распоряжение машину из кремлевского гаража¹.

Даже с учетом всего этого Сталин не смог бы провести чудовищные массовые репрессии 1937—1938 гг. без целой армии активных помощников, начиная с членов Политбюро и других высших чиновников и кончая тысячами следователей НКВД в тюрьмах по всей стране, надзирателей и конвоиров, охранявших стремительно растущее население лагерей, личного состава секретных отделов НКВД в советских учреждениях, осведомителей во всех слоях общества, журналистов, которые обрушивались на «врагов народа», и рядовых членов партии и «непартийных большевиков», которые писали доносы. Как он сумел мобилизовать эту армию? Отчасти ответ заключается в том, что он принуждал всех, кто входил в его окружение или занимал высокие административные должности, становиться его сообщниками по осуществлению террора. Тех, кого он не мог заставить или опасался, что не сможет, он уничтожал. Например, Рудзутак, кандидат в члены Политбюро и член ЦК, был арестован в мае 1937 г. на своей даче под Москвой в присутствии гостивших у него друзей, а затем казнен. К этому времени Сталин уже просто не обращал внимания на то, что для ареста члена Центрального Комитета была необходима санкция его пленума. Те, кто выжил, сделали это ценой превращения в активных сообщников Сталина.

Организованный Сталиным террор 1935—1939 гг. нанес катастрофический урон обществу, экономике, культуре, военному потенциалу и общему благосостоянию. Сталин стал непогрешимым объектом культа, а все осужденные — врагами народа. Догмой являлись сталинская разновидность марксизма и его представление о системе, сформировавшейся в 30-х гг., как об истинно социалистической, а также его взгляды на какой бы то ни было предмет, как только они предавались гласности. До самого конца его жизни и

¹ См.: Medvedev R. A. *Zet History judge: The Origins and Consequences of Stalinism*. — New York, 1989. — P. 291.

несколько лет после его смерти громадное расхождение между блистательным Сталиным, существовавшим в его собственном воображении, и исторически реальным Сталиным оставалось тайной для всех, кроме нескольких человек.

Утверждается, что психологически ненормальных политических лидеров в конечном итоге постигает неудача и затем они терпят поражение. Сталин был одним из наиболее заметных исключений в истории. Его несколько раз постигали неудачи, но он не потерпел поражения. Поражение потерпели его партия, государство и общество. В этом разрушительном и немыслимо трагическом случае лидер сумел страшной ценой навязать свой искаженный взгляд на себя и на мир, свою систему убеждений руководимому им обществу. Пострадал не он, а его страна.

Организованный в стране террор сделал свое дело, но имел один, очевидно, неожиданный результат. Этой, казалось бы, успешной попыткой создать общество верных Сталин вызвал к жизни общество конформистов. Люди могли носить маски его сторонников, но он знал, что некоторые относились к нему критически или в глубине души ненавидели его. Не все из тех, кто расписывался в своей преданности ему и поддержке его политики, говорили то, что думали на самом деле. Одним словом, многие были двуличны, но выяснить точно, кто же именно, было нелегко. Поэтому в глазах этого гонителя двурушников практически каждый советский гражданин и уж, конечно, каждый крупный чин являлся возможным двурушником. В то время как двурушники, строящие заговоры, были в значительной мере плодом воображения Сталина в 20-е гг., двурушники, не плетущие заговоров, вовсе не были редкостью в 30-е гг. Таким образом, как ни парадоксально, Сталин укреплял то явление, которое так угнетало его. Ощущение этого делало его угрюмым и глубоко опасным. До конца жизни он не мог время от времени удержаться от настойчивого желания срывать маски с лиц заговорщиков-двурушников.

Волна арестов схлынула в начале 1939 г. Берия, ставший после съезда, проходившего в марте 1939 г., кандидатом в члены Политбюро, заявил на одном из его заседаний, что надо арестовывать меньше людей, иначе в скором времени арестовывать будет некого. Несколько тысяч арестованных в ходе террора были затем освобождены из заключения. Очевидно, Сталин хотел заставить народ поверить, что уже поверженный Ежов был главным организатором террора. Это уловка имела определенный успех. Перед лицом своей страшной судьбы многие из находившихся в заключении верили в то, что фашисты, осуществляя свой антисоветский

заговор, захватили НКВД. И сейчас Ежов выглядел как один из этих фашистов. Женщина ученая Ц. Л. Янковская, выпущенная из тюрьмы в начале 1939 г., немедленно написала в правительство письмо, где говорилось: «Поверьте мне, все сто человек в моей камере невиновны, фашисты пробрались в НКВД».

Не только Янковская верила в легенду, что фашисты пробрались в НКВД. Были и другие коммунисты, заключенные в лагерях, которые разделяли этот взгляд. Они знали, что верные коммунисты, такие же, как они сами, уничтожаются в большом числе. Поскольку они также знали, что эти люди не виновны в преступлениях, в которых их принуждают сознаваться, должно было быть какое-то другое объяснение происходящему. Они знали, что фашистские режимы преследуют коммунистов, посылают их в концентрационные лагеря, а отсюда естественным выводом была «фашистская теория» большого террора.

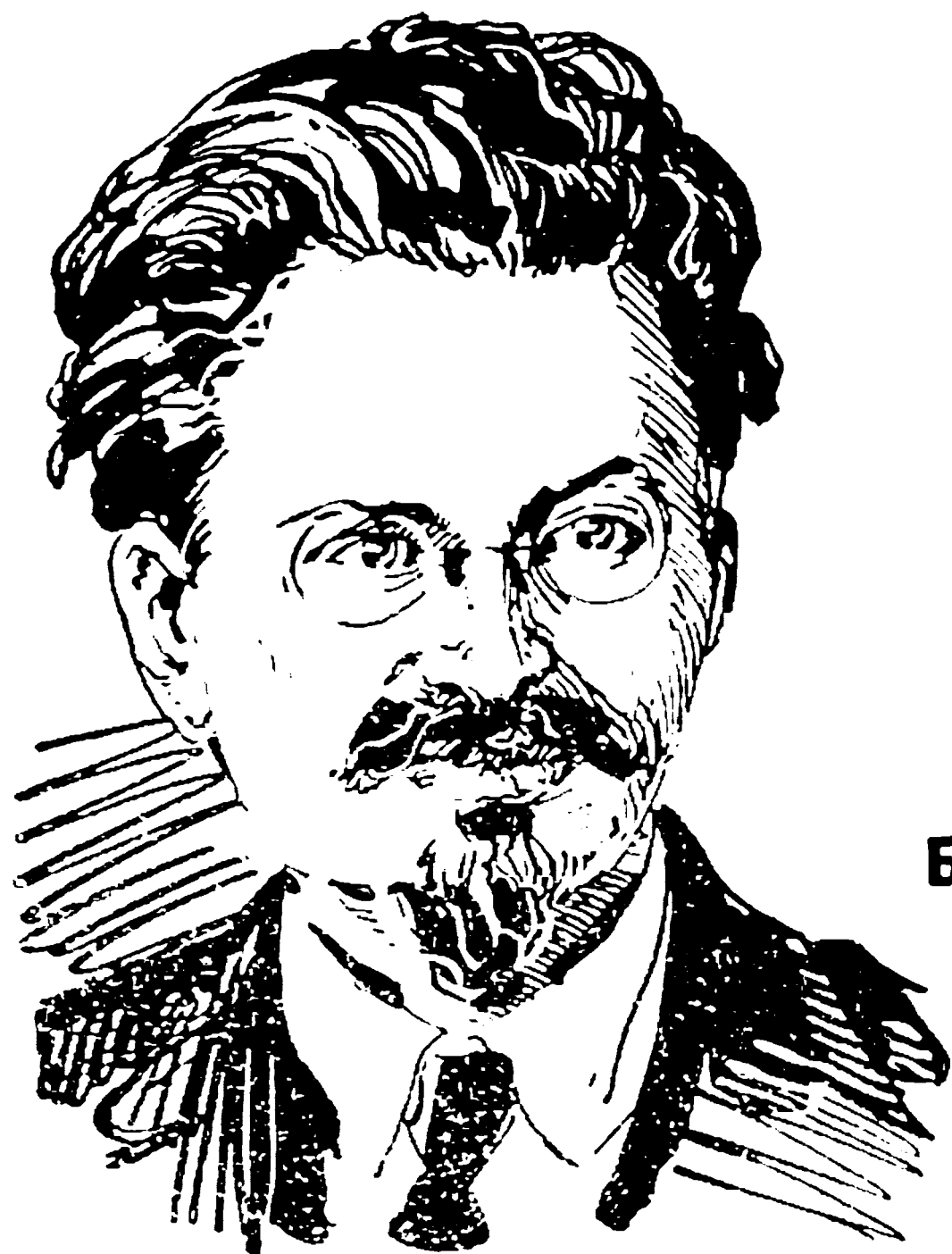
В послевоенный период основной тенденцией внутренней политики Сталина был консерватизм, восстановление системы, которая сложилась за время революции сверху, осуществленной в 30-х гг. Пример такого консерватизма — сокращение личных садовых участков, которые крестьянам разрешалось расширять во время войны для улучшения снабжения продовольствием. Эта попытка Сталина вернуть время вспять к 30-м гг. повлекла за собой повторение, в несколько смягченном виде, событий предшествующего десятилетия.

В своей большой послевоенной политической речи 9 февраля 1946 г. Сталин выдвинул в качестве гарантии от всех «случайностей», т. е. прежде всего возможной в будущем новой войны, серию новых пятилетних планов, которые должен был осуществить Советский Союз.

Это означало возвращение к довоенной политике приоритетного развития тяжелой промышленности, а не производству потребительских товаров. Происходила маленькая новая коллективизация в виде уже упомянутого выше решения сократить размеры садовых участков, находящихся в личном пользовании крестьян. Более того, в последний период жизни диктатора становилось все более ясным, что он готовит нечто вроде повторения террора 30-х гг. Должен был состояться судебный процесс советских медиков-евреев, обвиненных в участии в мифическом международном англо-американо-еврейском заговоре против советских вождей, а также, вне всякого сомнения, и другие процессы. Они должны были обеспечить драматическую обстановку, необходимую для прикрытия и оправдания новой чистки, т. е. сыграть

ту же роль, какую сфабрикованные процессы старых большевиков, правых и левых, сыграли во время первого опыта революции сверху.

Однако раньше, чем начался первый из этих процессов, Сталин заболел. Он умер в начале марта 1953 г., и вместе с ним ушел целый период в истории Советского Союза и всего мира. Умер и патологический сталинизм. Но огромная система централизованного бюрократического управления, которую он выстроил, должна была просуществовать еще много лет после его смерти, и его страна даже сейчас стоит перед проблемой ликвидации наследий сталинского режима.

Н. А. Васецкий

**Л. Д. ТРОЦКИЙ:
«НИКТО ИЗ НАС НЕ ИМЕЕТ
БЕЗУПРЕЧНОЙ И БЕЗГРЕШНОЙ
БИОГРАФИИ»**

Судьба Троцкого многогранна и не укладывается в рамки любого исследования. Всегда будет гораздо больше вопросов, чем ответов на них. Троцкий очень не похож на остальных деятелей революционного движения конца XIX — первых десятилетий XX в. по природе как своего характера, степени участия, так и того следа, какой оставил в этом движении. Но в одном он сближается со всеми: они были и остались людьми своего времени.

Л. Д. Троцкий (псевдоним Бронштейна Лейбы Давидовича) родился 25 октября (7 ноября) 1879 г. в семье земельного арендатора в сельце Яновка Херсонской губернии. У него были старшие брат и сестра, а также младшая сестра Ольга, ставшая затем женой председателя Моссовета Л. Б. Каменева. Она прожила дольше всех. Осенью 1941 г. при отступлении Красной Армии была расстреляна вместе с бывшим лидером левых эсеров Марией Спиридоновой в Орловском центре.

В начале жизненного пути Троцкому не доставляли хлопот ни материальные трудности, ни такое обстоятельство, как еврейское происхождение. На юге Украины этим трудно было кого-нибудь удивить. К тому же весьма умно повел себя отец Троцкого. Он не стремился замкнуть своих детей в узком местечковом мирке, столь блистательно описанном Шолом-Алейхемом. Будучи человеком весьма предприимчивым, сделал все зависевшее от него, чтобы дать детям возможность получить светское, подобавшее их положению образование.

Отец устроил Троцкого в весьма заметное для тех мест учебное заведение — Одесское реальное училище им. Св. Павла. Мальчик резко выделялся среди своих сверстников умом, красноречием, рано проявившейся в нем потребностью и умением обращать на себя внимание окружающих, желанием нравиться. Он очень скоро становится лидером группки молодых людей, искавших выход переполнявшему их стремлению к активной деятельности «на благо общества». Этим во многом был предопределен выбор Троцким своей дальнейшей деятельности. Переехав в Николаев, он создал Южно-русский рабочий союз, став одним из его руководителей.

Быть членом полулегальной организации и тем более одним из ее лидеров, безусловно, льстило самолюбию Троцкого, придавало ему особый вес, может быть, даже не столько в собственных глазах, сколько во мнении о нем окружающих. Именно эти качества выделял в Троцком близко знавший его по годам учебы и общения в Николаеве будущий профессор медицины Г. А. Зив. По его мнению, индивидуальность Троцкого выражалась не в познании и не в чувстве, а в воле: «Активно проявить свою волю, возвыситься надо всем, быть всюду и всегда первым — это всегда составляло основную сущность личности Бронштейна; остальные стороны его психологии были только служебными надстройками и пристройками»¹.

Члены Южно-русского рабочего союза занимались главным образом просветительством. Они выпускали на гектографе 200—300 экземпляров газеты «Наше дело», где в меру юношеских потребностей бузили против городских властей и некоторых состоятельных предпринимателей. Вспоминая эти годы, Троцкий писал: «Вопросы тактики мы решали на ощупь. Южно-русский союз имел наполовину характер политической партии. Влияние союза росло быстрее, чем формирование ядра вполне сознательных революционеров. Наиболее активные рабочие говорили нам: насчет царя и революции пока поосторожнее. После такого предупреждения мы делали шаг назад, на экономические позиции, а потом сдвигались на более революционную линию. Тактические наши воззрения, повторяю, были очень смутны»².

В январе 1898 г. Союз был разгромлен. Троцкий и другие его руководители оказались в Одесской тюрьме. Началось следствие, в ходе которого, как считает арестованный по

¹ Зив Г. А. Троцкий: Характеристика (по личным воспоминаниям). — Нью-Йорк, 1921. — С. 12.

² Невский В. И. Южно-русский рабочий союз. — М., 1922. — С. 24.

тому же делу Зив, Троцкий всячески выгораживал себя, давал ложные показания на других. С Одесской тюрьмой связан выбор им псевдонима. Под фамилией Троцкий в тюрьме служил старший надзиратель. На 19-летнего юношу неизгладимое впечатление произвели величественная фигура надзирателя, властность, умение подчинять себе окружающих и держать, что называется, в ежовых рукавицах не только арестованных, но и всю администрацию тюрьмы. Как бы в отместку надзирателю за его диктаторские замашки Троцкий и взял его фамилию своим псевдонимом, не без тайной мысли доказать, что фамилия матерого защитника самодержавия может послужить и революции.

Следствие длилось около двух лет. Во время его Троцкий стал всерьез заниматься литературной деятельностью. Он попытался написать статью о масонстве с точки зрения материалистического понимания истории. К этому же времени относится и случившийся с Троцким приступ. Присутствовавший при этом Зив вспоминал, что такие обмороки с Троцким происходили и впоследствии. Находясь в Нью-Йорке в 1911 г., Зив узнал от известного социал-демократа Л. Г. Дейча, также близко знавшего Троцкого по эмиграции, что эти припадки имели эпилептический характер. Об одном из таких обмороков, случившемся с ним в самый неподходящий момент — в ночь с 24 на 25 октября 1917 г., он рассказал в автобиографической книге «Моя жизнь».

Суд приговорил Троцкого к четырем годам ссылки в Восточную Сибирь. По пути к месту ссылки Троцкий близко сошелся с симпатизировавшей ему еще в Николаеве А. Л. Соколовской. Она была почти на семь лет старше Троцкого, и, естественно, его родители всячески возражали против этого брака. Однако Троцкий настоял на своем. Бракосочетание состоялось в пересыльной тюрьме Бутырки, в знаменитой Пугачевой башне, в присутствии раввина.

Пробыв в ссылке в общей сложности около года, Троцкий, оставив жену и двух маленьких дочерей, бежал за границу. В 1902 г. ненастным осенним утром он появился в Лондоне на квартире Ленина.

Троцкого встретили весьма приветливо. Ленину импонировали резкость его суждений, стремление отстаивать свое мнение. К тому же Троцкий энергично выполнял любые ленинские поручения. 2 марта 1903 г. Ленин в письме к Г. В. Плеханову предложил кооптировать Троцкого в члены редакции «Искры». Он дает очень лестную характеристику Троцкому: «Человек, несомненно, с недюжинными способностями, убежденный, энергичный, который пойдет еще впе-

ред. И в области переводов и популярной литературы он сумеет сделать не мало»¹.

Ленину не удалось убедить Плеханова. По словам Н. К. Крупской, Плеханов «сразу взял Троцкого под подозрение». Истоки его недоверия Крупская, а впоследствии и сам Троцкий объясняли опасениями усиления молодой части «Искры» (Ленина, Мартова и Потресова) в ущерб «старой», возглавлявшейся Плехановым. Он демонстративно отверг направляемые ему Лениным статьи Троцкого. «Перо вашего «Пера» (еще один из псевдонимов Троцкого.— Н. В.) мне не нравится»,— отмечал Плеханов. Недоброжелательное отношение к Троцкому он сохранил до конца жизни.

Как делегат от Сибирского социал-демократического союза Троцкий принял участие в работе II съезда РСДРП, где произошел раскол на большевиков и меньшевиков. В начале съезда Троцкий выступил решительным сторонником Ленина, активно отстаивал ленинскую позицию против сепаратистских претензий Бунда², за что был назван «ленинской дубинкой». Но при обсуждении Программы и Устава партии Троцкий перешел на сторону Мартова, возглавлявшего меньшевистское крыло РСДРП.

Естественно, дальнейшее сотрудничество Ленина с Троцким стало невозможным. От симпатий Ильича к Троцкому не осталось и следа. Их дороги разошлись, и надолго. «Второй съезд вошел в мою жизнь большой вехой,— писал Троцкий,— хотя бы уже по одному тому, что развел меня с Лениным на ряд лет»³.

В 1904 г. в Женеве Троцкий выпустил свою первую книжку «Наши политические задачи (тактические и организационные вопросы)», которую он посвятил своему «дорогому учителю» П. Б. Аксельроду. Цель этой книги, по словам самого Троцкого, состояла в том, чтобы оспорить значение ленинских работ «Что делать?» и «Шаг вперед, два шага назад».

Вскоре Троцкого перестало многое устраивать и в деятельности меньшевиков. Не соглашаясь с большевиками в принципах строительства партии, оценке роли в революции крестьянства, он тянулся к проповедовавшимся ими решительным формам борьбы. Вернувшись в начале 1905 г. в

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 46.— С. 277.

² Бунд — Всеобщий еврейский рабочий союз, действовавший в Польше, Литве и России.

³ Троцкий Л. Д. Моя жизнь.— Берлин, 1930.— Т. 1.— С. 190.

Россию, Троцкий оказался между двумя стульями. «Организационно, — писал он, — я не входил ни в одну из фракций»¹

* * *

*

В Петербурге Троцкий появился в разгар октябрьской стачки 1905 г. 13 октября состоялось учредительное заседание Петербургского Совета рабочих депутатов. Под фамилией Яновского Троцкий становится заместителем председателя Совета Г. С. Хрусталева-Носаря.

52 дня Совет возглавлял рабочие массы столицы, и все это время Троцкий находился в гуще событий. Он писал многочисленные воззвания, манифесты и резолюции Совета, передовые статьи его органа — газеты «Известия», тираж которого достигал 35—60 тыс. экземпляров, вел переговоры с властями. Сам премьер-министр России С. Ю. Витте вынужден был обращаться к руководству Совета, о чем не без гордости вспоминал Троцкий. «Граф Витте очень занят и только что отказал в приеме двум генералам, но он беспрекословно принимает депутацию Совета»². Совет решал важнейшие вопросы переживаемого момента о всеобщей стачке, 8-часовом рабочем дне, проведении в жизнь свободы слова, собраний и демонстраций, неприкосновенности личности. Все это было обещано властями под давлением октябрьской забастовки трудящихся столицы.

После ареста Хрусталева на общем собрании Совета 27 ноября в присутствии 302 депутатов был избран временный президиум исполкома из трех человек. В их числе оказался Троцкий, который стал фактическим председателем Совета. Однако уже 3 декабря прямо на заседании исполком Совета во главе с председательствовавшим Троцким был арестован жандармами.

В сентябре 1906 г. в разгар военно-полевых судов над участниками революции в Петербурге начался процесс по делу о бывшем Совете. Он длился почти два месяца. Было вызвано более 400 свидетелей, стенографический отчет о процессе составил несколько десятков томов. Приговор суда для Троцкого — опять ссылка в Сибирь, в Обдорск, но на этот раз не на четыре года, как в первый раз, а на «вечное поселение». По пути следования к месту назначения Троцкому удалось бежать из городка Березова, известного как место ссылки сподвижника Петра I — светлейшего князя Меншикова. В 1907 г. Троцкий уже присутствовал на

¹ Троцкий Л. Д. Моя жизнь. — Берлин, 1930. — Т. 1. — С. 197.

² Троцкий Л. Д. 1905. — М., 1922. — С. 125.

V (Лондонском) съезде РСДРП как нефракционный социал-демократ. Так для Троцкого лично закончилась первая русская революция.

* *

*

Эмиграция продолжалась долгое и тягостное десятилетие. У Троцкого это были, пожалуй, наименее удачные годы во всей его жизни. Фактически они свелись к длительной «войне» против Ленина и большевистской партийности.

С ноября 1908 г. по апрель 1912 г. Троцкий и группа его сторонников в Вене издавали небольшим тиражом (около 1—2 тыс. экземпляров) газету «Правда» — орган нефракционных социал-демократов. Она превратилась в издание, проповедовавшее принципы, господствовавшие в реформистских партиях Западной Европы.

Разоблачая политику ликвидаторов, с которыми блокировались троцкисты, Ленин в 1911 г. писал: «Троцкий и подобные ему «троцкисты и соглашатели» вреднее всякого ликвидатора, ибо убежденные ликвидаторы прямо излагают свои взгляды, и рабочим легко разобрать их ошибочность, а гг. Троцкие *обманывают* рабочих, *прикрывают* зло, делают невозможным разоблачение его и излечение от него. Всякий, кто поддерживает группку Троцкого, поддерживает политику лжи и обмана рабочих, политику прикрывания ликвидаторства. Полная свобода действий для г. Потресова (лидер ликвидаторов.— Н. В.) и К° в России, прикрывание их дел «революционной» фразой за границей — вот суть политики «троцкизма»¹.

В этой эмиграции проявилась и еще одна особенность в деятельности Троцкого. В 1922 г. в Париже на русском языке вышла книга одного из бывших руководителей царской охраны генерала А. И. Спиридовича «История большевизма в России». В ней на странице 252 читаем: «Бронштейн-Троцкий прекратил печатание своей «Правды». Состоя на службе у австрийской полиции, он занимался другим делом, которое питало его».

Сказано круто. Но эффект заявления мог быть еще больше, если бы не источник информации, которым пользовался Спиридович: статья В. Л. Бурцева в журнале «Общее дело» за 22 июня 1921 г. Бурцев писал: «Троцкий, в особенности в начале своей предательской карьеры, был совсем мелким полицейским агентом... В Вену Троцкий прибыл в феврале 1911 года. Дела его в то время были совершенно

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 20.— С. 320.

плохи. Он занимал с женою маленькую комнатку и жил впроголодь. В то время Троцкий через немца Брандта, владельца книжного магазина «Либрэри де Пепль», агента австрийской политической полиции, сошелся с заведовавшим в то время полицией неким Шлеймером. Этот Шлеймер ангажировал нынешнего главковерха красной армии к себе на службу за 300 крон в месяц».

Многое неточно в статье Бурцева: дата прибытия Троцкого в Вену, условия жизни и быта, легкость, с какой Троцкий принял предложение о сотрудничестве. Такое впечатление, что написано это было с одной целью — показать, какие ничтожества после октября 1917 г. прорвались к власти в России. Тем более что статья Бурцева называлась «Ленин и Троцкий — австро-германские агенты». Может быть, так и следовало отнестись к этой публикации: не первая и не последняя в длинном ряду антибольшевистских фальшивок. Если бы не одно обстоятельство.

В коллекции Центрального Государственного архива Октябрьской революции, где хранятся материалы Бурцева, есть документ: «Справка 19 октября 1916 года. Бронштейн-Троцкий был агентом Австрии под руководством Раковского, начальника австрийского шпионажа на Балканах». И еще один документ: «Лозанна. Подлинным письмом венской полиции лейтенант Элейшкери подтверждает, что Лев Давидов Бронштейн, известный как Троцкий, служил в австрийской политической полиции. Представлено было начальником внешнего наблюдения заграничной агентуры Департамента полиции Анри Багио директору департамента полиции в Петрограде и освещено в делопроизводстве Департамента за 1916 год»¹.

Это уже серьезно. В царской охранке слежка за политическими была поставлена превосходно. Не зря, скажем, после гражданской войны и исхода из России миллионов дворян, интеллигентов, служилых людей именно работники охранки и департамента полиции России составили костяк антикоммунистической службы в Германии, Франции, Австрии, Югославии, да мало ли где еще! Скорее всего, генерал Спиридович мог знать о цитированных выше документах, если так легко согласился с заявлением Бурцева. Возможно, этот факт дал основания писателю В. Пикулю в романе «Честь имею» высказать предположение о том, что в 1912—1913 гг. на Балканах Троцкий находился не просто в качестве военного корреспондента «Киевской мысли», но

¹ ЦГАОР СССР.— Ф. 9430.— Оп. 1.— Д. 530.

и по поручению той инстанции, которая пользовалась его услугами в венской полиции.

В этом убеждает сообщенный самим Троцким в «Моей жизни» факт его вместе с В. Адлером визита к руководителю венской политической полиции — Гейеру. Обеспокоенный с началом мировой войны разгулом австрийского шовинизма, Троцкий обратился к полицейскому шефу за советом: что ему делать, оставаться в Вене или покинуть ее? Ответ Гейера был категоричен: уехать и немедленно. Показательно и другое. Когда осенью 1916 г. французское правительство приняло решение о депортации Троцкого из Парижа, главным доводом послужило предъявление ему обвинения в ведении прогерманской пропаганды. Кто-то скажет, мол, и Ленина обвиняли в том же, называя «германским шпионом». Да, но, по крайней мере, пока ни одного документа в пользу такого мнения не найдено и не опубликовано. А вот что касается Троцкого, то таких свидетельств было предостаточно. Они имеются и в период его деятельности в США. Вот, например, одно из них:

«Исполнительному комитету Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

В дополнение к донесению от 19 декабря 1916 г. (1 января 1917 г.) за № 1259.

Имею честь доложить Вашему Превосходительству, что по сведениям, полученным от сотрудника, Лев Давидович Бронштейн (Троцкий) с семьей прибыл в Нью-Йорк. Большинство русских и еврейских социалистов г. Нью-Йорка устроило ему грандиозную встречу. Пришли для чествования его делегации также из других городов. Издающаяся в Париже газета «Начало» ждет получения денег из Америки, сбор этот будет производиться Бронштейном (Троцким)»¹.

Троцкий действительно, прибыв в Америку, оказался связанным с сионистскими кругами. В Европе, как известно, в то время их центром была Вена. Трудно себе даже представить, чтобы политическая полиция Австрии работала разобщенно с этими кругами. Тут всегда было полное взаимопонимание и взаимодоверие. Если учесть, что и в России через банкира Рубинштейна сионисты имели выход на Распутина, а значит и царское семейство, то цитированные выше документы австрийской и российской политических полиций обретают весьма основательный смысл.

Троцкого «пасли» и в самих США, следя за каждым его шагом, а может быть, и направляя эти шаги, о чем, кстати,

¹ ЦГАОР СССР.— Ф. 1235.— Оп. 93.— Д. 20.— Л. 86 об.

он косвенно догадывался, сотрудничая в органе еврейской социалистической федерации газете «Форвертс».

Как только стало известно об отъезде Троцкого из США, тут же в Россию пошла депеша:

«Штамп: Главное управление Генерального Штаба. Отдел Генерал-квартирмейстера. Особое делопроизводство. 30 марта 1917 г. № 8436. Петроград.

Копия
Конфиденциально. Исполнительному Комитету Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. Министерство Внутренних Дел.

Наш военный агент в Северо-Американских Соединенных Штатах телеграфирует Главному управлению Генерального Штаба:

14 сего марта из Нью-Йорка отбыл в Россию на пароходе «Христианиаффорд» Лев Троцкий. По сообщениям английской разведки, Троцкий стоял во главе социалистической пропаганды в Америке в пользу мира, оплачиваемой немцами и лицами, им сочувствующими.

Главное управление Генерального Штаба изложенные сведения о Льве Троцком сообщает. Независящие [неясно] распоряжение Министерства внутренних дел.

Подпись: и. д. генерал-квартирмейстера

Генерал-майор Зенкевич

За делопроизводителя, полковник, князь Туркестанов»¹.

Эти документы, конечно, нуждаются в дополнительном изучении. Но даже в таком виде они являются серьезным аргументом против Троцкого, опровергнуть который он так и не смог.

* *

*

В мае 1917 г. Троцкий вернулся в Россию. В июле стал членом РСДРП (б), вступив в партию на VI съезде в составе Межрайонной организации РСДРП. В сентябре он уже председатель Петроградского Совета, куда его выдвинул Каменев.

Как председатель Петроградского Совета Троцкий немало сделал для того, чтобы воспрепятствовать попыткам меньшевиков и эсеров сорвать проведение II съезда Советов. По решению ЦИК съезд был назначен на 20-е, а затем перенесен на 25 октября.

¹ ЦГАОР СССР.— Ф. 1235.— Оп. 93.— Д. 201.— Л. 86 об.

Есть вклад Троцкого в создание и деятельность Военно-революционного комитета при Петроградском Совете. Троцкий отредактировал подготовленный комиссией во главе с левым эсером Лазимиром проект Положения о ВРК. Он способствовал деятельности комитета по вооружению рабочих, установлению его контроля за печатью, выдачей оружия и боеприпасов, за Петропавловской крепостью и другими военными объектами, направлением комиссаров во все воинские подразделения и др.

10 октября на заседании ЦК РСДРП(б) Троцкий голосовал в числе других 10 членов ЦК за предложение Ленина о проведении восстания. На состоявшемся 16 октября расширенном заседании ЦК с участием других руководящих органов большевистской партии, где вновь обсуждался вопрос о восстании, Троцкий отсутствовал. И виновато здесь не просто стечение обстоятельств (в то же время на заседании Петроградского Совета принималось Положение о ВРК). Причины были гораздо глубже.

Троцкий немало критиковал многих членов ЦК и прежде всего Зиновьева и Каменева за их парламентские иллюзии, хотя сам отдал этим иллюзиям большую дань. И дело не только в том, что до самого штурма Зимнего дворца Троцкий публично заявлял, что ВРК был создан не как орган восстания, а лишь как комитет по защите революции. Этими заявлениями он не только вводил в заблуждение Временное правительство, но и выражал определенную позицию: вопрос о власти неизменно связывался им со съездом Советов.

В 1925 г. в книге «О Ленине» Троцкий писал: «В Центральном комитете определились три группировки: противники захвата власти, оказавшиеся вынужденными логикой положения отказаться от лозунга «власть Советам» (прежде всего Каменев и Зиновьев.— *Н.В.*); Ленин, требовавший немедленной организации восстания, независимо от Советов, и остальная группа (прежде всего сам Троцкий.— *Н.В.*), которая считала необходимым тесно связать восстание со Вторым съездом Советов и тем самым выдвинуть его к последнему времени»¹.

Из этого, конечно, не следует, что тем самым Троцкий вынашивал злонамеренные планы срыва восстания, как о том писалось в «Кратком курсе истории ВКП(б)». Это значит, что Троцкий сам отделял свою позицию от ленинской, однако это не мешало ему активно поддерживать

¹ Троцкий Л. Д. О Ленине: Материалы для биографии.— М., 1925.— С. 72.

Ленина в ходе проведения восстания, а затем и при формировании первого Советского правительства.

В правительстве Троцкий занял пост народного комиссара по иностранным делам. Он публикует секретные документы бывшей царской дипломатии и Временного правительства — факт по тем временам неслыханный, налаживает контакты с представителями посольств иностранных держав, возглавляет советскую делегацию на переговорах о заключении мира с кайзеровской Германией в Бресте.

Осложнение произошло, когда Троцкий на этих переговорах попытался занять собственную позицию и реализовать свой тезис «ни войны, ни мира». В феврале 1918 г., вопреки настояниям Ленина, он отказался подписать договор, чем дал Германии повод развернуть наступление по всему фронту против Советской республики, не имевшей в то время достаточных сил для организации отпора агрессору. Тем самым Троцкий поставил страну на грань военной катастрофы.

Договор был подписан 3 марта 1918 г., но уже без Троцкого и на значительно более тяжелых условиях.

14 марта Троцкий был назначен народным комиссаром по военным делам, а несколько позднее и народным комиссаром по морским делам. С созданием Революционного Военного Совета Республики (РВСР) 2 сентября 1918 г., в разгар гражданской войны и иностранной интервенции, его председателем по предложению Я. М. Свердлова был назначен Троцкий.

На всех этих постах Троцкий проявил себя как решительный, целеустремленный руководитель, способный сплотить людей на выполнение самых трудных задач. Он, в частности, принял активное участие в ликвидации мятежа «левых» эсеров 6 июля 1918 г.

Известна роль, какую Троцкий сыграл в деле формирования частей регулярной Красной Армии. Выполняя указания ЦК партии, он требовал проведения в жизнь таких, по его выражению, начал в создании Красной Армии, как «всеобщее обязательное воинское обучение в школах, на заводах и в деревнях; немедленное создание сплоченных кадров из наиболее самоотверженных бойцов; привлечение военных специалистов и боевых руководителей; насаждение комиссаров в качестве блюстителей высших интересов революции и социализма»¹.

¹ Троцкий Л. Д. Как вооружалась революция. — М., 1923. — Т. 1. — С. 30.

Троцкий немало сделал, чтобы искоренить и такое вредное в условиях гражданской войны явление, каким была партизанщина. Как наркомвоенмор требовал неукоснительного соблюдения воинской дисциплины, субординации и др.

Но было и другое — чрезмерное администрирование, упование лишь на авторитет власти, репрессии в отношении командного и солдатского составов, насаждение культа собственной личности. Ответом Троцкого на малейший проступок подчиненных становилось требование их расстрела. «Расстрел был жестоким орудием предостережения другим»¹, — прямо говорил Троцкий. В военных уставах ни одной цивилизованной страны, наверное, не найдешь того, что придумал Троцкий. В 1922 г. в параграфе 41 политического Устава Красной Армии была помещена его политическая биография, в которой Троцкий представал не иначе, как героем, олицетворением революционной и военной доблести. Параграф заканчивался словами: «Тов. Троцкий — вождь и организатор Красной Армии. Стоя во главе Красной Армии, тов. Троцкий ведет ее к победе над всеми врагами Советской республики». Знакомые выражения, которые пришли к нам уже из 30-х гг. и относились к другому действовавшему лицу советской истории — Сталину, культ личности которого, как видим, возник не на пустом месте.

Наконец, нельзя пройти и мимо тех крупных просчетов, которые имели место в определении Троцким стратегии гражданской войны. В период между октябрём 1917 г. и 1922 г. Троцкий в разных сочетаниях варьировал одну и ту же идею: европейский пролетариат более созрел для социализма, чем российский, поэтому главная задача Советской власти заключалась не столько в создании предпосылок для социализма в нашей стране, сколько в необходимости продержаться до начала мировой революции.

Отсюда его идея экспорта революции в другие страны силой Красной Армии: «Революционная война, — писал он, — неоспоримое условие нашей политики...»² К этой идее он возвращался неоднократно и был весьма последовательным в ее осуществлении.

¹ Одиннадцатый съезд РКП(б): Стенографический отчет — М., 1961. — С. 274.

² Коммунистический Интернационал. — 1921. — № 19. — С. 5009.

* * *

В 1920 г., оставаясь на своих прежних постах, Троцкий на короткое время стал народным комиссаром путей сообщения. Под его руководством была разработана программа ускоренного восстановления паровозного парка страны; приняты меры по налаживанию работы транспорта. ЦК одобрил деятельность Троцкого во главе правительственной комиссии, которая была направлена в Донбасс для организации работ по восстановлению шахт, налаживанию добычи угля.

Активную работу Троцкий повел по укреплению трудовой дисциплины, наведению порядка на производстве, повышению производительности труда, поощрению энтузиазма рабочего класса. «Что есть хорошего у Троцкого? — спрашивал Ленин в январе 1921 г. — ...Несомненно хорошим и полезным является *производственная пропаганда*»¹.

Ленин и в дальнейшем не раз обращался к Троцкому при решении важнейших проблем экономического и социального развития Страны Советов — монополии внешней торговли, образования СССР, национальной политики партии и др.

Однако, как и в период гражданской войны, достоинства Троцкого как политического и государственного деятеля нередко перерастали в крупные недостатки. Его стремление к абсолютизации, вполне оправданной в условиях послевоенной разрухи и всеобщей неразберихи административных методов, не замедлило вылиться в конструирование модели так называемого «милитаристского социализма», представлявшей собой шаг назад, к позициям домарксистского утопического социализма казарменного типа.

В основе этой модели лежало требование милитаризации хозяйства страны, превращения ее в подобие гигантской военной казармы, где все делалось бы по приказам сверху, а массы были послушными исполнителями воли своих командиров. Субъективистский произвол, упор на административные методы, милитаризацию труда, на принуждение и устрашение, отрицание методов убеждения и материального стимулирования, «перетряхивание» и «завинчивание гаек» как средства руководства общественными организациями трудящихся — такие методы пытался навязать партии Троцкий.

Изложенные выше взгляды Троцкого составили его платформу в ходе навязанной им партии осенью 1920 г. дискуссии о профсоюзах. Ленин уже совершенно иначе оценил пози-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 42. — С. 293.

цию Троцкого. Хотя в послеоктябрьский период Ленин и не использовал сам термин «троцкизм», он подверг резкой критике ошибочные установки его идеологии и практики.

Смысл платформы Троцкого в дискуссии о профсоюзах Ленин определил как «расхождения по вопросу о методах *подхода* к массе, овладения массой, *связи с массой*»¹. Политика Троцкого в сумме, считал Ленин, есть «политика бюрократического дергания профсоюзов. И наш партийный съезд (X съезд РКП(б).—Н. В.), я уверен, эту политику осудит и отвергнет»².

Ленин по достоинству ценил Троцкого, когда тот строго и точно осуществлял директивы партии, когда он наряду с другими ее руководителями, опираясь на коллективный опыт партии, на всю массовую партийную организацию, выполнял свои служебные обязанности, поручаемые ему задания Центрального Комитета. Вместе с тем Ленин, отмечая сильные и слабые стороны Троцкого как партийного и государственного деятеля, постоянно удерживал его от многих опрометчивых шагов и решений. И в этом один из залогов того, что при Ленине Троцкий в общем и целом держался, что называется, в рамках.

Ленин, хотя и не любил ставить в вину деятелям партии их прошлые ошибки, не раз возвращался к анализу дискуссий с Троцким. Двойственность в политической позиции Троцкого была особенно метко схвачена Лениным в его «Письме к съезду».

Характеризуя деятельность Троцкого, Ленин выделял его выдающиеся способности. «Лично он, пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК»,— отмечал Ленин. И тут же в одной строке продолжал: «Но и чрезмерно хватающий самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела»³.

Эти увлечения Троцкого, как показали его попытки милитаризации страны, оборачивались грубыми ошибками и просчетами в политике. Именно поэтому Ленин счел нужным напомнить партии о небольшевизме Троцкого, оговорившись при этом, что небольшевизм также мало может быть ставим ему в вину лично, как и октябрьский эпизод Зиновьеву и Каменеву⁴.

Это ленинское замечание сегодня кое-кто трактует чем-то вроде отпущения грехов Троцкому. Думается, что вопрос

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 42.— С. 206.

² Там же.— С. 226.

³ Там же.— Т. 45.— С. 345.

⁴ См.: Там же.

здесь гораздо сложнее, чем выяснение дилеммы виновен-невиновен. То, что Ленин имел в виду не только личность Троцкого — это бесспорно. В меньшевизме Троцкого он видел проявление позиции не отдельного партийного лидера, а целого социального слоя, определенных настроений в партии, выразителем которых время от времени оказывался Троцкий.

Ленин был глубоко убежден в том, что образование фракций не является фатально запрограммированным явлением в истории партии. Это не значит, что он вообще отрицал возможность появления и наличия коренных разногласий, особенно на крутых поворотах истории. Но Ленин всегда исходил из необходимости, во-первых, вовремя зафиксировать эти разногласия и, во-вторых, вести совместный поиск путей их преодоления на принципиальной основе, т. е. на основе Устава и Программы партии. И только исчерпав все возможности такого поиска, убедившись в упорстве другой стороны, настаивающей на своей ошибочной платформе, Ленин высказывался за принятие организационных мер в отношении таких членов партии.

И еще один аспект. Значит ли напоминание Ленина о меньшевизме Троцкого, что тот не имел никакого отношения к марксизму, что правы оказались авторы «Краткого курса истории ВКП(б)» с их теорией «злого умысла» — Троцкий пришел в партию с единственной целью — вести подрывную работу, чтобы развалить ее ряды? Если бы это было так, то не было бы ни сближения Троцкого с большевиками, ни тем более его вступления в РСДРП(б), ни его совместной работы с Лениным и другими руководителями партии и Советского государства.

Троцкий в наиболее концентрированном виде выражал настроения тех членов партии, которые пытались опереться на догматически трактуемые ими традиции классического марксизма XIX в. Они весьма превратно оценивали качественные перемены, которые произошли в расстановке классовых сил как на мировой арене, так и в отдельных странах, прежде всего в самой Советской России. Особенно это было характерно для периода после гражданской войны, когда становилось все очевиднее, что капитализму удалось стабилизироваться, что в ближайшее время пролетарских революций в других странах не предвидится, что не остается другого выхода, кроме как строить новое общество, находясь в капиталистическом окружении.

Необходим был коренной пересмотр прежней стратегии и тактики. В международном плане это нашло выражение в утверждении после Генуэзской конференции (1922 г.),

на этот раз уже окончательно, принципа мирного сосуществования: СССР с государствами иного общественного строя, во внутреннем — в выдвижении новой экономической политики, представлявшей собой отказ от модели периода «военного коммунизма» с его вынужденным сужением сферы действия товарно-денежных отношений, рынка, ставкой на прямой продуктообмен.

Ни Троцкий, ни его сторонники не то чтобы не обратили внимания на необходимость внесения коренных перемен в стратегию и тактику партии, коммунистического движения, но едва ли не попытались действовать по принципу: если действительность восстает против наших теорий, тем хуже для нее. Догматизм, подмена диалектики формальной логикой, неумение считаться с обстоятельствами — все это и другое нашло концептуальное выражение и закрепление в троцкистской теории «перманентной революции».

Согласно этой теории мировой революционный процесс или, по терминологии Троцкого, мировая революция по-прежнему, как и в прошлом столетии, изображалась в виде фактически одновременного выступления пролетариев всех стран, которое должно было продолжаться не иначе, как до полного торжества социализма во всем мире. Опираясь на эту схему мировой революции, Троцкий не видел никакой разницы ни в целях, ни в способах борьбы трудящихся, скажем, Англии или Китая. Как для тех, так и для других цель борьбы общая — социализм. Отсюда Троцким напрочь отрицалось национально-освободительное движение. В теории «перманентной революции» исчезло то, на что она, собственно, претендовала — раскрытие самой перманентности, т. е. непрерывности революции как цепи следующих друг за другом этапов революционных преобразований. По Троцкому выходило, что пролетариат любой страны может делать все сразу: свергать господство буржуазии, устанавливать диктатуру трудящихся, осуществлять социалистические преобразования, обеспечивать победу революции в национальных границах и тут же переносить ее за пределы страны.

Идея непрерывности революции подменялась субъективистской концепцией «комбинированного развития», которая не считалась ни с социально-экономической и политической неравномерностью развития стран, ни с различиями в темпах нарастания противоречий в разных пунктах мировой капиталистической системы. Отсюда, во-первых, фактически сбрасывалось со счетов наличие слабых звеньев, в которых складывались наиболее благоприятные условия для прорыва цепи империализма. А во-вторых, произвольно смешивались

этапы революционных преобразований как до, так и после победы революции в конкретных странах, в данном случае в Советской России.

Пример Троцкого и троцкизма свидетельствует, что дело не в чьем-то «злом умысле», а в неверных оценках характера и содержания современной эпохи, новых условий, в которых развивалось мировое революционное движение и строительство нового общества в нашей стране. Отсюда вытекает еще один исторический урок — идеи, верные в условиях данной эпохи, если их перенести в другое время, иные конкретно-исторические рамки, не произведя при этом в соответствии с духом самих этих идей их необходимой корректировки, способны обретать смысл, прямо противоположный своему первоначальному содержанию.

* * *

Такой корректировки ни Троцким, ни его сторонниками не было сделано. Об этом наглядно свидетельствовала деятельность образовавшейся в середине 20-х гг. объединенной левой оппозиции, в которую вошли сторонники Троцкого, Зиновьева и Каменева. Ее платформа фактически представляла собой несколько модифицированную теорию «милитаристского социализма» Троцкого, в которой опять-таки ставились заведомо невыполнимые задачи, а главный упор вновь делался на необходимость «пришпорить» историю, используя все те же методы административно-командного давления на трудящиеся массы.

Объединенная левая оппозиция обвинила большинство ЦК ВКП(б) в проведении политики отставания развития промышленности от темпов развития народного хозяйства в целом. Наиболее концентрированно об этом было заявлено в выступлении Троцкого на апрельском (1926 г.) пленуме ЦК партии. Троцкий не голосовал за резолюцию Политбюро по докладу председателя Совнаркома А. И. Рыкова «О хозяйственном положении и хозяйственной политике», посчитав предложенные в ней темпы развития промышленности недостаточными для преодоления возникшей диспропорции. Решение этой проблемы, в соответствии с теорией «перманентной революции», Троцкий ставил целиком в зависимость от международной ситуации, развития мировой революции. Страна, говорил он, исчерпала возможности развития, опираясь на старую технику. Она нуждается в новой технике. «Именно поэтому зависимость наша от капиталис-

тической техники будет в ближайшие годы увеличиваться, а не убывать»¹. Раз так, значит, партии и Советскому государству следует принять действенные меры для того, чтобы темпы индустриализации постоянно увеличивались. «За счет каких ресурсов?» — спрашивал Троцкий. И отвечал: «Мы находимся в периоде первоначального социалистического накопления, что предполагает высшее напряжение сил и средств для индустриализации. Как молодая буржуазия в соответствующий период первоначального накопления жилы из себя тянула, пуритански урезывая себя во всем, так и мы должны действовать»².

Большинство ЦК партии и левая оппозиция по-разному понимали проблему темпа, саму сущность индустриализации. Если первые под быстрыми темпами индустриализации понимали такие максимальные темпы, которые обеспечивали бы неразрывный союз пролетариата с основной массой крестьянства, не отрывали индустриализацию страны от сельскохозяйственной базы и гарантировали более быстрый рост тяжелой индустрии, подтягивая отстающие отрасли легкой промышленности, то оппозиция считала необходимым проведение политики, получившей название «сверхиндустриализации». Ее составными элементами объявлялись: усиление обложения налогами середняцкого крестьянства (в трактовке оппозиции это выглядело как снижение налогов на 50% с бедняков); повышение цен на товары широкого потребления; изъятие оборотных средств из кооперации.

Политика налогового нажима на середняка, высоких цен на промтовары не только не способствовала бы упрочению союза рабочего класса с трудящимся крестьянством, но и могла создать ему дополнительные трудности. Повышение цен на промтовары привело бы к автоматическому росту цен на продукты сельского хозяйства и понижению платежеспособности рубля. Наконец, изъятие значительной части оборотных средств из кооперации вело к усилению позиций частного капитала в торговле. Тем самым в лице объединенной левой оппозиции большинство ЦК столкнулось с тем, что всегда было характерно для троцкизма: проповедью леворадикальных установок, которые при их реализации вели к прямо противоположным утверждавшимся в них целям — капитуляции перед капиталистическими элементами.

¹ Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории. — Ф. 17. — Оп. 2. — Д. 220. — Л. 17.

² Там же. — Л. 19.

* * *

В начале 1928 г. Троцкий оказывается в политической ссылке в Алма-Ате, где продолжает свою деятельность. Только за апрель — ноябрь 1928 г. им было получено около 1000 писем и 700 телеграмм. В ответ он отправил своим сторонникам 800 писем и 500 телеграмм¹.

На фоне массового отхода от оппозиции ее бывших приверженцев (за период с XIV съезда ВКП(б) по 1 июня 1928 г. — 4350 человек; из них после XV съезда — 3098 человек) упорство Троцкого привело не к оздоровлению внутрипартийного режима, чего он добивался, а еще большему его ужесточению.

В декабре 1928 г. в Алма-Ату был направлен специальный уполномоченный ОГПУ, который вручил Троцкому ультиматум. В нем содержалось требование прекратить руководство левой оппозицией. Троцкий категорически отказался его выполнить. В ответ на это 18 января 1929 г. коллегия ОГПУ приняла решение выслать Троцкого за пределы СССР. В 1932 г. ВЦИК лишил его и тех членов его семьи, которые выехали с ним, советского гражданства. Началась новая полоса в жизни и деятельности Троцкого — его третья политическая эмиграция.

До 1933 г. Троцкий жил на Принцевых островах, близ Стамбула, пока его сторонникам во Франции не удалось добиться разрешения на въезд в эту страну. Летом 1935 г. он вынужден был перебраться в Норвегию, где находился до января 1937 г. Отсюда он усилиями известного художника Д. Риверы, получив приглашение президента Мексики Карденаса, перебрался в Новый свет. Здесь он обосновался в одном из районов Мехико — Койокане, где и проживал до самого убийства 21 августа 1940 г.

В эмиграции деятельность Троцкого свелась к созданию организации, которая притянула бы к себе всех, кто стоял «левее» компартий и Коминтерна. Ею стал IV Интернационал, созданный в сентябре 1938 г. на конференции троцкистов в Париже.

На пути к созданию троцкистского Интернационала он формулирует в книгах «Перманентная революция» (1930), «Сталинская школа фальсификаций» (1932), «История русской революции» (1931—1933), «Преданная революция» (1936), «Их мораль и наша» (1938), многочисленных статьях идейно-политическую платформу, которую известный на Западе троцковед И. Дейчер назвал «новым троцкизмом».

¹ См.: Троцкий Л. Д. Моя жизнь. — Т. 2. — С. 305.

Действительно, в сравнении с 20-ми гг. в идейном багаже Троцкого появилось немало новых положений и установок. Центральная среди них — борьба против сталинизма: В 1932 г. Троцкий писал: «Сталин завел нас в тупик. Нельзя выйти на дорогу иначе, как ликвидировав сталинщину... Надо, наконец, выполнить последний настоятельный совет Ленина: убрать Сталина» (речь шла о рекомендации, содержащейся в ленинском «письме к съезду». — Н. В.).

15 марта 1933 г. Троцкий направил письмо в Политбюро ВКП(б) с призывом «возродить партию». При этом он предлагал собственные услуги, с тем «чтобы перевести партию на рельсы нормального развития без потрясений или с наименьшими потрясениями»¹.

После убийства Кирова Троцкий безошибочно определил надвигавшийся на партию кризис. 30 марта 1935 г. он отмечал: «Что-то у них не в порядке, и притом в большом беспорядке; «непорядок» сидит где-то глубоко внутри самой бюрократии, вернее, даже внутри правящей верхушки»².

Троцкий резко критиковал московские процессы, справедливо считал их мистификацией, фикцией, своеобразным способом сведения счетов Сталина и его группы со своими противниками.

Судя хотя бы по этим фактам, можно сделать вывод, что Троцкий был не лишен стремления к исправлению положения дел в ВКП(б), стране в целом. Почему же к нему вновь, как и в 20-е гг., не прислушались ни в партии, ни в международном коммунистическом движении? Вопрос далеко не простой.

Очевидно, что предложенная Троцким программа в условиях 30-х гг. ставила фактически те же цели, что и левая оппозиция в 20-е гг. — навязать отвергнутые ВКП(б), коммунистическим движением троцкистские взгляды и представления о переходе от капитализма к социализму, реализации в СССР социалистической перспективы. Борясь против Сталина, Троцкий, по сути дела, стремился один «изм» — сталинизм подменить другим «измом» — троцкизмом.

Допускавшиеся группой Сталина провалы в экономической и социальной политике, нарушения законности, репрессии, свертывание внутрипартийной демократии и другие негативные явления использовались Троцким в качестве доказательства актуальности одного из ключевых положений теории «перманентной революции» о возможности построения социализма в мировом масштабе.

¹ Троцкий Л. Д. Дневники и письма. — Эрмитаж, 1986. — С. 45.

² Там же. — С. 88 — 89.

В статье «Новый хозяйственный курс в СССР», справедливо критикуя сталинский авантюризм в экономической политике, Троцкий писал: «Еще и еще раз мы решительно отказываемся от задачи построить в «кратчайший срок» национальное социалистическое общество. Коллективизацию, как и индустриализацию, мы связываем неразрывной связью с проблемами мировой революции. Вопросы нашего хозяйства решаются в конечном счете на международной арене»¹.

Своеобразным было отношение Троцкого к фактам произвола и беззаконий, творимых группой Сталина. Он, например, ни словом сочувствия не обмолвился по поводу жертв голода, разразившегося в 1933 г. во многом по вине политики сталинской администрации.

Троцкий фактически первым выдвинул положение, смысл которого определялся пропорцией — чем больше, тем лучше. «Репрессии будут чем дольше, тем больше выдавать результат, противоположный тому, на который рассчитаны: не устрашать, а, наоборот, возбуждать противника, порождая в нем энергию отчаяния»², — писал Троцкий.

Раскладывая репрессированных по категориям, он с нескрываемым удовлетворением отмечал, что на первое место выходят «троцкисты». «Даже официальная советская пресса последних месяцев, — писал Троцкий в 1933 г., — свидетельствует о том, что наши единомышленники мужественно и не без успеха ведут свою работу». Именно они, а по расчетам Троцкого их насчитывалось в СССР несколько тысяч, призваны составить ядро новой, возрожденной ВКП(б), а ее программой должна стать программа свершения политической революции в СССР.

Выдвижение этой идеи весьма симптоматично. По мере укрепления существовавшего в СССР режима Троцкий пришел к выводу, что предлагавшейся им ранее политики реформ, центральным пунктом которой было требование устранения Сталина, уже недостаточно. «Устранение Сталина лично означало бы сегодня не что иное, как замену его одним из Кагановичей (у Лазаря был родной брат, секретарь нижегородского обкома. — Н. В.), которого советская печать в кратчайший срок превратила бы в гениальнейшего из гениальных»³.

Разумеется, ни от Сталина, ни от других деятелей ВКП(б) и коммунистического движения не укрылся глав-

¹ Бюллетень оппозиции. — 1930. — № 9. — С. 8.

² Троцкий Л. Д. Дневники и письма. — С. 44.

³ Бюллетень оппозиции. — 1936. — № 52—53. — С. 19.

ный смысл «нового троцкизма». Осознание его сущности, казалось бы, давало Сталину шанс для идейного развенчания Троцкого. Сталин, однако, не воспользовался этим шансом. Исповедовавшаяся им концепция социализма хотя на словах и представлялась якобы претворением в жизнь ленинского плана социалистического строительства, на деле была крайне далека от взглядов Ленина на социализм как общество самоуправления трудящихся, развития их инициативы и творчества. Сталин на практике фактически реализовал установки Троцкого начала 20-х гг. — создал командно-административную систему, опиравшуюся на насилие и репрессии в отношении всех классов и слоев советского общества, на внеэкономическое принуждение ряда категорий трудящихся, свертывание принципа распределения «от каждого по способности, каждому по труду», ограничение экономических рычагов в управлении народным хозяйством, насаждение культа личности Сталина.

В результате критика Сталиным Троцкого в идейном отношении свелась к «войне цитат», навешиванию ярлыков, обвинению в шпионаже, диверсиях, вредительстве, а в организационном — к физической расправе над всеми, кто подозревался в принадлежности к троцкизму; и в первую очередь к расправе над самим Троцким.

* *
*

В октябре 1936 г. в «Бюллетене оппозиции» утверждалось: «Сталину нужна голова Троцкого — это его главная цель»¹. Первые признаки готовившейся ликвидации Троцкого дали о себе знать уже в 1937 г. В сентябре в Швейцарии погиб И. Райсс, давно симпатизировавший Троцкому сотрудник НКВД. За два месяца до гибели, по случаю перехода на сторону троцкистского Интернационала, Райсс в отправленном им в ЦК ВКП(б) письме призывал к решительной борьбе против сталинизма. Тут же предлагалась и программа борьбы: «Не Народный фронт, а классовая борьба; не комитеты, а вмешательство рабочих для спасения испанской революции... Долой ложь о социализме в одной стране и назад к интернационализму Ленина!»².

Тело Райсса нашли в окрестностях Лозанны. «Райсс пал как один из героев IV Интернационала»³, — говорилось в редакционной статье «Бюллетеня оппозиции».

¹ Бюллетень оппозиции. — 1936. — № 52—53. — С. 48.

² Там же. — 1937. — № 58—59. — С. 23.

³ Там же. — 1938. — № 65. — С. 2.

В конце 1937 г. Троцкий узнал еще об одной жертве — в мае в Испании исчез чешский гражданин Эрвин Вольф, который работал личным секретарем Троцкого. По-видимому, в Испании он оказался с целью налаживания контактов с ПОУМ (Рабочая объединенная марксистская партия), деятельность которой хотя и критиковалась Троцким, но по своим идейно-политическим позициям и методам работы была близкой к троцкистским и анархистским группам.

13 июля 1938 г. в Париже при загадочных обстоятельствах пропал гражданин Германии Рудольф Клемент, один из технических секретарей IV Интернационала, также бывший в 1933—1935 гг. секретарем Троцкого.

В том же году в Мехико была предпринята первая попытка покушения уже на самого Троцкого. На виллу в Койокане под видом посыльного, принесшего подарок, попытался проникнуть подозрительный тип. Попытка была предотвращена, однако «посыльному» удалось скрыться. При этом неподалеку от дома им был оставлен пакет с взрывчаткой.

С этого момента Троцкому стало ясно, что круг замкнулся. Он всерьез стал задумываться о самоубийстве. Каждый день начинался им с фразы: «Они нас не убили этой ночью. Они подарили нам еще один день».

Одним из тех, через кого непосредственно осуществлялась операция по ликвидации Троцкого, был полковник НКВД Л. Эйтингон. Он завербовал мать будущего убийцы, Рамона дель Рио Меркадера — Каридад, а с ее помощью привлек к «делу» и сына. В 1939 г. в Париже Эйтингон вручил Меркадеру паспорт на имя канадца Джексона. Паспорт действительно принадлежал гражданину Канады, югославу по происхождению, Бабичу, погибшему в Испании бойцу интербригады.

Подделка паспорта была совершена настолько небрежно (в фамилии пропустили букву), что остается только гадать, как ни французские, ни американские, ни мексиканские власти не заинтересовались личностью «канадца» с таким документом и с такой типичной южно-европейской внешностью.

Эйтингон через мать Меркадера передал ему 5 тыс. долларов для поездки за океан. В день убийства Троцкого Эйтингон и Каридад ждали Меркадера неподалеку от виллы в Койокане, готовые вывезти его по отработанному заранее маршруту. Не получилось. Но они не бросили Меркадера на произвол судьбы, помогли с адвокатами, а после того, как суд приговорил его к 20 годам заключения, как могли, облегчали ему отбывание срока.

В 1960 г. Меркадер вышел из тюрьмы. Оказался на Кубе, где несколько дней был гостем Ф. Кастро. Потом СССР. В 1961 г. ему присвоили звание Героя Советского Союза, дали пенсию в 400 рублей, небольшую квартиру и право пользования летом дачей в Малаховке. Вот и все.

Он работал в ИМЛ при ЦК КПСС, участвовал в написании истории Испанской компартии. Жилось ему и его жене Ракель Мендоса, индианке, на которой он женился в тюрьме, не просто. Они не знали языка. Изматывала непростая бытовая сторона жизни. И тогда, по совету брата, Рамон написал Ф. Кастро письмо с просьбой разрешить ему переехать в Гавану. Тот немедленно дал согласие. Но вмешалось КГБ и долго не выпускало Меркадера даже на социалистическую Кубу. Он смог уехать лишь в 1974 г. На Кубе Меркадер умер от рака костей. По его желанию прах захоронили в Москве на кунцевском кладбище. В 1987 г. на могиле появилась гранитная плита, на которой золотыми буквами выгравировано: «Лопес Рамон Иванович, Герой Советского Союза».

Д. К. Шелестов
ТРАГЕДИЯ АЛЕКСЕЯ РЫКОВА

Кто был первым главой правительства СССР? Вроде бы праздный вопрос, ответ широко известен — В. И. Ленин. Да, это так. Но только формально. Конкретные же обстоятельства сложились таким образом, что фактически первым действующим главой правительства СССР, т. е. Совета Народных Комиссаров (Совнаркома, СНК) СССР, стал Алексей Иванович Рыков. Утвержденный за семь месяцев до него на этом посту Ленин так и не смог в силу тяжелой болезни приступить к делам, ни одного дня не руководил работой союзного правительства, больше того, вряд ли что-нибудь о нем знал, кроме, пожалуй, самого факта его существования¹.

Теперь перестало быть тайной, что болезнь пришла к нему не разом, ее первые симптомы проявились еще за три года до рокового исхода. Не этим ли, в частности, объясняется, что не имея ранее постоянных заместителей на занимаемых им постах Председателя СНК и Председателя СТО (Совета труда и обороны) РСФСР, он в 1921 г. впервые начал их постепенный подбор. В мае того же года Рыков оставил руководство Высшим советом народного хозяйства (ВСНХ) РСФСР и был назначен заместителем Ленина по СТО. Через несколько месяцев, в предновогодние дни, его

¹ Первое правительство СССР было образовано в день принятия союзной Конституции — 6 июля 1923 г. Назначенный его председателем Ленин был оставлен и в должности главы правительства РСФСР, которую он занимал с 27 октября 1917 г. (Здесь и далее даты до февраля 1918 г. даны по старому стилю.)

должностной статус значительно вырос. Наряду с являвшимся до того наркомом продовольствия А. Д. Цюрупой, он стал теперь не только одним из руководителей СТО, но и заместителем главы российского правительства. В следующем, 1922 г. определился еще один заместитель Председателя СНК и СТО РСФСР — Л. Б. Каменев, одновременно сохранивший пост председателя Моссовета.

Именно ему Ленин во время своих все более продолжительных, вынужденных отлучек передал председательствование на заседаниях правительства, а также ведение Политбюро и Пленумов ЦК РКП(б). Передача Каменеву этих обязанностей, являвшихся как бы слепком повседневного ленинского руководства, явно рассматривалось тогда как временная. «Каменев, конечно, умный политик, но какой же он администратор», — доверительно говорил Ленин в беседе с Троцким осенью 1922 г., предлагая, кстати, последнему стать своим заместителем в правительстве РСФСР.

В той же беседе Ленин отметил — не в первый раз — организаторские качества Рыкова. Он высоко ценил его и как последовательного деятельного сторонника новой экономической политики — нэпа.

Обратим в этой связи внимание на некоторые важные передвижки, произошедшие с весны 1922 г. в высшем партийно-государственном руководстве. Они все еще остаются вне нашего поля зрения, в значительной мере суженного интересом только к непосредственным обстоятельствам появления Сталина на введенной сразу после XI съезда партии новой должности Генерального секретаря ЦК. Между тем на том же первом (и, заметим, предпоследнем для Ленина) послесъездовском апрельском пленуме ЦК 1922 г., который решил вопрос о генсеке, серьезные изменения произошли прежде всего в составе Политбюро. Впервые оно было расширено до семи членов. Ранее входившая в него пятерка (Ленин, Зиновьев, Каменев, Троцкий, Сталин) дополнилась избранием в Политбюро руководителя профсоюзов Томского, а также Рыкова, одновременно остававшегося и членом Оргбюро ЦК.

Избрание Рыкова членом Политбюро и утверждение Сталина генсеком, как это ни покажется неожиданным, имели в определенном смысле общий знаменатель — необходимость, так сказать, организационно подкрепить Каменева в ведении им дел правительства и партии. Летом 1922 г., когда болезнь Ленина вырвалась наружу первым ударом паралича, внутри высшего эшелона власти сложились две своеобразные «связки». Одна по линии повседневного партийного руководства — Каменев и сделавшийся, по более

позднему ленинскому выражению; генсеком Сталин. Другая по линии руководства правительством — Каменев и уравненный с ним членством в Политбюро Рыков.

Последствия их возникновения оказались в корне различными. Сталин воспользовался этим для начала своего движения к авторитарной власти; что ныне широко известно, в том числе и в связи с наконец-то начавшимся изучением так называемого «Завещания» Ленина. К сожалению, при этом остаются как-то незамеченными указанная выше группировка обязанностей внутри тогдашнего руководства, а также тот факт, что Рыков не был упомянут в числе партийно-государственных руководителей, которым Ленин счел нужным дать в «Завещании» критические характеристики. Последнее не было, конечно, случайным. В отличие от каменевско-сталинского тандема, другая «связка» — Каменев с Рыковым, в значительной мере в силу личных качеств последнего, отсутствия у него амбициозных притязаний на исключительное лидерство, никогда не вызывала тревогу у Ленина, вплоть до его последнего рабочего дня пользовалась доверием.

Так случилось, что тот рабочий день в кремлевском кабинете — 12 декабря 1922 г. — завершился беседой главы правительства РСФСР со своими заместителями — Каменевым и Рыковым, а также Цюрупой. Они же не многим более полугода спустя, уже в отсутствие больного Ленина, стали его заместителями в первом составе Совнаркома СССР.

Пройдет еще чуть больше полугода, и на первых полосах газет, снятых с печатных машин в воскресное утро 3 февраля 1924 г., замелькают портреты Рыкова. Накануне он вступил в должность Председателя СНК СССР и тогда же был утвержден Председателем СНК РСФСР. Через три недели, 25 февраля, новому главе союзного и российского правительства исполнилось 44 года...

Алексей Иванович Рыков родился 13 февраля 1881 г. в крестьянской семье слободы Кукарки Вятской губернии. И здесь же — бывают такие совпадения — девять лет спустя у местного мещанина Скрябина произошло прибавление семейства — сын Вячеслав, который позже под фамилией Молотов станет сталинским адептом и в 1930 г. сменит Рыкова на посту главы правительства СССР.

Впрочем, колыбельная слободка не осталась в памяти Алеши. Едва ли не в том же 1881 г. его семья перебралась в Саратов, где вскоре осиротела — умерла мать, а затем и отец. Тем не менее их дети, преодолевая нищету, сумели пробиться к образованию. Успешно окончил гимназию и

Алексей. Вместе с тем детство и юность в родном Саратове дали и нечто иное. В один из весенних вечеров 1899 г. к Рыковым нагрянула с обыском полиция, и не без основания: 18-летний выпускник гимназии к тому времени уже навсегда связал себя с революционной борьбой.

Последующее затем учение на юридическом факультете Казанского университета оказалось совсем недолгим. Зато надолго исчезла его фамилия, появлялись то Власов, то Сергеев, то другой «обыватель империи». Несостоявшийся студент на целые пятнадцать лет стал «нелегалом», профессиональным революционером. Он вел работу партийного организатора в Ярославле и Костроме, Нижнем Новгороде, Москве, Петербурге и других городах. Уход от арестов, тюрьмы, ссылки, побег... И опять Петербург, и опять Москва. Здесь вновь арест (пожалуй, уже в восьмой или девятый раз!), и началась его самая долгая ссылка в суровом Нарыме, из которой освободила только Февральская революция 1917 г.

Рыков принадлежал к той части старой, как ее потом назовут, партийной гвардии, которая формировалась в канун 1905 г., ее революционный путь был задан «Искрой». В 1902 г. ему удалось нелегально приехать в Женеву и на искровской явке впервые встретиться с Лениным. Потом были многие встречи, в том числе в Лондоне и Стокгольме на III—V съездах РСДРП (1905—1907 гг.), где молодого, но уже проявившего себя революционера избрали в ЦК от большевиков. Вошел он и в ЦК партии, образованный VI съездом РСДРП(б) летом 1917 г.

Когда Рыков получил в далеком Нарыме вест о свержении царизма и вскоре затем ступил на перрон московского вокзала, он — при всей внезапности произошедших событий — был внутренне подготовлен к ним, недаром за плечами осталось полтора десятка лет борьбы с самодержавием. Однако он не мог знать, что свершившееся — лишь первый акт, открывающий более чем трехлетнюю драму Великой Российской революции 1917 — начала 1920-х гг.

В таком единстве предстает, на наш взгляд, та эпоха, рассматриваемая наиболее обобщенно. В определенном плане ее можно назвать и эпохой гражданских войн, которые, сменяя друг друга (а нередко и нагнетаясь вооруженной интервенцией, о чем мы как-то стали «забывать»), катились по стране с кровавой жестокостью всех борющихся сторон вплоть до начала 20-х гг.

Да, Рыкову, как и другим, не дано было весной 1917 г. заглянуть в эти «окаянные дни». Но он был в числе тех, кто, стоя у их кромки, сумел увидеть опасность «гонки» рево-

люционной стихии и выступил за введение ее в общедемократическое русло.

Его речь на Всероссийской конференции большевиков в апреле 1917 г. десятилетиями клеймилась как злостная попытка выступить против ленинского курса на социалистическую революцию. Что же, если отбросить ругательские клеймена, так оно и было. Прежде всего Рыков критически отнесся к оценке возможности «мировой революции» и особенно начала ее в России: «Россия самая мелкобуржуазная страна в Европе,— говорил он в аудитории петроградского мединститута, где под видом «студенческого собрания» открылась конференция,— рассчитывать на сочувствие масс социалистической революции невозможно».

Отмечая далее, что к осуществлению демократических преобразований в стране даже не приступлено, Рыков считал необходимой работу «по развитию революционных завоеваний». «Широкая масса населения России только просыпается к революции... Перед нами стоят громадные революционные задачи. Но осуществление этих задач еще не выводит нас из рамок буржуазного строя».

Сказано с достаточной определенностью. Она в немалой мере сохранилась в последующие месяцы деятельности Рыкова в качестве товарища (заместителя) председателя Московского Совета рабочих депутатов, проявилась и в вихревые октябрьские дни. В ночь с 26 на 27 октября в до отказа заполненном и прокуренном зале Смольного фамилия Рыкова была названа второй.— после Ленина — при оглашении состава нового, Советского правительства.

Обстоятельства его формирования все еще с достаточной полнотой не выяснены, и мы как-то не обращаем внимания, что оно не было подготовлено загодя, хотя бы за несколько дней. Не свидетельствует ли это об известной неожиданности для самих большевиков быстрого взятия власти? Недавно опубликованы небезынтересные воспоминания одного из руководителей Петроградского ВРК А. А. Иоффе о заседании ЦК большевиков в Смольном на рассвете 25 октября. Оно открылось докладом о том, что произошло за ночь, после которого Каменев заявил: «Ну что же, если сделали глупость и взяли власть, то надо составлять министерство». «Запомнилось это мне,— пишет Иоффе,— потому, что после суматохи этой ночи мне лично, а думаю, и многим другим, только после этих слов стало вполне ясно, что власть-то мы ведь действительно взяли».

Если верить последующему рассказу, Ленин «сначала категорически отказывался быть Председателем СНК и только ввиду настояния всего ЦК согласился; он также

настаивал, чтобы по возможности наркомами были назначены рабочие, а интеллигенты при них замами». Как вспоминает Иоффе, Ленин на этом заседании, состоявшемся «после совершенно бессонной и страшно нервно-напряженной ночи, был чрезвычайно бодр и очень весел, поддразнивая мрачно настроенных противников восстания. Очень шутил над т. Рыковым, который вынул из кармана большой наган и положил его перед собой, а на мой вопрос, зачем он его с собой таскает, мрачно ответил: «Чтобы перед смертью хоть пяток этих мерзавцев пристрелить».

Но Ленин в то утро запомнился автору воспоминаний не только веселым и шутливым. «Помню, — записал он, — что когда мы радовались, как бескровно удалось совершить переворот, В. И. стал вдруг очень серьезен и сказал: «Не радуйтесь. Будет еще очень много крови. У кого нервы слабые, пусть лучше сейчас уходит из ЦК».

Был ли Рыков среди противников восстания? Достоверно неизвестно, хотя наиболее вероятно — в принципе был; приведенный Иоффе эпизод с «большим наганом», очевидно, связан лишь с данной конкретной ситуацией.

Что касается «слабонервности», то не она, конечно, стала причиной решительного шага, вскоре сделанного Рыковым. Еще на Апрельской конференции он высказал опасение относительно возможности того, что «политика нашей партии превратится в политику мелкой кучки». Такую угрозу он увидел в отказе ввести в Советское правительство представителей ряда социалистических партий и в знак протеста покинул 4 ноября пост комиссара по внутренним делам, а также вместе с рядом большевиков вышел из ЦК РСДРП(б).

Далось это совсем не легко. Теперь нам известна запись беседы 6 ноября наркома общественного призрения (социального обеспечения) А. М. Коллонтай с Ж. Садулем. «Коллонтай, — отметил французский социалист, — сожалеет о неосмотрительном поступке Рыкова и еще одного наркома, подавших в отставку. Они дезертируют с поля боя. Их поступок внесет разлад в большевистские массы. Они сработали против революции. Что до нее лично, то она останется на своем посту, хотя у нее вызывают опасение взбалмошность, импульсивность, нервозность Троцкого и слишком теоретические тенденции Ленина».

Об этом поступке говорится во всех учебниках советской истории. Однако до последнего времени нигде ни словом не упоминалось, что уже через три месяца он был возвращен в состав правительства на одну из самых ключевых должностей. Как видно из недавно опубликованных про-

токолов ЦК РКП(б) того времени, 31 марта 1918 г. этот высший партийный орган, обсуждая общую политику, констатировал, «что период завоевания власти кончился, идет основное строительство», поэтому «необходимо привлекать к работе знающих, опытных, деловых людей». В ближайшую среду (день заседаний правительства) 3 апреля Рыков получил назначение на пост Председателя ВСНХ РСФСР, призванного, по ленинскому определению, быть таким же органом в экономике, каким СНК являлся в политике.

Та весна, вроде бы сулившая надежды на мирное созидание, оказалась на деле преддверием событий, «в грозе и тревоге» которых, говоря словами известной песни, первый послеоктябрьский год остался в памяти как «боевой восемнадцатый» и ушел в историю «по военной дороге». По такой дороге страна торила свой путь и в девятнадцатом, двадцатом... Деятельность Рыкова в эти годы — одно из наглядных свидетельств того, как от попытки приступить к нормальному хозяйственному строительству Советская Республика в условиях ожесточеннейшей борьбы с белогвардейцами и интервентами была вынуждена шаг за шагом переходить к системе тех чрезвычайных мероприятий, которые затем, уже на исходе эпохи гражданских войн, были названы «военным коммунизмом».

Примечательно, что Рыков никогда — ни в ту пору, ни позже — не идеализировал эту политику, хотя, понятно, должен был идти (и активно шел) на осуществление всех экономических мер по мобилизации сил на защиту Республики. Недаром именно он получил в 1919—1920 гг. диктаторские права Чрезвычайного уполномоченного по снабжению армии и флота (Чусоснабарм).

Своеобразно и в общем точно охарактеризовал позицию Рыкова в самые трудные моменты вооруженной борьбы Троцкий. Выступая на IX съезде РКП(б) (1920 г.) за централизацию управления экономикой, он говорил: «Товарищ Рыков у нас известный сторонник, защитник, провозгласитель и охранитель коллегиального начала. Вы почитайте статьи товарища Рыкова, это почти что ода в честь коллегиального начала. И какое там презрение к нам, сторонникам приближения к единоначалию в области хозяйственного управления!» Это восклицание Троцкий сопровождал под смех и аплодисменты зала призывом судить о Рыкове «не по словам, а по делам его»: «Когда, не без моего участия, товарищ Рыков назначался диктатором военного снабжения, в минуту, когда нам грозила полная гибель, когда у нас каждый патрон был на счету и мы претерпевали поражение за отсутствием патронов, — товарищ Рыков прекрасно

справился со своей задачей! — то он поставил первым условием проведение... единоначалия». Здесь по залу вновь прокатился смех вперемешку с аплодисментами, и оратор продолжил: «Рыкову был подчинен весь аппарат совнархоза, целиком. Чусоснабарм являлся диктатором. Он посылал своих особых уполномоченных в отдельные районы, подчиняя им воензаги и губсовнархозы, и на местах все трещало, но это было необходимо. Эти рыковские уполномоченные... на заводах и фабриках, где были расхлябанные коллеги, проводили единоначалие, а благодаря этому товарищ Рыков имел досуг и писал статьи в пользу коллегиальности».

Понятно, относительно досуга Рыкова Троцкий сказал, чтобы усилить впечатление от критики взглядов своего оппонента. Но в целом приведенное высказывание по-своему раскрывает непримиримость Рыкова к жесткому диктату в советской экономике, почти неизбежно связанному с злоупотреблениями на почве «гипертрофии, — как подчеркивал он, — централизованных форм управления».

«Для меня является совершенно несомненным, что созданная нами со времени Октябрьской революции система управления хозяйством не вполне соответствует новым задачам». Она «возникла в условиях гражданской войны и растущего разрушения» и в условиях мирного строительства не может быть приемлемой». Как не трудно догадаться, такое вполне определенное заключение Рыкова было сделано не в первые годы Советской власти. Оно относится к середине 20-х гг., когда, как представляется, его государственная деятельность достигла своеобразного «звездного часа».

* *

*

А. И. Рыков проработал на посту председателя СНК СССР (а с 1926 г. и СТО) свыше шести лет, на посту председателя СНК РСФСР — пять с половиной лет. Мысленно обозревая основные вехи его государственной деятельности, можно заключить, что две из них, обозначенные XIV (декабрь 1925 г.) и XV (декабрь 1927 г.) партсъездами, определили грани ее своеобразного эпицентра. И дело, конечно, не во внешних атрибутах, скажем, не в том, что именно его речи открывали и заключали работу этих съездов, на которых он был одним из двух (наряду со становившимся все более известным Сталиным) лидеров страны, особо отмечаемых делегатами вставанием и овациями. Впрочем, и это показательно, так как отражает реальную обстановку в высшем руководстве во второй половине 20-х гг.

В последнее время широко распространилось мнение;

что в 1926—1927 гг. определяющим в политической жизни страны был «дуумвират» Сталина и Бухарина. Может ли оно быть безоговорочно принято? Нам представляется — нет. Если анализировать не только идейную борьбу и теоретические разработки того времени (а мы нередко преимущественно этим ограничиваемся), но и действительное состояние руководства партией и страной, реальное осуществление власти и наличие ее практических функций у конкретных лидеров или, как говорили тогда, вождей, то следует сделать вывод, что определяющее значение имел не названный «дуумвират», а иное сочетание в тогдашних верхах — Сталин и Рыков. Именно в их руках были сосредоточены главные нити действительной власти, только их отношение к ней и пользование ею были в корне различны.

Недооценка в исторической литературе значения Рыкова в высшем руководстве страны в немалой мере вызвана господствующим десятилетиями стереотипом, который едва ли не непременно связывает его фамилию с Бухариным; при этом почти обязательно называет ее второй, вольно или невольно представляя главу правительства если и не эпигоном последнего, то, во всяком случае, как личность не вполне политически самостоятельную. Такой стереотип был навязан в конце 20-х гг. Сталиным. Развертывая борьбу против «правых», он сразу нанес основной удар по их наиболее уязвимой фигуре — Бухарину, выступившему с теоретическим обоснованием расхождений со сталинской линией конца 20-х гг. и только в этом смысле ставшему лидером «правых». Их действительное ядро было тем и опасно для Сталина, что оно в лице Рыкова держало реальные рычаги власти. Нанося основные удары по Бухарину, Сталин тем самым стремился сокрушить и авторитет Рыкова, парализовать его воздействие на ход событий и постепенно подготовить «уход» популярного в народе главы правительства.

А популярность его отнюдь не была формально-казенной. К. Симонов, вспоминая свои юношеские годы, пришедшие на время уже после «разгрома правых» (1929 г.), свидетельствует, что даже в тогдашних разговорах проскальзывали ноты симпатии к Рыкову и Бухарину, «как к людям, которые хотели, чтобы в стране полегче жилось; чтобы было побольше всего, как к радетелям за сытость человека». Эти разговоры — своеобразный «ключик» к пониманию популярности Рыкова; добрая память о связанных с ним годах нэпа.

Вчитываясь в многочисленные и разнообразные по тематике рыковские доклады, речи и статьи, невозможно найти какое-то одно, кратко сформулированное положение, кото-

рое бы разом и емко раскрыло его общеполитическую позицию того времени. Тем не менее стоит привести заявление, сделанное им вскоре после вступления на пост Председателя СНК: «Основой прочности октябрьских завоеваний в СССР является сотрудничество рабочих и крестьян. В хозяйственной области это сотрудничество должно выражаться в соблюдении соответствия в развитии промышленности и сельского хозяйства, в такой организации кооперации и торговли и в таком соотношении цен на продукты промышленности и сельского хозяйства, которые бы обеспечивали интересы рабочих и крестьян». Здесь Рыков выделил один, но важнейший срез своей деятельности — осуществление нэпа на основе экономического сотрудничества (как говорили, смычки) рабочих и крестьян, достижение того, из-за чего, собственно, и осуществлялись революционные преобразования — улучшение реальных условий существования трудового люда.

Удачно подметил основное политическое содержание деятельности Рыкова американский историк С. Коэн: «Никто из главных большевистских деятелей, включая Бухарина, не олицетворял так недвусмысленно, как он, политическую и экономическую философию нэпа и смычки». Добавим, что эта философия была для Рыкова не абстрактно-отвлеченной (чем порой грешил Бухарин), а инструментом борьбы за «просветление жизни», как несколько неуклюже-наивно, но, в сущности, точно определили смысл революции простые крестьяне в одном из опубликованных газетами обращений к новому главе правительства.

Поле битвы и развалин назвал Р. Роллан Россию начала 20-х гг. Выступая в 1927 г. с докладом о десятилетии революции, Рыков показал иную страну — поднимающуюся из руин и голода. В зале Таврического дворца, где проходило юбилейное заседание, вывесили большую диаграмму, данные которой явились, как выразился докладчик, «яркой иллюстрацией упадка, последующего роста и успехов нашего хозяйства». За ее беспристрастными, двинувшимися кверху линиями — мозоли и пот простых тружеников, их слезы и радости, их совместные усилия, казалось бы, чудом спасшие страну от разрухи и голода. Но в реальной жизни, как известно, чудес не бывает. В действительности это чудо — повседневный и, в общем-то, обычный труд миллионов людей, которые в совокупности явились (воспользуемся здесь понятием других лет) человеческим фактором, определившим свершенное. Его привело в действие тоже не чудо, а оказавшаяся реалистической и жизненной социально-экономическая политика, одним из самых деятельных

проводников которой был, как назовет его позже писатель В. Гроссман, «наиболее близкий народному, крестьянскому и рабочему интересу практик государственного дела волоокий Рыков».

На исходе того же, 1927 г., вскоре после произнесения юбилейного октябрьского доклада, Алексей Иванович принял активное участие в работе XV съезда партии. Покидая съездовскую трибуну под овации вставших со своих мест делегатов, Рыков, разумеется, не мог даже предположить, что эти овации, по существу, прощальные. Хотя ему в последующие годы еще суждено будет выступить на одной партконференции и двух партсъездах, ни одного приветственного хлопка из их залов он уже не услышит.

О борьбе с «правыми фракционерами» в 1928—1929 гг. в последующие десятилетия накопился целый Монблан статей и книг. В действительности же Рыков, Бухарин, Томский и их сторонники не были, по нашему убеждению, ни «правыми», ни «фракционерами».

Чтобы уяснить это, необходимо наконец-то взглянуть на то, что произошло в партийно-государственном руководстве в 1928—1929 гг., совсем иначе, чем это делалось десятилетиями. Образно говоря, перевернуть те события с головы на ноги. И тогда станет ясно, что в действительности фракционную деятельность развернул Сталин. Опираясь на заранее сколоченную им группу членов Политбюро, ЦК, а также партийного аппарата, он создал мощную фракцию, которая выступила против политики нэпа. Расколов высшее руководство и втянув в себя его большинство, она затем навязала стране массовую коллективизацию, сверхвысокие темпы индустриализации, развернула бешеную гонку к «победе социализма».

В последние годы в литературе широко обсуждался вопрос о возможности альтернативных путей, по которым могла пойти страна с конца 20-х гг. При этом, естественно, писалось и о «сталинской альтернативе», которая-де пробила себе дорогу и была реализована. Но существовала ли в действительности тогда, в 1928—1929 гг., социально-экономическая программа, которая бы в целом выражала эту альтернативу? Раздумывая над поставленным вопросом, отметим, что сталинская «программа» в целом никогда заранее не рассматривалась, а значит, не утверждалась никаким — ни партийным, ни советским — центральным органом. Да она и не могла где-нибудь или кем-нибудь рассматриваться и утверждаться по той простой причине, что ее в то время не было. То, что затем стало преподноситься как реализация «великого замысла мудрого вождя», склады-

валось постепенно и на ощупь в ходе развития событий, нередко в зависимости от того, куда они «понесут». Сталин, действуя расчетливо, не раз в ту пору шел и на большой риск, граничащий с авантюризмом. В своих «теоретических выкладках» он надергивал цитаты из работ основоположников марксизма, используя на практике многие положения «левых», а когда было нужно, и «правых», тут же понося тех и других за оппортунизм и фракционность.

Задним числом все это было окончательно оформлено «Кратким курсом» во впечатляющую концепцию сталинской «программы». Тогда-то партсъездам и были присвоены канонические наименования: XIV — «съезд индустриализации», XV — «коллективизации», XVI — «развернутого наступления социализма по всему фронту», XVII — «съезд победителей». Логично, не правда ли?

Но именно эта «логика», скрывая фракционную деятельность Сталина и его группы, объявила Рыкова, Бухарина, Томского и их сторонников «фракционерками» и «правыми». Однако они могли быть таковыми только по отношению к генеральной линии партии. Между тем именно за нее, за проведение политики нэпа, ее развитие они выступили против сталинской «программы» в 1928—1929 гг. Их можно назвать правыми, но совсем в ином смысле, в смысле их правоты, когда они указывали на опасность, грозившую стране.

«Я забочусь отнюдь не о себе,— подчеркивал в 1929 г. Рыков,— никаких элементов какой-либо самозащиты ни у меня, ни у Бухарина, ни у Томского нет. Принимаемая по отношению... к нам установка может навредить нам, нас убить политически... партия может и имеет право это сделать. Я боюсь, однако, что она может чрезвычайно повредить всей партии, став исходным пунктом для совершенно нового этапа в организации руководства и жизни всей партии».

В последнюю фразу этого заявления стоит особо вдуматься. В ней — прямое указание на зреющую возможность захвата власти Сталиным, хотя его фамилия не помянута. Одна из трудностей предотвращения этой указанной Рыковым возможности заключалась в том, что на стремившемся к ее реализации человеке был, по выражению Дзержинского, незадолго до своей смерти увидевшего опасность личной диктатуры, «костюм с красными перьями». Сталин не случайно сумел уже в первой половине 20-х гг. примерить этот костюм, а затем в 30-е гг. прочно надеть его.

Свою меру исторической ответственности за это несет и Рыков. Подчеркивая коренное различие общественных и лич-

ных качеств Сталина и Рыкова; было бы ошибкой упускать из виду то важное обстоятельство, что оба они действовали в единственно приемлемой ими общественной системе. Она открыто и широко была провозглашена как диктатура пролетариата, на деле став диктатурой партии, от которой, как мы теперь знаем, рукой подать до диктатуры ее вождей — преддверии возможности утверждения личной власти одного из них.

Все это, в свою очередь, не могло не сказаться на самой партии. В последнее время не раз отмечалось, что Сталин рассматривал партию как своего рода орден меченосцев внутри Советского государства. По этому поводу уже сказано немало разоблачительных слов. Мечутся молнии и в адрес Троцкого, считавшего партию неким подобием клана самураев. Но не являлись ли эти доведенные до крайности высказывания двух выдающихся, как их назвал в 1922 г. Ленин, вождей ЦК отражением внешне более сдержанных и тем не менее, по существу, близких к ним взглядов, формировавшихся среди партийно-государственных руководителей?

Думается, да, являлись. Такой утвердительный ответ относится и к Рыкову. Выступив в 1917 г. против угрозы превращения политики большевиков в «политику маленькой кучки», он в последующий период и особенно в 20-е гг. если и начал осознавать сложившуюся в партии драматическую ситуацию, но остался полностью верен ее «орденским», или «клановым», установлениям.

Руководя правительством диктатуры пролетариата, что Рыков не раз искренне и убежденно подчеркивал, он должен был, при всех своих устремлениях к демократизации общественной жизни, высоких личных качествах, обеспечивать осуществление такой диктатуры в полном ее объеме и именно так, как она фактически сложилась. Конечно, можно сослаться на то, что все это диктовали условия времени. Но в данном случае важно другое — понимание драматической противоречивости политической биографии Рыкова.

Начало ее заката в этом смысле символично. Будучи лидером, действительно олицетворявшим «политическую и экономическую философию нэпа и смычки», что, в сущности, выражало попытку осуществить гуманные функции диктатуры пролетариата, глава правительства тем не менее поддержал одну из самых жестких ее сторон и дал в начале 1928 г. согласие на требуемые Сталиным чрезвычайные меры при проведении хлебозаготовок. Это в конце концов обернулось «изживанием» нэпа, извращением «смычки» и

многими другими тягчайшими социальными, экономическими и политическими последствиями.

В этих условиях Рыков все более отодвигался на обочину политической жизни. В мае 1929 г. под предлогом необходимости укрепления руководства РСФСР он был освобожден от обязанностей главы российского правительства¹. Менее чем через полтора года, 20 декабря 1930 г., газеты опубликовали принятое накануне постановление: «Удовлетворить просьбу тов. Рыкова А. И. и освободить его от обязанностей председателя СНК и СТО СССР». Прошло два дня и на газетных полосах появилось сообщение о пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б). Отметив, что бывшие лидеры «правых» оказались не способными «возглавить бешеную борьбу с оппортунизмом», пленум вывел Рыкова из состава Политбюро ЦК. Что же, действительно, «бешеную борьбу» Алексей Иванович обеспечить не мог. Для этого, как показало ближайшее время, нужны были совсем иные «меченосцы».

* *

*

Дочь Рыкова Наталия Алексеевна навсегда запомнила тот декабрьский вечер, когда закончились последние часы работы отца на посту главы правительства. Неожиданно он привел ее, 14-летнюю школьницу, в здание Совнаркома, отомкнул дверь ленинского кабинета, и они, взявшись за руки, долго стояли там, погруженные в тишину. Мы никогда не узнаем, о чем думал тогда Рыков. Он не мог не чувствовать, да и не понимать, что будущее не сулило добра. «По натуре Рыков, — вспоминает Наталия Алексеевна, — был человеком жизнерадостным, веселым, остроумным... В последние годы жизни характер его заметно изменился. Появились раздражительность, замкнутость, видна была неудовлетворенность».

В марте 1931 г. он был назначен народным комиссаром почт и телеграфов (со следующего года — наркомат связи СССР) и, казалось, полностью ушел в новую для него работу. 26 сентября 1936 г. Рыкова без объяснения причин сместили с должности наркома связи, на которую также неожиданно был переведен Ягода, а его прежний пост — наркома внутренних дел СССР — занял Ежов.

Страна вползала в полосу особенно жестоких сталинских репрессий. В феврале 1937 г. Рыков и Бухарин прямо

¹ Вместо А. И. Рыкова правительство РСФСР в 1929—1930 гг. возглавил С. И. Сырцов, который, как и его преемник на этом посту Д. Е. Сулимов (1930—1937 гг.), впоследствии был расстрелян.

с заседания пленума ЦК ВКП(б) были препровождены в тюремные камеры и год спустя расстреляны. Расправились и с их семьями. Летом 1937 г. сотрудники НКВД навсегда увели из дома жену Рыкова — Нину Семеновну, члена партии с 1903 г., впервые встреченную им в ленинской квартире на парижской улице Мари-Роз. Недавно стало известно, что она всего на несколько месяцев пережила своего мужа и была расстреляна в августе 1938 г. Их дочь попала в следственный изолятор, когда ей шел 21-й год. После тюрем, лагерей и бессрочной ссылки она была реабилитирована лишь незадолго до своего 40-летия.

Сам Алексей Иванович Рыков прожил в общем-то недолгую жизнь. За несколько недель до той мартовской ночи 1938 г., когда прозвучали выстрелы, отправившие его в небытие, ему исполнилось 57 лет. Но это была незаурядная жизнь. Может быть, следует сказать — даже две жизни: одна — профессионального революционера, другая — крупного государственного деятеля. О каждой из них в этом очерке сказано по необходимости очень скупо, а о многом и вообще не упомянуто.

Глубокое исследование деятельности Рыкова еще впереди. Ведь именно теперь начинается его новая, «третья жизнь» как выдающейся исторической личности, судьба и дела которой органически вплетаются во все более оживляемую ткань истории того неповторимого, героического, но также драматического и даже трагического времени.

В. Л. Генис

«ЛЮБИТЕЛЬ ПАРАДОКСА»

Как финансист он пользовался признанием и друзей, и врагов: успешное завершение сложнейшей денежной реформы 1922—1924 гг. и знаменитый «конвертируемый червонец» принесли «советскому Витте» (так звали его на Западе) не только искреннюю благодарность соотечественников, но и заслуженное уважение специалистов, мировую известность. «Русская валюта,— не скрывала удивления американская пресса,— одна из немногих, которая котируется несколько выше курса доллара...» Впрочем, блестящие результаты реформы, опыт которой широко изучается и поныне, по мере свертывания нэпа были фактически полностью сведены на нет. Имя же одного из самых талантливых представителей большевистской интеллигенции — первого наркома финансов СССР, крупного государственного и политического деятеля, дипломата, журналиста, военачальника — было попросту вычеркнуто из официальной советской истории и более полувека старательно предавалось забвению.

Григорий Яковлевич Сокольников (настоящая фамилия — Бриллиант) родился 2(15) августа 1888 г. в уездном городе Ромны Полтавской губернии, где его отец, участник русско-турецкой войны 1877—1878 гг., доктор медицины, дослужившийся впоследствии до чина коллежского советника, работал врачом на Либаво-Роменской железной дороге. После переезда семьи в Москву родители определили сына в 5-ю классическую мужскую гимназию, окончив которую в 1907 г. он продолжил образование в Московском Императорском Университете. Включившись в революционное движение еще гимназистом и вступив в 1905 г. в боль-

шевистскую организацию, Григорий участвовал в Декабрьском вооруженном восстании, руководил вместе с Н. И. Бухариным ими же созданным нелегальным Союзом учащихся среднеучебных заведений, работал пропагандистом в Городском и Сокольническом районах Москвы, был членом Сокольнического райкома РСДРП. Арестованный 24 сентября 1907 г. на собрании комитета, юноша полтора года провел в одиночной камере Бутырской тюрьмы и, приговоренный к ссылке на поселение «без срока» (от каторги его спасло несовершеннолетие), бежал с места поселения — села Рыбного Енисейской губернии, на реке Ангаре, — уже через шесть недель.

Вырвавшись из сибирского «плена», молодой революционер (в эмиграции он был известен как «Виктор Сокольников») поселился осенью 1909 г. в Париже, где заведовал, по поручению В. И. Ленина, рабочим клубом «Пролетарий». По свидетельству одного из современников, «Ленин очень хорошо относился к Г. Я. Сокольникову, не хотел его терять и часто с ним беседовал». Тем не менее в обстановке острых политических разногласий и организационного разброда в рядах социал-демократии в годы реакции Сокольников примкнул к группе «большевиков-партийцев», или «нефракционных большевиков», которые, обвиняя ленинцев в нетерпимости к идейным противникам и раскольничестве, в конце 1911 г. организационно сблизилась с меньшевиками-антиликвидаторами, возглавляемыми Г. В. Плехановым. Параллельно с активным участием в группе содействия социал-демократической думской фракции и совместных литературных изданиях «большевиков-партийцев» и плехановцев в России и за рубежом, Сокольников в 1914 г. окончил юридический факультет Сорбонны и курс доктората экономических наук.

С началом первой мировой войны он переехал в Лозанну, а затем в Женеву, где, организовав «Швейцарское бюро заграничных групп большевиков-партийцев», являлся одним из основателей и руководителей женевского Клуба социал-демократов интернационалистов и Интернациональной социалистической группы, стоявших на позициях Циммервальдской левой. Сокольников вступил также в швейцарскую социал-демократическую партию и сотрудничал в парижских интернационалистских газетах — «Наше слово», в редакцию которой входил Л. Д. Троцкий, и «Начало».

Вернувшись в Россию в апреле 1917 г. вместе с В. И. Лениным, Григорий Яковлевич был сразу же включен в состав Московского комитета и областного бюро большевиков, исполкома Моссовета. Делегат VII (Апрельской) Всероссий-

ской партконференции, он совершил несколько агитационных поездок в Нижний Новгород, где при его ближайшем участии был создан окружком РСДРП(б), в Тулу, Тверь и Кинешму; сотрудничал в газете «Социал-Демократ» и подготовил проект переработки теоретической части партийной программы; часто выступал на митингах и собраниях, в частности, сделал один из главных докладов — «Политический момент и задачи социал-демократии» — на 2-й Московской областной конференции большевиков. На VI съезде партии Сокольников избрали членом Центрального Комитета (его кандидатуру выдвинули московская и петроградская делегации), а на послесъездовском Пленуме — в узкий состав ЦК и редколлегию ЦО РСДРП(б). С этого времени он редактировал все большевистские газеты, выходившие вместо разгромленной в июльские дни «Правды», и, как утверждал Сталин, «ответственными перед партией редакторами «Пролетария» и «Рабочего пути» были тогда члены ЦК Сталин и Сокольников, делившие между собой труд руководства центральным органом»¹. (Наверно, всю свою жизнь «вождь» не мог простить себе этого опрометчивого признания.)

Сторонник радикального ленинского курса и активный участник всех важнейших этапов политической борьбы в столице, Сокольников являлся членом исполкома Петроградского Совета и большевистской фракции ЦИК, делегатом Демократического совещания и Предпарламента, официальным кандидатом ЦК РСДРП(б) в члены Учредительного собрания, в которое его избрали от Тверской губернии. «Принадлежал, — писал он в автобиографии, — к тому большинству ЦК, которое вместе с Лениным голосовало за восстание и проводило его». Избранный в состав Политического бюро ЦК, созданного для руководства подготовкой восстания, 21 октября Сокольников был командирован в Москву для передачи директив и инструктирования облбюро и МК РСДРП(б). В Петроград он вернулся, по-видимому, 24 октября, когда по приказу решившегося, наконец, перейти в наступление Временного правительства была разгромлена типография газеты «Рабочий путь». Встретив поздним вечером у входа в Смольный пришедшего со своей конспиративной квартиры Ленина, Сокольников провел с ним остаток ночи накануне решающего дня восстания. «Мы улеглись, — вспоминал он, — на газетных кипах, укрылись газетными листами и так продремали несколько часов». А уже рано

¹ Правда. — 1919. — 14 февр

утром Григорий Яковлевич принимал участие в проходившем под председательством Ленина важном оперативном совещании ЦК большевиков, на котором определялись ближайшие задачи восстания.

Избранный на II Всероссийском съезде Советов членом ВЦИК, Сокольников участвовал в неудавшихся переговорах с представителями эсеров и меньшевиков по вопросу формирования «однородного социалистического правительства», затем в переговорах с левыми эсерами — о персональных изменениях в Совнаркоме, успешно завершившихся созданием правительственного блока двух партий. В январе 1918 г. в связи с намечавшимся переездом правительства из Петрограда Сокольников, оставшийся редактором «Правды», был избран членом Бюро ЦК РСДРП(б) в Москве, в которое помимо него вошли Ленин, Свердлов, Сталин и Троцкий. А в марте на VII съезде партий по итогам выборов ЦК Григорий Яковлевич получил столько же голосов, сколько Бухарин, Н. Н. Крестинский и Сталин, оказавшись таким образом в восьмерке наиболее авторитетных большевистских деятелей. Позже он также являлся членом Московского окружного комитета РКП(б) и президиума исполкома Моссовета.

Параллельно с напряженной партийной и советской работой еще 13 ноября 1917 г. Сокольников был назначен членом Совета, а 9 декабря — товарищем комиссара (на правах товарища управляющего) Государственного банка. Подготовив по поручению Ленина, уже тогда считавшего его «очень компетентным в финансовых вопросах», проект декрета о национализации банков, Сокольников руководил ее проведением, возглавлял Комиссариат по делам бывших частных банков и входил в коллегию Наркомата по финансовым делам и бюро ВСНХ первых составов. Убежденный, что «дело полного социалистического преобразования есть длительный процесс, отнюдь не претендующий на немедленное исключение всякого частно-предпринимательского хозяйства»¹, весной 1918 г. Сокольников полностью поддержал ленинский «новый курс» на развитие государственного капитализма. При этом он полагал, что именно «превращение буржуазного хозяйственного аппарата в государственную экономическую организацию, руководимую и направляемую пролетариатом»², и есть формула социализма переходной эпохи.

¹ Сокольников Г. Я. Финансовая политика революции. — М., 1925. — Т. 1. — С. 56.

² Правда. — 1918. — 30 апр.

Избранный в мае 1918 г. членом Президиума ВСНХ, Сокольников на I Всероссийском съезде Советов Народного Хозяйства выступил с докладом об основах финансовой политики, в котором решительно возражал против тогда уже установившейся практики безостановочной денежной эмиссии. Разгрузить «бумажно-денежные завалы» он надеялся путем обмена старых дензнаков на новые, с выдачей на руки только определенной суммы и принудительным превращением остатка в именные процентные облигации государственного займа. Категорически несогласный с заверениями «левых коммунистов» о том, что не стоит пугаться непрекращающегося падения курса рубля, поскольку при социализме все равно будет безденежное обращение, Сокольников предупреждал, что катастрофическое обесценивание денег постоянно сопровождается «революцией цен», вызывающей дефицит дензнаков и заставляющей с новой силой работать печатный станок. С целью облегчения финансирования национализированной промышленности он предлагал произвести выпуск бумажных денег нового типа — крупнокупюрных краткосрочных беспроцентных банкнот, которые имели бы хождение наравне с непрерывно обесценивающимися кредитными билетами и беспрепятственно разменивались на них.

Участвовавший еще в первой, возглавлявшейся А. А. Иоффе, советской делегации, направленной в ноябре 1917 г. в Брест-Литовск для переговоров с германским командованием о заключении перемирия, в марте 1918 г. Сокольников уже в качестве председателя делегации подписал Брестский мирный договор. Однако в мае в связи с постоянными нарушениями немцами демаркационной линии и их продвижением в глубь Курской и Воронежской губерний, вторжением турецких войск в Закавказье, а финских — в Мурманский край и, наконец, государственным переворотом на Украине, в результате которого к власти пришел ставленник немцев — гетман Скоропадский, Сокольников пришел к ошибочному заключению, что мирной передышке приходит конец и война с Германией неизбежна. В связи с этим он призывал ЦК приступить к «немедленной открытой и массовой подготовке военных действий и организации сопротивления путем широких мобилизаций», одновременно заключив «соглашение с англо-французской коалицией на предмет военной кооперации на определенных условиях»¹. Однако ЦК поддерживал ленинскую тактику «отступления, выжидания и лавирования». «Сокольников свихнулся опять, — с едкой иронией

¹ Ленинский сборник. — Т. XI. — С. 79.

писал Ленин советскому полпреду в Берлине Иоффе.— Сокольников — ценнейший работник, но иногда (и как раз теперь) на него «находит» и он «бьет посуду» из-за парадоксов»¹. 29 мая по докладу Григория Яковлевича ВЦИК принял постановление об обязательном призыве в армию рабоче-крестьянской бедноты, а 4 июня вместе с Бухариным и Ю. Лариным Сокольников выехал в Берлин для участия в переговорах о заключении дополнительных к Брестскому договору соглашений, касавшихся как территориальных, так и финансово-правовых вопросов.

Когда в середине августа 1918 г. он вернулся на Родину, там уже полыхало пламя гражданской войны. К этому времени из членов большевистского ЦК, помимо председателя Реввоенсовета Республики Л. Д. Троцкого, на ответственную военную работу были переведены М. М. Лашевич, И. Т. Смилга и И. В. Сталин. В начале сентября к ним присоединяется и Сокольников, назначенный членом Реввоенсовета 2-й армии Восточного фронта. При его непосредственном участии из полупартизанских частей, действовавших юго-восточнее Вятки, формируется Вятская особая дивизия, сыгравшая решающую роль в боях за освобождение Воткинска. Небезынтересно, что второй член Реввоенсовета армии С. И. Гусев, информируя ЦК о том, что в связи с недостатком состава политкомов нередко приходится брать командование на себя, в качестве примера называл именно Сокольникова, кстати, за «голову» которого белогвардейцы, как писала «Правда», пообещали 40 000 рублей.

В рядах 9-й армии Южного фронта, как член его Реввоенсовета, Сокольников с декабря участвует в боях с белоказаками генерала Краснова по освобождению Донской области и северных районов Донбасса. Узнав на фронте содержание январского циркуляра Оргбюро ЦК, предписывавшего проведение «беспощадного массового террора по отношению ко всем вообще казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью»², Сокольников телеграфировал Ленину и Свердлову (копия — Троцкому), что директива нуждается в серьезных дополнениях, учитывающих «необычайное обострение» отношений между молодыми казаками-фронтовиками и контрреволюционно настроенными «стариками». «Пункт первый директивы (о массовом терроре.— В. Г.), — протестовал Сокольников, — не может быть целиком принят ввиду массовой

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 50.— С. 88.

² Известия ЦК КПСС.— 1989.— № 6.— С. 177—178.

сдачи казаков полками, сотнями, отдельными группами. Настроение северных округов констатируется резким переломом». Для усиления расслоения казачества Сокольников предлагал временно удалить старшие возрасты за пределы Донской области, проведя их «трудовую мобилизацию для общественных работ»¹.

Позже Григорий Яковлевич с горечью отмечал, что казачье восстание в Вешенском районе, сыгравшее поистине роковую роль в последующих поражениях и тяжелом отступлении красных войск в июне — июле, «началось на почве применения военно-политическими инстанциями армии и ревкома массового террора по отношению к казакам, восставшим против Краснова и открывшим фронт Советской власти»². Однако сам факт восстания и командование, и Донбюро РКП(б) использовали только как лишний повод для усиления репрессивно-карательных мер против всего казачьего населения. Например, в записке по прямому проводу от 16 марта 1919 г., направленной членом Реввоенсовета фронта А. Л. Колегаевым, предлагались «к неуклонному исполнению» следующие, чудовищные по своей жестокости меры по отношению к мятежным казакам: «... а) сожжение восставших хуторов; б) беспощадные расстрелы всех без исключения лиц, принимавших прямое или косвенное участие в восстании; в) расстрелы через 5 или 10 человек взрослого мужского населения восставших хуторов; г) массовое взятие заложников из соседних к восставшим хуторов»³ и т. д.

К счастью, не все руководители фронта, поддавшись гипнозу кровавой вакханалии, придерживались зловещего принципа: «Цель оправдывает средства». Приехав в Москву на VIII съезд партии, Сокольников снова поднял вопрос об ошибочности январского циркуляра Оргбюро. По его докладу 16 марта ЦК принял решение приостановить применение террора против казачества и не препятствовать его расслоению. В приказе Реввоенсовета Южного фронта, подписанном Сокольниковым и И. И. Ходоровским, предписывалось во изменение прежних постановлений по Донской области «по отношению мирных районов не прибегать к массовому террору, преследовать только активных контрреволюционеров» и «беспощадно карать всех должностных

¹ Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории. — Ф. 17. — Оп. 65. — Д. 154. — Л. 115.

² Там же. — Д. 34. — Л. 85.

³ Центральный государственный архив Советской Армии (далее ЦГАСА). — Ф. 100. — Оп. 3. — Д. 100. — Л. 17—18.

советских лиц, виновных в злоупотреблениях». Однако местные партийные деятели из Донбюро РКП(б) по сути продолжали отстаивать и, более того, проводить на практике преступную политику «расказачивания», упрекая не желавшего мириться с этим Сокольников в защите «линии соглашения с казачеством», создающей «иллюзии возможности сохранения «единого Дона», сохранения казачества»¹.

На VIII съезде РКП(б) по поручению ЦК Сокольников вместо уехавшего на фронт Троцкого выступил с докладом о военном положении и военной политике партии. Призывая окончательно покончить с партизанщиной, создать регулярную централизованную армию, он резко критиковал ошибочные взгляды образовавшейся на съезде «военной оппозиции», которая требовала введения коллективного управления войсками и возражала против назначения военных специалистов на командные должности. Хотя после бурных дебатов съезд все же высказался за тезисы Троцкого — Сокольников, последний в новый состав ЦК партии избран не был. Объяснялось это, увы, тем, что на брошенное в его адрес одним из известных оппозиционно настроенных партийцев обидное и явно несправедливое обвинение во лжи, взбешенный Сокольников ответил... пощечиной, заявив: «Я никогда не лгал и не лгу!» Хотя при обсуждении кандидатур в члены ЦК в защиту Григория Яковлевича выступил Ленин, большинство делегатов, по-видимому, не поддержало его.

В середине мая 1919 г. Сокольников был командирован в район расположения экспедиционных войск, выдвинутых против мятежных казаков. Учитывая тяжелейшее положение на фронте красных армий, с трудом сдерживавших натиск превосходящих сил Деникина, Ленин требовал «свирепой и беспощадной расправы» с повстанцами. «Я боюсь, — телеграфировал он Сокольникову, — что Вы ошибаетесь, не применяя строгости»². Примечательно, что посланный Лениным для организации подавления восстания чрезвычайный уполномоченный Совета Обороны А. Г. Белобородов в письме в Москву подчеркивал, что «линия, занятая Владимиром Ильичем, вполне верна, хотя некоторые товарищи, в том числе и тов. Сок[ольников], смотрят на дело, кажется, несколько иначе... В общем надо сказать, что кого нужно, в железо здесь еще не взяли, — очень уж русское

¹ Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории. — Ф. 17. — Оп. 65. — Д. 34. — Л. 170.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 50. — С. 290.

добродушие прет изо всех углов!»¹. Впрочем, справиться с повстанцами, соединившимися в начале июня с деникинцами, так и не удалось, началось отступление.

Во время губительного рейда конного корпуса генерала Мамонтова, фактически сорвавшего августовское контрнаступление Южного фронта, Сокольников находился в 8-й армии. Окруженная с трех сторон, а иногда и полностью отрезанная, она вынуждена была отходить к Воронежу, с трудом поддерживая связь с соседями и фронтовым командованием. «Налеты мамонтовских частей на тылы армии действовали дезорганизующе и деморализующе,— вспоминал Сокольников.— ...Штаб армии кочевал с места на место, всегда рискуя быть захваченным врасплох; часть работников штаба дезертировала, а некоторые перебежали к белым. В этих условиях был назначен (6 октября 1919 г.— В. Г.) командующим армией...»².

Назначение командармом человека, не имевшего за плечами даже курса военного училища, не могло не вызвать понятного раздражения у некоторых из фронтовых работников. «Откуда это взяли,— возмущался Г. К. Орджоникидзе,— что Сокольников годится в командармы?.. Неужели, чтобы не обидеть самолюбие Сокольникова, ему надо дать поиграться с целой армией?» Тем не менее уже 26 октября Политбюро ЦК в составе Ленина, Крестинского и Каменева приняло решение одобрить предложение Троцкого и новых руководителей Южного фронта А. И. Егорова и Сталина о том, чтобы во изменение существующего порядка установить единоличное управление 8-й армией и утвердить Сокольникова ее командующим без Реввоенсовета, но с двумя помощниками: по политической и по административной части.

В ходе начавшегося во второй половине ноября наступления войска армии сумели вырвать инициативу из рук противника, сломить его сопротивление и начать преследование. «По поводу взятия Луганска,— телеграфировал Троцкий Сокольникову,— приветствую руководимую вами 8-ю армию; которая своим героизмом и упорством возвратит Советской Республике Донецкий бассейн. Да здравствуют славные бойцы 8-й армии!» Выступая в декабре на VII Всероссийском съезде Советов, Предреввоенсовета заявил, что «тов. Сокольников, которого мы знали в свое время как члена ЦК партии, как прекрасного журналиста и оратора,

¹ Переписка Секретариата ЦК РКП(б) с местными партийными организациями. Январь — март 1919 г.— М., 1972.— Т. VII.— С. 536—537.

² ЦГАСА.— Ф. 100.— Оп. 3.— Д. 1130.— Л. 295.

но вполне штатского», теперь командует «одной из лучших» армий и, «по отзывам главнокомандующего, хорошо командует».

Когда в начале января 1920 г. был поднят вопрос о назначении Сокольников командующим фронтом; вмешался Сталин. В телеграмме, посланной Троцкому, он обвинял командарма в местничестве, «причудливо сочетающемся с опасным для дела болезненным самомнением», и «полете фантазии, граничащем с легкомыслием». «Мое мнение,— объявлял Сталин,— мы окончательно испортим Сокольников, если передадим ему фронт: последние неудачные операции Сокольников в районе Звереве говорят об оперативных недостатках Сокольников, чего я раньше не замечал»¹.

После освобождения силами 1-й Конной и 8-й армий Ростова белые отошли на линию Азов — Ольгинская — Батайск и, пользуясь десятидневным бездействием «расслабившихся» буденовцев, прочно укрепились, вследствие чего для «раскупоривания» «Батайской пробки» потребовалось еще более полутора месяцев жестоких кровопролитных боев. К этому времени относится резкое обострение отношений между Реввоенсоветом 1-й Конной и Сокольниковым, считавшим, что последняя разложилась и со стороны ее можно ожидать много неприятностей. «В этом духе,— вспоминал Орджоникидзе,— была информирована Москва. В этом же духе сообщала Владимиру Ильичу Фотиева, ездившая в Ростов. Надо сказать, что Конармия по занятии Ростова изрядно пограбила его...»²

«В решительную борьбу против пьянства, грабежей, насилий и пожаров,— докладывали главкому командующий Кавказским фронтом В. И. Шорин и член Реввоенсовета В. А. Трифонов,— за время пребывания в Ростове командование (Конармии.— В. Г.) не вступило. Разгул шел вовсю. Командование тем временем все свое внимание приковало к тому, чтобы в наикратчайший срок захватить в свои руки магазины, заводы, склады... набрасывалось на все без разбора и начало вывоз предметов, подчас совершенно ненужных и малоценных. Командование определенно считало, что все захваченное есть достояние Конной армии, что город Ростов принадлежит ей. Когда же въехал за штабом Конной армии и штаб 8-й армии, то с первых же дней почувствовалось враждебное настроение... Командова-

¹ Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории.— Ф. 558.— Оп. 1.— Д. 1416.

² Цит. по: Сейранян Ф. Г. Надежнейший военный работник.— М., 1989.— С. 50.

ние 8-й армии не могло относиться безразлично, а заставляло указывать на недопустимость этих явлений, могущих повлечь к потере занимаемого фронта, на что со стороны командования Конной армии получались разные ответы с объявлением командарма 8-й контрреволюционером»¹.

Сталин, утверждавший, что Сокольников создал вокруг Конармии «атмосферу вражды и злобы», настаивал в феврале на его незамедлительной отставке, оказывая в этом направлении усиленное давление на сменившего Шорина Тухачевского и члена Реввоенсовета фронта Орджоникидзе. «Мы с Тухачевским, — телеграфировал Серго Ленину, — считаем, что крики о разложении в смысле потери боеспособности (буденовцев. — В. Г.) неосновательны. Пьянство и грабежи у них старое явление»². Полагая, что у всех собравшихся в Ростове ответственных лиц «нѣ хватало такта, начались препирательства, перешедшие в дразги», Тухачевский определенно собирался убрать Сокольникова из 8-й армии, причем просил главкома не давать ему «резкой отставки», назначив помощником командующего одного из фронтов. Однако 29 февраля, разгромив в упорном бою Марковскую белогвардейскую дивизию, части армии овладели Ольгинской и, обойдя с востока и юго-востока Батайск и Койсуг, наконец-таки «раскупорили» злосчастную «пробку». Началось стремительное преследование противника, завершившееся освобождением Новороссийска. Приказом Реввоенсовета Республики от 12 апреля 1920 г. «за выдающееся единоличное командование войсками 8-й армии» Сокольников был награжден орденом Красного Знамени.

После разгрома Деникина и расформирования армии Григорий Яковлевич выезжает в Москву. «Когда Сокольников вернулся с Кавказа, — вспоминал Крестинский, — он указывал, что совершенно не годится для комиссарской работы и что на фронте его можно использовать лишь как командарма или комфронта. С этим согласились тогда и Троцкий и Сталин и поэтому, когда отпало назначение его командующим Юго-Западным фронтом, его сняли с военной работы и оставили в Москве». Небезынтересно, что переговорить с главкомом о назначении Сокольникова комфронтом Политбюро поручало... Сталину. Несмотря на то что Григорий Яковлевич был снова включен в состав редколлегии «Правды» и избран членом МК РКП(б), уже в июле Сталин обратился в Политбюро с настоятельной прось-

¹ ЦГАСА. — Ф. 6. — Оп. 4. — Д. 140. — Л. 155—158.

² Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории. — Ф. 85. — Оп. 8. — Д. 3.

бой привлечь Сокольникова к борьбе с Врангелем (речь шла о его назначении командующим Крымским фронтом или 13-й армией). Однако воевать с врангелевцами Григорию Яковлевичу так и не пришлось.

Назначенный председателем Туркбюро ЦК РКП(б) и Турккомиссии ВЦИК и Совнаркома, командующим Туркестанским фронтом, 23 августа Сокольников приехал в Ташкент, где его уже с нетерпением ждали В. В. Куйбышев и Фрунзе. Доказывая, что настала пора «разделаться с Бухарским правительством», они предлагали организовать на территории эмирата восстание, использовав его затем как предлог для вмешательства советских войск. «Чтобы создать в Бухаре внутренний революционный подъем,— признавался Фрунзе,— необходимо ожидать не месяцы, а годы. Коммунистической партии там нет и пока не может быть. Конспиративные отряды большой роли играть не могут»¹. Санкционировав проведение военной операции и перенеся тем самым центр тяжести бухарского вопроса на «штыки Красной Армии», Сокольников внес «достойную» лепту в реализацию сомнительной теории «экспорта революции».

Поскольку при штурме крепости Старая Бухара потери со стороны наступавших на третий день непрерывного боя составили до 600 человек убитыми и ранеными, пришлось применить артиллерию — было выпущено 12 000 снарядов — и авиацию. По словам очевидца, после сдачи Бухары «начались поджоги и невероятные грабежи и мародерство». «Когда принял командование (12 сентября.— В. Г.),— сообщал Сокольников встревоженному Ленину,— я дал ряд категорических приказов для прекращения безобразий. Куйбышев в качестве полном[очного] представителя упорно и с успехом боролся на месте с грабежами и насилиями... Вы спрашиваете: «Каковы итоги?» Итоги те, что с гор. Бухарой обошлись как, к несчастью, обходятся со всяким «освобождаемым» городом наши части, когда они «вырываются из рук» (...). Будем политически залечивать елико возможно»².

8 октября 1-й Всебухарский курултай народных представителей провозгласил создание Бухарской народной советской республики.

Широкий размах басмаческого движения в Фергане заставил Сокольникова после завершения Бухарской операции немедленно приступить к сосредоточению в области крупных военных сил. «Продовольственная политика в Фер-

¹ ЦГАСА.— Ф. 110.— Оп. 1.— Д. 66.

² Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории.— Ф. 2.— Оп. 1 — Д. 16000.

гане,— писал он Троцкому,— проводилась в крайне уродливых формах, вызвавших вполне законное массовое озлобление против органов Соввласти, что не могло не облегчить действия басмачей»¹. Сокольников принимал участие в разработке военных операций и сам дважды выезжал в район боевых действий. Вместе с тем главное внимание он сосредоточил на проведении в крае серьезных экономических и политических реформ, которые не в меньшей мере, чем военные, способствовали резкому ослаблению басмачества. Так, Туркестанская республика стала первой, где население, выполнившее государственные разверстки на сельскохозяйственную продукцию, получило возможность свободно распоряжаться оставшимися у него излишками, т. е. продразверстку по сути заменил продналог. Одновременно была разрешена свободная торговля на базарах и признана необходимость поддержки кустарей, отменена всеобщая натуральная трудповинность, проводилась денежная реформа. Из тюрем были выпущены представители духовенства, советские органы управления переносились в «туземные» города и кварталы, в Семиречьи началось возвращение киргизам земель, отнятых у них русскими поселенцами, и т. д.

Делегированный в декабре 1920 г. на VIII Всероссийский съезд Советов, Сокольников принял участие в партийной дискуссии о профсоюзах, подписав сначала «буферную» платформу Бухарина, а затем объединенную платформу Бухарина — Троцкого. В Ташкент он уже не вернулся, поскольку тяжело заболел и был отправлен на лечение в Германию, где ему сделали операцию на почке. В ноябре Сокольников возвращается на Родину и включенный в состав коллегии Наркомфина 10 января 1922 г. получает назначение на пост первого заместителя наркома (Н. Н. Крестинского). Ввиду отъезда последнего на постоянную дипломатическую работу в Берлин, 33-летнему Сокольникову предстояло фактически возглавить финансовое ведомство Республики.

Подводя итоги политической биографии Сокольникова, Троцкий не зря называл его «человеком выдающихся дарований». В условиях чудовищной финансовой разрухи, когда 98% всех государственных расходов покрывались за счет денежной эмиссии, а рубль по сравнению с довоенным обесценился более чем в 50 000 раз, под руководством Григория Яковлевича всего за два с половиной года была практически заново создана почти до основания разрушенная в период «военного коммунизма» финансово-кредитная

¹ Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории.— Ф. 2.— Оп. 1.— Д. 15705.

система страны, проведена сложнейшая денежная реформа.

Уже в январе 1922 г. состоявшееся в Наркомфине совещание, в котором приняли участие крупнейшие специалисты в области финансов профессора П. П. Гензель, Н. Н. Кутлер, С. А. Фалькнер, Л. Н. Юровский и другие, единогласно поддержало все предложения Сокольникова, касавшиеся свободного обращения золота и иностранной валюты. В письме Ленину от 28 января Григорий Яковлевич подчеркивал, что идея его заключается в том, чтобы расширить сферу хождения советского рубля, использовать золото и ценности, находящиеся у населения, для покрытия пассива и развития торговли с границей, в интересах оживления товарооборота, экономии государственных ресурсов.

На проходившем в марте XI съезде РКП(б), на котором после трехлетнего перерыва Сокольников вновь избрали членом ЦК партии, он выступил с большим докладом о финансовой политике, по которому разгорелись острые прения. Взятые за основу съездовской резолюции тезисы Сокольникова «Основные положения финансовой программы» («не дурны, но теоретичны», — оценил их Ленин) определяли главные направления оздоровления советских финансов. Во-первых, увеличение размеров товарооборота, прежде всего через развитие всех видов торговли, во-вторых, сокращение и затем полная ликвидация бюджетного дефицита путем резкого сокращения расходов и всемерного увеличения доходов государства, развития налоговой системы, что, в свою очередь, должно было свести на нет и роль эмиссии. Убежденный, что для сбалансирования бюджета следует вести очень жесткую, «плюшкинскую», политику, «быть плюшкиным в кубе», Сокольников решительно выступал за «разгрузку государства от массы мелких ненужных убыточных предприятий, сокращение ненормальных паразитических орд, заполонивших советские учреждения». Он считал, что величайшая проверка жизнеспособности советских трестов будет проведена на рынке: «Рынок — вот жестокий экзаменатор». Защищая бюджетную политику, основанную на переходе к хозяйственному (финансовому) расчету между казной и государственной и кооперативной промышленностью и торговлей, Сокольников утверждал, что ни одна из сторон не должна ничего давать другой даром. «Бесплатные сдачи в «общий котел», — писал он Ленину, — и бесплатные выдачи «приданого» трестам, внешторгу и пр. прекращаются»¹.

¹ Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории. — Ф. 2. — Оп. 1. — Д. 22663.

Тем не менее большинство «красных хозяйственников» полагало, что финансовый кризис заключается отнюдь не в том, что выпущено слишком много денег и падает их ценность, а, наоборот, в том, что денег не хватает, не хватает оборотных средств на восстановление промышленности. Сокольникова гневно обвиняли в ведомственной узости, «антиэмиссионном азарте» и увлечении финансовыми «фокусами», причем страсти в полемике достигали такой точки кипения, что раздавались даже призывы не допустить замены диктатуры пролетариата «диктатурой Наркомфина». «Холодным рассудком,— вспоминал Сокольников,— тот или иной наркомат или трест «принимали» положение о необходимости стабилизации рубля, как предварительного условия решительного финансового и экономического подъема Союза, но добровольно принести себя «в жертву стабилизации» никто в конечном счете не соглашался». Столкнувшись с «непосредственными потребностями каждого дня и эгоизмом каждой отдельной части советского целого»¹, Сокольников был вынужден снова и снова терпеливо доказывать своим многочисленным критикам, что дело отнюдь не в злой воле финансового ведомства, которое якобы не дает денег промышленности и торговле в то время, как они им до зарезу нужны. Проблема состоит в том, что новые выпуски ничего не стоящих совзнаков стремительно обесценивают всю денежную массу, находящуюся в обращении, что неуклонно диктует новую эмиссию, и единственный способ вырваться из этого заколдованного круга — добиться соответствия между масштабом развертывания товарного оборота и размерами денежной массы.

Выступая за восстановление золотого обеспечения денег, Сокольников еще в январе 1922 г. вернулся к своей старой идее о целесообразности создания второй, параллельной совзнакам, твердой валюты, воплощенной в банковских билетах Госбанка и беспрепятственно размениваемой на совзнаки. Рубль, гарантированный от резких колебаний его ценности, полагал Сокольников, не сможет полностью заменить совзнаки, а «может и должен лишь замещать их, лишь существовать наряду и вместе с ними, лишь частично «корректируя» существующую бумажную систему, являясь в ней лишь островом устойчивости»². Несмотря на возражения оппонентов Сокольникова, заявлявших, что новая валюта не только окажет негативное влияние на судьбу совзнаков, но и погибнет сама, став жертвой расстроенного де-

¹ Сокольников Г. Я. Денежная реформа.— М., 1925.— С. 88.

² Экономическая жизнь.— 1922.— 6 янв.

нежного обращения и необходимости покрытия бюджетного дефицита, в конечном счете вопрос был решен положительно и с лета Госбанк начал готовиться к новой для себя операции.

Одновременно с целью сокращения денежной массы Сокольников предложил выпустить краткосрочные облигации 1-го Государственного хлебного займа на 10 миллионов пудов ржи в зерне с погашением их государством в конце 1922 г. натурой или наличными деньгами по полной рыночной цене ржи в день оплаты. Предусматривалось, что облигации должны свободно продаваться и закладываться, подлежать приему в зачет взносов по единому натуралогу, а также использоваться на погашение задолженности государства рабочим и служащим, для уплаты за поставки и т. д. Отвечая на письмо Ленина, назвавшего проект займа «самообманом», реализация которого может только ухудшить финансовое положение Республики, Сокольников подчеркивал, что «без внутреннего кредита, опирающегося на происходящий в стране процесс мелкого накопления, вести денежное государственное хозяйство мы вообще не сможем». Поскольку дензнаки быстро обесцениваются, они не могут служить средством накопления: «кто имеет излишек денег — отдает их за грош, лишь бы получить твердую ценность». В этих условиях, пояснял Сокольников, проведение займа «есть путь выкупа выпущенных нами бумажных денег (за гроши), расчистка почвы для выпуска твердых денег (хотя бы бумажных)».

«Всю нынешнюю работу по выработке налоговой системы и созданию налогового аппарата, — писал Сокольников Ленину, — правильнее рассматривать только как подготовительную. Реального существенного облегчения сбор налогов в текущем бюджетном году не даст. На сборе налогов в падающей валюте мы только сможем построить, испытать, напрактиковать аппарат. Затем надо будет переходить на твердую валюту и в ней брать налоги. Первые выпуски банкнот, не разменных на золото, в самом скромном виде без всякого шума произведем через пару месяцев. Тут, может быть, придется нащупывать почву с разных концов. (Выпуск хлебного займа сыграет роль разведки.)»¹

В последних числах ноября 1922 г. первые банкноты новой советской валюты («червонцы») были выпущены в обращение. Они приравнивались к царской золотой десятирублевой монете, причем на 25% своей суммы обеспечи-

¹ Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории. — Ф. 5. — Оп. 2. — Д. 27. — Л. 23123.

вались золотом, другими драгоценными металлами и иностранной валютой по курсу на золото, а на 75% — легкорезализуемыми товарами и краткосрочными обязательствами. Червонцы, которые категорически запрещалось использовать для покрытия бюджетного дефицита, первоначально предназначались исключительно для кредитования промышленности и коммерческих операций в сфере оптовой торговли. Выпуск «золотых банкнот» ознаменовал собой перелом в развитии финансового хозяйства Республики.

Ленин, говоривший, что над проблемой стабилизации рубля «работают лучшие наши силы», с неизменной симпатией отзывался о Сокольникове как о «ценнейшем работнике» и «любителе парадокса». Несмотря на разногласия с Предсовнаркома по вопросу монополии внешней торговли (Григорий Яковлевич настаивал на временном разрешении свободного «ввоза и вывоза по отдельным категориям товаров или в применении к отдельным границам»¹), 22 ноября 1922 г. постановлением Президиума ВЦИК он был официально утвержден наркомом финансов РСФСР. Всего за день до этого Сокольникову довелось последний раз побывать на приеме у Ленина, уже тяжело, смертельно больного.

Хотя на 1 января 1923 г. доля червонцев в денежной массе составляла всего 3%, со второго полугодия они практически полностью вытеснили совзнаки из сферы крупного хозяйственного оборота. В деревне интерес к червонцам оказался настолько велик, что уже осенью многие из крестьян категорически отказывались продавать свой хлеб за совзнаки и лишь ради того, чтобы заполучить «золотую банкноту», были готовы отдать урожай даже дешевле рыночных цен. Интересно, что, когда летом 1922 г., выступая на международной экономической конференции в Гааге, Сокольников указывал на начавшийся процесс финансового оздоровления Советской России и предстоящую организацию экспорта хлеба, его заявления воспринимались с глубоким недоверием. Так, Д. Ллойд-Джордж в своей речи в палате общин утверждал, что русские деньги — это «сплошная шутка» и если Европой «ничего не будет предпринято и притом в ближайшем будущем, то Россия вернется к первобытным условиям». Прошло совсем немного времени, и Запад с изумлением вынужден был признать, что наиболее важными событиями года в мировой экономике оказались, пожалуй, выпуск советских червонцев и появление российского хлеба на зарубежном рынке.

¹ Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории. — Ф. 5. — Оп. 2. — Д. 27. — Л. 77.

Устойчивость советской банкноты поддерживалась тем, что в рамках внешнего торгового оборота, благодаря значительному пополнению своих валютных запасов, Госбанк был в состоянии безотказно обменивать каждый предъявленный ему червонец на иностранную валюту по твердому курсу. Кроме того, уже в конце 1922 г. в стране были узаконены валютные операции, созданы фондовые биржи, где осуществлялись операции по продаже и покупке инвалюты и золота, а также облигаций государственных займов по свободно складывающемуся курсу. Для повышения вольного курса червонца в случае, если он опускался ниже официального паритета на иностранную валюту, Госбанк выбрасывал на рынок определенное количество валютных ценностей, а если курс поднимался выше валютного паритета, Госбанк, наоборот, скупал золото и инвалюту на бирже, выпуская для этого дополнительное количество червонцев. В результате в течение 1923 г. происходил процесс повышения стоимости советской валюты по отношению к иностранным, курс которых, наоборот, падал.

«С удивлением смотришь по приезде из Берлина,— делилась своими впечатлениями побывавшая в Москве немецкая журналистка Л. Кайт,— что погоня за долларами здесь явление почти незнакомое. Предложение долларов как будто даже больше спроса, и доллар должен был теперь капитулировать перед доморощенным червонцем. Это явление начинает убеждать даже иностранцев, скептически относившихся к советам своих московских банкиров выписывать аккредитивы не в долларах, а в червонцах. За первые две недели пребывания одного моего знакомого доллар поднялся на 12%, червонец — на 30%»¹. Так, если на 2 января 1924 г. курс доллара на московской бирже составлял 2 руб. 20 коп., то на 1 февраля он был уже равен 2 руб. 17 коп., к 1 марта опустился до 2 руб. 11 коп., а к 1 апреля достиг 1 руб. 94,5 коп. и на этом уровне остановился. Вольный курс доллара упал еще ниже, составляя на 1 апреля 1 руб. 91 коп. Примерно то же произошло с фунтом стерлингов и с другими иностранными валютами. Золотая десятирублевая монета, за которую в Москве на рынке в начале января платили около 14 руб., понизилась в цене на 1 апреля до 10 руб. 65 коп., а затем и до 9 руб. 50 коп. В провинции падение курса иностранных валют и золота бывало по временам еще значительнее.

Все это производило поистине ошеломляющее впечатление как внутри страны, так и за рубежом. Уже в 1925 г.

¹ Огонек.— 1923.— № 21.

советский червонец официально котировался на валютных биржах Австрии, Италии, Китая, Монголии, Персии, прибалтийских государств и Турции, причем широкие полуофициальные операции с советской банкнотой производились также в Англии, Германии, Польше, США и других странах. Например, на нью-йоркской бирже, по сообщению агентства Юнайтед Пресс, червонцы котировались выше всякой другой европейской валюты.

Решающими актами заключительного этапа денежной реформы стали выпуск весной 1924 г. казначейских билетов и чеканка разменной серебряной и медной монеты. Одновременно была прекращена эмиссия совзнаков и установлен их фиксированный курс в твердой валюте: 50 тыс. рублей образца 1923 г. приравнивались к 1 рублю золотом. Срок хождения совзнаков был продлен до 10 мая, а прием их кассами Наркомфина и Госбанка — до 31 мая. Хотя вследствие недооценки спроса на казначейские билеты пришлось преодолевать серьезный разменный кризис, к началу июня советская денежная реформа в основном была завершена.

Успех реформы еще более упрочил авторитет Сокольников. Возглавив после формирования в июле 1923 г. союзного Совнаркома Наркомат финансов СССР, он одновременно входил в Совет Труда и Оборона, на I—III Всесоюзных съездах Советов избирался членом ЦИК СССР, а на XI—XV съездах партии — в состав ее Центрального Комитета. В 1924—1925 гг. Сокольников также состоял кандидатом в члены Политбюро ЦК РКП(б) и Президиума Исполкома Коминтерна. Остроумный полемист, прекрасный оратор и лектор, в личных отношениях внешне сухой, холодново-сдержанный, сознательно державший людей на большой дистанции, Сокольников всегда вызывал у окружающих почтительное уважение к себе. Его жена, известная писательница Г. И. Серебрякова, в то время юная начинающая журналистка, отмечала позже, что Сокольников казался «надменным, гордым, может быть, даже чопорным и само-мнящим, но никто никогда не отказывал ему в редком интеллекте, поразительных знаниях, таланте финансиста и государственного мужа». Действительно, многие страницы из трехтомника его работ «Финансовая политика революции» (соответственно 1925, 1926 и 1928 гг. издания), книги «Денежная реформа» (1925 г.), учебника «Финансовая наука» (трижды переиздававшегося в 1930—1931 гг.) и сегодня звучат поразительно актуально.

Чрезвычайно загруженный работой и абсолютно не терпевший праздности и пустословия, Сокольников в то же время очень любил классическую музыку и неплохо сам играл

на рояле. «Живя замкнуто и насыщено делом,— вспоминала Серебрякова,— мы, однако, не упускали случая простоять всю пасхальную службу в Храме Христа Спасителя, чтобы услышать бессмертную музыку Бортнянского, величавую литургию и хор, состоящий из солистов Большого театра — Неждановой, Михайлова и других. Точно так же за рубежом мы многократно посещали не только концерты, но и мессы в костелах... Не счесть храмов и монастырей, служб и песнопений, которые мы перевидели и переслушали». Когда молодой Д. Д. Шостакович приезжал из Ленинграда в Москву, он появлялся и на квартире Сокольникова в 5-м Доме Советов на улице Грановского. «Случалось,— свидетельствует Серебрякова,— Шостакович жил у нас по нескольку дней. Ночевал на диване в столовой или в кабинете мужа».

Григорий Яковлевич увлекался также живописью, скульптурой, старался по возможности не пропускать значительные театральные премьеры и литературные новинки, был «неистовым библиофилом». Серебрякова признавалась, что стала писательницей во многом благодаря стараниям мужа. Он редактировал ее первые произведения и, в частности, принесшую ей известность, переведенную на многие языки книгу «Женщины эпохи французской революции», в которой и его перу принадлежат несколько абзацев, посвященных термидорианскому перевороту. Помимо всего прочего Сокольников был превосходным шахматистом, играл в теннис.

Между тем, выступая под лозунгом «Все для производства!» и призывая решительно «приспособлять» рыночную обстановку к собственным «плановым устремлениям», сторонники «диктатуры промышленности» по-прежнему настаивали на неограниченном расширении банковской эмиссии, клеймили позором совершенно недостаточное, с их точки зрения, финансирование индустрии за счет якобы слишком большого облегчения налогового бремени на крестьянство и увеличения расходов на социально-культурные нужды. Троцкий выражался еще более определенно, недвусмысленно требуя «покончить с трехлетней традицией фактического руководства хозяйством через Наркомфин, для которого все пути хороши, раз они поддерживают червонец». В отличие от своих оппонентов Сокольников был твердо уверен, что путь «кредитной экспансии» ведет не к быстрому развитию промышленности, а к инфляции, к крушению созданного с таким трудом конвертируемого червонца, поэтому «принцип сохранения твердой валюты должен лежать в основе кредитной политики и определять ее на все 100%». Наркомфин неоднократно предупреждал, что обязательным условием ус-

пешного проведения политики экономического подъема является внутреннее равновесие всей народнохозяйственной системы страны, лучшим измерителем которого служит именно состояние денежного обращения.

Тем не менее «совершенно неправильная», по определению Сокольников, ошибочно продиктованная Госбанку, несмотря на сопротивление руководителей Наркомфина, политика чрезмерного финансирования хлебозаготовок и форсированного кредитования промышленности привела осенью 1925 г. к заавансированию оборота, вследствие чего достигнутое ранее равновесие между размерами денежной и товарной массы нарушилось. Сдержанное предложение зерна, которым ответила деревня на «бестоварье», привело к срыву плана хлебозаготовок, что, в свою очередь, повлекло за собой невыполнение экспортной программы, сокращение притока иностранной валюты.

В то же время для поддержания устойчивого курса червонца на внутреннем рынке Госбанку приходилось постоянно вводить в обращение валютные ценности, реализация которых на биржах являлась средством для изъятия из оборота излишков выпущенных банкнот. Однако эмиссия их при этом не сокращалась и соответственно причины, вызывавшие необходимость расходования золота и инвалюты, не устранялись. Поскольку зимой суммы, необходимые для регулирования рынка, достигли весьма значительных величин, в марте 1926 г. «валютная интервенция» была прекращена.

Так, по сути, был ликвидирован единый паритетный курс червонца, поддерживавшийся до этого Госбанком во всех валютных операциях как на внешнем, так и на внутреннем рынке, произошло раздвоение валютных курсов. В связи с тем что в июле было принято правительственное постановление, запрещающее вывоз советской валюты за границу, а вскоре прекратилась и ее скупка, пришлось отказаться и от котировки банкнот на зарубежных валютных биржах. В конечном счете все это способствовало тому, что конвертируемый червонец прекратил свое существование, но в финансовых мероприятиях 1926 г. Григорий Яковлевич уже не участвовал...

Выступая за более быстрый подъем сельского хозяйства как сырьевой и продовольственной базы мощной промышленности, Наркомфин полагал, что развитие экспорта излишков сельскохозяйственной продукции позволит восстановить истраченные золотые резервы государства, расширить ввоз из-за границы необходимого оборудования и сырья и, значительно ускорив тем самым процесс технического переобо-

рудования промышленности, двинуть вперед «со всей возможной энергией» отечественное машиностроение. Призывая не переоценивать «социалистической зрелости» экономики СССР, Сокольников доказывал, что нельзя рассматривать развертывание промышленности вне связи с существующими элементами «товарного капиталистического хозяйства» и, в частности, с 22 миллионами индивидуальных крестьянских хозяйств. В основе экономической политики должно лежать «отнюдь не стремление раздувать планы до максимальных размеров», а обеспечение возможности твердого и уверенного развития страны, «осуществления социализма на деле; медленного, постепенного и осторожного». В условиях ограниченных ресурсов, когда плановое хозяйство представляет собой «очень шаткую постройку, которая в любой момент может натолкнуться на кризис», планирование не должно связывать «свободу маневрирования на рынке»¹.

Тем не менее и левые «сверхиндустриализаторы», и более умеренные сторонники Сталина уже тогда расценивали экономические воззрения Сокольникова не иначе, как «правый» уклон, стремление навязать партии экономическую программу, которая сводится якобы к ослаблению крупной промышленности, развязыванию мелкобуржуазной стихии и даже превращению СССР в аграрную колонию капиталистических стран. Троцкий, например, считал, что Сокольников «во всех случаях противопоставляет ложно им истолковываемые интересы деревни и частнохозяйственного оборота жизненным интересам промышленности», «являлся и является теоретиком экономического разоружения пролетариата перед деревней»². Поэтому не удивительно, что, когда осенью 1925 г. Сокольников, защищая, по его же собственным словам, «точку зрения необходимости (...) отчетливой классовой политики в деревне», примкнул к образовавшейся в партии так называемой «новой оппозиции» (Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, Н. К. Крупская и др.), Троцкий не преминул обвинить его в «личной беспринципности». В действительности же объяснение участия Сокольникова в «левой» оппозиции следует, скорее, искать в признании Крупской: «Я вообще против фракционности и далеко не во всем согласна с оппозицией, но вопросы ставятся в такой форме... что поневоле, хотя бы в виде протеста, приходится голосовать с меньшинством»³.

¹ Сокольников Г. Я. Финансовая политика революции.— М., 1928.— Т. 3.— С. 10, 18, 34.

² Архив Троцкого.— М., 1990.— Т. 1.— С. 154, 165.

³ Цит. по: Коммунист Эстонии.— 1988.— № 9.— С. 79.

По свидетельству Серебряковой, перед открытием XIV съезда ВКП(б) Сталин встречался с Григорием Яковлевичем и уговаривал его не поддерживать оппозицию. Сокольников не согласился. «Пожалеешь, Григорий», — предупредил его Сталин, однако поздней ночью позвонил ему по «вертушке» и опять безуспешно просил о том же.

В своей речи на съезде, напоминая, что Ленин не был ни Председателем Политбюро, ни Генеральным секретарем ЦК, Сокольников с вызовом заявил, что если Сталин хочет завоевать такое же доверие в партии, как и Ленин, то в этом ему никто не мешает. Сокольников подчеркивал, что поскольку Генеральный секретарь является, с одной стороны, членом Политбюро, а с другой, руководителем Секретариата ЦК, то совершенно независимо от его личности создастся такое положение, когда любые политические разногласия немедленно получают то или иное свое отражение по линии организационных мер... В итоге уже 16 января 1926 г. Сокольников был освобожден от обязанностей наркома финансов.

Назначенный одним из заместителей председателя Госплана СССР, Григорий Яковлевич руководил его Экономическим сектором, возглавлял Конъюнктурный Совет, затем секцию внутренней конъюнктуры. Участвуя в обсуждении проекта первого пятилетнего народнохозяйственного плана, Сокольников призывал закладывать в него такие цифры, которые обеспечили бы проведение индустриализации не только максимально быстро, но и плавно, с «наибольшей безболезненностью для масс». «Не нужно забывать, — говорил он, — что мы имеем дело с цифрами, а будем иметь потом дело с живыми людьми»¹. Выступая против «непосильного форсирования» капитальных затрат, Сокольников доказывал, что ускорение темпов индустриализации возможно только на почве гармонического развития всего народного хозяйства.

Как вспоминал впоследствии Троцкий, по важнейшим экономическим вопросам Сокольников сочувствовал скорее правому крылу партии, чем левому, и хотя и считался формально одним из лидеров объединенной оппозиции Троцкого — Зиновьева, никогда не входил в ее руководящий центр и «сохранял за собой полную свободу действий». Летом 1927 г. в связи с ухудшением внешнеполити-

¹ Сокольников Г. Я. Финансовая политика революции. — Т. 3. — С. 257.

ческого положения СССР, стремлением к скорейшей ликвидации «партийной распри» Сокольников отходит от оппозиции, о чем и заявляет в декабре на XV съезде ВКП(б). В своей речи, признавая необходимость более интенсивного развертывания тяжелой промышленности, он снова напоминал, что неразрывная связь развития сельского хозяйства с ростом производства средств потребления и через него с ростом производства средств производства является тем исходным положением, которое должно лежать в основе пятилетнего плана. Не обеспечив такой связи, предрекал Сокольников, «мы получили бы фантастический план, который мог бы давать очень высокий коэффициент роста, но давал бы вместе с этим очень высокий процент неуспехов и поражений». Разъясняя, что при фиксированных ценах на промтовары и росте потребительского спроса деревни «товарный голод» не может не привести к сокращению хлебозаготовок, Сокольников предупреждал, что совершенно нелепо расценивать крестьянские запасы хлеба как выражение какой-то «войны» кулака против советской власти и требовать немедленного «священного похода» для их изъятия, ибо таким путем можно только благополучно вернуться к методам «военного коммунизма», к продразверстке¹.

Поскольку Сокольников мешал Сталину в реализации планов «сверхиндустриализации», уже в мае 1928 г. его убрали и из Госплана, назначив председателем правления Нефтьесиндиката. В этот период Сокольников активно поддерживал линию Бухарина, полагая, что проповедуемая Сталиным в качестве универсального средства политика «чрезвычайных мер» против крестьянства «убийственна для всей революции».

Организованная Сокольниковым в июле 1928 г. беседа Бухарина с опальным Каменевым, в ходе которой затрагивался вопрос и о «блоке для снятия Сталина», позже, в феврале 1929 г., была расценена Политбюро ЦК и Президиумом ЦКК ВКП(б) как «акт фракционный, свидетельствующий о полной беспринципности тт. Бухарина и Сокольникова...». Оба были вынуждены давать многочисленные объяснения, оправдываться, каяться. С поражением бухаринской «партии» шлагбаум для сталинского «великого перелома» был поднят.

Еще в разгар борьбы с «левой» оппозицией Сталин попытался разъединить наиболее авторитетных ее деятелей,

¹ XV съезд ВКП(б). Декабрь 1927 г.: Стенографический отчет.— М., 1961.— Т. 2.— С. 1127—1135.

переведя некоторых из них на дипломатическую работу. Так, уже летом 1926 г. Сокольникова командировали в Соединенные Штаты для переговоров о заключении советско-американского финансового соглашения, однако отмена обещанного разрешения на въезд в страну прервала поездку на полпути. Наркоминделу было тут же предложено назначить Сокольникова официальным советским представителем в «красном Кантоне» — революционной столице охваченного гражданской войной Китая. Однако против этого решительно высказался Г. В. Чичерин. «Коллегия обсуждала, выдвинутые Вами вопросы, — сообщал он 13 сентября в Оргбюро ЦК ВКП(б) В. И. Межлауку, — и пришла к выводу, что послать в Китай столь известного недавно участника нашего правительства, как тов. Сокольников, было бы политически крайне неудобно, ибо слишком ясно обнаружило бы тесную связь с нами Кантона и громадный интерес наш к нему. Дело абсолютно не в том, подходит ли т. Сокольников или нет, но дело исключительно в политическом неудобстве посылки туда недавнего, крайне широко известного, наркомфина»¹.

Уже в мае 1927 г. в составе советской делегации Сокольников участвовал в международной экономической конференции в Женеве, где его доклад о хозяйственном развитии СССР имел большой успех. Неизменно отвергавший политику «коммунистической автаркии», Григорий Яковлевич призывал к мирному «сожителству» двух систем хозяйства, экономическому соревнованию между ними. «Речь Сокольникова, — признавался корреспондент одной из иностранных газет, — произвела такое сильное впечатление, от которого не сразу можно отделаться. Аплодисменты раздались на скамьях всех делегаций парламента капиталистического хозяйства. Даже англичане аплодируют в знак одобрения речи Сокольникова».

В ноябре 1929 г. в связи с восстановлением советско-английских дипломатических отношений Григория Яковлевича, который по-прежнему оставался для Сталина неисправимым «правым троцкистом», назначили полпредом СССР в Великобританию. Означало ли это почетную ссылку или, как писала газета «Дейли ньюс», «Сталин оказал честь Англии, избрав для Лондона Сокольникова — крупнейшего финансового авторитета в СССР», — остается только гадать. Так или иначе, но уже 16 апреля 1930 г. Сокольников и

¹ Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории. — Ф. 17. — Оп. 69. — Д. 406. — Л. 188.

министр иностранных дел Великобритании Артур Гендерсон подписали Временное торговое соглашение между двумя странами, а 22 мая — Временное соглашение о рыболовстве.

Любопытно, что тогда же в мае в парижских белоэмигрантских газетах появились статьи под броскими заголовками: «Сталин и Сокольников», «Сталин или Сокольников?». В них ставился практически один и тот же вопрос: «Как будут держать себя советские представители в Англии? Победит ли Сокольников — представитель корректного отношения к взятым на себя обязательствам или агенты Сталина, желающие прежде всего смещения нынешнего полпреда?» «Назначение лондонским полпредом такого опального сановника и представителя правого уклона, как Сокольников, — указывала редактируемая П. Н. Милюковым газета «Последние новости», — вызвало комментарии в том смысле, что Советская власть хочет сделать опыт делового «сосуществования двух систем — социалистической и капиталистической», которое тот же Сокольников проповедовал в своей известной речи на женевской экономической конференции. Бывший наркомфин явился в Европу с репутацией едва ли не единственного советского администратора, доказавшего на деле то «умение учиться» государственному делу, которого Ленин вообще безуспешно требовал от своих сотрудников. И нельзя отрицать, что благодаря осторожной политике, далекой от «революционной фанаберии», Сокольникову удалось добиться за короткое время довольно существенных результатов». Читая подобные дифирамбы в свой адрес, Григорий Яковлевич говорил жене: «Этого Сталин никогда мне не простит и обязательно отомстит».

Между тем зарубежная пресса с удивлением отмечала, что чем успешнее лондонскому полпреду удастся проводить систему «делового сосуществования», тем более множатся слухи о недовольстве его деятельностью в кремлевских сферах, о немилости и скорой смене. Имели ли они под собой почву или нет, определенно сказать пока трудно, но вот что касается отношения к Сокольникову со стороны сталинских спецслужб, то здесь уже можно с полной уверенностью утверждать, что они им были крайне недовольны.

Так, в докладной записке начальника 1-го отделения контрразведывательного отдела ОГПУ Формайстера от 15 мая 1930 г., адресованной помощнику начальника Секретно-оперативного управления Ольскому, копия — заместителю председателя ОГПУ С. А. Мессингу, говорилось: «В ноябре прошедшего года, когда назначение тов. Сокольникова на

пост полпреда в Лондон стало фактом, который, по целому ряду обстоятельств, не мог быть измененным, КРО ОГПУ настаивало на том, чтобы остальной руководящий состав был подобран с таким расчетом, чтобы соответствующе держать в руках весь аппарат полпредства. В лице назначенных и работающих ныне в Лондоне... мы не видели работников такого качества, которые могли бы обеспечить минимальные гарантии против проникновения английской разведки в аппарат и деятельность полпредства». Формайстер с негодованием обвинял Сокольникова и его помощников в преступной беспечности и полном отсутствии бдительности, указывая; в частности, что снятый для полпредства дом «отвечает прежде всего интересам Скотланд-Ярда», ремонт и оборудование помещения осуществляли рабочие-белоземigrанты, а обслуживающий персонал нанимается — страшно подумать! — из местных англичан, причем «им оказывают исключительное внимание», «им доверяют, как самим себе».

В то же время, когда руководству полпредства стало известно, что ряд должностей — две уборщицы, машинистка, шофер — был замещен сотрудниками ОГПУ, уборщицы были сразу же назначены для обслуживания кухни, а машинистку и шофера вовсе перестали замечать, не давая им работу даже тогда, когда с ней не справлялись нанятые на месте англичане.

Сокольников явно не жаловал представителей спецслужб и, видимо, особенно и не скрывал этого. Когда полпредские чекисты потребовали «обезвредить» «шпионскую» деятельность телефониста-англичанина, Сокольников, по их словам, ответил: «Бросьте и думать об этом! Рабочее правительство (у власти были тогда лейбористы.— В. Г.) не позволит себе следить за нами». «В случайном разговоре с товарищами,— возмущался Формайстер,— т. Сокольников как-то заявил, что при такой повышенной чувствительности товарищей к конспирации ему остается только опасаться, как бы его, по примеру Кутепова, не похитили из полпредства». (Григорий Яковлевич, надо думать, догадывался, что один из вождей белой эмиграции похищен чекистами.)

Автор докладной записки категорически настаивал на немедленном отзыве в Москву всех помощников Сокольникова и увольнении принятых на работу в полпредство местных жителей с заменой их подобранными ОГПУ людьми, а также убедительно просил «через ЦК указать тов. Сокольникову на недопустимое отношение к младшим сотрудникам»¹.

¹ Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории.— Ф. 17.— Оп. 69.— Д. 406.— Л. 3—12.

Приехав в служебную командировку на Родину, Григорий Яковлевич узнал об аресте своего брата Михаила, талантливого инженера, обвинявшегося в связях с «вредителями» из старой технической интеллигенции. Жене брата, обратившейся к Сокольникову с просьбой о помощи, он устало-безнадежно ответил: «Мое вмешательство может только ухудшить участь Миши. Этот «сапожник» всех нас ненавидит». Тем не менее вскоре брата освободили.

Конечно, Сокольников не мог и предположить, что по заказу Сталина ОГПУ уже фабрикует лживые материалы о якобы существующей в стране разветвленной сети контрреволюционных вредительских организаций, которые по прихоти всемогущего их заказчика получают названия «Промышленной партии», «Трудовой крестьянской партии» и «Союзного бюро ЦК РСДРП (меньшевиков)». Среди арестованных окажутся крупнейшие специалисты из центральных государственных ведомств, в том числе Наркомфина, Госбанка и Госплана, такие, как профессора В. Г. Громан, Н. Д. Кондратьев, П. А. Садырин, Л. Н. Юровский, и многие другие из бывших ближайших сотрудников и сослуживцев Сокольникова.

Пытаясь переложить всю вину за собственные промахи и авантюризм в хозяйственной политике на мнимых вредителей, Сталин требовал от ОГПУ доказать связь мифических «антисоветских партий» с правой оппозицией. «Я думаю,— писал он в начале августа В. М. Молотову,— что следствие по делу Кондратьева—Громана—Садырина нужно вести со всей основательностью, не торопясь... Не сомневаюсь, что вскроется прямая связь (через Сокольникова и Теодоровича) между этими господами и правыми (Бухарин, Рыков, Томский). Кондратьева, Громана и пару-другую мерзавцев нужно обязательно расстрелять». В другом письме от 2 сентября Сталин пометил: «Насчет привлечения к ответу коммунистов, помогавших громан-кондратьевым, согласен»¹.

Примечательно, что вскоре в «Правде» появилась статья некоего С. Крылова «Программа капиталистической реставрации», в которой резкой критике подвергалась книга бывшего начальника Валютного управления Наркомфина Л. Н. Юровского «Денежная политика Советской власти». Указывая на «несомненный идейный контакт» между взглядами профессора-«вредителя» и установками «правой» оппозиции, автор статьи язвительно напоминал, что «на эту, по сути дела, контрреволюционную книгу тов. Г. Соколь-

¹ Коммунист.— 1990.— № 11.— С. 102—103.

никовым был дан дружественный отзыв в журнале «Печать и революция». А на проходившем 17 ноября совещании финансовых работников докладчик — член коллегии Наркомфина СССР А. М. Маймин — уже прямо заявлял, что «Юровщина питала теоретическую мысль правооппортунистических элементов нашей партии», называя в качестве примера Сокольников¹.

В конце ноября 1930 г. начался процесс по делу «Промпартии», свидетелем по которому проходил несчастный Юровский. Сообщения прессы, подробно освещавшей ход открытых судебных заседаний, и нескончаемый поток принимавшихся тогда по всей стране резолюций трудящихся типа «Раздавить гадину!» или «Свинцом по вредителям!», по свидетельству Серебряковой, действовали на Сокольника крайне угнетающе.

«Полицейский процесс, они не виновны», — говорил Григорий Яковлевич жене. Он хорошо понимал, что только статус полпреда спасает его пока от тех позорных публичных самобичеваний, которыми вынуждены были, увы, заниматься все тот же Бухарин или бывший замнаркома земледелия И. А. Теодорович.

Сокольников многое сделал для улучшения отношений и развития торговли между СССР и Великобританией, приобрел широкие связи в политических, деловых и культурных кругах английского общества. На устраиваемых в полпредстве приемах и «завтраках» появлялись не только представители Форин Оффис, но и лидеры ведущих политических партий и тред-юнионов, крупные промышленники и финансисты, известные писатели и ученые. Среди них такие разные люди, как Дэвид Ллойд-Джордж и Уинстон Черчилль, Бернард Шоу и Герберт Уэллс, Джон Кэйнс и Бертран Рассел... Многогранность незаурядной натуры большевистского полпреда, его интеллигентность, блестящий ум, культура и прекрасное знание иностранных языков (он в совершенстве владел немецким и французским, неплохо — английским и итальянским) не могли не импонировать лондонскому высшему свету, несмотря на все его предубеждение по отношению к «красной России».

Одновременно с работой в Лондоне Сокольникову нередко приходилось выезжать в Женеву, где располагалась штаб-квартира Лиги Наций. Например, в ноябре 1931 г. ему было поручено выступить на сессии специального комитета Европейской комиссии, созванной для рассмотрения представленного СССР проекта пакта об «экономическом ненападе-

¹ Правда. — 1930. — 26 сент., 20 нояб.

нии», который формулировал принцип недопустимости дискриминации одних стран другими в экономической области. А в 1932 г. в составе советской делегации, возглавляемой новым наркоминделом М. М. Литвиновым, Сокольников участвовал в работе международной конференции по сокращению и ограничению вооружений.

От обязанностей полпреда Григория Яковлевича освободили 14 сентября 1932 г., как сообщалось в постановлении Президиума ЦИК СССР, «согласно его просьбе». Комментируя отставку Сокольникова, зарубежная пресса высказывала предположение, что «советский Витте» вызван на Родину, чтобы выправить окончательно расстроившееся финансовое хозяйство СССР, спасти рубль, реальная стоимость которого за первую пятилетку снизилась более чем на 60%.

По свидетельству Серебряковой, Сталин, впервые встретившись с Сокольниковым после его приезда в Москву, с кривой усмешкой зловеще заметил: «Говорят, Григорий, ты так полюбился господам англичанам, что они тебя отпускать не хотели. Может, лучше тебе жить с ними». Лишь после почти полугодовой опалы в марте 1933 г. Сокольников был назначен членом коллегии Наркоминдела, а 26 мая утвержден одним из заместителей наркома.

Эту должность он занимал до мая 1934 г. (когда коллегия была расформирована), курируя в основном отношения СССР со странами дальневосточного региона. Кроме того, на VI и VII Всесоюзных съездах Советов Сокольников избирался в состав ЦИК СССР, а на XVI и XVII съездах партии — кандидатом в члены ЦК ВКП (б).

Еще в 1929 г. с улицы Грановского семья Григория Яковлевича переехала в тихий приарбатский Карманицкий переулок, где, как и на старой квартире, бывали интереснейшие люди: политики и военачальники, дипломаты и писатели, поэты, композиторы, артисты. «Мухина, Замков, Демьян Бедный, Толстой, Щеголев и Завадский, Исаак Рабинович и Исаак Бабель, Нежданова, Голованов, Прокофьев, Малиновская, Шостакович, Пшибышевский, Блюхер, Геккер, Тухачевский, Пастернак, Сельвинский, Багрицкий и даже не полюбившийся мне Эренбург, — с понятной гордостью перечисляла Серебрякова, — это лишь незначительный перечень тех людей, кто охотно приходил к нам по первому зову». Даже в период своей опалы Сокольников не выпадал из круга «избранных», и многие почитали за честь бывать в его доме.

И все же обществу многочисленных гостей и поклонников своей талантливой красивой жены Григорий Яковле-

вич предпочитал одиночество, отдавая почти все свободное время работе, книгам, музыке.

Хотя от обязанностей замнаркоминдела Сокольников освободили ввиду «перехода на другую работу», никаких сообщений о его новой должности в течение целого года в прессе не появлялось. Тем не менее изредка его встречали на больших дипломатических приемах, а 1 декабря 1934 г. как член ЦИК СССР Сокольников вместе с замнаркомвнешторга Ш. З. Элиавой и замнаркоминдела Б. С. Стомоняковым участвовал в подписании ряда советско-монгольских соглашений. Его последнее назначение — первым заместителем наркома лесной промышленности СССР — последовало лишь 17 мая 1935 г., но уже через год, 15 июля, он был освобожден от этой должности в связи с переводом «на местную работу по Наркомлесу».

Незадолго до развязки Сталин пригласил его к себе на дачу, где, подняв бокал, произнес беспримерный по лицемерию тост: «За Соколькова, старого моего друга боевого, одного из творцов Октябрьской революции!» А 25—26 июля 1936 г. по обвинению в причастности к несуществующему «объединенному центру троцкистско-зиновьевского блока» опросом членов ЦК ВКП(б) Григорий Яковлевич был исключен из партии и сразу же арестован. На протоколе его допроса от 4 октября, в котором Сокольников показывал о своих встречах и разговорах с английским журналистом Тальботом, Сталин пометил: «А все же о плане убийства лидеров ВКП сообщил? Конечно, сообщил».

На следующей же странице протокола, где Григорий Яковлевич объяснял, что не знал о связях Тальбота с английской разведкой, Сталин начертал следующую резолюцию: «Сокольников, конечно, давал информацию Тальботу об СССР, о ЦК, о ПБ, о ГПУ, обо всем. Сокольников — следовательно — был информатором (шпионом-разведчиком) английской разведки»¹.

Впрочем, на проходившем в январе 1937 г. судебном процессе по очередному сфабрикованному делу так называемого «Параллельного антисоветского троцкистского центра» все обвинения против Соколькова сводились, по сути дела, к тому, что, пользуясь положением замнаркоминдела, он по поручению Троцкого якобы вступил в контакт с дипломатическими представителями Японии и вел с ними тайные переговоры, стремясь «ускорить военное нападение на СССР».

¹ Известия ЦК КПСС. — 1989. — № 9. — С. 39.

Как и на предыдущих процессах, все подсудимые с готовностью признавали свою «вину». «Сокольников,— сообщал корреспондент английской «Дейли телеграф»,— производит впечатление совершенно разбитого человека. Подсудимый вяло и безучастно сознается во всем: в измене, вредительстве, подготовке террористических актов. Говорит тихо, голос его едва слышен»¹.

Хотя 30 января военная коллегия Верховного суда СССР приговорила Сокольникова к 10-летнему тюремному заключению (разные сроки получили еще трое подсудимых, а остальные тринадцать были расстреляны), столь «мягкий» для него приговор отнюдь не означал, что Сталин решил подарить жизнь своему «старому другу боевому». Мученическое пребывание Сокольникова в Верхне-Уральском политизоляторе (Челябинская область), где еще совсем недавно томились Зиновьев и Каменев, продолжалось недолго. Сокольников был зверски убит 21 мая 1939 г. намеренно посаженными к нему в камеру уголовниками.

¹ Последние новости.— 1937.— 26 янв.

Н. А. Васецкий

**Г. Е. ЗИНОВЬЕВ:
ВЗЛЕТЫ И ПАДЕНИЯ**

Недостаток материала обуславливает то, что трудности в освещении биографии Зиновьева начинаются, казалось бы, с пустяков — какова его подлинная фамилия? Долгое время считалось — Радомысльский. В 1904 г. в Женеве группа большевиков получила из Берна письмо с выражением поддержки и «предложением услуг». Под ним стояли подписи: «Казаков и Радомысльский». С 1907 г., после V (Лондонского) съезда РСДРП, участником которого был Зиновьев, его фамилия начинает фигурировать в документах Охранного отделения. Осенью 1917 г. она появляется в большевистском списке № 4 на выборах в Учредительное собрание. Так эта фамилия стала общепризнанной.

Однако в ряде, главным образом, зарубежных изданий, например в книге А. Солженицына «Ленин в Цюрихе» (1974), в качестве подлинной фамилии Зиновьева называется фамилия Апфельбаум. Так же считает и Ю. Фельштинский — автор многих изданий на русском языке сочинений Троцкого и примечаний к ним.

Есть и еще одна «заноза» в биографии Зиновьева. Как правило, в печатных изданиях о нем почему-то не называется точная дата его рождения. В очерке секретаря Зиновьева Богдана в энциклопедическом словаре Граната говорится, что Зиновьев «род. в сент. 1883 г.».

В Краеведческом музее г. Кировограда (бывший Елисаветград) хранится метрика о родившихся в этом городе в сентябре — октябре 1883 г. В ней есть запись о том, что 26 октября у новомиргородского мещанина Арона Радо-

мышельского и его жены Розы родился сын Овсей-Гершен¹. Фамилия матери Зиновьева была Апфельбаум, что, видимо, и послужило для некоторых авторов основанием считать ее подлинной фамилией Зиновьева. Иначе говоря, настоящие фамилия, имя и отчество Г. Е. Зиновьева могут быть представлены следующим образом: Радомышельский-Апфельбаум Овсей-Гершен Аронович. Хотя после всех этих метрических и иных выяснений полной уверенности в правильности такой редакции у нас нет.

Отец Зиновьева был владельцем мелкой молочной фермы в Елисаветградском уезде Херсонской губернии. Характерно, что уже после Октябрьской революции он приехал к сыну в Петроград и тот пристроил его на ту же «должность», но уже в пригородном совхозе. Дорогу в жизнь Зиновьеву пришлось пробивать собственным трудом. Буквально с 14 лет он совмещал учебу в гимназии с репетиторством. Зиновьев рано приобщился к политике. Уже в 1901 г. он вступил в РСДРП и после ее II съезда навсегда оказался в рядах большевиков.

С 1904 г. Зиновьев находился за рубежом, в Швейцарии, но не как политэмигрант, а как студент химического факультета Бернского университета, с которого он затем перевелся на юридический. Из Берна, как уже говорилось выше, он направил письмо большевикам в Женеву, в котором предложил свои услуги. Вскоре он познакомился с Плехановым, Лениным и другими руководителями российской социал-демократии.

Раннее знакомство и общение с Лениным, бесспорно, сыграли весьма заметную роль в формировании революционных убеждений Зиновьева, приобщении к активной повседневной работе. Однако долго пробыть в Швейцарии в свой первый выезд за рубеж Зиновьеву не удалось. Из-за болезни сердца он вынужден был бросить учебу и перед первой русской революцией вернуться в Россию, но не в родной Елисаветград, а в Петербург.

Зиновьев не остался безучастным к происходившему, тем более что в тот период в столице значительно активизировался рабочий класс. Он становится агитатором Василеостровского района, затем сотрудником большевистской «Новой жизни». Одновременно Зиновьев писал и для издававшихся за границей большевистских газет «Вперед» и «Пролетарий», редактировавшихся Лениным. Вскоре он стал кандидатом, а затем и членом Петербургского комитета

¹ Государственный архив Кировоградской области.— Ф. 185.— Оп. 1.— Д. 64.

РСДРП. Через год его избирают делегатом на проходивший в апреле — мае 1907 г. в Лондоне V съезд партии. Зиновьев дважды выступал на съезде: с речью по поводу борьбы в Петрограде между большевиками и меньшевиками и от мандатной комиссии съезда. Его впервые избрали в ЦК РСДРП, членом которого он оставался вплоть до 1926 г.

Вернувшись из Лондона, Зиновьев уходит в подполье, участвует в организации партийных изданий, устной пропаганде. Весной 1908 г. его арестовали. В очерке Богдана в словаре Граната говорится, что арест произошел «на Васильевск. острове на собрании редакции нелегальной газеты» (какой именно не уточняется). Это не так.

В фонде Зиновьева из Центрального партийного архива есть папка, в которой собраны многочисленные материалы, относящиеся к указанному событию. Это главным образом прошения на имя градоначальника Петербурга, начальников Департамента полиции и Охранного отделения самого Зиновьева и его родственников — жены З. И. Лилиной, родной сестры, некоего барона Гинзбурга. Все они определенно указывают, что Зиновьева арестовали 29 марта, вечером, прямо на улице. Видимо, охранка не считала его сколько-нибудь заметным в большевистском руководстве человеком, потому и проявила столь «легкомысленное» к нему отношение. К тому же Зиновьеву повезло — ни при нем, ни при обыске его квартиры не удалось обнаружить сколько-нибудь компрометировавших его материалов. Это спасло его от суда и сурового наказания.

На жандармов также повлиял смиренный тон прошений Зиновьева и его ходатаев. Он, например, настойчиво сообщал, что никогда не привлекался к суду, ни в чем незаконном замечен не был, «ни в каких партиях и обществах не состоял». Тут же он ссылался на слабое здоровье. Словом, на первый взгляд, ничего предосудительного. Так или почти так вели себя многие молодые социал-демократы, оказавшиеся в руках охранки и знавшие об отсутствии у следователей достаточных улик для серьезного разговора. Если бы не одно обстоятельство.

В прошении на имя начальника Охранного отделения Зиновьев писал: «Имею честь вновь покорнейше просить Ваше превосходительство сделать распоряжение о моем освобождении или по крайней мере допросить меня возможно скорее. Первый же допрос, на котором я готов дать все показания (выделено мной. — Н. В.), несомненно выяснит для Вашего Превосходительства полную мою невинность»¹.

¹ Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории. — Ф. 324. — Оп. 1. — Д. 1. — Л. 9.

В подчеркнутых словах смущает готовность Зиновьева дать «все показания». В сочетании с отказом от принадлежности к РСДРП и любой иной организации, оппозиционной существовавшему строю, эта готовность приобретает несколько тревожный характер. Тем более что в результате этой переписки и заступничества видного петербургского адвоката Д. В. Стасова, защищавшего многих революционеров, Зиновьев, просидев в «арестном доме при Коломенской части» три месяца, был освобожден и отправлен под надзор полиции в Елисаветград. Выразительно и заявление Зиновьева на имя начальника Охранного отделения: «Сим довожу до сведения Санкт-Петербургского охранного отделения, что я 1 июня в 3 часа по полудни уезжаю в Елисаветград Херсонской губернии на жительство к моим родителям. Покорно прошу выслать мне туда мои документы, забранные у меня во время обыска на моей квартире в ночь с 29 на 30 марта»¹.

Никаких других материалов по поводу ареста Зиновьева больше обнаружить не удалось. Не потому ли, что уже после победы Октября он по поручению ЦК занимался разбором архива Охранного отделения? По крайней мере сам Зиновьев никогда не говорил об обстоятельствах своего ареста и освобождения из Коломенской части. Но нам представляется, что Сталин эти, а может быть, и еще какие-то дополнительные обстоятельства знал, когда в 1936 г. принимал решение о проведении первого московского политического процесса. Опираясь на них, он отдавал себе отчет в том, что Зиновьев сделает все, чего бы от него ни потребовали. Так что червоточинка в характере Зиновьева возникла уже тогда, в 1908 г., став, при умелой обработке помощников Сталина, первопричиной его «слабохарактерности» и сговорчивости в 1936 г.

У родителей Зиновьев пробыл недолго. В октябре 1908 г. он уехал в Женеву.

* * *

*

Без малого десять лет Зиновьев провел за границей. По мере сил и возможностей он помогал Ленину в очень трудной борьбе за сохранение революционного характера РСДРП, отстаивание и развитие большевизма, подвергавшегося нападкам ликвидаторов, отзовистов, троцкистов. Вместе с Лениным Зиновьев становится одним из членов заграничного бюро РСДРП. В декабре 1908 г. он участ-

¹ Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории.— Ф. 324.— Оп. 1.— Д. 1.— Л. 18.

вует в работе партийной конференции, состоявшейся в Париже. Здесь же в январе 1910 г. Зиновьев играет не последнюю роль в отстаивании большевистской платформы на последнем, объединенном пленуме ЦК РСДРП. В 1912 г. он — активный участник VI (Пражской) конференции РСДРП(б), исключившей из партии ликвидаторов, отзовистов и троцкистов. Заметным был вклад Зиновьева в защиту большевизма во II Интернационале. Он участвовал в работе ряда заседаний его Социалистического бюро, конгрессов, в частности в Копенгагене (1910 г.).

Зиновьев вел весьма плодотворную и полезную работу в партийной печати и как соредактор (совместно с Лениным) ряда большевистских газет и журналов («Пролетарий», «Социал-Демократ» и др.), и как публицист. Публикации Зиновьева того периода составили в Собрании его сочинений шесть томов (I—V и VIII), печатались в более чем 150 периодических и неперiodических, легальных и нелегальных изданиях. Знакомство с этими публикациями говорит о Зиновьеве как о вполне сложившемся партийном руководителе, способном к самостоятельному глубокому анализу положения дел в российском и международном революционных движениях, в основном верно судившем об их стратегии и тактике.

К достоинствам публицистики Зиновьева также можно отнести ее форму. И тут нельзя не согласиться с мнением Луначарского: «Зиновьев, как публицист, отличается теми же достоинствами, что и Зиновьев-оратор, т. е. ясностью и общедоступностью мысли и гладким легким стилем»¹.

Такие статьи Зиновьева, как «Краткий очерк истории первой русской революции (1905 г.)», «Что же делать? (О положении дел в нашей партии и задачах партийцев)», «Выборы в Четвертую Думу и наши задачи», «Фракция т. Троцкого и партийная политика», «Заметки о ликвидаторстве и единстве», и многие другие вполне могут быть отнесены к лучшим образцам большевистской публицистики дооктябрьского периода.

На политическом кругозоре Зиновьева сказывалось постоянное знакомство с важнейшими ленинскими произведениями. Лениным правились многие статьи, брошюры и книги Зиновьева, например его работа «Война и кризис социализма», написанная в течение 1914—1917 гг. Причем нередко от их автора требовались большие принципиальность и яс-

¹ Луначарский А. В. Революционные силуэты. — М., 1923. — С. 34.

ность в изложении партийных позиций, особенно когда речь заходила о критике противников большевизма.

Не менее эффективной формой воздействия на политические убеждения Зиновьева являлось его сотрудничество с Лениным в подготовке совместных работ и изданий. Здесь можно упомянуть важнейшие работы тех лет: «Из истории рабочей печати в России», «Социализм и война», сборники статей «Против течения» и др.

Эти и другие факты, бесспорно, способствовали росту авторитета Зиновьева. У издававшегося в то время в Париже специального юмористического журнала, стремившегося уязвить большевизм, пожалуй, были веские основания заметить: «Полцарства предлагаем тому, кто назовет четвертое большевистское имя кроме Ленина, Зиновьева и Каменева»¹.

* * *

*

Из эмиграции Зиновьев вернулся с большой группой социал-демократов. По прибытии они тут же вошли в редакцию газеты «Правда», резко изменив тональность и направленность ее публикаций, в первую очередь по отношению к Временному правительству. Отстаивавшийся прежним руководством редакции (Каменев, Сталин) лозунг давления на Временное правительство был заменен на требование никакой поддержки ему.

Зиновьев председательствовал фактически на всех партийных совещаниях разных уровней, где Ленин излагал содержание Апрельских тезисов. 14—22 апреля (27 апреля — 5 мая) Зиновьев участвовал в работе Петроградской общегородской конференции РСДРП(б), которая приняла подготовленную им и Лениным одну из принципиальных резолюций «О текущем моменте». Первая ее часть с характеристикой международной обстановки и задач партии во внешней политике была написана Зиновьевым, вторая — с изложением программы действий партии внутри страны, составлявшей квинтэссенцию Апрельских тезисов, — Лениным.

С 24 по 29 апреля (7—12 мая) состоялась VII (Апрельская) конференция РСДРП(б). Зиновьев председательствовал на большинстве заседаний, вел полемику с Каменевым, оглашал важнейшие резолюции, в том числе и написанную им «Об отношении к Временному правительству». В ходе

¹ Зиновьев Г. Ленин (В. Ульянов). — Л., 1924. — С. 29.

выборов в ЦК кандидатуры Ленина и Зиновьева были приняты без обсуждения.

Все, казалось бы, шло, как и должно идти. Зиновьев поступал так, как и ожидалось от одного из ближайших к Ленину партийных руководителей. Именно он, председательствуя на собрании большевистских делегатов Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов, состоявшемся 4 апреля в Таврическом дворце, где Ленин выступил с докладом об Апрельских тезисах, предложил от имени всего собрания повторить доклад тотчас на собрании и большевистских и меньшевистских делегатов, пожелавших обсудить вопрос об объединении РСДРП. Не зря Ленин в предисловии к брошюре «Письма о тактике», первое издание которой появилось 27 апреля (10 мая) и очень помогло участникам VII конференции РСДРП(б) разобраться в сути Апрельских тезисов, назвал Зиновьева в числе своих единомышленников.

Все это так. И об этом следовало бы сказать давно, чтобы снять недоразумения относительно роли Зиновьева в апреле 1917 г. Но было обстоятельство, на которое тогда, в апреле, мало кто обратил внимание, которое и впоследствии как-то ускользнуло из поля зрения исследователей. Речь идет о статье Зиновьева «Объединительный угар», появившейся 8 апреля на страницах «Правды». Она как раз и была посвящена оценке итогов совещания большевиков и меньшевиков 4 апреля.

Сообщая о реакции на это совещание и доклад Ленина в различных политических кругах, Зиновьев писал: «Тов. Ленин счел своим долгом перед таким собранием изложить подробно свой личный (при этом тов. Ленин сам решительно подчеркнул несколько раз, что он не успел еще ознакомиться в достаточной мере с фактическим положением вещей и считает свои тезисы вовсе не окончательными) взгляд на общее положение дел и, в связи с этим, на вопрос об объединении». И затем: «Буржуазная и социал-шовинистическая печать доклад тов. Ленина, разумеется, бессовестно извращает. Мы предостерегаем наших друзей и просим их иметь в виду, что в «изложении» названных газет на каждое слово правды приходится пять слов лжи. Подлинные взгляды ЦК, как и его члена тов. Ленина, товарищи узнают из ряда статей в «Правде»¹.

На первый взгляд, заметка как заметка. Но она приобретает совсем иное звучание, если учесть два момента. Первый. «Подлинные взгляды» на происходившее и задачи

¹ Зиновьев Г. Соч.— Л., 1925.— Т. VII.— Ч. 1.— С. 63.

пролетариата в революции Ленин изложил в статье, так и называвшейся: «О задачах пролетариата в данной революции». Она увидела свет 7 апреля в «Правде». Упомянутая выше статья Зиновьева появилась днем позже, причем одновременно со статьей Л. Каменева, где критиковалась ленинская платформа. Логично было бы предположить, что Зиновьев, как «единомышленник» Ленина, должен был бы если и не подвергнуть критике каменевскую платформу, то хотя бы как-то определить свое к ней отношение. Этого он не сделал. Более того, пока окончательно не прояснилась ситуация, Зиновьев посчитал для себя благоразумнее не отождествлять свою позицию, равно как и позицию ЦК, с ленинской. Характерно, что и в разгоревшейся на совещании 4 апреля полемике вокруг доклада Ленина Зиновьев отмолчался. Ленинскую платформу от нападок меньшевиков И. Церетели, И. Гольденберга, Ф. Дана, Ю. Стеклова, Ю. Ларина и других защищала А. М. Коллонтай.

Что это со стороны Зиновьева? Простая политическая предусмотрительность или, может быть, нечто более серьезное, должное заставить партийных руководителей, и прежде всего Ленина, отнестись к молчанию гораздо внимательнее? Скорее второе. В этом убеждает и то, что через два дня после указанного совещания, т. е. 6 апреля, в протоколе одного из обсуждений Апрельских тезисов в ЦК РСДРП(б) зафиксировано: «Зиновьев. Недоумение. Армия и изменение ее отношения к нам в случае социализма. «Мелкие» производители и их палки в колеса. Не дана связь русской революции с Западной Европой»¹.

После двухнедельного пребывания с Лениным в Разливе Зиновьев перебрался в Петроград, где с августа поселился на квартире рабочего завода «Айваз» Эмиля Кальске. Предоставленный самому себе, он писал в «Правду», которая после разгона юнкерами в июле называлась «Рабочий», «Рабочий путь» и др. (ее редактировали Сталин и Сокольников), крайне осторожные, полные боязни перед новой корниловщиной в случае решительного выступления масс, статьи и заметки.

В 1926 г. в книге «Ленинизм», возвращаясь к своей позиции, Зиновьев успокаивал себя тем, что Апрельские тезисы и вытекавшие из них задачи революционной борьбы оказались неожиданными не только для него, но и для ряда других руководящих деятелей партии, что полемика с Каменевым не была полемикой с социал-демократом, т. е. меньшевиком;

¹ Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории.— Ф. 17.— Оп. 2.— Д. 6.— Л. 1.

а дискуссией в большевистской среде и в пределах большевизма по поводу того, как демократическая революция должна перерасти в социалистическую.

Зиновьев не зря уделял столько внимания этому ключевому вопросу стратегии и тактики революционной борьбы в послефевральской России. Его попытки самооправдания обусловлены тем, что он оказался в числе тех ленинцев, которые так и не смогли в тот ответственный момент до конца усвоить революционную науку побеждать. Потеряв темп борьбы, они не просто прозевали очередную ступеньку в этой борьбе, но оказались совсем уже на другом ее «этаже».

Вот так обстояло дело с теорией «октябрьского эпизода» Зиновьева и Каменева. Был и его политический аспект. Он хорошо известен — после того как 18 октября Каменев от своего и Зиновьева имени в непартийной печати выдал Временному правительству замыслы большевиков, Ленин потребовал их немедленного исключения из партии. Об этом нелишне напомнить тем, кто склонен к рассуждениям об идейной терпимости Ленина, его компромиссности с теми, кто нарушил партийный режим и не пожелал считаться с партийной дисциплиной.

Через два года он вновь вернется к «октябрьскому эпизоду» Зиновьева и Каменева в «Письме к съезду», отметив, что этот эпизод не являлся случайностью, и добавив при этом, что он не может «быть ставим им в вину лично».

Думается, что в «Письме к съезду» менее всего речь шла по поводу решения дилеммы «виновен-невиновен». «Октябрьский эпизод» Зиновьева и Каменева, по мнению Ленина, потому и не может им ставиться в вину лично, что они выражали тогда не только свои личные сомнения и колебания. В их позиции отразились настроения определенных кругов в партии, ощущавших давление социальных слоев, не желавших доводить дело до свержения Временного правительства, а стремившихся действовать путем реформ и мелких уступок с его стороны трудящимся массам.

* *

*

Зиновьеву не просто удалось преодоление принципиальных расхождений с Лениным. Он и Каменев вновь стали источником внутрипартийной напряженности сразу же после победы восстания. По их инициативе группа партийных деятелей, среди которых оказались четыре члена Совнаркома — Рыков, Ногин, Теодорович и Милютин, — потребовали создания социалистического правительства, в которое вошли бы и не участвовавшие в восстании меньшевики и эсеры. Причем

допускалась даже замена Ленина на посту Председателя Совнаркома эсером В. Черновым. Усилиями Ленина и пошедшего за ним большинства ЦК и Совнаркома созданный группой Зиновьева — Каменева острейший правительственный кризис был преодолен. По предложению ЦК большевистской партии вместо Каменева Председателем ВЦИК был избран Я. М. Свердлов. ЦК укрепил и состав Совнаркома. Взамен покинувших правительство наркомы были назначены Г. И. Петровский, А. Г. Шлихтер, П. И. Стучка, М. Т. Елизаров.

Осенью 1924 г. в ходе дискуссии по поводу «Уроков Октября» Троцкого, в которых ставилась цель использовать имевшие в прошлом место в ЦК разногласия, Зиновьев заявил, что именно признание им своей ошибки сыграло главную роль в преодолении расхождений между его группой и большинством ЦК во главе с Лениным. «Если бы ошибка не была признана немедленно, если бы партия единодушно ее не выправила, если бы опять-таки у партии не было т. Ленина, разумеется, из такого разногласия могли бы вырасти серьезные последствия. Но в том-то и дело, что все было наоборот»¹.

Зиновьев остался в составе ЦК партии. Он добросовестно выполнял даваемые ему поручения. В ноябре его направили на Украину в связи с необходимостью решения вопроса об отношении к Украинской Раде.

Вернувшегося в Петроград Зиновьева 13 декабря 1917 г. избирают Председателем Петроградского Совета. На этом посту Зиновьев пробыл всю гражданскую войну и после нее вплоть до конца 1925 г. В период Брестских переговоров на III съезде Советов, во время дискуссий в ЦК РСДРП(б) он неизменно оставался на стороне Ленина. Зиновьев входил в Комитет Революционной обороны Петрограда, главной задачей которого был отпор наступающим германским войскам. В 1919 г. на VIII съезде партии он подверг критике «военную оппозицию», отрицавшую необходимость создания частей регулярной Красной Армии и одновременно — чрезвычайно забюрократизированные, с акцентом на репрессии, методы руководства армией председателя Реввоенсовета Республики и наркомвоенмора Троцкого.

1919 год оставил в политической биографии Зиновьева глубокий след. В начале марта на учредительном конгрессе Коммунистического Интернационала он был избран председателем его Исполкома. В этом выразилась признательность

¹ Правда. — 1924. — 30 нояб.

и руководства РКП(б) и зарубежных революционных организаций за проводившуюся им в течение многих лет активную работу в международном рабочем движении, помощь Ленину в сплочении левых социалистических групп и партий. Зиновьевым были подготовлены 21 условие приема в Коминтерн, которые, по его словам, «написаны мною, но вдохновлены целиком тов. Лениным».

На VIII съезде РКП(б) он сделал доклад о Коминтерне. Сразу же после съезда на состоявшемся 25 марта Пленуме ЦК РКП(б) Зиновьев был избран кандидатом в члены Политбюро.

Но этот год был отмечен и крупными провалами в работе. Весной, оказавшись во главе Петроградского комитета обороны, Зиновьев проявил беспомощность и некомпетентность в организации отпора наступавшим белым армиям. Дело усугублялось принимавшимися по инициативе Зиновьева и его окружения паническими распоряжениями об эвакуации крупнейших заводов, потоплении Балтийского флота и др. ЦК РКП(б) и лично Ленин вынуждены были принять экстренные меры, организовав оборону города фактически через голову Зиновьева. Аналогичная ситуация произошла осенью того же года в борьбе против Юденича. На помощь растерявшемуся Зиновьеву были посланы в первом случае Сталин, а во втором — Сталин и Троцкий, которые за оборону Петрограда были награждены орденами Красного Знамени.

Бурные события 1919 г. оказали решающее воздействие на всю дальнейшую судьбу Зиновьева, предопределив манеру поведения его как одного из политических лидеров того периода, средства и способы достижения ставившихся им целей. По возможности он стремился не покидать город, действовать в окружении близких и преданных ему лично деятелей. Вне этого круга людей Зиновьев терялся, чувствовал себя неуверенно, тогда как поддерживаемый своим окружением он показывал завидную целеустремленность в проведении взятой совместно линии, несмотря на то что эта линия могла и не совпадать с мнением большинства ЦК РКП(б) и его Политбюро. Отсюда и не раз отмеченная Лениным склонность Зиновьева к групповщине, созданию политических групп — «родимые пятна» его вождистских амбиций.

Неспособность Зиновьева на оперативные действия в чрезвычайной обстановке подтвердилась и в 1921 г. во время Кронштадтского восстания. Вряд ли, конечно, правильно винить в этих событиях одного Председателя Петросовета. Выступление кронштадтцев отразило общее кризисное политико-экономическое состояние страны, подтвердив

обоснованность выдвинутой Лениным новой экономической политики. Но бездеятельность и благодушие Зиновьева сыграли свою негативную роль и в этом драматическом эпизоде.

Все эти события обнаружили один из коренных недостатков Зиновьева как политического деятеля, проявлявшихся всякий раз, когда возникали сложности, — неумение вовремя уловить перемены в настроениях масс и аккумулировать их волю в принятие незамедлительных решений. Разумеется, не один Зиновьев в окружении Ленина не обладал такой способностью. Но ее отсутствие особенно остро давало о себе знать в политическом стиле и поведении именно Зиновьева. Может быть, оттого, что другие не имели такой возможности к самостоятельным действиям, как Зиновьев, возглавлявший крупнейшую в РКП(б) Петроградскую парторганизацию. Поэтому его недостатки и ошибки особенно бросались в глаза.

1921 год был отмечен и еще одним событием — активным участием Зиновьева в дискуссии о профсоюзах, носившей чрезвычайно острый характер в Петроградской парторганизации. Именно после этой дискуссии, завершившейся принятием на X съезде РКП(б) в марте 1921 г. подготовленной Зиновьевым и отредактированной Лениным резолюции о роли и задачах профсоюзов, окончательно установилось доверительное отношение Ленина к Зиновьеву, состоялась своего рода его «реабилитация» в общепартийном масштабе. 16 марта 1921 г. Зиновьев становится членом Политбюро ЦК РКП(б).

* *

*

Трехлетие 1922—1925 гг. относится к самому благополучному и удачливому периоду во всей политической карьере Зиновьева. Он выдвинулся на первые роли в партии и государстве. С особой силой проявился его дар публициста и оратора. Зиновьев является автором ряда ключевых резолюций РКП(б) и Коминтерна. Им, в частности, были подготовлены тезисы о большевизации партий Коминтерна к V, расширенному Пленуму ИККИ и принятая XIV конференцией РКП(б) резолюция «Тезисы о задачах Коминтерна и РКП(б) в связи с расширенным пленумом ИККИ».

В 1923 г. было начато издание 22-томного Собрания сочинений Зиновьева (до начала 30-х гг. вышла половина запланированного количества томов). Появляется ряд его книг; среди которых особым вниманием и популярностью пользо-

вались: «История Российской Коммунистической партии (большевиков)», выдержавшая в течение четырех лет восемь изданий, «В. Ульянов (Ленин)», предназначенная для делегатов XIII съезда партии, «Ленинизм», также неоднократно переиздававшаяся.

Говоря о деятельности Зиновьева в указанный период, думается, нелишним будет хотя бы вкратце сказать и о самих условиях, стиле, режиме его работы. Тем более что мы располагаем на этот счет абсолютно точными данными. Вслед за Троцким и Сталиным Зиновьев относился к разряду тех партийных руководителей, которые в своей повседневной работе опирались на весьма разветвленный и квалифицированный аппарат помощников, секретарей, консультантов. В фонде Зиновьева есть документ, который дает представление о составе его секретариата на 24 августа 1926 г. Он состоял из 28 человек. Среди них были: заведующий секретариатом (Р. В. Пикель), помощник заведующего (Б. В. Богдан), два дежурных секретаря, стенографистка (Е. Я. Ласман, ставшая второй женой Зиновьева после его развода с З. Лилиной), заведующий секретным архивом, пять научных сотрудников, три референта (один — по Англии и Америке, один — по Германии и Чехословакии, один — по Франции и Италии), два переводчика и четыре машинистки. В штат секретариата входили также заведующая библиотекой и ее помощница, заведующий газетным фондом, два курьера, две уборщицы и комендант вагона. Позднее, после того как Зиновьев лишился поста председателя Исполкома Коминтерна, его секретариат был сокращен до пяти человек¹.

Имея такой штат помощников, Зиновьев мог позволить себе и некоторые вольности с точки зрения режима работы. Согласно дневнику, который вели секретари в 1925 г., его рабочий день обычно начинался не ранее 11—12 часов дня, но мог продолжаться, правда, не ежедневно, до 20—21 часа. Вот, например, запись рабочей недели в марте. Возможно, она и не дает исчерпывающего представления о загрузке Зиновьева, но во многом показательна с точки зрения отношения его к своим обязанностям.

1 марта 1925 г. Воскресенье. Ездил в Яхт-клуб (на лыжах). Ездил в Мариинский театр.

2 марта. Понедельник. Ездил в Смольный.

3 марта. Вторник. Ездил на Острова, на прогулку.

¹ Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории. — Ф. 324. — Оп. 1. — Д. 582. — Л. 1.

4 марта. Среда. Нет записей.

5 марта. Четверг. Ездили на Острова.

6 марта. Пятница. Ездили на Острова.

7 марта. Суббота. Ездил в Смольный на президиум губисполкома.

8 марта. Воскресенье. Ездили на Острова¹.

Этот документ свидетельствовал не только о надежности «тылов» Зиновьева, но и о прочности его позиций в городе и области. И тому были свои причины. За время работы в Ленинграде Зиновьеву удалось сделать немало в плане укрепления собственного влияния. У него появилась компактная, хорошо организованная группа сторонников, подобранная по принципу личной преданности.

Проводимая под руководством Зиновьева на протяжении ряда лет «селекционная работа» не могла не дать искомого результата. Зиновьев и его группа завладели непререкаемым авторитетом именно среди аппарата — партийного и советского. Поэтому, если и можно было бы говорить о ком-то из тогдашних руководителей, как о порождении и производном аппарата, так это в первую очередь о Зиновьеве.

Думается, что вне учета и этого обстоятельства вряд ли можно будет что-либо понять и в самом факте появления «новой оппозиции». Пора, наконец, сказать очевидное — к середине 20-х гг. Ленинград был превращен «зиновьевцами» в своего рода бастион, сидя за которым они надеялись выиграть сражение «у Москвы», т. е. у большинства ЦК партии. Вновь в гораздо более гипертрофированном, чтобы не сказать уродливом, виде проявились сепаратистские тенденции в деятельности Зиновьева, за которые его не раз резко и справедливо критиковал ЦК партии в годы гражданской войны.

* *

* -

Политическую биографию Зиновьева невозможно представить себе без участия в борьбе до победы Октября с меньшевиками, ликвидаторами, отзовистами, троцкистами, в послеоктябрьский период — с левыми коммунистами, военной и рабочей оппозициями, снова троцкистами. Но не эти эпи-

¹ Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории.— Ф. 324.— Оп. 1.— Д. 581.— Л. 61—68.

зоды, сколько бы ни важны они были сами по себе, запомнились в деятельности Зиновьева. Обычно, когда его фамилию называют в связи с разного рода оппозициями, вспоминают две из них: «новую оппозицию» (конец 1925 г.) и объединенную троцкистско-зиновьевскую левую оппозицию (середина 1926—1927 гг.).

Обе, как считал Зиновьев, возникли из «ничего», «внезапно», по крайней мере «новая оппозиция». В обеих он выступал в качестве одного из лидеров и в обеих потерпел сокрушительное поражение. Напрашивается вопрос: что это было — закономерность или случайность?

В наши дни об этих оппозициях и роли в них Зиновьева высказываются самые крайние суждения. Одни считают эти оппозиции исключительно антипартийными и даже антисоветскими по характеру деятельности и идейно-политическим платформам. Соответственно и участию в них Зиновьева дается однозначно негативная оценка, как одному из тех, кто ставил палки в колеса социалистическому строительству в СССР. Другие менее категоричны, поскольку убеждены в том, что эти оппозиции стали отражением острого соперничества за лидерство в партии.

Наконец, есть и такие, кто рассматривает эти оппозиции как позитивный фактор и чуть ли не благо в истории партии и Коминтерна, поскольку, мол, их целью было «утихомирить» Сталина и ограничить начавший уже складываться культ его личности.

Скажем прямо, для подобной разноголосицы есть веские основания. Она — результат недостаточной исследованности данной темы или, точнее — одностороннего ее освещения, когда во внимание принимались аргументы только одной стороны, к тому же победившей в борьбе — большинства ЦК. Что же касалось тех, кто был повержен, их позиция в расчет не принималась за «ненужностью». А если и рассматривалась, то с заранее определенной установкой — показать ее порочность и вредоносную сущность. Теперь же, по прошествии времени, надо по возможности спокойно разобраться в существе споров.

Вызваны они были вполне объективными причинами. Создание нового общества протекало непросто. Шел поиск оптимальных путей. На него накладывалось личное соперничество в руководстве партией. Именно этот фактор — личностный — порой оказывался решающим, предопределял выбор средств, характер и исход не только идейной борьбы в партии, но и в создании нового общественного строя. Это соперничество, раскаляемое докрасна в атмосфере взаимной нетерпимости, вносило в борьбу немало привходя-

щих обстоятельств, редкостное по накалу напряжение и ожесточение.

Именно этим обстоятельством во многом объясняется тот факт, что даже справедливая критика оппозицией ряда ошибочных положений большинства ЦК не воспринималась должным образом или оценивалась как стремление свести счеты с лидерами этого большинства. Так отнеслись к критике Зиновьевым бухаринского лозунга «Обогащайтесь!», а Крупской — взглядов Бухарина на государство. Аналогичным было и восприятие делегатами XIV съезда разоблачений Каменевым вождистских амбиций Сталина, ужесточения внутрипартийного режима, роста бюрократизма в партии, государстве и др.

Переход Зиновьева на сторону Троцкого, которого он еще в январе 1925 г. на Пленуме ЦК РКП(б) предлагал исключить из партии за пропаганду троцкизма, нанес непоправимый удар по его авторитету, подорвав позиции в глазах рядовых партийцев. Даже многие сторонники Зиновьева — Наумов, Саркис, Файвилович и другие — неодобрительно отнеслись к его сближению с Троцким. Но их мнение было отвергнуто.

Зиновьев довольно быстро сумел оценить ошибочность своего сближения с Троцким, хотя и не захотел признаться в этом даже себе самому. Во время осенней дискуссии 1926 г. за объединенную оппозицию, несмотря на чрезмерную активность ее лидеров (как отмечал бывший тогда председателем ЦКК Г. К. Орджоникидзе, вожди оппозиции бегали «с одного завода на другой, из Москвы в Ленинград, из Ленинграда в Москву»), проголосовали считанные единицы членов партии. Например, в Москве из 53 тыс. — всего лишь 171 человек и 81 воздержался, в Ленинграде из 34 тыс. — 325 человек.

16 октября лидеры оппозиции выбросили «белый флаг», заявив, что прекращают фракционную деятельность и признают обязательными решения XIV съезда ВКП(б). Создалась уникальная возможность для достижения компромисса с большинством ЦК. Тем более что и в самом большинстве против этого не возражала группа умеренных деятелей (Орджоникидзе, Куйбышев, Калинин и др.). Однако вновь проявилась натура «непримиримых» Сталина и Троцкого. Последний и его сторонники усмотрели в готовности большинства ЦК договориться с оппозицией «бессилие» и «слабость», стали, по словам того же Орджоникидзе, «сочинять всякие легенды о разногласиях внутри Центрального Комитета, о трех, четырех группах и т. д.».

Этим тут же воспользовался Сталин и его окружение.

По их указке в печати была продолжена проработка лидеров оппозиционного блока. На октябрьском (1926 г.) пленуме ЦК ВКП(б) Зиновьев был освобожден от должности председателя Исполкома Коминтерна. Еще ранее, на июльском пленуме ЦК он был выведен из состава Политбюро. Зиновьев фактически самоустранился от активной деятельности. На первые роли в оппозиции выдвигается державшийся до сих пор в тени Троцкий. Он-то и стал инициатором продолжения внутрипартийной борьбы.

Весной и осенью 1927 г. Зиновьев вновь на стороне блока участвовал в дискуссиях. Хотя делал он это скорее по инерции, увлекаемый потоком событий, самой фракционной волной. Разуверившийся и от того опустошенный душевно, подавленный морально, Зиновьев оказался малоприспособленным к крупным политическим поступкам. Именно в его инертности Троцкий усматривал едва ли не главную причину поражения оппозиции. В книге «Моя жизнь» он обронил одно из своих бесчисленных «бон эспри» (острое слово): «Сталин обманет, а Зиновьев убежит». Так оно, собственно, и оказалось на практике. В ноябре 1927 г. за организацию в Ленинграде 7 ноября демонстрации сторонников объединенной оппозиции и ряд других действий, расцененных большинством ЦК как антипартийные, Зиновьев был исключен из рядов партии.

Поражение объединенной левой оппозиции означало и фактическое завершение политической карьеры ее лидеров. Особенно это коснулось Зиновьева, поскольку Троцкий, оказавшись за пределами страны, в третьей эмиграции, еще попытался что-то сделать. Зиновьев же по существу был отстранен от политики. Поэтому прожитые им после XV съезда без малого девять лет интересны для нас скорее с точки зрения характеристики его как человека, чем политического деятеля.

* *
*

В 1928 г. Зиновьев и Каменев обратились с просьбой восстановить их в рядах ВКП(б). Ее удовлетворили, сделав это не без некоторой демонстративности, как бы приглашая к тому же и других лидеров бывшего блока. И почти все они «клюнули» на приглашение. Начался массовый отход от Троцкого, находившегося в то время в политической ссылке в Алма-Ате. При этом многим из его недавних сторонников предоставлялись весьма высокие посты в государственных

органах. Например, Пятаков стал заместителем наркома тяжелой промышленности. Смилга — одним из руководителей среднеазиатского отделения Госплана, Антонов-Овсеенко был направлен послом во Францию и т. п.

В этом отношении Зиновьева явно обошли. Он и Каменев получили скромные места служащих в Центросоюзе, которые скорее напоминали узаконенную синекуру, чем приглашение их к участию в реальных делах. Но в отличие от Каменева, который явно был расстроен таким пренебрежительным к себе отношением, требовал назначить его хотя бы директором Института Ленина, Зиновьев не унывал. Он активно сотрудничал в центральных органах печати, выступал на партийных собраниях с гневными речами против «троцкистских двурушников», вел широкую лекционную пропаганду с разъяснением политики партии и особенно — Коминтерна.

Все говорило о том, что Зиновьев не только смирился со своим второстепенным положением, но и всецело перешел на сторону Сталина. По свидетельству меньшевистского «Социалистического вестника», он и Каменев в декабре 1928 г. формулировали свою позицию следующим образом: «Надо ухватиться за руль. Этого можно добиться, лишь поддерживая Сталина. Поэтому не надо останавливаться на полдороге, надо заплатить ему настоящую цену». Узнав из доверительного источника про решение Политбюро о высылке Троцкого за границу, «зиновьевцы» устроили частное собрание. На нем Бакаев предложил заявить протест против такого решения. Его оборвал Зиновьев, ответив, что «протестовать не против кого, так как «господ» у нас нет».

Если Каменев колебался относительно того, на чью сторону стать в развернувшейся с новой силой в Политбюро и ЦК ВКП(б) борьбе групп Сталина и Бухарина — Рыкова, то Зиновьев совершенно однозначно осудил так называемый правый уклон. Он предпринимал одну за другой попытки встретиться со Сталиным, посылал ему унижительные, заискивающие записки и прошения. Наконец Сталин откликнулся и 11 декабря 1929 г. принял Зиновьева в кремлевском кабинете.

Это была их первая встреча после размежевания в ноябре 1927 г. Зиновьев попросил ЦК дать ему другую политическую работу. Сталин обещал поставить этот вопрос в ближайшее время и изыскать возможность вернуть Зиновьева на работу в Коминтерн или редакцию «Правды». Они договорились встретиться через неделю, но встретились только 26 декабря.

Придя на встречу, Зиновьев узнал, что Сталина в ЦК нет и не будет и что он просил его зайти к Кагановичу, бывшему

тогда одним из секретарей ЦК. Каганович заставил Зиновьева прождать более часа в приемной, а когда он все-таки был приглашен, через несколько минут в кабинет вошел и сам Сталин.

Однако делового разговора между ними не получилось. Сталин и Каганович принялись обвинять Зиновьева в ведении «фракционных разговоров», в неискренности поведения, что, мол, публикуя покаянные письма, он продолжал стоять за «блок с возвращенцами-троцкистами (или даже с троцкистами вообще)» и выжидал только благоприятного момента, чтобы войти с ними в контакт, подстрекал «зиновьевцев» в Ленинграде восстановить их «центр» и т. д.¹ Естественно, после такого «душа» Зиновьев ушел ни с чем.

Осенью 1932 г. Зиновьев и Каменев были обвинены в принадлежности к группе Рютина — Стэна, в том, что, зная о содержании их «манифеста», не уведомили об этом соответствующие партийные и иные инстанции. За это их вновь исключили из ВКП(б) и отправили в ссылку.

Предлог для принятия таких мер оказался явно надуманным уже судя по тому, что во внимание не было принято отправленное в Политбюро незадолго перед исключением письмо Зиновьева, Каменева и ряда их единомышленников. Его авторы, видимо, предчувствуя готовящееся исключение, протестовали против очередной развернутой в партии их проработки. «Мы получили многочисленные сведения об устраиваемых в Москве, Ленинграде, Харькове и в других местах тайных по особому подбору партсобраний, на которых ведется клеветническая кампания против нижеподписавшихся и против всей оппозиции» (речь шла о сторонниках бывшей левой оппозиции.— *Н. В.*). И далее: «Кроме того, мы имеем ряд сведений о собраниях в Москве «десяток» по особому подбору, где «при закрытых дверях» в таинственной обстановке читаются секретные документы, даются инструкции и т. д.»².

Не возымели действия и новые смиренные просьбы Зиновьева к Сталину о встрече, на которой он обещал опровергнуть предъявленные ему обвинения. «Я невиновен,— писал Зиновьев.— А если я невольно принес вред делу, то готов сделать все, чтобы это исправить. Очень, очень прошу меня выслушать. Я твердо надеюсь, что в этой просьбе Вы не откажете и буду ждать с нетерпением»³. Зиновьев сообщал

¹ Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории.— Ф. 324.— Оп. 1.— Д. 511.— Л. 5—6.

² Там же.— Л. 7.

³ Там же.— Л. 9.

даже свой домашний телефон на Арбате, наивно полагая, что просит не зря.

Действительно, «провинность» Зиновьева была не опасной, если уже в 1933 г. он вновь восстанавливается в рядах ВКП(б). Ему разрешили выступать в центральной печати, публиковать книги и брошюры. В центре его внимания в этот период находились проблемы истории и теории международного рабочего и коммунистического движений. Он одним из первых задумался о природе германского фашизма, причинах его прихода к власти и возможных последствиях этого прихода для СССР, всего революционного движения.

В качестве приглашенного Зиновьев участвовал в работе XVII съезда ВКП(б), состоявшегося 26 января — 10 февраля 1934 г. Ему, как и ряду других лидеров бывших оппозиций и уклонов, даже предоставили возможность выступить. В общем-то, все эти речи фактически ничем не отличались между собой и сводились к двум пунктам: покаянию в допущенных ошибках и восхвалению нового партийного руководства и его вождя Сталина. Складывается впечатление, что Зиновьев не просто капитулировал, а смиренно добивался лишь одного — права на жизнь и хотя бы призрачную, но все-таки политическую и литературную деятельность.

В фонде Зиновьева сохранились написанные им 27 июня 1934 г. на бланке журнала «Большевик» просьбы о разрешении присутствовать на заседаниях пленумов ЦК, получении некоторых материалов МИДа и книг, бюллетеня не для печати (ТАСС), пользоваться библиотекой ЦК ВКП(б) и даже участвовать в читательских конференциях, проводимых редакцией «Большевика»¹. 18 ноября он направил в Политбюро ЦК и Сталину очередное письмо, в котором просил «решить вопрос о моей дальнейшей работе»².

Все это ясно показывало, что Зиновьев и в мыслях не держал ничего из того, что ему предъявили 15—16 января 1935 г. в Ленинграде, т. е. через два месяца после указанной выше просьбы и полтора — после убийства С. М. Кирова, на выездной сессии Военной Коллегии Верховного Суда СССР: стремление организовать «контрреволюционный блок с различными антисоветскими группами, в целях развернутой борьбы против Советской власти»³. И хотя в том же судебном заседании установили, что «Москов-

¹ Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории. — Ф. 324. — Оп. 1. — Д. 511. — Л. 7.

² Там же. — Л. 18.

³ Правда. — 1935. — 18 янв.

ский центр», в создании которого обвинялись Зиновьев, Каменев и ряд бывших лидеров «новой оппозиции», не имел отношения к убийству Кирова, все они (19 человек) были осуждены на разные сроки ссылки. В частности, Зиновьеву дали 10 лет.

Отбывать срок «создателей» «Московского центра» отправили в Верхне-Уральский политизолятор. Находившийся там же бывший работник Исполкома Коминтерна, член Компартии Югославии А. Цилига вспоминал, что Зиновьев, как и остальные «зиновьевцы», держали «себя, в общем, капитулянтски, но в разной степени и форме». Зиновьев интересовался «особенно проблемами фашизма (привез массу книг о фашизме) и историей сословий в России»¹.

Зиновьев оказался плохим борцом. Конечно, сегодня, зная все те испытания — физические, духовные, нравственные, какие выпали на долю Зиновьева в 30-е гг. и особенно в 1936 г., рука не поднимается написать слова осуждения его приспособленчества и самоунижения перед Сталиным и его помощниками. Видимо, на такое осуждение имеют право только те, кто сам с лихвой испил горькую чашу сталинских репрессий. И все же нельзя не согласиться с А. Солженицыным, что в уступчивости таких, как Зиновьев, оказавшихся, несмотря на все их революционное прошлое, попросту не готовыми к длительной, упорной схватке, когда на карту поставлены не просто идеи, жизни других людей, но и твоя собственная, коренится трагедия «старой гвардии», а вместе с ней и всей партии.

1935 год подготовил год 1936-й. Начиная серию московских политических процессов, Сталин знал, с кем конкретно имел дело. По крайней мере, Зиновьев прошел достаточную обработку, чтобы не только подписать все то, что от него потребовало сталинское «правосудие», но и сказать об этом публично в судебном заседании. Не одна лишь боязнь пыток, последствий для семьи и близких толкнула Зиновьева на чудовищные самооговоры, не укладывающиеся в сознании описания собственных прегрешений и проступков тех, кто проходил с ним по одному делу или готовился подручными Ягоды — Ежова для последующих дел. Сильна была также вера и в то, что «не посмеют». Ведь сколько бы ни спорили и ни ругались, как бы ни враждовали между собой, но были все же «своими», из одной партии, взялись за общее «дело».

Те, кто 19 августа 1936 г. видели Зиновьева на скамье подсудимых в Доме Союзов, не могли не отметить, что перед

¹ Бюллетень оппозиции. — 1936. — № 47. — С. 3.

ними сидели не живые люди, а тени тех, которых знали партия, трудящиеся страны и всего мира. Трудно было узнать в одночасье постаревшем, одутловатом лице Зиновьева того молодцеватого Председателя Петроградского Совета, который в первые послеоктябрьские годы звонким тенором звал питерских рабочих на ратные и трудовые свершения. Не было ничего общего у этого Зиновьева с автором докладов и речей на съездах и пленумах ЦК Коммунистической партии, конгрессах Коминтерна, заседаниях его Исполкома, к голосу которого прислушивались наравне с голосом Ленина. Рассказывают, что на расстрел Зиновьева несли чуть ли не на носилках и из-за сердечного приступа, и по причине начавшейся с ним истерики.

Д. К. Шелестов

**Л. Б. КАМЕНЕВ:
ПУНКТИР МАРШРУТА
В ЭПОХЕ**

Теперь уже мало кто знает, что День Конституции СССР отмечался в 20-е — первой половине 30-х гг. в июле, а время введения ее в действие — 6 июля 1923 г., является вместе с тем датой создания первого общесоюзного правительства — Совета Народных Комиссаров (СНК) СССР. При оглашении его состава следующим после Председателя СНК В. И. Ленина был назван Лев Борисович Каменев — один из пяти заместителей главы правительства СССР.

Под его же руководством несколько дней спустя, 18 июля, состоялось первое заседание правительства, принявшее официальное «Оповещение СНК СССР о приступе его к работе». В тот день Каменев не впервые занял председательское кресло вместо Ленина. Еще в конце весны 1922 г., когда Владимир Ильич был вынужден из-за болезни на длительное время уехать в Горки, он поручил Каменеву председательствовать вместо себя на заседаниях Политбюро ЦК партии и СНК РСФСР. Позже Каменев же вел пленумы ЦК, на которых обычно по левую руку от него сидел Генеральный секретарь ЦК И. В. Сталин, а по правую — председатель Исполкома Коминтерна Г. Е. Зиновьев.

Длительное время, пожалуй, со второй половины 20-х гг., фотоснимки этих заседаний, проводившихся в небольшом зале, который непосредственно соседствует с кремлевским кабинетом Ленина, не публиковались. Больше того, даже уникальная последняя фотография Ленина, сделанная в этом зале, печаталась лишь изредка и к тому же, так сказать, в «отредактированном» виде.

На последнем «совнаркомовском» снимке около Ленина стоят А. И. Рыков и Л. Б. Каменев. Десятилетиями вместо этих двух фигур воспроизводилось некое темное пятно. Впрочем, в отличие от Рыкова, о существовании которого чаще всего просто умалчивалось, фамилия Каменева не была, так сказать, изъята. Она становилась известна со школьных лет, из учебников.

И не случайно. Зловещая тень августовского «судебного» процесса 1936 г., на котором Каменев был объявлен одним из «главарей беспринципной и безыдейной банды», как бы проецировалась на всю историю советского общества, искажала и корежила ее в угоду сталинизму и его более поздним последователям.

Парадокс: фамилию Каменева знал едва ли не каждый старшеклассник («а, это тот, что выступил против Октябрьской революции!»), вместе с тем его жизнь, судьба, не то что малоизвестна, но была просто забыта. В своей революционной и партийно-государственной деятельности Каменев действительно не раз допускал серьезные просчеты и ошибки. Известна их критика В. И. Лениным, а затем в решениях XIV и XV партийных съездов. Но значит ли это, что его жизненный путь состоял только из этих просчетов и ошибок? Кто он, каковы хотя бы внешние штрихи его политической биографии?

18 июля 1883 г. в семье машиниста Московско-Курской железной дороги Бориса Розенфельда появился первенец, названный по имени великого русского писателя Львом. Семья машиниста была по-своему незаурядной: сам он сумел окончить Петербургский технологический институт, а его жена — Бестужевские высшие курсы. Успешно учился и сын, завершивший гимназическое образование в Тифлисе и тогда же, в 1901 г., поступивший на первый курс Московского университета.

Но на первом же курсе учение Льва закончилось. Еще в гимназии он вошел в революционное движение, а в Москве принимал активное участие в известных студенческих выступлениях 1902 г. Попал в тюрьму, затем был выслан обратно в Тифлис, где сразу начал работать в социал-демократической организации.

1902 год стал для 19-летнего революционера особенным. Ему удастся приехать в Париж, начинается его сотрудничество в «Искре». Когда стало известно, что сюда прибывает Ленин, он делает все, чтобы встретиться с ним. «Знакомство с Лениным и впечатление, произведенное на Каменева рядом лекций и рефератов, прочитанных Лениным, — отметит

позже биограф Каменева, — оказали решающее влияние на всю его дальнейшую судьбу и деятельность».

Каменев (точнее Юрий Каменев — такой партийный и литературный псевдоним он принял) становится профессиональным революционером-большевиком, ведет нелегальную работу в Закавказье и других районах страны, является делегатом III съезда партии (1905 г.), участвует в революции 1905—1907 гг., постоянно общается с Лениным, в 1913 г. работает под его руководством в Кракове. В конце осени 1914 г., находясь в России, он был арестован и сослан в Сибирь, откуда его вызволила Февральская революция 1917 г.

Так случилось, что первые телеграммы о ней он обсуждал в радостном возбуждении вместе со Сталиным. Пути политической ссылки свели их в те февральско-мартовские дни, ставшие переломными в истории России, в небольшом сибирском городке Ачинске. Каменев, конечно, и отдаленно не мог тогда предположить, что щуплый рыжеватый Коба (возможно, известный ему как один из рядовых подпольщиков еще в Закавказье в 1904—1905 гг.), с которым они будут единомышленниками по многим вопросам чуть ли не до середины 20-х гг., заставит его еще раз повидать Ачинск по дороге в минусинскую ссылку, а потом и беспощадно-жестоко расправится с ним.

Сейчас же, весной 1917 г., перед Каменевым встала задача — попытаться понять ближайшее будущее, пути дальнейшего развития революции. Освобожденный из ссылки 33-летний революционер пользовался определенным авторитетом в партии. Еще десять лет назад, во время V (Лондонского) съезда РСДРП (весна 1907 г.), он был избран в Большевикский центр. Его литературно-публицистическое творчество в предвоенные годы, талантливые очерки по истории общественного движения (о Герцене, Чернышевском, Некрасове и др.) принесли ему некоторую известность и за пределами партии.

В вышедшей несколько лет назад однотомной энциклопедии «Великая Октябрьская социалистическая революция» (М., 1987) впервые после почти шестидесятилетнего перерыва биографическая справка о Каменеве «прорвалась» в нашу литературу.

Это был пусть маленький, но все же шаг к правде истории. Шаг, однако, совсем не освобожденный от отживших историографических стереотипов. Общая характеристика всей многообразной дореволюционной деятельности Каменева ограничена в энциклопедии одной фразой: «В. И. Ленин еще в 1911 году называл Каменева непосledo-

вательным троцкистом» (заметим, что точно такая же фраза повторена в биографических справках о Г. Е. Зиновьеве и А. И. Рыкове).

Отказавшись от действительной оценки взглядов Каменева и сведя ее только к указанной фразе, составители энциклопедии объективно отразили широко распространенное в нашей литературе утверждение о его «троцкизме». Нельзя не признать, что блок Зиновьева и Каменева с Троцким в 1926—1927 гг. давал некоторые основания для этого, но и не следует забывать главное — такое утверждение с середины 30-х гг. насаждалось Сталиным, который объявил троцкизмом любое инакомыслие в партии и стране, чтобы беспощадно расправиться с ним. «Троцкизм» Каменева доказывали всякими способами, не исключая и «аргументацию», связанную с тем, что он еще в 1902 г. женился на сестре Троцкого и был-де годами семейно близок с ним (чего, заметим, на самом деле не было — Ольга Каменева, старый член партии, не поддерживала тесных политических отношений с братом).

Что же в действительности имел в виду В. И. Ленин, когда в 1911 г. критиковал (между прочим, не называя никаких фамилий) непоследовательных троцкистов? Совсем не систему политических взглядов троцкизма, а примиренческую позицию ряда большевиков в конкретном вопросе — отношении к межфракционной борьбе в РСДРП того времени. Такую позицию занимали не только названные выше три большевика, но и некоторые другие (И. Ф. Дубровинский, В. П. Ногин и т. д.). Что касается Сталина, то, хотя его мнение в 1911 г. и не имело сколько-нибудь существенного значения, отметим, что он вообще считал борьбу, которую вел тогда Ленин внутри РСДРП, «заграничной бурей в стакане воды».

В области научно-критического анализа взглядов Каменева предстоит немалая работа. Но уже сегодня ясно, что они не были тождественны троцкистским ни в дореволюционный период, ни в 1917 г.

Думается, Каменев позже, на XV партконференции (осень 1926 г.), имел определенное основание заявить, «что вы не укажете, как не мог указать в своем обстоятельном докладе т. Сталин, ни одной цитаты, ни одного факта, в котором можно было бы констатировать то, что нам здесь приписывается,— что мы «перешли» на сторону идейной позиции троцкизма».

События 20-х гг. еще будут затронуты ниже, сейчас же вернемся в весну 1917 г. Известно, что Каменев был в числе тех большевиков, которые не сразу восприняли Апрельские

тезисы Ленина, его план перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, и выступил с критическим содокладом на VII (Апрельской) конференции РСДРП (б).

Возражая группе делегатов конференции, которая выступала против выдвижения каменевской кандидатуры для баллотирования в ЦК, Ленин показал, что позиция Каменева не является просто личной, а отражает настроения определенных слоев масс. «То, что мы спорим с т. Каменевым,— говорил он,— дает только положительные результаты. Присутствие т. Каменева очень важно, так как дискуссии, которые веду с ним, очень ценны. Убедив его, после трудностей, узнаешь, что этим самым преодолеваешь те трудности, которые возникают в массах».

Следует особо подчеркнуть, что понимание такого ленинского подхода к апрельской дискуссии 1917 г. имеет не частное, а принципиальное методологическое значение для научного исследования истории разногласий по тем или иным вопросам развития революции и последующих советских лет. Вместе с тем оно первостепенно важно и для характеристики деятельности Каменева, уяснения природы последовавшего через полгода «октябрьского эпизода», когда он и Зиновьев выступили на проходивших нелегально заседаниях ЦК партии 10 и 16 октября 1917 г. против установки Ленина на вооруженное восстание.

Первое из названных заседаний собралось в квартире большевички Г. К. Сухановой, муж которой (он не знал о заседании) меньшевик Н. Н. Суханов редактировал «внепартийную» газету «Новая жизнь», в которой участвовал и М. Горький. Возможно, последним обстоятельством и объясняется, что Каменев обратился от себя и Зиновьева именно в эту газету с письмом, выражавшим их позицию на указанных заседаниях ЦК. В ответ Ленин потребовал исключения Зиновьева и Каменева из партии. Однако члены ЦК (в том числе Сталин) не поддержали его.

В бурные октябрьские дни Каменев находился в Смольном. Именно тогда он впервые занял крупный «председательский» пост, по поручению ЦК партии вел оба заседания исторического II съезда Советов, а затем был избран первым председателем-большевиком образованного на съезде ЦИКа.

Но, как показали последующие события, ненадолго. В начале ноября 1917 г. Каменев оказался в числе тех, кто настаивал на переговорах о создании «однородного социалистического» правительства, снял с себя председательские полномочия и вышел из ЦК РСДРП (б). Правда, он быстро отказался от такого решения и признал это в письме в ЦК.

В конце 1917 г. СНК поручил Каменеву участвовать в заключении перемирия на фронте, а затем он в качестве члена советской делегации выехал в Брест, где начались мирные переговоры со странами германо-австрийского блока.

Порой в литературе можно встретить утверждение, что с весны 1918 г. Каменев стал председателем Моссовета. Кроме того, обычно отмечается, что на всех партийных съездах 1917—1925 гг. он избирался в состав ЦК. И то, и другое неправильно. Каменев стал председателем Моссовета лишь с осени 1918 г., а на VII партсъезде (март 1918 г.) не только не был избран в ЦК, но и вообще не присутствовал. Дело в том, что большую часть 1918 г. его в Советской России не было.

В самом начале года, когда мирные переговоры были прерваны и развернулось наступление немецких войск, Каменев по заданию Ленина срочно выехал в Англию и Францию, возглавлявшие антантовский блок, с целью разъяснения внешней политики Советской России. С большим трудом он достиг Лондона, но через неделю английское правительство выслало его.

Обратный путь мог кончиться трагически: Каменев был схвачен белофинами и только в августе 1918 г. в результате обмена арестованными добрался до Москвы.

Во время гражданской войны и интервенции (1918—1920 гг.), а также в начале перехода к новой экономической политике (1921 г.) деятельность Каменева была сосредоточена, главным образом, на руководстве Моссоветом. Он выполнял и другие ответственные поручения: выезжал на фронт как уполномоченный Совета Рабоче-Крестьянской Обороны, активно участвовал в работе ЦК, партийных съездов и конференций, проводившихся до середины 20-х гг. ежегодно.

Когда в марте 1919 г. было образовано Политбюро ЦК партии, Каменев стал его членом, неизменно переизбираясь в состав этого высшего органа в последующие семь с половиной лет (до октября 1926 г.).

Это время, естественно, занимает особое место в политической биографии Каменева, является как бы ее кульминацией. В нем можно выделить три этапа: первый — 1919—1922 гг., когда Каменев работал под непосредственным руководством В. И. Ленина, второй — 1922-й — начало 1924 г. приходится на болезнь и кончину Владимира Ильича и, наконец, третий — с начала 1924 г., когда Каменев вместе с другими руководителями партии и страны вошел в число коллективных преемников Ленина.

Еще в дореволюционные годы Каменев был в числе тех, кто наиболее близко общался с Владимиром Ильичем. С 1917 г., несмотря на возникшую тогда между ними дискуссию и «октябрьский эпизод», эта близость общения сохранилась и, возможно, даже возросла.

Конечно, просто личная близость не смогла быть определяющей при выборе В. И. Лениным в 1922 г. Каменева на пост заместителя Председателя СНК и СТО¹ РСФСР и для поручения ему председательствования на заседаниях Политбюро и правительства. Но она позволяла глубже и разносторонне узнать человека, его характер и нравственный облик, немаловажные в практической деятельности руководителя.

В первые годы после победы Октября вся работа по руководству правительством осуществлялась только Лениным. В 1921 г. у него впервые появились заместители, сначала Алексей Иванович Рыков, ранее работавший председателем Высшего совета народного хозяйства РСФСР, и несколько позже — Александр Дмитриевич Цюрупа, нарком продовольствия периода гражданской войны и интервенции. Весной 1922 г. к ним присоединился и Каменев.

В. И. Ленин придавал большое значение работе своих заместителей, связывая ее с совершенствованием деятельности высших звеньев советского государственного аппарата. В свой последний рабочий день, проведенный в кремлевском кабинете 12 декабря 1922 г., он имел двухчасовую беседу с Рыковым, Каменевым и Цюрупой о распределении обязанностей между ними. Беседа осталась неоконченной.

На следующий день, 13 декабря, Владимир Ильич, вынужденный из-за состояния здоровья прекратить работу, пишет своим заместителям письмо, в котором предлагает им при распределении своих дел учесть, что для председательствования, контроля за правильностью формулировок документов и т. д. «больше подходит т. Каменев, тогда как функции чисто административные свойственны Цюрупе и Рыкову».

Рекомендация осталась в силе и после образования в июле 1923 г. правительства СССР.

Это, оказавшееся последним, письмо Ленина своим совнаркомовским заместителям (случилось так, что они втроем с конца 1922 до начала 1924 г. фактически возглавляли СНК РСФСР, а затем и СНК СССР) четко обозначило функции каждого из них. Хотя Каменеву при этом отводились

¹ СТО — Совет Труда и Оборона, был создан в 1920 г. в результате реорганизации Совета Рабоче-Крестьянской Оборона (1918—1920 гг.).

председательские обязанности, нет оснований делать вывод, что Ленин как бы рекомендовал его своим преемником в Совнаркоме.

В современных газетных и журнальных статьях нет-нет да и проскальзывает вопрос о том, предполагал ли Ленин назвать своего преемника. Следует со всей определенностью подчеркнуть, что никаких документальных подтверждений на этот счет не известно. Не дает оснований для суждений на этот счет и его «Письмо к съезду».

Спешно продиктованное на рубеже 1922—1923 гг., это письмо («завещание») треть века утаивалось от народа (до 1956 г.), а затем, со второй половины 60-х гг., всячески замалчивалось и лишь в наши дни обрело широкую известность. В письме были отмечены личные недостатки шести крупнейших руководителей, в том числе и Каменева, относительно которого Ленин заметил, что его и Зиновьева «октябрьский эпизод», «конечно, не являлся случайностью».

Примечательно, что это предостерегающее партию замечание было продиктовано всего лишь через несколько дней после упомянутого выше последнего письма Ленина своим заместителям, в котором он рекомендовал, чтобы Каменев вел заседание правительства. Достаточно сравнить эти два практически одновременно составленных документа, чтобы понять, что Ленин не мог рассматривать Каменева как возможного преемника.

Ленинское «завещание» вообще свидетельствует, что ни один из названных в нем руководителей не мог претендовать на такую роль. Мысль Ленина была направлена не на «подбор преемника», а на принятие мер против угрозы раскола в ЦК, на укрепление устойчивости его руководства (путем, прежде всего, перемещения Сталина с должности генсека), обеспечение коллективности в управлении партией и страной.

Однако «завещание» не было реализовано. Свою долю ответственности за это несет и Каменев, хотя ему и пришлось расплатиться за допущенные просчеты самой жизнью.

Было бы заблуждением сводить развернувшуюся в середине 20-х гг. внутрипартийную борьбу только к личному соперничеству в высшем руководстве партии. Но что оно сказалось на этой борьбе, подчас обостряло и осложняло ее, сегодня не представляет сомнения.

Не остался в стороне от нее и Каменев. Его фамилия в наших представлениях о первом советском десятилетии как бы соединилась с другой — Зиновьева. Между тем Зиновьев с его претензиями на «вождизм», амбициозностью, склонностью к жестокости и неразборчивости в действиях

являл собой тип человека, более близкий к Троцкому, нежели к Каменеву.

Последнего отличала не только внешняя, но и определенная внутренняя интеллигентность, мягкость и даже некоторая уступчивость в общении. Надо полагать, ему импонировало пребывание в первом ряду высших руководителей, но вряд ли он претендовал на большее; во всяком случае то, что мы сегодня называем «культом личности», ему было, несомненно, чуждо.

Но не будем идеализировать эту действительно крупную и вместе с тем противоречивую фигуру политической жизни страны первой половины 20-х гг. Каменев многими своими качествами, казалось бы, вписывался в систему коллективного руководства, однако в нем проявлялись и черты политиканства.

Отметим только одну из них, связанную с его отношением к последним работам Ленина. Недавно стало известно, что после того, как не удалась попытка задержать публикацию ленинской статьи «Как нам реорганизовать Рабкрин» и она в январе 1923 г. была напечатана, во все губкомы партии было направлено письмо Политбюро и Оргбюро, в котором недвусмысленно давалось понять, что появляющиеся в печати ленинские статьи — всего лишь заметки, надиктованные в условиях болезни.

Каменев счел возможным поставить свою подпись под этим письмом. Конечно, он сделал это не один. Но его подпись в данном случае имела особое значение. К тому времени он уже был известен в партии как человек, который ведет большую работу с ленинским литературным наследием. С 1920 г. он возглавил подготовку издания Собраний сочинений В. И. Ленина (первые три издания вышли под редакцией Каменева).

Во время болезни Владимир Ильич передал свой архив Каменеву, что послужило основой организации в 1923 г. под его руководством Института В. И. Ленина при ЦК партии.

Можно предположить, что Каменев не случайно поставил свою подпись под названным выше январским письмом. Возможно, уже тогда наметилась его политическая линия, приведшая к соучастию в сокрытии и невыполнении указаний ленинского «завещания». Раздел последнего, содержащий личные характеристики Сталина, Троцкого, Зиновьева, Каменева, Бухарина, Пятакова, был, по требованию В. И. Ленина, «категорически секретным» и только после его смерти подлежал доведению до сведения партсъезда.

Но требование Ленина было нарушено, о содержании его секретных диктовок (по крайней мере до 29 декабря 1922 г.) Фотиева проинформировала Сталина. Знал об этом и Каменев, так как именно ему Фотиева представила объяснительную записку о своем нарушении (она объясняла его тем, что-де не была предупреждена о секретности материалов).

К тому времени Каменев знал и другое. Примерно неделей раньше он получил взволнованное письмо Н. К. Крупской, где она сообщала ему о безобразной выходке Сталина, который грубо обругал ее, заподозрив в ведении, вопреки запрещению врачей, записи сказанного Владимиром Ильичем.

Принял ли Каменев какие-либо меры в отношении Сталина? Скорее всего, нет. Недаром два с половиной месяца спустя, 5 марта 1923 г., Ленин был вынужден продиктовать в связи с этим случаем резкое письмо Сталину, поставившее вопрос о возможности разрыва их отношений. И это тоже было известно Каменеву — копии письма были направлены ему и Зиновьеву.

Ясно, что не отдельные и тем более личного характера факты побудили Ленина бескомпромиссно поставить вопрос о перемещении Сталина с поста генсека. Ленин прозорливо увидел то, что упорно не хотели видеть Каменев и Зиновьев, увлеченные соперничеством с Троцким. Не их отношения с Троцким, а отношения между Сталиным, который «сделавшись» (на это слово стоит обратить внимание, вряд ли Ленин случайно продиктовал именно «сделавшись») генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть», и Троцким, с его небольшевизмом, самоуверенностью и чрезмерным увлечением администраторством, представляли главную опасность, как точно определил Ленин, для устойчивости в высшем звене партии и коллективного руководства.

Зиновьев и Каменев, блокировавшиеся со Сталиным и занимавшие ко времени кончины вождя ведущее положение в Политбюро (его членами тогда, кроме названной тройки, были Рыков и Томский, а также Троцкий), по существу, отбросили настойчивый совет уходившего из жизни Ленина предпринять «ряд перемен в нашем политическом строе». В результате их закулисного маневрирования XIII съезд РКП(б) (май 1924 г.) лишь «ознакомился» с последней волей вождя и сохранил положение, сложившееся в руководстве ЦК, которое, как считали Зиновьев и Каменев, обеспечивает им лидерство в партии. Не исключено, что они были лично заинтересованы в неразглашении ленин-

ского «завещания», чтобы скрыть оценку их «октябрьского эпизода» как не случайности.

Пройдет полтора года, и Каменев, в свое время рекомендовавший Сталина на пост генсека, немало сделавший, чтобы сохранить его, вопреки воле Ленина, на этом посту, будет вынужден заявить с трибуны XVI съезда партии (декабрь 1925 г.), что он «против того, чтобы делать «вождя»:

«Именно потому, что я неоднократно говорил это т. Сталину лично, именно потому, что я неоднократно говорил группе товарищей-ленинцев, я повторяю это на съезде: я пришел к убеждению, что тов. Сталин не может выполнять роли объединителя большевистского штаба».

Стенографическая запись того, что последовало после этих слов, исполнена драматизма. Едва они были произнесены, в зале раздались крики: «Неверно! Чепуха! Вот оно в чем дело! Раскрыли карты! Мы не дадим вам командных высот! Сталина! Сталина!» Делегаты встают и приветствуют тов. Сталина, — бесстрастно констатирует стенограмма. Далее в ней сказано, что поднявшийся со своего места один из руководителей ленинградской парторганизации Г. Е. Евдокимов в противовес предшествующим крикам бросает в зал: «Да здравствует РКП! Ура! Ура!.. Да здравствует ЦК нашей партии! Ура!.. Партия превыше всего! Правильно!..» Его призывы также встречаются бурными аплодисментами, делегаты вновь встают. Но в их приветствия в честь партии и ЦК опять врываются крики: «Да здравствует тов. Сталин!!!». Бурные, продолжительные аплодисменты, крики «Ура!», шум, — записывают стенографистки.

Не стоит домысливать, что мог думать в этот момент Каменев, стоя на трибуне перед бушующим залом. Но сознавал ли он, что сказанные им слова правды о Сталине сводились на нет его активным выступлением совместно с Зиновьевым и другими участниками «новой оппозиции» против линии партии в социалистическом строительстве, в разработке которой он ранее принимал участие? Такое маневрирование не могло встретить поддержку большинства делегатов, которые с недоверием встретили и его заявление о Сталине, тем более что оно не сопровождалось честным признанием Каменева собственной грубой политической ошибки, непринципиального отношения к ленинскому «завещанию».

Политический авторитет Каменева стал заметно истончаться, на XIV съезде он последний раз был избран в ЦК. Состоявшийся сразу после съезда пленум ЦК переместил

его на уровень кандидата в члены Политбюро. Произошли изменения и в государственной деятельности. Тогда же, в январе 1926 г., он был смещен с поста Председателя СТО СССР, который занимал после смерти Ленина, и назначен наркомом торговли СССР.

Но и на этой должности он пробыл всего лишь несколько месяцев. В июле 1926 г. Дзержинский, бывший в ту пору Председателем ВСНХ СССР, бросил в лицо Каменеву слова суровой правды: «Вы занимаетесь политиканством, а не работой».

Именно политиканство и привело его в конечном счете к политическому краху. Через несколько месяцев, в октябре 1926 г., пленум ЦК вывел Троцкого из членов, а Каменева из кандидатов в члены Политбюро. Сыграв видную роль в идейной борьбе с троцкизмом в 1923—1924 гг., Каменев (как и Зиновьев) после поражения «новой оппозиции» на XIV съезде партии сблизился с Троцким. Заявляя, как уже говорилось выше, что идейная позиция троцкизма ему чужда, он тем самым признал беспринципность этого блока, окончательно увлекшего его на путь фракционной борьбы 12 ноября 1927 г. президиум ЦКК ВКП(б) вывел Каменева из ЦК, а несколько недель спустя XV съезд ВКП(б) (декабрь 1927 г.) исключил его, Зиновьева и ряд других оппозиционеров из партии.

Внутрипартийная борьба, осложненная личным соперничеством и даже схваткой за власть Сталина и Троцкого при активном участии Зиновьева и Каменева, не могла не иметь негативных последствий. Случилось то, о чем с тревогой предупреждал Ленин, указывая в 1922 г. на опасность борьбы в тончайшем слое старой партийной гвардии, авторитет которого может быть «ослаблен настолько, что решение будет уже зависеть не от него». В такой обстановке внешне поначалу малозаметно утверждалась авторитарная власть Сталина.

В 1928 г. Каменев, осудивший свою оппозиционную деятельность, был восстановлен в партии. В последующие годы он руководил издательством «Академия». Вынужденный покинуть Институт В. И. Ленина, для становления которого так много сделал, он позже стал организатором и первым директором Института мировой литературы при ЦИК СССР. В конце 20-х гг. Каменев вернулся к своим еще дореволюционным занятиям историей революционно-общественной мысли России. Сегодня мало кто знает, что одна из первых книг издающейся и поныне серии «Жизнь замечательных людей» была написана Каменевым о Н. Г. Чернышевском (1933 г.).

Но эта его жизнь, так сказать, вне большой политики, была далеко не безоблачной. Он хорошо понимал, что постоянно находится «под прицелом» Сталина и его окружения. Проявлялось это по-разному. Порой относительно безобидно, когда он, к примеру, читал в газетной статье Калинина, что «накануне Октября Сталин — один из тех немногих, вместе с которыми Ленин решает вопрос о восстании, конспирируя это от Зиновьева и Каменева». Но иногда и властно-жестоко, как это было осенью 1932 г., когда вновь исключенный из партии по так называемому «делу Рютина» Каменев был отправлен в минусинскую ссылку.

В 1933 г. он вернулся в Москву, вновь был восстановлен в партии, и вроде бы жизнь опять потекла по ставшему уже привычным руслу. Но не надолго.

Очевидно, как только пришла весть об убийстве Кирова, Каменев почувствовал надвигающуюся расправу. Да и как было не почувствовать. Сразу стало известно, что рыжеватый Коба, семнадцать лет назад трясшийся вместе с ним в общем вагоне, увозившем их из Ачинска, теперь спецпоездом, в сопровождении нескольких подразделений охраны, ринулся в Ленинград. Там, у гроба, последовало в несвойственном ему высокопарном стиле заявление: «Прощай, мой дорогой друг. Мы за тебя отомстим».

Кому отомстим? Вряд ли надо было задавать такой вопрос. На газетных полосах рядом с сообщением, что «личность преступника, убившего Кирова, выясняется», появились зловещие заголовки, упреждающие это выяснение призывами «покончить с троцкистскими и иными двурушниками». В ночь на 16 декабря 1934 г. в московский Карманицкий переулок, где жил Зиновьев и была квартира второй семьи Каменева, въехали машины НКВД...

Хотя в официальном сообщении НКВД и было указано, что в отношении Зиновьева, Каменева, Евдокимова и ряда других арестованных нет «достаточных данных для придания их суду» и они будут только высланы, суд (и не один) был учинен. В январе 1935 г. Каменева приговорили к пяти годам тюремного заключения, летом того же года он был судим вторично, тюремный срок увеличился до максимальных в то время десяти лет. За пределами этого срока следовала «высшая мера». Она и была применена по приговору зловещего августовского процесса 1936 г. Сталинская расправа свершилась.

Впрочем, шлейф ее растянулся во времени. В 1935 г. был арестован и в 1938 г. расстрелян старший сын Каменева 33-летний авиационный инженер Александр. Его младший брат, 16-летний Юрий был приговорен в 1938 г. к «высшей мере», приве-

денной в исполнение. Их мать — Ольгу Давыдовну — расстреляли осенью 1941 г. Погибли младший брат Каменева Николай с женой, а также Татьяна Ивановна Глебова, близкий Каменеву человек в последние годы его жизни. Но и этого оказалось мало. Сын Александра — Виталий, почти не знавший деда, едва закончив школу, оказался в 1951 г. в тюрьме, а затем в ссылке, которая неизвестно чем бы кончилась, если бы не 1953 г.

Подлинная человеческая трагедия, через которую на исходе своей в общем-то короткой жизни — он погиб 53-х лет — прошел Каменев, конечно, так или иначе всегда будет сказываться на восприятии его политической биографии. Вместе с тем нужно время и для того, чтобы это восприятие не только очистилось от прежних ложных представлений, но и получило действительно научную основу в раскрытии эпохи российской революции 1917 — начала 1920-х годов и последующих затем десятилетий. Ибо политическая судьба Л. Б. Каменева, обозначенная в этом очерке лишь штрихами, неотъемлема от всей той многомерной, палящей эпохи.

В. П. Наумов
АЛЕКСАНДР ШЛЯПНИКОВ

Александр Гаврилович Шляпников родился 30 августа 1885 г. в городе Муроме Владимирской губернии в семье старообрядцев (поморской секты). Отец, Гаврила Шляпников, работал кондуктором на железной дороге; мать, Хриония Николаевна — из крестьянской семьи. Александру было три года, когда он лишился отца. Мать осталась одна с четырьмя детьми, младшему из которых было около года. В 1895 г. Александр окончил 3 класса Муромского городского начального училища и, чтобы помочь матери, берется за любую посильную работу: копает огороды, собирает урожай, выполняет подсобные работы на заводе.

С тринадцати лет начинается рабочая биография Шляпникова. В 1898 г. его устроили рабочим на фабрику стальных изделий в селе Вача, одном из крупнейших сел Павловского района кустарной металлообрабатывающей промышленности. Через два года он перебирается в Сормово, где устраивается подручным токаря.

В Сормове Александр познакомился с местными социал-демократами, и это определило весь его дальнейший жизненный путь. В начале 1901 г. старший брат Петр, работавший на заводе в Петербурге, переманил туда и Александра. По младости лет токарем устроиться не удалось — пришлось поступить подручным слесаря.

В мае того же года во время стачки на Обуховском заводе, получившей название «Обуховской обороны», Александр принял первое боевое крещение. Подростки, организовавшись в группы, повели на свой лад борьбу со штрейк-

брехерами, осыпая их градом камней, гаек и т. п. и таким образом выгоняя с завода. За активное участие в стачке он попал в черный список и, поработав недолго в мелких мастерских (с очень низкой зарплатой), вынужден был вернуться в Сормово. Там его как забастовщика также не приняли на работу. Тогда сормовские товарищи снабдили его нелегальной литературой, и он вернулся домой, в Муром.

В Муроме Александр быстро нашел работу токаря и вместе с революционно настроенными товарищами занялся пропагандой и работой по организации социал-демократической группы. 1903 год считается годом образования местной социал-демократической организации. Этот период революционной работы Шляпникова кратко описан словами полицейского документа: «Муромский мещанин Александр Гаврилов Шляпников в 1904 году привлекался при Владимирском губернском жандармском Управлении в качестве обвиняемого по делу «Муромской социал-демократической рабочей партии», но дознание по отношению к нему Владимирским губернским Совещанием было прекращено». Следовательно не удалось собрать достаточно фактов для предания Шляпникова суду.

В 1905 г. он был привлечен вторично тем же жандармским Управлением в качестве обвиняемого к дознанию революционной демонстрации в Муроме 10 июля. Дело это «за силою высочайшего Указа 21 октября 1905 г. было прекращено». Но 29 декабря Шляпников был вновь арестован жандармским Управлением по обвинению в подготовке свержения самодержавия.

Во Владимирской Центральной тюрьме, где двадцатилетний Шляпников был избран старостой, он значится как «главный революционер Муромской организации социал-демократической рабочей партии».

После вынесения приговора Александр был выпущен под залог 500 рублей до приведения приговора в исполнение (приговор вступал в силу с 9 марта). Выйдя на свободу, он уехал в Москву и перешел на нелегальное положение. Некоторое время работал при Лефортовском районном комитете, затем перебрался в Петербург. В 1907 г. он — организатор Песковской (Рождественской) районной партийной организации, член Петербургского Комитета РСДРП. По поручению ПК, для связи с заграничной частью ЦК РСДРП Шляпников выехал за границу. Товарищи снабдили его деньгами, дали письмо к В. И. Ленину.

В первых числах января 1908 г. Александр нелегально перешел русско-австрийскую границу. 8 января он был в Амштеттене. Оттуда — в Женеву к В. И. Ленину. По совету

В. И. Ленина едет искать работу в Париже. Здесь он вошел в состав Парижской группы содействия РСДРП, поддерживал постоянную связь с В. И. Лениным, выполнял его поручения.

Полицейский документ рассказывает о жизни Шляпникова в первый год пребывания его за рубежом. «Первый раз он (Шляпников.— В. Н.) приехал в Париж в феврале 1908 г. и поселился на улице Брока, 96, где прожил продолжительное время; прибыл с явкой от Ленина. Вел весьма уединенную жизнь; никого у себя не принимал, много читал и писал».

Оценив обстановку, в которой находилась русская политическая эмиграция, Шляпников решил устроиться на работу по своей специальности и жить в среде французских рабочих. Следует признать, что подобное явление было не широко распространено в среде русской эмиграции. Во-первых, в числе эмигрантов было не так много рабочих, а во-вторых, попавшие в эмиграцию рабочие предпочитали другие занятия. Его эмиграция существенно отличалась от образа жизни за рубежом других профессиональных революционеров. Один из очень немногих, Александр Гаврилович трудился по своей специальности на крупных предприятиях Германии, Франции, Англии.

Первый год жизни за рубежом молодого революционного эмигранта был отмечен уединением и замкнутостью. Его встречи с соотечественниками и товарищами по партии имели большей частью деловой характер. Может быть, это объяснялось скромностью и молодостью петербургского рабочего, непривычностью жизни на чужбине, неприятием шумных и бойких коллег по эмиграции. Во всяком случае, это не было проявлением нелюдимости и крайней замкнутости характера Шляпникова. В Париже он женился на француженке, но брак оказался непродолжительным.

Спустя некоторое время Шляпников переселяется в Аньер, пригород Парижа, поступает на работу на моторный завод «Гном». Здесь он обрел новых товарищей, активно включился в работу социалистической организации, стал членом Аньерской секции Французской социалистической партии, был избран членом правления Союза Парижских Механиков (департамент Сена). Опыт профсоюзной и политической деятельности постигал не по книгам, а непосредственно в рабочих коллективах, в социалистических и профсоюзных организациях.

В 1912—1914 гг. Александр работает на заводах Франции, Англии и Германии, налаживая связи с местными социал-демократами.

Встреча в 1912 г. с Александрой Михайловной Коллонтай явилась поворотом в жизни А. Г. Шляпникова. Эта женщина была незаурядной фигурой в российской социал-демократии, человеком высокой культуры, широкого образования. Коллонтай стала спутником жизни Шляпникова на все последующие предреволюционные годы. Они вместе выполняли ответственные партийные поручения в годы первой мировой войны, осуществляя связь с Россией, налаживая транспортировку нелегальной литературы.

А. М. Коллонтай оказала большое влияние на формирование молодого революционера, знакомство его с мировой культурой, расширение политического кругозора. Щедро одаренный от природы, Шляпников в эти годы много читает, сам пробует писать. Литературный труд постепенно занимает все большее место в его жизни. В короткое время он написал ряд статей и брошюр по партийным вопросам. В 1914 г. была готова книга «По заводам Франции и Германии», арестованная царской цензурой и вышедшая в свет только в 1925 г. Часть материала была опубликована в журналах «Просвещение» и «Металлист».

В апреле 1914 г. Шляпников по французскому паспорту своего друга Жакоба Ноэ с большой партией литературы возвращается в Россию. Работая токарем на петербургских заводах (Лесснера и Эриксона), выполнял поручения большевистской фракции IV Государственной Думы и Петербургского Комитета партии, выпускал прокламации, сотрудничал в «Правде», журналах «Просвещение», «Металлист», «Социал-Демократ».

Начавшаяся в августе 1914 г. мировая война заставила Шляпникова вновь покинуть Россию. Необходимо было выработать соответствующую политику партии, тактику ее деятельности в новых исторических условиях, и Петроградский Комитет направляет Шляпникова к Ленину для получения соответствующих директив. Но было и еще одно обстоятельство, вызвавшее его отъезд. Оно было связано с невозможностью дальнейшего легального пребывания «французского гражданина Жакоба Ноэ» в России — ему необходимо было призываться во французскую армию.

Вскоре после отъезда Шляпникова в начале ноября в Петрограде были арестованы большевики — депутаты IV Государственной Думы. Думская фракция большевиков по существу являлась не только фактическим центром легальной, но и нелегальной работы партии. Аресты были произведены также в Петроградской и других крупных организациях.

Заграничное бюро ЦК в создавшейся ситуации предпринимало попытки организации нового нелегального руково-

дящего центра большевистской партии в России и установления постоянной связи зарубежного центра с Петроградом.

Шляпников привез Ленину из России разнообразную информацию — письма, записки, в которых давалась оценка сложившейся ситуации. Ленин придавал особое значение установлению связи с Россией, дававшей возможность получать объективную информацию о положении в стране, о настроении пролетариата, о деятельности партийных организаций. Шляпников организует через Швецию и Финляндию транспорты с литературой, инструкциями и директивами для партийных организаций.

В ряде писем Ленин советует, как лучше наладить эту работу, обратить особое внимание на переписку с местными партийными организациями, просит лично Шляпникова проследить за постановкой данного партийного дела.

Когда в ноябре 1914 г. возник вопрос о предполагаемом отъезде Шляпникова в Данию, Ленин написал ему взволнованное письмо, протестуя против этих планов, вполне обоснованно опасаясь резкого ухудшения связи заграничных центров с местными партийными организациями в России: «Я вообще энергично протестую против такого переезда. Именно теперь надо Вам быть самому в Стокгольме, чтобы налаживать связи правильнее, чаще, обширнее. Дело это трудное, требует опытного человека, владеющего хоть одним иностранным языком»¹.

В это время Шляпников занимает одно из ключевых мест в международной деятельности партии большевиков, являясь вместе с Коллонтай активным помощником Ленина в организации связей с международным социалистическим движением, особенно с левыми группами Швеции, Норвегии, Америки. В ноябре 1914 г. он участвует в качестве гостя от РСДРП на конгрессе шведской социал-демократической партии. В январе 1925 г. принимает участие в социалистической конференции в Копенгагене, на которой были представлены социал-демократические партии Швейцарии, Дании и Голландии.

Шляпников находился в Скандинавии до весны 1915 г. Далее оставаться было опасно. Фигура Шляпникова стала хорошо известна охранке. Выявив его роль в организации транспорта в Россию, она могла провалить хорошо налаженную работу. Нужна была смена руководителя.

После начала первой мировой войны многочисленные попытки наладить работу Русского бюро ЦК РСДРП(б)

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 49. — С. 35.

успехом не увенчались. В короткие сроки царской охранке удавалось выявлять уполномоченного ЦК и арестовывать его помощников. В начале 1915 г. В. И. Ленин решает направить в Россию Шляпникова. Опыт организации подпольной работы, широкие связи Шляпникова в рабочих кругах Питера и других крупных промышленных центрах России, очевидно, предопределили выбор Ленина.

В апреле Шляпников уезжает в Англию, где находится до августа 1915 г. Все это время он работает в Лондоне на автомобильной фабрике «Фиат». Охранка довольно быстро зафиксировала появление Шляпникова в Лондоне и установила за ним наблюдение. Предоставим слово полицейским документам. «Живущий в Лондоне инженер Александр Шляпников направляется в Христианию к известной Коллонтай, а оттуда в Россию для поступления в армию. Названный Шляпников состоит членом Центрального Комитета Российской социал-демократической рабочей партии: работал в России в нелегальных организациях. Весьма ценен в партийных кругах и занимает... весьма видное положение... Входил в состав редакции рабочей газеты «Правда». Таким образом, охранка верно оценивала фигуру Шляпникова, правильно отмечала его роль в организации нелегальной работы большевистской партии в России. Из этого сообщения также видно, что в охранку просочились сведения о возможной поездке Шляпникова в Россию, но цель этой поездки была неизвестна. Предпринимались меры к тому, чтобы задержать Шляпникова после пересечения им границы России. Наготове были пограничные Финляндское и Владимирское жандармские управления и Петербургское охранное отделение.

В начале августа Шляпников покидает Англию. Побывав в Христиании (Осло), Стокгольме, на севере Швеции и Норвегии, наладив транспорт литературы, он во второй половине октября 1916 г. в последний раз нелегально пересек шведско-финскую границу и возвратился в Россию. Шляпников приехал в Петроград в момент, когда новая волна репрессий обрушилась на большевиков, на бастовавших рабочих. Все это требовало особой осторожности Шляпникова, который развернул деятельность Бюро ЦК РСДРП. О своей работе в это время как члена Бюро ЦК РСДРП он 2 декабря 1916 г. писал из Петрограда в Загранбюро ЦК: «Мне приходилось очень трудно, т. к. вынужден разбиваться на все руки: писать статьи, организовывать, видаться, готовить доклады и быть на заседаниях... Отовсюду требуют литературы, людей и сетуют на ЦК». Восстановив пострадавшее от арестов Бюро ЦК, Шляпников включается

в революционную жизнь столицы. Его активная деятельность помогла преодолеть возникшую с началом войны полную оторванность и изолированность Ленина и Центрального Комитета от партийных организаций России.

Обстановка в стране накалялась. 11 февраля 1917 г. Русское бюро ЦК сообщало Ленину: «Политическая борьба с каждым днем обостряется. Недовольство бушует по всей стране. Со дня на день может вспыхнуть революционный ураган... Всероссийская организация в данное время есть только у нас». Эта информация была подготовлена Шляпниковым.

В февральские дни, предшествующие революции, левые оппозиционные силы создали так называемое информационное бюро для обсуждения быстро меняющейся ситуации в столице и стране. На его заседаниях присутствовали представители всех левых партий и групп, течений и направлений: Горький, Соколов, Керенский, Суханов, Эрлих, Пешехонов, Зинзинов, Гриневич и др. Для участия в этом органе был приглашен и Шляпников.

В политическом водовороте февральских дней на арену политической деятельности стремительно выдвинулись, надо признать, незаурядные личности. Шляпников не потерялся среди них, он сумел выдержать собственную политическую линию. К его мнению прислушивались, с его четко выраженной позицией считались.

В феврале 1917 г. Шляпников оказался единственным действующим в России членом Центрального Комитета РСДРП — остальные находились в эмиграции или в ссылке — и фактически являлся руководителем Русского Бюро ЦК. Все события февраля прошли при его непосредственном активном участии. Точно учитывая сложившуюся обстановку, когда солдатские массы сначала занимали колеблющуюся позицию, а затем все чаще проявляли солидарность с восставшими, Шляпников, не снимая лозунга вооружения рабочих, главное внимание уделил борьбе за привлечение солдат на сторону революции. Эта деятельность дала успешные результаты.

Шляпников был в составе инициативной группы по созданию Петроградского Совета Рабочих Депутатов. Как признанный организатор восставших рабочих и солдат, активный участник революции, он 27 февраля был избран в исполком этого Совета.

Между тем с победой революции в столицу стали прибывать из тюрем, из ссылок другие партийные деятели. Вернувшиеся в начале марта из ссылки член ЦК И. В. Сталин, член редакции газеты «Правда» Л. Б. Каменев и депутат

IV Государственной Думы М. К. Муранов внесли разногласия в деятельность питерских большевиков. Их взгляды по ряду кардинальных вопросов расходились с мнением ПК и Бюро ЦК, с позицией Ленина. Тогда Шляпников ставит вопрос о немедленном возвращении Ленина в Россию и прилагает для этого максимум усилий. Не случайно, что именно он едет встречать Ленина и именно от него Ленин получает первую устную информацию о положении в партии, в Петрограде, в России.

Сразу же после свержения самодержавия началась огромная работа по воссозданию разогнанных в начале войны профессиональных союзов. Шляпников принял в ней самое деятельное участие, считая организацию рабочих одной из первоочередных задач момента. На первой конференции фабзавкомов (май — июнь 1917 г.) он избирается в Центральный совет фабзавкомов, ставший одним из боевых пролетарских центров по подготовке социалистической революции. Шляпников являлся председателем и членом правления Петроградского Союза Рабочих Металлистов (с апреля), председателем Временного Центрального Комитета Всероссийского Союза Рабочих Металлистов (с июня). В июне — июле Союз Металлистов насчитывал уже около 170 тыс. организованных членов, из них около 60 тыс. — в Петрограде.

Шляпников — делегат I Всероссийского съезда Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, член ЦИК первого созыва. В качестве представителя от профессиональных союзов выступал на VI съезде РСДРП(б), принимал участие в ряде крупных конференций и совещаний.

Во время Октябрьского вооруженного восстания Шляпников был членом ВРК, участвовал в создании боевых и санитарных отрядов металлистов, организовывал сборку орудий на Путиловском заводе для Красной гвардии. Он — участник заседания ЦК РСДРП(б) 16 октября 1917 г., на котором рассматривались вопросы вооруженного восстания.

А. Г. Шляпников был избран делегатом II Всероссийского съезда Советов и вошел в Совет Народных Комиссаров в качестве наркома труда. В ноябре 1917 г. он разделял точку зрения о необходимости создания социалистического правительства из всех партий, входящих во ВЦИК, и, подписывая среди других народных комиссаров заявление о сложении полномочий, сформулировал свою точку зрения следующим образом: «Присоединяюсь к общей оценке политического момента в вопросе о необходимости соглашения, но считаю недопустимым сложить с себя ответственность и обязанность». В своих воспоминаниях «К Октябрю», опубли-

ликованных в 10-м номере журнала «Пролетарская революция» за 1922 г., он писал: «Я заявил им о своей солидарности в вопросе о соглашении, но сказал, что решительно протестую против отказа от работы. Свою подпись дал с оговоркой, что согласен лишь с политической оценкой момента, но отнюдь не согласен покидать работу, и что заявление, само собой разумеется, пойдет только в партийном порядке и не для прессы... Кажется, в тот же день было совещание фракции ВЦИК, на котором я отмежевывался от уходивших, но выразил свое согласие в вопросе о необходимости временного соглашения с левыми социал-революционерами».

После подписания заявления Шляпников не только не ушел с поста, но и получил дополнительную нагрузку. Вот что писал он позднее: «Ушедших от работы в народных комиссариатах товарищей было заменить не легко. По поручению Председателя Совета Народных Комиссаров и Центрального Комитета партии я подыскивал кандидатов на посты различных Наркоматов. Очень живо помню маленькую картину того, когда мы с В. И. Лениным «уламывали» Г. И. Петровского, чтобы он взял на себя руководство Народным комиссариатом внутренних дел. Долго искали мы подходящего товарища для занятия поста народного комиссара торговли и промышленности». Подходящего кандидата так и не нашли. Шляпникову была поручена организация и этого наркомата.

За время его пребывания на посту наркома труда и при его непосредственном участии были разработаны важнейшие декреты Советской власти: «О восьмичасовом рабочем дне», «Об охране труда», «О социальном страховании», «Положение о страховании на случай безработицы» и др. Особенно активно боролся Шляпников за увеличение занятости рабочих, за ликвидацию безработицы путем создания новых рабочих мест. (На 10 апреля 1918 г. число безработных только по металлообрабатывающей промышленности составляло свыше 320 тыс.) На заседаниях Совнаркома он неоднократно поднимал вопросы о создании программы транспортного строительства (о производстве и ремонте железнодорожного и автомобильного транспорта), о производстве сельхозмашин и инвентаря; выступал в защиту неприкосновенности рабочих страховых, больничных, пенсионных и прочих касс, о недопустимости самочинных контрибуций с населения и др.

Только за первую половину 1918 г. Шляпникову поручается созвать и организовать работу не менее десятка комиссий и совещаний по таким вопросам, как выработка экономического соглашения с Германией, разработка сметы

на строительство электростанции на реке Свири, сметы на строительство Волго-Донского водного пути, шлюзование Тобола и Томи, устройство Рыбинской и Борской гаваней (зимовок) и др. На VII (экстренном) съезде РКП (б) А. Г. Шляпников избирался кандидатом в члены ЦК партии. В марте 1918 г. в качестве председателя Комиссии он руководил работами по эвакуации правительственных учреждений, крупных промышленных предприятий и ценностей из Петрограда. Ему же поручается организация Центральной Всероссийской Коллегии по эвакуации (в связи с началом иностранной интервенции). Во второй половине марта Шляпникова направляют в Нижний Новгород для налаживания речного транспорта.

28 мая 1918 г. В. И. Ленин пишет Шляпникову: «Вас необходимо временно направить в продовольствие (оставив в звании наркома труда). Я уверен, что Вы директиву ЦК исполните. Думаю, Вам надо поехать на Кубань, чтобы помочь выкачать оттуда хлеб». Шляпников соглашается. 31 мая Ленин подписывает постановление СНК о назначении И. В. Сталина и А. Г. Шляпникова общими руководителями продовольственного дела на Юге России, наделенными чрезвычайными полномочиями.

8 июня Шляпников выехал в Царицын. Там уже находился Сталин. Районы их деятельности были поделены следующим образом: на долю Шляпникова пришлась Ставропольская губерния, Кубанская и Терская области, на долю Сталина — Саратовская губерния и Донская область. В течение июня — июля Шляпниковым было заготовлено свыше миллиона пудов хлеба, однако вывезти его не удалось: железнодорожное сообщение с Царицыным было нарушено белоказаками. Вскоре весь Северный Кавказ, Астрахань оказались отрезанными от Царицына и от Центра России.

Летом 1918 г. развернулись ожесточенные бои на Северном Кавказе. Сражавшаяся там 11-я армия испытывала острый недостаток в снабжении оружием и боеприпасами. Низкая дисциплина и партизанщина, своеволие командиров и отсутствие опытных специалистов ослабляли боеспособность армии. Шляпников пытался навести порядок в снабжении армии, поднять дисциплину и боеспособность.

20 октября 1918 г. он назначается членом РВС Южного фронта. Спустя несколько дней по его настоянию создается Каспийско-Кавказский отдел Южного фронта с базой в Астрахани. Это диктовалось военной обстановкой на Северном Кавказе. Основные части 11-й армии отходили к Каспийскому побережью. Снабжение их было затруднено, создавалась угроза Астрахани, устью Волги, открывалась возможность сое-

динения сил деникинцев с оренбургскими белоказаками. С созданием Каспийско-Кавказского отдела Южного фронта председателем его РВС был назначен Шляпников. Командование нового фронта, его РВС принимают энергичные меры к защите устья Волги. При содействии В. И. Ленина Шляпникову удалось добиться перевода из Балтийского моря нескольких миноносцев и подводных лодок для развития операции на Каспии против засевших в Баку англичан. В начале ноября 1918 г. созданный в Астрахани штаб установил связь с 11-й армией и организовал ее снабжение. Однако связь эта была очень затруднена, помощь поступала крайне несвоевременно.

Работа штаба фронта, политотдела и его органов, к сожалению, столкнулась с большими трудностями, вызванными позицией Астраханского губкома партии. Работники губкома вмешивались в военные дела через голову РВС, пытались командовать политотделом фронта. Этот конфликт между РВС Каспийско-Кавказского отдела Южного фронта, его председателя Шляпникова — и Астраханским губкомом партии послужил одним из поводов для очернения Шляпникова, клеветнических оценок его деятельности на Северном Кавказе.

После Астрахани Шляпников назначается членом Реввоенсовета 16-й армии Западного фронта. Но вскоре ВЦСПС ставит перед Центральным Комитетом партии вопрос об отзыве Шляпникова для работы в ВЦСПС. В 1920 г. он избирается председателем ЦК, Всероссийского союза рабочих-металлистов, во главе которого находился до 1922 г., и членом Президиума ВЦСПС.

В первые годы советской власти параллельно с профессиональными союзами стал складываться аппарат управления промышленностью и другими отраслями хозяйства, подчинявшийся непосредственно государственным органам. Первое время он опирался в той или иной мере на профессиональные союзы, однако вскоре стал совершенно независимым от профсоюзов и сосредоточил в своих руках практически все руководство народным хозяйством. По сути дела, профессиональные союзы все больше оттеснялись от действительного участия в хозяйственной жизни. Уже к концу 1919 г. стало совершенно ясно, что назревает кризис в профессиональном движении, который вызывается неопределенностью и двойственностью положения и роли профсоюзов в производстве.

На профсоюзы стали смотреть лишь как на организацию для проведения мобилизаций на решение чрезвычайных задач, способствующую повышению производитель-

ности труда и роста объемов производства, осуществлению дисциплинарных мер в отношении рабочих. Забота профсоюзов о положении рабочего класса, о его заработках, тарифной политике, социальных нуждах без достаточных оснований оценивалась как цеховая тенденция, как тред-юнионизм.

Осенью 1919 г. Шляпников опубликовал тезисы «К вопросу о взаимоотношениях РКП, Советов и производственных союзов», в которых попытался определить роль и место в советском обществе партии и профсоюзов. Критики этих тезисов утверждали, что Шляпников категорически ставит вопрос о том, что партия и советская власть должны заниматься политикой, а профсоюзы — экономикой. Тезисы Шляпникова были широко распространены в профсоюзах, их руководящих органах и нашли определенную поддержку.

В начале января 1920 г. возник конфликт между коммунистической фракцией ВЦСПС и руководством Центрального Комитета партии по вопросу о введении единоначалия в промышленности. Профсоюзы расценили этот шаг как дальнейшую попытку умаления их роли в руководстве народным хозяйством, ограничение творческой инициативы и самостоятельности рабочих масс. Коммунистическая фракция ВЦСПС выступила против единоначалия, усмотрев в этом устранение рабочих от управления производством. На ее заседаниях дважды с участием членов Политбюро обсуждался данный вопрос и дважды фракция абсолютным большинством голосов отвергла возможность введения единоначалия в промышленности.

Не ставя под сомнение руководящую роль партии, ВЦСПС добивался для профессионального движения больше автономности, больше самостоятельности, больше рабочей инициативы, меньше мелочной регламентации, меньше командования профсоюзами. Представители профессиональных союзов отстаивали их самостоятельность как массовых организаций рабочего класса, выступали за развитие системы управления хозяйством профессиональными союзами путем широкого привлечения трудящихся масс, за расширение демократических начал в работе профсоюзов.

Учитывая сложившееся положение в профессиональных союзах, взаимоотношения руководителей союзов и Центрального Комитета партии, в повестку дня IX съезда РКП(б) был в числе первоочередных поставлен вопрос о профессиональном движении. Докладчиком по этому вопросу выступал Н. И. Бухарин.

Шляпников не присутствовал на IX съезде. Накануне он выехал в Норвегию. По поручению ВЦСПС Шляпников

принимал участие в работе первого съезда рабочих-металлистов Норвегии.

Несомненно, толчком к обострению идейной борьбы, к обострению дискуссии о роли и месте профсоюзов в обществе стали позиции сторонников милитаризации всей трудовой жизни страны и фактической ликвидации союзов, огосударствления их. В конце 1920 г. сторонники этой точки зрения все более активно пытались утвердить свои взгляды как основу политики партии по отношению к профессиональным союзам. На заседании коммунистической фракции V Всероссийской конференции профсоюзов выступил Троцкий с обоснованием принципов милитаризации трудовой жизни страны. Его выступление вызвало резкое возражение профсоюзных работников.

Вопрос о разногласиях на фракции рассматривался 8 и 9 ноября на пленуме ЦК РКП(б). Тезисы Троцкого «Профессиональные союзы и их дальнейшая роль» вызвали резкое возражение В. И. Ленина и были отклонены Центральным Комитетом. Но несмотря на все усилия Центрального Комитета сдержать дискуссию не удалось.

Дискуссия развернулась в сложной политической обстановке недовольства и колебаний не только крестьянства, но и рабочего класса. Среди последнего они были вызваны тяжелым материальным положением, сокращением производства и вынужденной безработицей, нарушением тарифной политики, бюрократизмом хозяйственников, сведением к минимуму роли профсоюзов в производственных делах и нарушением принципов рабочей демократии. Эти колебания определялись не только трудностями, вызванными войной и разрухой, но и организацией самого производства по методам и принципам «военного коммунизма».

На X съезде партии А. Г. Шляпников говорил: «Сейчас со стороны самых широких масс идут нарекания, но на что, как вы думаете?.. Если и бывают возражения и негодование, то против несправедливого распределения наших скудных богатств. Или потому, что они (рабочие.— В. Н.) видят, что плоды их трудов пропадают, благодаря той бюрократической системе, которую мы усвоили за три с половиной года нашей хозяйственной политики». Сложившаяся в годы гражданской войны система хозяйствования не только вызвала экономический кризис, но и породила определенную политическую напряженность.

Кризисные явления в профсоюзах, в партии, в целом в обществе осложнялись болезненными явлениями, которые входили в проблему «верхов» и «низов». Широко распространилось недовольство привилегированностью положения, по-

вышенной обеспеченностью жизненными благами, связанными с тем или иным служебным положением.

На эти болезненные явления указывала еще IX Всероссийская конференция РКП(б) в сентябре 1920 г. По ее поручению Центральный Комитет в письме к партийным организациям указывал, что «громадное значение имеет также то материальное неравенство и в среде самих коммунистов, которое создается сознательным или бессознательным злоупотреблением своей властью со стороны этой части ответственных работников, не брезгующих тем, чтобы установить для себя лично и для своих близких большие личные привилегии»¹.

В развернувшейся общепартийной дискуссии о профсоюзах А. Г. Шляпников вместе с А. М. Коллонтай, С. П. Медведевым и другими возглавил группу, получившую название «рабочей оппозиции». Этим названием они хотели выразить суть ее платформы.

Центральным положением тезисов «рабочей оппозиции» — «Задачи профессиональных союзов», одним из авторов которых являлся А. Г. Шляпников, было требование сосредоточить в руках профсоюзов все управление народным хозяйством, расширить права рабочих организаций. Никто не должен был назначаться на административно-хозяйственный пост помимо союза. В конечном счете, все управление народным хозяйством как единое хозяйственное целое сосредоточивается в организации производителей в лице профессиональных союзов. Все органы управления народным хозяйством, как в центре, так и на местах, избираются представителями от организованных производителей. Организация управления всем народным хозяйством принадлежит Всероссийскому съезду производителей, объединенных в профессиональные производственные союзы. Большое место в тезисах заняли и вопросы улучшения материального благосостояния рабочего класса. Нужно сказать, что часть этих требований не выходила за рамки представлений, которые сложились в условиях «военного коммунизма». В частности, предлагалось натурализовать зарплату, отменить оплату пайков и предметов широкого потребления, а также обедов для рабочих и их семей, квартир, проезда в городском транспорте и т. п. В сущности, эти мероприятия уже вошли в жизнь в конце гражданской войны, когда политика «военного коммунизма» достигла своего апогея, но «рабочая оппозиция» предлагала

¹ Известия ЦК КПСС.— 1920.— № 21.

их расширение и тогда, когда решался вопрос о переходе к нэпу.

Предложения «рабочей оппозиции» в целом и особенно тезис о сосредоточении в руках профсоюзов всего управления народным хозяйством подверглись острой критике и в ходе дискуссии, и на X съезде партии.

В ходе дискуссии не было высказано возражений против возрастания производственной роли профсоюзов. Но Троцкий считал, что это должно происходить в процессе огосударствления профсоюзов, сращивания их органов управления промышленностью с государственными.

Возражая против «сращивания», Шляпников говорил, что налицо две исключаящие одна другую системы. Одна игнорирует инициативное массовое участие рабочих, а другая стремится заинтересовать их, всю семью производителей вместе со служащими и учеными в деле организации управления хозяйством. Такое сращивание, по мнению «рабочей оппозиции», просто невозможно.

Предложения «рабочей оппозиции» о российском съезде производителей, о передаче всего руководства промышленностью в руки профсоюзов Ленин критиковал очень жестко и категорично. Переход к такому управлению тогда, в 1921 г., казался ему преждевременным. Рабочий класс надо готовить к выполнению высоких и сложных функций управления, считал Ленин, и эта подготовка займет долгий ряд лет, но приступать к такой подготовке необходимо уже сейчас. И возглавить эту работу должны профессиональные союзы, и в этом смысле они — школа коммунизма. А пока управление должно быть сосредоточено в руках государства. Но Ленин категорически возражал против огосударствления профсоюзов, против того, чтобы эти рабочие организации использовались, главным образом, как сила давления по отношению к рабочему классу.

В ходе дискуссии вставали и другие вопросы, в частности, состава партии, положения рабочего класса, борьбы с бюрократизмом.

В ходе всей дискуссии в адрес «рабочей оппозиции» выдвигались обвинения в синдикализме. Ленин видел синдикализм в попытках сосредоточить руководство промышленностью только в руках профсоюзов, в противопоставлении рабочего класса другим классам и социальным группам общества, в попытках обособить рабочий класс от остальных классов и социальных групп.

Отмечая теоретические ошибки в истолковании Программы партии по вопросу о роли профсоюзов и в предложении передачи управления народным хозяйством Всероссийскому

съезду производителей, Ленин подчеркивал, что в условиях тяжелого экономического положения, острейшей классовой борьбы, разгула анархических настроений мелкобуржуазных масс предложения «рабочей оппозиции» представляли большую политическую опасность. «Рабочая оппозиция», полагал Ленин, отражая недовольство рабочих масс, могла демонстрировать им отсутствие единства в партии, разный подход к определению роли рабочего класса в государственном управлении, в отношении к его нуждам и тяготам, а это способно подтолкнуть рабочий класс на политические выступления, ослабить социальную основу партии.

В предложенной съезду резолюции Ленин, решительно отвергая всякую фракционность, осуждая синдикалистский уклон «рабочей оппозиции», поддержал выдвинутые ею в ходе дискуссии деловые предложения, направленные на усиление внимания к положению рабочих масс, на очистку партии от непролетарских и ненадежных элементов, на борьбу с бюрократизмом, на развитие демократизма и самостоятельности рабочих. Ленин считал, что включение этих предложений в резолюцию X съезда партии есть признание заслуг так называемой «рабочей оппозиции».

После съезда Ленин стремился привлечь Шляпникова к активному участию в работе высших органов партии. Он часто присутствует на заседаниях Политбюро, выступает на них с докладами, вносит предложения по важнейшим вопросам хозяйственной политики. Как члену Центрального Комитета, Политбюро дает ему ответственные поручения. Так, 25 марта 1921 г. Политбюро принимает решение о создании Комиссии по улучшению быта рабочих и поручает Шляпникову возглавить ее, 7 июля 1921 г. Политбюро создает «пятерку» по очистке партии, в ее составе и Шляпников.

Летом 1921 г. возник конфликт между Шляпниковым и Политбюро. Шляпников обвинялся в нарушении партийной дисциплины, выразившемся в выступлениях за пределами ЦК с речами, содержащими критику политики ЦК, одобренной съездом. На заседании объединенного Пленума ЦК и ЦКК был поставлен вопрос о выводе Шляпникова из Центрального Комитета. Исключение не состоялось, так как за него проголосовало менее двух третей членов и кандидатов в члены ЦК и ЦКК. Вместе с тем Политбюро посчитало необходимым принять меры к тому, чтобы это обсуждение не бросило тень на авторитет Шляпникова. Было решено: «Сообщить губкомам, что посланная им выписка из протокола Пленума ЦК от 8.VIII с. г. по делу товарища Шляпникова не подлежит ни рассмотрению, ни сообщению ни в каких дальнейших партийных организациях. То же относится

и к устным сообщениям членов ЦК губкомам по этому вопросу».

Болезнь Ленина, его длительное отсутствие в ЦК осложняли дальнейшую активную работу Шляпникова в центральных учреждениях партии и профсоюза. Осенью 1922 г. он попросил направить его на работу в Истпарт. Наверное, тогда Шляпников пришел к мысли, что борьбу за свои взгляды можно вести и путем литературного творчества и этот метод может быть очень эффективным.

В начале января 1923 г. Политбюро решило направить Шляпникова на дипломатическую работу. Это был уже испытанный прием «дипломатической высылки» неугодных политиков, о чем неоднократно шла речь на IX, X съездах партии. Шляпникову первоначально предложили незначительную дипломатическую работу в советском посольстве в столице Литвы. Он заявил протест, приводя в качестве одной из причин отказа значительно ухудшившееся состояние здоровья. Шляпников не хотел выезжать из России. Он понимал, что тем самым практически отстраняется от активной политической деятельности в стране, отрывается от своих товарищей, единомышленников.

4 января 1923 г. Политбюро рассмотрело вопрос «О работе т. Шляпникова». Докладчиком выступал Сталин. Было принято решение: «Подтвердить решение Оргбюро и одновременно предложить НКИД обдумать, нельзя ли дать товарищу Шляпникову не Ковно, а один из более значительных дипломатических постов». 11 января 1923 г. Политбюро вновь подтверждает свое постановление от 4 января и обязывает Шляпникова немедленно приступить к работе в НКИД, с добавлением Троцкого: «С тем, чтобы товарищу Шляпникову была предоставлена работа в Турции или в Афганистане». В то время более тяжелого места службы, чем Кабул, в дипломатическом ведомстве не было. Но Политбюро вынуждено было принять во внимание состояние здоровья Шляпникова, и 18 января 1923 г. решено переговорить с Секретариатом о работе в Москве на ближайшее время.

В конце 1923 г. в партии развернулась острая дискуссия, в центре которой оказались проблемы экономического положения страны, внутрипартийный режим и состояние рабочей демократии. Шляпников, естественно, не мог остаться в стороне от обсуждения близких ему вопросов. В этой дискуссии Шляпников, занимая критическую позицию, не примыкал ни к одной фракции, ни к одной из конфликтующих сторон. Он открыто выступал на страницах печати с критикой политики ЦК.

30 октября 1924 г. Политбюро, намечая кандидатуру Л. Б. Красина на должность полпреда во Францию, утвердило Шляпникова советником советского посольства в Париже. Но пребывание за рубежом было недолгим. В 1925 г. Шляпников вновь на Родине. Почти сразу же по возвращении он вновь оказался в водовороте бурных политических событий. После XIV съезда партии разгорелась острая борьба против зиновьевской оппозиции.

Имя Шляпникова очень много значило в партии. Именно потому по его возвращении из Франции представителями большинства ЦК были сделаны попытки вовлечь его в развернувшуюся борьбу между группой Зиновьева — Каменева, с одной стороны, и Сталина — Бухарина — Рыкова, с другой. Представители второй группы рассказали Шляпникову о неблагоприятных поступках, которые допускали в отношении его и Зиновьев, и Каменев, сообщили, кто в 1921 г. явился вдохновителем особенно яростных нападок на «рабочую оппозицию».

Шляпников отклонил предложения представителей большинства ЦК. Как бы ни были горьки личные обиды, он не считал возможным подчиниться мотивам политической и личной мести. Ему были чужды нравы, все более утверждавшиеся в партии. Шляпников знал цену и тем, кто стоял во главе большинства, и тем, кто возглавлял оппозицию. Он открыто и честно изложил свою позицию.

Его пытались запугать. Последовали разгромные статьи в «Правде», обвиняющие его в попытках возродить «рабочую оппозицию». Коль скоро Шляпников и его единомышленники не захотели принять участия в борьбе с новой оппозицией, то тогда решили вспомнить их старые «прегрешения», приписать им «платформу» и определить ее оппозиционный характер. Были выдвинуты фальсифицированные обвинения в том, что Шляпников и некоторые его товарищи объединились с «новой оппозицией», которую возглавляли Зиновьев и Каменев. В письме Бухарина, Рыкова и Томского от 7 октября в связи с «новой оппозицией» было выдвинуто требование Зиновьеву и Каменеву «открыто отгородиться ясным и недвусмысленным образом от ренегатской позиции Оссовского и от меньшевистской платформы Медведева и Шляпникова, ликвидирующих Коминтерн и Профинтерн, проповедующих объединение с социал-демократией». Ничего подобного не проповедовали ни Медведев, ни Шляпников, однако эти клеветнические обвинения продолжали утверждаться в руководящих кругах партии.

В своей статье, опубликованной в «Большевике», Шляпников утверждает, что он всецело поддерживает линию

партии и ничего подобного, касающегося ликвидации Коминтерна и Профинтерна, объединения с социал-демократами, не выдвигал и не выдвигает. 19 октября 1926 г. А. Г. Шляпников и С. П. Медведев направили в ЦК письмо, в котором категорически заявляли, что ни в каком блоке с оппозиционной группой Зиновьева — Каменева не состояли и никакой раскольнической политики не вели.

Это заявление Медведева и Шляпникова рассматривалось в Политбюро ЦК и в Президиуме ЦКК ВКП(б). 23 октября 1926 г. Президиум ЦКК вынес решение об объявлении А. Г. Шляпникову строгого выговора с предупреждением, а С. П. Медведев был исключен из партии. 28 октября Шляпников и Медведев вновь обратились в Политбюро ЦК и Президиум ЦКК ВКП(б) с просьбой отменить принятое решение. Политбюро ЦК согласилось рассмотреть это заявление, но Шляпников и Медведев должны были публично заявить, что «они считают ошибкой своей то, что допустили в борьбе с ЦК и с партией фракционные методы; что никакой фракционной работы вести не будут и призывают к тому же своих единомышленников». Шляпников и Медведев вынуждены были согласиться с этим условием.

29 октября Политбюро отметило, что «ввиду заявления товарищей Шляпникова и Медведева, сделанного ими на настоящем заседании Политбюро, о том, что они считают возможным сделать такие изменения в своем заявлении от 28 октября с. г., которые идут навстречу постановлениям Секретариата ЦКК, отложить окончательное решение вопроса. Политбюро поручило Орджоникидзе и Янсону сделать последнюю попытку выработать совместно с товарищами Шляпниковым и Медведевым такой текст их заявления, который бы удовлетворял интересам партии». Таким образом, два старых члена партии вынуждены были не только признать клеветнические обвинения правильными, но еще и осудить себя публичным заявлением, не просто покаяться, но и высечь себя перед партией. Это был испытанный прием, с помощью которого ломали инакомыслящих, пытались раздавить их, унижить человеческое достоинство. Но они не мыслили своей жизни без партии и проявили готовность сделать соответствующее заявление, которое бы удовлетворило Политбюро.

Заявление Медведева и Шляпникова редактировал Каганович. Подготовленный им текст удовлетворил Политбюро. 31 октября 1926 г. в «Правде» были опубликованы заявление С. П. Медведева и А. Г. Шляпникова и «Извещение от ЦК и ЦКК» по этому поводу. В заявлении «признавались» допущенные его авторами «ошибки», а в «Извещении от

ЦК и ЦКК» говорилось: «ЦК и ЦКК с удовлетворением извещают всех членов партии, что тов. Медведев и тов. Шляпников обратились в ЦКК и ЦК с заявлением, в котором они не только признают вред своей фракционной работы, но и отказываются от пропагандировавшихся ими глубоко неправильных взглядов. ЦК и ЦКК констатируют, таким образом, дальнейший развал оппозиционного блока, что означает полную и категорическую победу идеи ленинского единства в ВКП(б)». 30 октября 1926 г. Президиум ЦКК принял решение: «Ввиду того, что товарищ Шляпников и товарищ Медведев обратились в ЦКК и Политбюро с новым заявлением, где они по своей инициативе идут навстречу основным условиям, выставленным ЦКК, Президиум отменяет свое прежнее решение от 23.X.26 г. об исключении из партии товарища Медведева и о строгом выговоре с предупреждением товарищу Шляпникову».

На этом преследования Шляпникова, Медведева и других бывших участников «рабочей оппозиции» не прекратились. Весной 1930 г. возникло дело так называемой омской группы «рабочей оппозиции». К партийной ответственности вновь были привлечены А. Г. Шляпников и С. П. Медведев. 28 мая 1930 г. Партколлегия ЦКК ВКП(б) приняла решение: «Признать, что тов. Шляпников А. Г., будучи извещенным участниками омской подпольной организации, что в Омске в 1928—1929 гг. организована и работает подпольная группа «рабочей оппозиции», не принял всех необходимых мер к ликвидации этой антипартийной группы и не информировал руководящие и партийные органы о наличии такой группы, чем способствовал укреплению у членов этой подпольной организации мысли, что он, Шляпников, является по-прежнему сторонником взглядов «рабочей оппозиции», а не защитником партийной линии».

3 августа 1930 г. А. Г. Шляпникову был вынесен строгий выговор.

Проверка дела А. Г. Шляпникова, проведенная в 60-е гг., не установила ни фактов его фракционной деятельности, ни связи с так называемой омской группой «рабочей оппозиции».

С начала 20-х гг. А. Г. Шляпников вновь обращается к литературному творчеству. В 1920 г. вышел первый том его воспоминаний «Канун 17-го года. Воспоминания и документы о рабочем движении и революционном подполье за 1914—1916 годы». Затем был издан и второй том. Книги имели большой успех и в 20-е гг. выдержали несколько изданий.

В 1923 г. вышла первая книга воспоминаний Шляпнико-

ва «Семнадцатый год», в 1931 г. — четвертая. Они охватывали события от января до середины июля 1917 г. В мемуарах дано правдивое изображение событий революции, высказаны неллицеприятные оценки деятельности некоторых видных большевиков, рассказано об их позиции по важнейшим вопросам политики партии в революции. В этих книгах Шляпников опубликовал многочисленные документы, которые позволяли судить об объективности высказываний автора о действительных событиях, имевших место в период подготовки Октября.

Книги Шляпникова получили неоднозначную оценку в печати. В первой половине 20-х гг. рецензии отличались доброжелательностью и высокой оценкой проделанного труда. Во второй половине 20-х гг. их тон резко меняется. Все чаще в решениях можно было встретить предвзятость, искажение авторских мыслей, резкость и бесцеремонность в суждениях. Политическая конъюнктура середины 20-х гг. все более проявлялась в оценке деятельности Шляпникова как в годы революции, так и в последующее время.

Его обвиняли во всех грехах, действительных и мнимых. Кульминация этих политических «проработок» наступает в начале 30-х гг.

8 января 1932 г. в «Правде» была опубликована статья группы авторов во главе с П. Н. Поспеловым с резкой критикой мемуаров Шляпникова о 1917 г. Статья была озаглавлена «1917 год в меньшевистском освещении». Критика трудов Шляпникова пришлась на то время, когда усилиями фальсификаторов и самого Сталина утверждался миф об «особой» роли Сталина в Октябрьской революции и гражданской войне, о том, что он был вождем Октября, организатором вооруженного восстания.

Правдивые и точные воспоминания Шляпникова высвечивали иных героев революции, сообщали об ошибках Сталина, колебаниях его по острейшим вопросам политики партии. Именно поэтому и обрушили прислужники Сталина удар на Шляпникова, пытаясь дискредитировать его труд о революции, заглушить правдивый голос очевидца. Шляпникова обвиняли в умалении роли партии, в клевете на Ленина, преувеличении своей личности; подтасовывая факты, пытались уличить его в фактических ошибках, находили и действительные неточности.

Публикация статьи в «Правде» была началом продуманной кампании с целью дискредитации Шляпникова и его книг. Вопрос о трудах Шляпникова стал предметом обсуждения Оргбюро ЦК ВКП(б). Большая группа «специалистов» по истории партии обрушила на него волны несправед-

ливых и клеветнических обвинений. В результате обсуждения Оргбюро принимает решение, в котором делается вывод о том, что в своих трудах Шляпников пытается пересмотреть ряд программных и тактических положений ВКП(б), в частности, будто бы отрицает лозунг «Вся власть Советам!» и делает попытку приписать партии замену этого лозунга анархо-синдикалистским лозунгом передачи власти фабрично-заводским комитетам.

Решение Оргбюро, краткое и беспощадное, выразило всю цель затеянной кампании против Шляпникова:

«1. Прекратить печатание и распространение «исторических» работ т. Шляпникова («1917 год» и «Канун 1917 года»).

2. Предложить т. Шляпникову признать свои ошибки и отказаться от них в печати.

3. В случае отказа со стороны т. Шляпникова выполнить пункт 2 в пятидневный срок исключить его из рядов ВКП(б)». Политбюро подтвердило это решение.

Шляпников обратился в Политбюро с разъяснениями некоторых положений своих воспоминаний. Он писал, что «все свои воспоминания о революционной работе я не рассматриваю как научно систематизированные исторические труды и не могу отрицать возможность наличия в них таких формулировок, которые могут подать повод для неправильного толкования». Он просил дать ему возможность опубликовать подготовленный к печати том воспоминаний, исправить имеющиеся в его работах неточности и разрешить дальнейшую литературную деятельность. В этих просьбах ему было отказано. Весь замысел обсуждения работ Шляпникова, «артиллерийская» подготовка «Правды», решение Оргбюро и Политбюро преследовали цель дискредитировать книги Шляпникова, поставить под сомнение факты, которые в них сообщались, изъять эти книги из широкого обращения, заставить замолчать автора — очевидца событий.

И время, и форма расправы были выбраны не случайно. В издательстве уже находился новый том воспоминаний Шляпникова о гражданской войне на Северном Кавказе. Мы не знаем, что было написано в этой рукописи, но можно с уверенностью сказать, что Шляпников не покривил душой, изображая события лета 1918 г. на Юге России, где он был с такими же полномочиями от Совнаркома, как и Сталин. По всей вероятности, многие мифы о деятельности Сталина в Царицыне, уже сложившиеся к 1932 г., не находили подтверждения в воспоминаниях Шляпникова. Рукопись этой книги бесследно исчезла в 30-е гг.

Ультиматум, предъявленный Политбюро Шляпникову,

ставил его перед выбором: или признать несуществующие «ошибки», т. е. дискредитировать свои труды, или оказаться вне партии. Для организаторов этой травли было важно, чтобы слова осуждения книг произнес сам Шляпников, чтобы он лично повторил все клеветнические утверждения в отношении своих трудов. Обращаясь 29 февраля 1932 г. в Политбюро с мотивированным разъяснением некоторых положений своих воспоминаний, Шляпников просил, во-первых, оставить его в рядах партии и, во-вторых, дать возможность продолжить литературную деятельность. Однако восстановление в партии было обусловлено ультиматумом: или он признает несуществующие ошибки и клеветнические утверждения в отношении своих трудов, или исключается из рядов ВКП(б). 9 марта 1932 г. в «Правде» было опубликовано заявление А. Г. Шляпникова в ЦК ВКП(б) с признанием своих ошибок и заверением, что он примет все меры к их исправлению и к защите генеральной линии партии. Его оставили в партии, но все пункты решения Оргбюро и Политбюро о прекращении издания и распространения работ Шляпникова остались в силе.

1933 год Шляпников встретил тяжело больным. Сказывалась контузия, которая привела к серьезному заболеванию уха. Ему грозила полная потеря слуха. Именно в это время разворачивается следующий акт трагедии. Весной 1933 г. он получает извещение о явке на чистку. Шляпников посылает письмо в ЦКК со справкой о состоянии здоровья и просьбой перенести рассмотрение его вопроса на более поздний срок, но в ЦКК были неумолимы и назначили 17 июня как окончательный срок прохождения чистки. Если он не явится в этот день на заседание комиссии, то последняя получает право исключить его из партии как нежелающего проходить чистку и оставляющего, таким образом, ряды партии. Тяжело больной, почти лишенный слуха, он пришел на заседание. Подробно рассказал о всей своей жизни, о революционной работе, о своей деятельности в Бюро ЦК РСДРП(б), о февральских и октябрьских днях, гражданской войне. Очень критично оценил свое участие в «рабочей оппозиции». Совершенно неожиданным для него было решение об исключении его из партии как двурушника. Никаких оснований для такого решения не было и не случайно, что длительное время ему не могли сообщить о мотивах исключения.

А в это время разворачивается шельмование Шляпникова в газетах. В «Московском рабочем», в «Правде» идет откровенная и неприкрытая травля старого большевика.

Шляпников пишет письма в Центральную контрольную комиссию, в районные и областные комиссии по чистке.

В одной из объяснительных записок он сообщает: «В конце 1920 и в начале 1921 года я вел фракционную предсезонную борьбу, возглавлял тогда группу «рабочей оппозиции». ...После X съезда я нигде не оспаривал его решений и не защищал осужденных им положений. Обвинение меня в том, будто я боролся «совместно с троцкистской оппозицией в 1923—1924 годах», не соответствует действительности. Во время дискуссии с Троцким в 1923—1924 годах я выступал против троцкистов на ряде собраний, в частности на партийном собрании слушателей Военной академии РККА... на Хамовнической районной партийной конференции... Также неверно утверждение комиссии о том, что я боролся совместно с «оппозиционным блоком» в 1926—1927 годах... Я не принимал участия ни в какой из этих оппозиций, нигде не выступал вместе с ними, никакого документа, исходящего от них, не подписывал».

И тем не менее Бауманская районная и Московская областная комиссии по чистке партии подтвердили решение об исключении Шляпникова из партии за непризнание прошлых ошибок и «как окончательно порвавшего с большевизмом».

Тогда Шляпников обращается с письмом к Сталину. Он пишет о той клеветнической кампании, которая развернулась вокруг него, говорит о проявленной к нему несправедливости, о состоянии здоровья и просит Сталина вмешаться в это дело. «Вся создавшаяся вокруг меня обстановка,— пишет он,— убеждает меня в том, что ни районная комиссия, ни областная моего дела не разрешат, а потому я и обращаюсь к Вам с просьбой положить конец издевательствам надо мною и обязать комиссию по чистке предъявить мне факты о моем двурушничестве». Вот здесь Шляпников действительно попал в точку. Никто не мог решить его вопроса, кроме Сталина — инициатора всего этого дела.

Получив письмо, Сталин наложил резолюцию: «В Центральную комиссию по чистке. И. Сталин». Апелляция А. Г. Шляпникова рассматривалась на Секретариате Центральной комиссии по чистке партии 29 сентября 1933 г. С пространном обоснованием прегрешений Шляпникова перед партией выступил Н. И. Ежов, который обвинял его в том, что «он никакой активности не проявлял в борьбе за генеральную линию партии, в борьбе с осуждением своих собственных ошибок». Во время чистки партии, говорил Ежов, каждый член ее подводит итоги своей работы и партия подводит итоги его работы. «В зависимости от этих итогов мы оцениваем членов партии. Совершенно естественно поэтому, что когда мы начинаем подводить итоги и прошлого

и настоящего товарища Шляпникова, подводя эти итоги мы должны со всей прямоотой сказать, что они говорят не в пользу Шляпникова». Ежов упрекал Шляпникова, что он пишет книги, а за генеральную линию партии не борется. Терпение партии, по мнению Ежова, уже исчерпано.

И наконец, в качестве аргумента за исключение Шляпникова из партии, Ежов выдвинул следующее: «Если мы сейчас оставим Шляпникова в партии, ни один член партии этого не поймет. Вряд ли мы этим оставлением будем в правильном духе воспитывать молодых членов партии, которые о политических ошибках Шляпникова знают в достаточной степени. Совершенно естественно нам будут задавать вопрос о тех строгостях, которые мы предъявляем ко всем членам партии, и о том исключении, которое мы делаем для Шляпникова». Действительно, в течение многих лет подробно обсуждались действительные и мнимые ошибки Шляпникова и о них в достаточной степени были информированы молодые члены партии. 30 сентября Центральная комиссия утвердила решение об исключении А. Г. Шляпникова из рядов ВКП(б).

Шляпников не мог предположить, что вопрос о его партийности был предрешен заранее. Дебаты в Центральной комиссии по чистке шли лишь о том, как сформулировать решение об исключении из партии, за что исключать: за «старое», за участие двенадцать лет тому назад в «рабочей оппозиции», или за «новое», за отрыв от партии. Принятая комиссией формулировка потрясает своей жестокой несправедливостью. А. Г. Шляпников исключался из партии как окончательно порвавший с большевизмом и как перерожденец.

В первой части аргументации Центральная Комиссия по чистке исходила из того, что, по ее мнению, Шляпников не признал ошибки прошлого и не участвовал активно в борьбе с троцкизмом. Вторая часть — «перерожденец» — обосновывалась тем, что, будучи председателем жилищного кооператива, он выступил в суде в защиту беспартийного члена кооператива.

В марте 1934 г. последовал новый удар. Шляпников был выслан в административную ссылку в поселок Тулому на севере Карелии. Сотрудник Секретно-политического отдела ОГПУ Рутковский, объявляя Шляпникову распоряжение о ссылке, заявил, что никаких обвинений предъявить ему не имеет и что в ОГПУ против Шляпникова дел нет.

Из ссылки Шляпникова вскоре вернули в Москву. Он принял это как признание ошибочности совершенной расправы. В апреле 1934 г. он был в ЦК ВКП(б) принят Н. И. Ежо-

вым. Сам Шляпников считал, что, несмотря на исключение, он продолжает стоять на учете в ЦК ВКП(б), и там пытался решать все вопросы своего будущего.

Из ссылки Шляпников вернулся совсем больным человеком. Он уже не мог работать и в июле подал в Совнарком прошение о пенсии. В ожидании обещанной пенсии Шляпников был занят работой над рукописью, но, главным образом, поисками средств для жизни. В октябре Н. И. Ежов сообщил ему, что вопрос о предоставлении пенсии решен положительно и поручил своему секретарю помочь в продвижении оформления дела.

Однако вместо пенсии 2 января 1935 г. последовал арест и осуждение на 5 лет заключения в концлагере. В начале 1936 г. это наказание было заменено ссылкой в Астрахань. В Астрахани долгое время Шляпников был без работы. Летом 1937 г. он получил работу экономиста Нижне-Волжского речного пароходства, но вскоре был снова арестован, осужден якобы за организацию террористической деятельности и приговорен к высшей мере наказания. Приговор приведен в исполнение 3 сентября 1937 г.

Была осуществлена расправа над всей семьей Шляпникова. Жена его, Екатерина Сергеевна Волкович, в браке с которой он чаходился с 1922 г., была арестована через несколько дней после казни Шляпникова. Два года она находилась в Томской тюрьме, затем до 1946 г. — в лагере. В феврале 1951 г. была вновь арестована и выслана на вечное поселение на север Красноярского края.

После ареста Шляпникова и его жены остались трое детей. Старшему сыну было 11 лет, дочери — 7 лет и младшему сыну — 5 лет. Их отправили в детский дом. В 1948 г. был репрессирован старший сын, в 1951 г. — дочь.

31 января 1963 г. Александр Гаврилович Шляпников был посмертно реабилитирован.

Б. А. Старков

М. Н. РЮТИН

«Интеллигентный пролетарий». Так в одной из анкет ответил Мартемьян Никитич Рютин на вопрос о своем социальном статусе. Как такая, на первый взгляд странная, запись могла появиться в анкете сына Никиты Павловича Рютина, крестьянина-бедняка? Забегая вперед, скажем: он имел для этого все основания.

Родился М. Н. Рютин 13 февраля 1890 г. в деревне Верхне-Рютино Балаганского уезда Усть-Удинской волости Иркутской губернии. Места эти были определены царским правительством для политической ссылки, поэтому вполне естественно, что первыми учителями Мартемьяна стали ссыльно-поселенцы Виноградов и Перепелицин. У них он научился читать и писать. Когда же в соседнем селе открылась начальная школа, пытливый и смывленный мальчуган стал в ней лучшим учеником.

С раннего детства был занят Мартемьян тяжелым трудом — сначала в деревне, затем в городе. Попав в 13-летнем возрасте в губернский Иркутск, работал на кондитерской фабрике Карматских, потом «мальчиком» в мелочной лавке. В автобиографии, написанной в сентябре 1923 г., читаем: «Приходилось работать с 4 часов утра до 10—11 часов вечера. Меня, тринадцатилетнего мальчугана, старались использовать как взрослого рабочего: я должен был таскать кули с овсом, а иногда и с мукой в лавку, стоять за прилавком, ухаживать за лошадью, чистить ее, возить со двора мусор и прочее».

Трудно сказать, как бы сложилась дальнейшая судьба

Рютина, если бы не случайная встреча с ссыльным социал-демократом Б. В. Марковиным, принявшим активное участие в судьбе подростка. Он помог Мартемьяну поступить в Иркутскую учительскую семинарию, познакомил с произведениями русских писателей-демократов. Начало учебы совпало с событиями первой российской революции. По Сибири прокатилась волна революционных выступлений. Как и другие семинаристы, М. Н. Рютин часто бывал на митингах. И хотя в нем «кипела злоба против богачей деревенских и городских, против приставов и городских», политического смысла происходящих событий он еще не понимал. Окончив семинарию, учительствовал в Шивере, а несколько позже перебрался в Иркутск. К этому времени относится его знакомство с марксистской литературой — работами К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, А. Бебеля, К. Каутского. Тогда же, в 1912 г., еще не имея формальной связи с партией, М. Н. Рютин создает марксистский кружок, в котором изучаются произведения основоположников научного коммунизма, публикации «Правды», большевистского журнала «Просвещение». Встречи с ссыльными большевиками П. П. Постышевым, Н. Н. Поповым, острая полемика с меньшевиками в значительной степени определили его политические взгляды: в октябре 1914 г. он вступил в ряды партии.

В годы первой мировой войны М. Н. Рютин был мобилизован в армию. Его, как имеющего необходимое образование, направляют в Иркутскую школу прапорщиков, а после ее окончания в Харбин для прохождения службы в полосе отчуждения КВЖД в составе 618-й Томской пешей дружины. Все это время М. Н. Рютин вел революционную пропаганду среди солдат.

Вряд ли нужно много говорить о смелости, решительности, твердости в отстаивании убеждений — качествах, присущих М. Н. Рютину на протяжении всего жизненного пути. Достаточно лишь маленького эпизода: пало самодержавие, но солдаты Харбинского гарнизона еще ничего не знают. И вдруг на одном из построений М. Н. Рютин во всеуслышание объявляет об этом. Смелого прапорщика отправляют под арест, а взволнованные важной вестью солдаты добиваются его освобождения, отказавшись разойтись с построения.

В начале сентября 1917 г. М. Н. Рютин был избран председателем объединенного Совета рабочих и солдатских депутатов. Тогда же он стал председателем только что оформившегося Харбинского комитета РСДРП(б) и редактором еженедельного партийного журнала «Борьба».

Первые сведения о вооруженном восстании в Петрограде были получены в Харбине 26 октября. И хотя многое было

еще не ясно, в городе прошла мощная демонстрация под лозунгом «Вся власть Советам!». Однако силы контрреволюции на Дальнем Востоке оказались значительно сильнее, чем в центре страны. Большую помощь им оказали дипломатические представители капиталистических государств в Маньчжурии. Во главе заговора против революции встали управляющий КВЖД генерал Ю. Л. Хорват и американский консул Мозер, а основной ударной силой выступили белокитайские части. Харбинский Совет раскололи колебания. В автобиографии М. Н. Рютин писал об этом сложном периоде так: «...Сложность обстановки, в которой нам приходилось работать и вести борьбу, заставила нас запросить Владимира Ильича Ленина, как нам быть с захватом власти. Телеграмма была послана мною, как Председателем Совета. Владимир Ильич ответил: «Власть возьмите первым долгом устранением Хорвата, назначьте своего комиссара дороги, устраните старых консулов Харбине, Куа-Чен-Дзы, Хайларе». Но нам это не удалось...»

Контрреволюция сумела предупредить это выступление. Китайские власти предъявили Совету ультиматум о высылке в трехдневный срок из Харбина 618-й и 551-й пеших дружин, 1-го и 2-го конных полков и персонально большевиков Рютина и Славина. Силы были неравны, поэтому требованиям пришлось подчиниться. Однако соглашение было вероломно нарушено: начался белый террор — расстреливали членов Совдепа. М. Н. Рютину и другим членам исполкома удалось скрыться.

С декабря 1917 г. М. Н. Рютин в Иркутске. Он назначен Центросибирью командующим войсками Иркутского округа, а с марта 1918 г. избран заместителем председателя Иркутского губернского исполнительного комитета. К этому времени в Сибири и на Дальнем Востоке началась иностранная интервенция, активизировались силы внутренней контрреволюции. В августе 1918 г. большевистские организации Сибири были вынуждены перейти на нелегальное положение и к партизанским методам борьбы. Колчаковская контрразведка вела настоящую охоту за М. Н. Рютиным. Специально выделенные отряды солдат и казаков несколько раз пытались захватить его, но сибирские крестьяне надежно скрывали М. Н. Рютина. В июне 1919 г. по поручению Сиббюро ЦК РКП(б) он выехал в Новониколаевск (ныне Новосибирск), где принял самое активное участие в восстановлении партийного комитета, разгромленного колчаковской контрразведкой. После освобождения города М. Н. Рютин вошел в состав ревкома, а затем был направлен на работу в Восточную Сибирь, где его избрали председателем

Иркутского губкома партии. В составе сибирской делегации принимал участие в работе X съезда РКП (б).

Сменив впоследствии несколько ответственных должностей, М. Н. Рютин назначается с января 1923 г. секретарем Дагестанского обкома партии. Обстановка в Дагестане в это время была очень сложной: накануне его приезда был убит уполномоченный Наркомата путей сообщения старый член большевистской партии С. Д. Марков. Свою работу М. Н. Рютин начал с поездки по отдаленным горным районам, чтобы изучить обстановку непосредственно на месте. За сравнительно короткий срок он завоевал прочный авторитет в партийной организации. «Крупный теоретический и газетный работник, обладает солидной марксистской подготовкой, прекрасный докладчик... Может быть использован на любой ответственной партийной работе», — читаем в характеристике тех лет, сохранившейся в личном партийном деле М. Н. Рютина¹.

Когда в декабре 1923 г. М. Н. Рютина отозвали в Москву, Юго-Восточное бюро ЦК РКП(б) обратилось с просьбой оставить его на работе в Дагестане. Однако Центральный Комитет партии настоял на своем. В марте 1924 г. М. Н. Рютин, участвовавший в работе XIII партийной конференции, был утвержден заведующим агитпропотделом МК РКП(б), а в 1925 г. он становится секретарем Краснопресненского райкома партии. На XIV съезде ВКП(б) М. Н. Рютин занял непримиримую позицию по отношению к Г. Е. Зиновьеву и Л. Б. Каменеву, выступление которых было квалифицировано тогда как возникновение в партии «новой оппозиции». Как и многие другие партийцы, М. Н. Рютин считал главной опасностью для партии фракционный раскол ее рядов. В то время он был уверен, что эту опасность можно преодолеть, поддерживая сталинское ядро Центрального Комитета. Позднее Л. Д. Троцкий назовет его одним из видных деятелей партии, руководившим в столице борьбой против «левой» оппозиции, очищавшим все углы и закоулки от троцкизма². Основания для этого были: превосходный оратор, талантливый публицист, хорошо владеющий материалом, М. Н. Рютин, как правило, появлялся в наиболее «горячих» точках столкновения с оппозицией: на заводе «Авиаприбор», на похоронах А. А. Иоффе, в аудиториях Института

¹ Ваксберг А. Как живой с живыми// Литературная газета.— 1988.— 29 июня.

² См.: Троцкий Л. Д. Портреты революционеров.— Нью-Йорк, 1988.— С. 196.

народного хозяйства. Выступая на XV съезде партии, М. Н. Рютин обосновал требование безоговорочной не только организационной, но и идейной капитуляции оппозиции. «Загнанные логикой фракционной борьбы в тупик, — говорил он об оппозиционерах, — они стоят перед выбором: или полная капитуляция перед партией, или переход в лагерь контрреволюции»¹. Тогда же, на XV съезде партии, М. Н. Рютин был избран кандидатом в члены ЦК ВКП (б).

Способствовала ли эта сторона деятельности М. Н. Рютина становлению режима личной власти Сталина? Объективно — да. Выступая против оппозиции, он, как и многие другие партийные работники, в значительной степени способствовал деформации политического руководства, существенной стороной которой была нетерпимость к инакомыслию. Честность, высокая партийность и бескомпромиссность М. Н. Рютина были полновесно использованы сталинским окружением в борьбе против «левой» оппозиции.

Через несколько месяцев после окончания работы XV съезда партии ситуация изменилась. Хлебозаготовительный кризис 1927—1928 гг. положил начало свертыванию нэпа. Появились первые симптомы возвращения к рецидивам «военного коммунизма». Однако «чрезвычайщина» в экономике неизбежно привела к дисбалансу в промышленности и сельском хозяйстве, к административным мерам в политике.

Обсуждение этих вопросов накалило обстановку в Политбюро ЦК ВКП (б). М. Н. Рютин, часто присутствовавший на его заседаниях, поначалу попытался занять буферную позицию. Это вызвало неудовольствие И. В. Сталина. Его попытки заручиться безоговорочной поддержкой своей политики со стороны руководителей столичной парторганизации окончились неудачей. Тогда был найден другой ход.

Неожиданно заговорили об отрицательных сторонах нэпа, правой опасности в партии и примиренческом отношении районных партийных организаций Москвы, и в частности их руководителей, к правому уклону в ВКП(б). 24 сентября 1928 г. под председательством Л. М. Кагановича состоялось заседание Оргбюро ЦК, обсудившее работу Краснопресненской районной партийной организации. Началась проработка наиболее «строптивых» коммунистов.

8 октября на заседании Оргбюро ЦК специально обсуж-

¹ XV съезд ВКП (б): Стенографический отчет. — М., 1926. — С. 154—156.

далась резолюция по докладу М. Н. Рютина на активе Краснопресненской партийной организации. На этом заседании присутствовал И. В. Сталин. Протокол сохранил следующий диалог:

«Сталин: У меня вопрос к Рютину. Я читал резолюции активов всех районов по Москве, во всех районах, кроме Пресненского, дана определенная политическая установка относительно течения нейтралитета. Вопрос о примиренчестве в отношении к уклонам от ленинской линии. Наша установка — это предостережение рабочих от уклона от ленинской линии. А Пресненский район промолчал, обошел этот вопрос в резолюции актива. Почему, т. Рютин, чем это объяснить?»

Рютин: Я буквально за полчаса до районного актива набросал резолюцию, никто принципиальных поправок не внес. В резолюции подчеркнута борьба с троцкизмом и с оппортунизмом. Я ни в какой мере не могу быть сторонником примиренческого отношения к правому или левому уклону. Если т. Сталин считает, что это не случайно, — в моем распоряжении нет доказательств, которые говорили бы, что это случайно. Т. Сталин может говорить, что это не случайно, это право т. Сталина.

Сталин: Все районные секретари догадались поднять этот пункт на обсуждение своих активов, а т. Рютин почему-то «забыл» об этом. Как это понять? Давайте говорить начистоту. Вы не ведете борьбу с примиренчеством, не отстаиваете линии ЦК. Может быть, Вы человек смелый, но очень трудно поверить, чтобы Ваша политическая ошибка была случайностью»¹.

* * *

*

Позднее, находясь под следствием, и после суда, М. Н. Рютин неоднократно будет возвращаться к событиям 1928 г. Именно тогда он пришел к мысли начать борьбу против Сталина и его окружения, так как увидел, к чему ведет сталинская политика отсечения от руководства партией и государством целых групп коммунистов — теоретически грамотных, опытных практиков социалистического строительства. Именно тогда М. Н. Рютин в должной мере оценил ленинскую характеристику, данную Сталину в «Письме к съезду» (как раз с нее он и начнет подготовленную в марте 1932 г.

¹ ЦГАОР СССР. Протокол заседания Оргбюро ЦК ВКП(б). 8 ноября 1928 г.

теоретическую работу «Сталин и кризис пролетарской диктатуры»). Еще 11 октября 1928 г., споря на закрытом заседании бюро Краснопресненского райкома партии, М. Н. Рютин говорил: «Что вы ставите вопрос о тов. Сталине? Мы знаем, что у тов. Сталина есть свои недостатки, о которых говорил тов. Ленин».

«Диалог» со Сталиным не прошел бесследно. 15 октября группа членов Краснопресненского райкома обратилась в Московский комитет партии с заявлением, где утверждалось, что секретарь райкома М. Н. Рютин ведет примиренческую политику, что он и другие члены бюро райкома вели недопустимую безобразную линию, направленную против ЦК и линии партии. Реакция на это письмо последовала незамедлительно. 16 октября 1928 г. состоялось объединенное заседание секретариатов ЦК и МК ВКП(б) с участием председателя ЦКК Г. К. Орджоникидзе и членов президиума МКК ВКП(б). На нем было принято решение о снятии М. Н. Рютина с работы в московской партийной организации.

Наступление сталинцев на столичную партийную организацию продолжалось. 18 октября 1928 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило текст обращения ко всем членам московской партийной организации, в котором, по сути дела, уже перечеркивались решения XV съезда партии: главное содержание социалистической реконструкции теперь сводилось к форсированному проведению индустриализации и коллективизации сельского хозяйства. Руководство московской партийной организации глухо обвинялось в примиренческом отношении к правому уклону.

Для обсуждения положения в столичной организации партии был созван VI внеочередной объединенный пленум МК и МКК ВКП(б). Он проходил 18 и 19 октября 1928 г. В его работе принимали участие, кроме членов и кандидатов в члены МК и МКК, партийный актив Москвы, работники аппарата ЦК ВКП(б). Всего — 352 человека, из них в прениях по докладу секретаря МК Н. А. Углового выступили 36 человек. В докладе была сделана попытка осудить тех, кто своими действиями «взбудоражил» московскую партийную организацию, высказывались претензии и к М. Н. Рютину. Они заключались, прежде всего, в упомянутой выше оценке И. В. Сталина. «Этого нельзя было говорить потому, что еще раньше нам об этом говорили троцкисты», — заявил Н. А. Углов. «И второе, — продолжал секретарь МК, — у него в резолюции, предложенной на активе, отсутствовал момент борьбы с примиренчеством. Из секретарей райкомов

он в теоретическом отношении является наиболее квалифицированным членом партии. Эту ошибку, конечно, ему следует поставить в большую вину, чем другому».

Сторонники Сталина хорошо подготовились к пленуму, большинство выступающих обвинило руководство МК в противопоставлении московской партийной организации Центральному Комитету партии. М. Н. Рютин, пытаясь обосновать свою позицию, заявил: «Споры в ЦК вызывали у нас, у многих членов бюро Московского комитета, беспокойство за сплоченность руководящего органа ЦК. И я стал на ту точку зрения, что низовые партийные организации, районные должны будут соответствующим образом воздействовать на руководящих товарищей, чтобы в их рядах были устранены разногласия, трения, которые возникли. Теперь приходится признать, что наш опыт показал, что буфер не только тогда, когда он возникает в среде самих спорящих, но и тогда, когда этот буфер возникает со стороны, он не оправдывает своей роли. Это создало некоторую отчужденность, некоторую замкнутость московской организации, или, точнее, руководящей группы работников московской организации от Центрального Комитета».

На второй день работы пленума с речью о правой опасности в ВКП(б) выступил И. В. Сталин. И хотя конкретные носители правых настроений не были названы (в составе ЦК, по выражению Сталина, не было ни правых, ни левых, а только незначительные элементы примиренческого отношения к правой опасности), пленум освободил ряд руководящих работников московской партийной организации от обязанностей членов бюро МК партии. А 22 октября пленум Краснопресненского райкома партии подтвердил снятие М. Н. Рютина с поста секретаря райкома партии. Впоследствии М. Н. Рютин писал: Сталин «напрасно ошелмывал меня и ловким маневром вышвырнул с партийной работы. Я считаю это нечестным с его стороны по отношению ко мне».

Вскоре М. Н. Рютина назначили заместителем редактора «Красной звезды», в то же время он продолжал оставаться кандидатом в члены ЦК ВКП(б). В 1929 г. его направили уполномоченным ЦК ВКП(б) по коллективизации в Казахстан и Восточную Сибирь. Там М. Н. Рютин убедился в том, что практика форсированной коллективизации сопряжена с фактами насилия, администрированием, перегибами в колхозном строительстве. Все это вело к разрушению сельскохозяйственного производства, росту недовольства в деревне. Выступления крестьян подавлялись, как правило, репрессивными мерами, вооруженной силой, страна стояла

фактически на грани гражданской войны. Многочисленные встречи и беседы с партийными и советскими работниками, участие в деревенских сходах привели М. Н. Рютина к выводу: все перегибы — не случайность, не ошибки местного руководства, а целенаправленная линия, поощряемая И. В. Сталиным и секретарем ЦК ВКП (б) Л. М. Кагановичем. Размышления М. Н. Рютина о практике коллективизации легли в основу записки, направленной им в Политбюро ЦК ВКП (б). Он писал, что, по сути дела, идет отказ от решений XV съезда партии о работе в деревне, свертывание ленинской линии на осуществление кооперации. Записка вызвала резко отрицательную реакцию Сталина и Кагановича. Однако через некоторое время наиболее важные положения и мысли записки М. Н. Рютина были без всяких ссылок использованы Сталиным в статье «Головокружение от успехов» и в письме ЦК ВКП (б) «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении».

В январе 1930 г. Сталин еще раз «одернул» М. Н. Рютина. «Красная звезда» опубликовала статью М. Н. Рютина «Ликвидация кулачества, как класса», основные положения которой опирались на решения XV съезда партии. Через номер, 21 января 1930 г., там же была опубликована статья Сталина «К вопросу о политике ликвидации кулачества, как класса». Признавая правильной постановку вопроса, генсек давал две поправки, которыми фактически аннулировал решения XV съезда партии. Именно эта статья обратила внимание партийных руководителей на физическое уничтожение кулака. В том же номере М. Н. Рютин опубликовал короткое письмо, в котором писал, что согласен «с поправками тов. Сталина и его оценкой имеющихся в моей статье неточностей»¹.

В марте 1930 г. М. Н. Рютин был неожиданно назначен председателем Управления фотокинопромышленности, членом Президиума ВСНХ. На этом посту он уже не мог прямо влиять на выработку политической линии, принятие политических решений, а превращался лишь в исполнителя, правда, еще достаточно высокого ранга. Это был еще один сталинский прием, направленный на устранение политических противников от активной работы в партии.

Летом 1930 г. М. Н. Рютин вместе с другими членами ЦК принимал участие в подготовке XVI съезда ВКП (б). Выступать он собирался по хозяйственному вопросу. Однако на съезде к нему неожиданно подошел Л. М. Каганович

¹ Красная звезда. — 1930. — 21 янв.

и сказал: «Мы решили выставить вашу кандидатуру в ЦК», а затем предложил выступить по вопросам политическим. М. Н. Рютин понял, что стоит за этим предложением: И. В. Сталину нужно было еще одно покаяние, еще одно осуждение правого уклона, признание сталинских заслуг из уст уже опального, но еще достаточно авторитетного оппонента. М. Н. Рютин этого делать не стал. По его выражению, он «увильнул от этого дела», хотя и пообещал Л. М. Кагановичу написать статью.

В сентябре 1930 г. в ЦК ВКП(б) поступило заявление члена партии с 1917 г. А. С. Немова, который сообщал, что на отдыхе в Ессентуках Рютин, периодически встречаясь с ним, вел разговоры антипартийного толка. По словам А. С. Немова, М. Н. Рютин якобы утверждал, что для страны губительна политика правящего ядра в партии во главе со Сталиным и к весне 1931 г. наступит ее полнейшее банкротство, что в отношении пролетариата и крестьянства она уже привела к резкому ухудшению экономического положения, что Сталин проводит фактически троцкистскую экономическую политику. В оценке внутрипартийного положения по вопросу о роли Генерального секретаря ЦК ВКП(б) М. Н. Рютин якобы сказал: «Никаких Генеральных секретарей больше не будет. Мы будем настаивать, чтобы управлял коллектив, ибо если будет Генеральный секретарь, то нет гарантии, что не повторятся те же комбинации и фокусы, которые проводятся Сталиным. Вообще состав Политбюро придется чаще менять, чтобы там не засиживались, ибо в основном нынешний состав Политбюро оторван от масс».

Заявление А. С. Немова было передано в ЦКК. 21 сентября 1930 г. М. Н. Рютин по предложению секретаря партколлегии ЦКК Е. М. Ярославского и члена Президиума ЦКК М. Ф. Шкирятова написал обстоятельный ответ на изложенные в заявлении А. С. Немова обвинения, заявив, что на 99 процентов они — самая гнусная ложь. «Не слишком ли наивным болтуном (если бы я был правым) изображает меня Немов? Тут что-то не вяжется. Или, может быть, мы оба вели правые разговоры? Но тогда Немов не подал бы заявления. Это тоже абсурд». Случившееся М. Н. Рютин представлял как попытку троцкистов свести с ним счеты.

Сейчас трудно сказать, были ли эти разговоры (если они были) провокацией со стороны А. С. Немова. Но так или иначе 23 сентября на заседании Президиума ЦКК под председательством Павлуновского, в составе Ярославского, Шкирятова, Сольца, Постышева, Трилиссера, Енукидзе и

Назарова слушалось дело М. Н. Рютина. Присутствовал и заявитель А. С. Немов. В выступлениях Ярославского, Шкирятова, Енукидзе основная вина М. Н. Рютина усматривалась в критике им Сталина. Тогда же Президиум ЦКК принял решение: «За предательски-двурушническое поведение и за попытку подпольной пропаганды правооппортунистских взглядов, признанных XVI съездом не совместимыми с пребыванием в партии, исключить М. Рютина из рядов ВКП(б)»¹. Политбюро ЦК ВКП(б) под председательством В. М. Молотова 5 октября 1930 г. приняло аналогичное постановление.

Полтора месяца спустя Мартемьян Никитич Рютин был арестован органами ОГПУ по обвинению в контрреволюционной агитации и пропаганде. Основанием для ареста были агентурно-оперативные данные. Однако 17 января 1931 г. коллегия ОГПУ признала эти обвинения недоказанными. С личной санкции Сталина М. Н. Рютин был освобожден.

По мнению резидентов разведывательных служб капиталистических государств, информировавших свои правительства, причина ареста М. Н. Рютина заключалась в его близости к группе Председателя Совнаркома РСФСР С. И. Сырцова, в состав которой входили В. А. Каврайский, И. О. Нусинов² и другие партийные и советские работники, выступавшие против сталинских методов социалистического строительства³. Осенью 1930 г. многие из них были исключены из партии и даже арестованы органами ОГПУ, а несколько позднее направлены на хозяйственную работу в различные регионы страны.

* * *

После освобождения М. Н. Рютин работал экономистом в «Союзсельэлектро». Серьезные испытания не сломили его, и он продолжал вести неравную борьбу со сталинизмом. К этому времени сталинская практика индустриализации и коллективизации поставила страну на грань экономического кризиса. Реальные доходы трудящихся упали, ухудшилось положение рабочего класса и крестьянства. В партии уси-

¹ ЦГАОР СССР. Протоколы заседаний Президиума ЦКК ВКП(б) и подготовительные материалы к ним.

² В. А. Каврайский — заведующий сектором информации ЦК ВКП(б). И. О. Нусинов — ответственный работник Совнаркома РСФСР.

³ ЦГАОР СССР.— Ф. 6075.— Оп. 1.— Д. 18.— Л. 1.

ливалось недовольство грубейшими нарушениями внутрипартийной демократии, насаждением в партии и государстве командно-административных методов руководства. Среди тех, кто открыто выражал недовольство, были представители старой большевистской гвардии — В. Н. Каюров, М. С. Иванов, П. А. Галкин и др.

Руководивший в 1932 г. плановой группой Центрархива Василий Николаевич Каюров был известен многим. В 20-е гг. он пользовался заслуженным авторитетом среди профессиональных революционеров.

Михаил Семенович Иванов, член партии с 1906 г., принимал активное участие в революционном движении и социалистическом строительстве. В 1932 г. — руководитель группы Наркомата Рабоче-крестьянской инспекции РСФСР. Именно он в 1931 г. дал уже опальному, исключенному из партии М. Н. Рютину рекомендацию для вступления в общество бывших красногвардейцев и красных партизан.

Павел Андрианович Галкин, член партии с 1918 г., работал вместе с М. Н. Рютиным в Краснопресненском райкоме ВКП(б). В 1932 г. — директор 26-й типографии Мосполиграфа.

Именно они, а также В. И. Демидов и П. П. Федоров¹, составили ядро организации, получившей название «союз марксистов-ленинцев». М. Н. Рютин по поводу своей кандидатуры заявил самоотвод, поскольку формально не был членом партии и к тому же находился под наблюдением органов ОГПУ. Среди других членов так называемого «союза марксистов-ленинцев» можно выделить бывших комсомольских работников А. В. Каюрова, Н. П. Каюрову (Ершову), а также Я. Э. Стэна, П. Г. Петровского².

В программных документах «союза» подчеркивалось, что он, «являясь частью ВКП(б), не имеет интересов и задач отличных от интересов партийных масс и рабочего класса. Он, наоборот, будет лишь наиболее последовательно и решительно выражать и защищать эти интересы. Он не противопоставляет себя партии, а противопоставляет лишь Сталину и его клике». Там же отмечалась непримиримость интере-

¹ В. И. Демидов — начальник административно-хозяйственного отдела Московского автозавода; П. П. Федоров — профессор Московского торфяного института.

² А. В. Каюров — старший инспектор сектора проверки Наркомснаба СССР; Н. П. Каюрова (Ершова) — ответственный работник объединения «Экспортмасло», секретарь правления «Союзмолоко»; Я. Э. Стэн — профессор Института красной профессуры, сотрудник Академии наук СССР; П. Г. Петровский — бывший редактор «Ленинградской правды», находился в то время на журналистской работе в Поволжье.

сов пролетариата и капиталистических элементов внутри СССР, указывалось, что «союз» является «самым непримиримым врагом всякого подлинного оппортунизма»¹. А вот как формулировались неотложные задачи внутрипартийной жизни:

- «1. Ликвидация диктатуры Сталина и его клики.
2. Немедленный слом всей головки партийного аппарата, назначение выборов партийных органов на основе подлинной внутрипартийной демократии и с созданием твердых организационных гарантий от узурпации.
3. Немедленный чрезвычайный съезд партии.
4. Решительное и немедленное возвращение партии по всем вопросам на почву ленинских принципов».

Несмотря на антисталинскую направленность документов «союза», в них не содержалось даже намека на организацию террористических актов, а предлагалось противопоставить сталинской диктатуре, террору «мужество и сознание величайшей правоты нашего дела». Членов партии призывали «не ждать начала борьбы сверху, а начинать ее снизу». М. Н. Рютин считал, что эту борьбу не могут возглавлять бывшие лидеры троцкистско-зиновьевской оппозиции, вожди правого уклона. «Надо рассчитывать на свои силы. Выдвнутся новые вожди, новые организаторы масс... она потребует гигантских усилий, даже после свержения диктатуры Сталина потребуются многие, многие годы для исправления положения».

Можно считать, что политические воззрения и теоретические взгляды М. Н. Рютина в отдельных случаях носили спорный, дискуссионный характер, но нигде и никогда не содержали призывов к свержению советской власти. Было активное неприятие насаждавшихся командно-административных методов управления страной, что, естественно, представляло реальную угрозу режиму личной власти Сталина. Поэтому столь жестокой была расправа.

В сентябре 1932 г. члены «союза» были арестованы. На первом же допросе, который проводил заместитель председателя ОГПУ В. А. Балицкий 24 сентября, М. Н. Рютин заявил, что к решению начать борьбу против Сталина он пришел еще в мае 1928 г.

Характерно, что в постановлении Президиума ЦКК от 27 сентября 1932 г. об исключении из партии 14 активных участников «союза марксистов-ленинцев» ОГПУ предлагалось выявить «закулисных вдохновителей этой группы и

¹ Страницы истории.— Л., 1989.— С. 115—116.

отнестись ко всем этим белогвардейским преступникам, нежелающим раскаяться до конца и сообщить всю правду о группе и ее вдохновителях, со всей строгостью революционного закона». На очередном допросе 28 сентября М. Н. Рютин сделал следующее заявление: «Никаких вдохновителей за мной не стояло и не стоит. Я сам был вдохновителем организации, я стоял во главе ее. Я один целиком писал и платформу и обращение». Допросы М. Н. Рютина проводил начальник секретно-политического отдела ОГПУ Г. А. Молчанов. Усилиями «сочинителей» из ОГПУ рождалась версия о грандиозном контрреволюционном заговоре. По делу были привлечены лица, читавшие обращение. 26 сентября был арестован А. Н. Слепков, а 27 сентября — Д. П. Марецкий.

Подписанное И. В. Сталиным постановление объединенного Пленума ЦК и Президиума ЦКК ВКП(б) «О контрреволюционной группе Рютина — Слепкова» содержало вполне конкретную директиву партийным организациям. Ее суть заключалась в немедленном исключении «из партии всех, знавших о существовании этой контрреволюционной группы, в особенности читавших ее контрреволюционные документы и не сообщивших об этом в ЦКК и ЦК ВКП(б), как укрывателей врагов партии и рабочего класса». На этом основании развернулись репрессии против многих честных коммунистов.

Через неделю, 9 октября 1932 г., состоялось новое заседание Президиума ЦКК под председательством Я. Э. Рудзутака. Было принято постановление об исключении из партии двадцати четырех человек «как членов и пособников контрреволюционной группы Рютина — Иванова — Галкина, как разложившихся, ставших врагами коммунизма и Советской власти, как предателей партии и рабочего класса, пытавшихся создать подпольным путем под обманным флагом «марксизма-ленинизма» буржуазную кулацкую организацию...». Дальнейшее решение судьбы исключенных из партии передавалось на решение коллегии ОГПУ. Многие из них были виновны лишь в том, что читали обращение. 11 октября коллегия ОГПУ в составе В. Р. Менжинского, Г. Г. Ягоды, В. А. Балицкого определила меру наказания в отношении лиц, проходивших по делу так называемого «союза марксистов-ленинцев». М. Н. Рютин получил наибольший срок — 10 лет одиночного заключения.

Однако этим дело не кончилось. 15 октября в 3 часа ночи начальник секретно-политического отдела ОГПУ Г. А. Молчанов дал распоряжение следователю И. М. Ланцевскому и секретарю отдела В. А. Кучерову произвести

раскопки в доме П. А. Сильченко с целью изъятия подлинника рютинской платформы. Среди самых разнообразных бумаг, которые оказались в руках сотрудников ОГПУ, был напечатанный на машинке текст брошюры «Сталин и кризис пролетарской диктатуры» объемом 167 страниц. Подлинника, написанного рукой М. Н. Рютина, не сохранилось. Сегодня в распоряжении исследователей есть только копии с копий, сделанные в ОГПУ. Как правило, читатели путают рютинскую платформу — теоретическую разработку «Сталин и кризис пролетарской диктатуры» и манифест — обращение «Ко всем членам ВКП(б)». Именно последний документ получил хождение по рукам. Он и добавлялся, и переписывался в Москве и Харькове. Именно в него были неизвестно кем внесены прямые заимствования из белоэмигрантских, антисоветских листовок. Возможно, это делалось самими сотрудниками ОГПУ, чтобы придать рютинской организации антисоветский контрреволюционный характер.

Составить представление о содержании платформы дает возможность ее схема, написанная М. Н. Рютиным в ходе следствия и сохранившаяся в деле. Она состоит из следующих разделов: 1. Маркс о роли личности в истории; 2. Сталин как беспринципный политикан; 3. Сталин как софист; 4. Сталин как вождь; 5. Сталин как теоретик; 6. Классовая борьба и марксизм; 7. Простое, расширенное воспроизводство и марксизм-ленинизм; 8. О построении социалистического общества; 9. Ленинизм и борьба с оппортунизмом; 10. Уроки внутрипартийной борьбы в свете истекших лет; 11. Оценка взглядов пролетарской диктатуры на современное положение вещей в СССР; 12. Кризис Коминтерна; 13. Кризис пролетарской диктатуры (экономический кризис, кризис партии, кризис Советов и приводных ремней пролетарской диктатуры).

В мае 1933 г. М. Н. Рютин был переведен из Верхне-Уральского политизолятора в Суздальский. Но и в условиях одиночного заключения узник камеры № 22 продолжал свою неравную схватку. М. Н. Рютин упорно занимался самообразованием — самостоятельно изучал английский и немецкий языки, много читал, особенно античную литературу. Более сотни писем направил М. Н. Рютин семье и, прежде всего, своему младшему сыну Виссариону, занимаясь его воспитанием и образованием. М. Н. Рютин живо реагировал на события политической жизни, в письмах он дал характеристики политическим деятелям и мастерам культуры. Острая политическая интуиция позволила ему сделать ряд блестящих прогнозов относительно развития событий в СССР.

Сталин, однако, не забыл о своем противнике. В октябре 1936 г. новый нарком внутренних дел Н. И. Ежов отдал распоряжение о проведении до следования по делу М. Н. Рютина. Его предписывалось перевезти в Москву. Фактически это было новое следствие, и, чтобы придать ему «вполне законный» характер, М. Н. Рютин был арестован прямо в одиночной камере Суздальского политизолятора. При аресте он оказал сопротивление, и его в наручниках, под усиленным спецконвоем и в спецвагоне доставили в Москву, во внутреннюю тюрьму НКВД. Там ему было предъявлено новое обвинение — в терроре.

4 ноября 1936 г. М. Н. Рютин обратился с заявлением в Президиум ЦИК СССР, в котором решительно протестовал против предъявленных ему обвинений. «Я никогда террористом не был, не являюсь и не буду. Никогда террористических взглядов и настроений не имел и не имею. Нигде, никогда, никому, никакого сочувствия террору не высказывал и относился к нему всегда враждебно. Новое «толкование» отдельных цитат из «документов» как террористических является явно пристрастным и тенденциозным», — писал он. М. Н. Рютин обращал внимание, что ни Политбюро, которое знакомилось с его делом, ни коллегия ОГПУ, вынесшая приговор, ни Президиум ЦИК, контролирующий работу исполнительных органов, не нашли инкриминируемого ему теперь обвинения в терроре. «Будучи глубочайше убежден в своей невинности в том, в чем меня теперь обвиняют, находя это обвинение абсолютно незаконным, произвольным и пристрастным, продиктованным исключительно озлоблением и жаждой новой, на этот раз кровавой расправы надо мной, я, естественно, категорически отказался и отказываюсь от дачи всяких показаний по предъявленному мне обвинению. Я не намерен и не буду на себя говорить неправду, чего бы мне это ни стоило».

В конце своего заявления, обращаясь с просьбой защитить от произвола следствия, М. Н. Рютин писал: «Я, само собой разумеется, не боюсь смерти, если следственный аппарат НКВД явно незаконно и пристрастно для меня ее приготовит. Я заранее заявляю, что я не буду просить даже о помиловании, ибо я не могу каяться и просить прощения или какого-либо смягчения наказания за то, чего я не делал и в чем я абсолютно не повинен. Но я не могу и не намерен спокойно терпеть творимых надо мной беззаконий и прошу меня защитить от них.

В случае неполучения этой защиты я еще раз вынужден буду пытаться защищать себя тогда теми способами, которые в таких случаях единственно остаются у незащи-

ного, бесправного, связанного по рукам и ногам, наглухо закупоренного от внешнего мира и невинно преследуемого заключенного»¹.

Какие средства оставались в распоряжении М. Н. Рютина? Голодовка? Он объявлял ее. Самоубийство? Его бдительно охраняли. Готовились последующие московские процессы. Нужны были показания о терроре, антисоветской контрреволюционной деятельности. М. Н. Рютин таких показаний не дал. Попытка Сталина еще раз поставить его на колени не удалась. Показания против него давали другие. Среди них были К. Б. Радек, Я. Э. Стэн. Позже, в марте 1938 г., Н. И. Бухарин на судебном процессе заявит, что консолидация всех контрреволюционных, антипартийных сил в стране в 1932 г. проходила на рютинской платформе. Несломленный М. Н. Рютин был опасен, поэтому 9 января 1937 г. на подготовительном заседании военной коллегии Верховного суда СССР под председательством В. В. Ульриха и с участием А. Я. Вышинского было принято решение судить его по закону от 1 декабря 1934 г., т. е. в закрытом судебном заседании, без слушанья сторон.

10 января 1937 г. состоялось судебное заседание, продолжавшееся 40 минут. Виновным М. Н. Рютин себя не признал и на вопросы отвечать отказался. В формуле обвинения он был признан виновным в том, что на протяжении ряда лет проводил активную борьбу против руководства ВКП(б) и являлся руководителем созданной им контрреволюционной организации — так называемого «союза марксистов-ленинцев». Кроме этого в обвинении было добавлено, что «Рютин возглавлял одну из террористических групп, подготавливающую террористический акт против руководства ВКП(б) и Советского правительства, высказывал желание лично принять участие в убийстве Сталина». В тот же день М. Н. Рютин был расстрелян.

Сталинское окружение сделало все, чтобы опорочить и навсегда вычеркнуть имя М. Н. Рютина из истории революционного движения и социалистического строительства. Тогда же, в 1937 г., деревни Верхне-Рютино, Нижне-Рютино и Рютинский сельсовет были переименованы в Верхне- и Нижне-Ангарские. Были арестованы и репрессированы жена и два сына. Потом наступило длительное забвение. Если о других политических противниках Сталина писали хотя бы в негативном плане, то о М. Н. Рютине просто молчали. В памяти старшего поколения его имя осталось

¹ Известия ЦК КПСС. — 1989. — № 6. — С. 101—115.

синонимом контрреволюционной, антисоветской деятельности. Последнее упоминание о нем было перед войной, когда в 1941 г. в очередном издании «ВКП (б) в резолюциях» было опубликовано постановление Президиума ЦКК от 9 октября 1932 г. «О контрреволюционной группе Рютина — Иванова — Галкина».

Из семьи М. Н. Рютина уцелела одна дочь — Л. М. Рютина. С середины 40-х гг. она вела самоотверженную борьбу за восстановление честного имени отца. Неоднократно обращалась в Прокуратуру СССР, Комитет партийного контроля, писала апелляции к съездам партии.

13 июня 1988 г. пленум Верховного суда СССР отменил за отсутствием состава преступления судебные приговоры в отношении членов «союза марксистов-ленинцев».

В. В. Соколов
НАРКОМ Г. В. ЧИЧЕРИН

«Чичерин — работник великолепный, добросовестнейший, умный, знающий. Таких людей надо ценить. Что его слабость — недостаток «командирства», это не беда. Мало ли людей с обратной слабостью на свете!»¹ Именно так, кратко и четко охарактеризовал В. И. Ленин в июле 1918 г. деятельность вновь назначенного наркома иностранных дел Советской Республики. Прошло десять лет, и буквально вся страна поздравляла Г. В. Чичерина с десятилетним юбилеем его деятельности. «Что же удивительного в том, — писала редакция газеты «Правда», — что каждый рабочий, крестьянин и красноармеец СССР, в памяти которых поражения и победы, горести и печали страны Советской сочетаются с именем Чичерина, крепко полюбили наркома, нашего славного красного дипломата»².

Характерно, что иностранцы, дипломаты и журналисты — все также единодушно давали самую высокую оценку Г. В. Чичерину. Бывший советник германского посольства в Москве Г. Хильгер писал: «Этот маленький человечек умел представлять интересы своей страны на международных конференциях с таким большим достоинством, такой замечательной эрудицией, блестящим красноречием и внутренней убежденностью, что даже его противники не могли не относиться к нему с уважением».

Ныне биография этого человека, выходца из старинного дворянского рода, известна довольно хорошо.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 50 — С. 111

² Правда. — 1928. — 30 мая.

Родился Георгий Васильевич 12(24) ноября 1872 г. в селе Караул Кирсановского уезда Тамбовской губернии в помещичьей семье с умеренно либеральными взглядами. Родовое поместье «Караул» принадлежало его дяде, Борису Николаевичу Чичерину, известному историку, юристу, философу. К этому времени отец молодого Георгия — Василий Николаевич — вышел в отставку после 20 лет дипломатической службы, и их семья часто гостила в имении дяди. Поэтому любовь к литературе, живописи, музыке, истории и философии, царившая в «Карауле», стала той средой, в которую он окунулся с юных лет. Немалую роль здесь играла и его мать, Жоржина Егоровна, урожденная Мейендорф, женщина широко образованная, обладавшая тонким художественным вкусом, умевшая прекрасно рисовать. Будущий нарком получил прекрасное домашнее воспитание и образование.

В 1891 г. после окончания гимназии Георгий, или Юра, как его называли в семье, поступил на историко-философский факультет Санкт-Петербургского университета.

Привитое с детства пристрастие к эпистолярному жанру отразилось в его довольно обширной переписке с родственниками, прежде всего с дядей, Борисом Николаевичем, так как его отец рано умер. Эта переписка позволяет судить о формировании личности юноши, характера и даже интеллекта. Еще будучи в петербургской гимназии, он в одном из писем отмечал, что его все больше привлекает история. «Я вообще чувствую влечение к тихой семейной жизни и занятиям, — писал 26 декабря 1886 г. 14-летний гимназист, — изучению математики я покоряюсь, как печальной необходимости, без которой нельзя пробить себе дорогу, а историей занимаюсь с увлечением. На нее уходят все мои свободные часы; и я особенно интересуюсь не фактовой частью, а рассуждениями... и развитием государственного строя»¹. Разумеется, что это увлечение историей окрепло, когда он стал учиться в университете. В письмах он рассказывает о профессорах, которые читали лекции, о своих наблюдениях.

«Русская история, — сообщал он в одном из писем, — будет для меня главным предметом в будущем году. Ее читает очаровательно талантливый молодой профессор С. Ф. Платонов. Я несколько раз у него бывал на лекциях; слушать его — истинное наслаждение»². История становится для молодого Георгия как бы «учительницей жизни».

Водоворот студенческой жизни увлекает его, он все боль-

¹ Археографический ежегодник за 1980 г. — М., 1981 — С. 214.

² Там же. — С. 215.

ше интересуется всевозможными общественными течениями, изучает иностранные языки вплоть до ирландского и санскрита. Но все это остается любознательностью пытливого студента. Серьезные размышления о смысле жизни были впереди. Блестяще окончив весной 1895 г. университет, Георгий Васильевич выезжает на лечение за границу, где знакомится с зарубежной общественно-политической жизнью. В середине 1897 г. он возвращается в Россию в связи с болезнью и смертью матери.

В январе 1898 г. Г. В. Чичерин по совету дяди поступил на службу в Министерство иностранных дел России. Но к удивлению и огорчению родственников он отдал предпочтение не дипломатической карьере, а работе в «тихом пристанище» — Государственном и Санкт-Петербургском Главном архиве МИД России.

Но он не зарылся в архивных документах. Общественная жизнь тех лет: кампания борьбы с голодом 1897 г., голодовка петербургских студентов и студенческие волнения в других городах в 1899 г., массовые волнения в Финляндии, вызванные царским манифестом, ущемлявшим автономию Финляндии, — обострила его интерес к политике.

В этот период Георгий Васильевич сближается через своего студенческого товарища В. М. Нарбута с революционными кругами столицы. Г. В. Чичерин знакомится с трудами К. Маркса, другой социалистической литературой, посещает диспуты о марксизме, который завоевывает все больше сторонников. Его квартира неподалеку от Царскосельского вокзала нередко использовалась для конспиративных встреч и хранения типографских шрифтов.

В своих письмах к родным он начинает принимать меры предосторожности: нумерует их и посылает заказными, чтобы не пропали. 16 января 1903 г. он писал дяде: «Эти два года я был занят работами по составлению истории Министерства иностранных дел... Конечно, в общем, мои труды гораздо обширнее, чем то, что попало из них в книгу»¹. Г. В. Чичерин имел в виду участие в написании юбилейного фундаментального труда «Очерк истории Министерства иностранных дел. 1802—1902 гг.». «В ней, — продолжал Георгий Васильевич, — самое краткое резюме того, что я сделал. Я преимущественно занимался эпохой Александра II и сначала исследовал политику его царствования в полном объеме, не для гласности; затем, согласно данным мне указаниям, я составил краткий обзор». Далее он рассказывает, что «занимался ближайшим образом Крымской войной» и

¹ Археографический ежегодник за 1980 г. — С. 221—222.

царствованием Александра III, «часть посвященной ему главы основана на более обширных моих исследованиях по отдельным вопросам внешней политики того времени»¹.

Особое усердие он проявил в подготовке труда о деятельности известного российского дипломата и канцлера А. М. Горчакова. К сожалению, рукопись этой работы осталась незавершенной, и она до сих пор пока полностью не опубликована.

Работа в архиве дала Георгию Васильевичу многое и с точки зрения пополнения багажа исторических знаний, расширения кругозора, и с точки зрения практического изучения проблем международных отношений того времени. «Архив для меня благодать,— писал он тете 2 апреля 1904 г.,— именно то, что мне нужно, прямо незаменимо»².

Он все более сознавал, и русско-японская война содействовала ускоренному его пониманию того, что исторически дворянство и царский абсолютизм себя изжили и обречены на гибель. Поэтому он все активнее включается в революционное движение, хотя отдает себе отчет в том, что общественное развитие, процесс обновления, «все завоевания истории совершаются через слезы и кровь»³.

Опасаясь полицейских преследований за его связь с революционным подпольем в столице, Г. В. Чичерин легально выехал в 1904 г. в Германию. Там он активно включается в социал-демократическое движение, становится широко известным публицистом под именем Орнатского. Его знали В. И. Ленин и другие видные деятели российской и европейской социал-демократии. Одно время он даже входил в состав заграничного ЦБ РСДРП.

Г. В. Чичерин финансирует издание русского социал-демократического бюллетеня, дает деньги на проведение в 1907 г. V съезда РСДРП. «Причудливая ирония действительности,— писал бывший работник Наркоминдела,— сделала то, что пот чичеринских мужиков, с упорной настойчивостью выжимавшихся из них чичеринским управляющим, шел в партийную кассу российской социал-демократии, помогая ей бороться с царизмом»⁴.

В начале первой мировой войны Георгий Васильевич переезжает в Лондон. Некоторое время, еще с лондонского съезда партии, он увлекается меньшевистскими идеями. Вспоминая позже этот период своей деятельности, Георгий

¹ Археографический ежегодник за 1980 г.— С. 222.

² Там же.— С. 222.

³ Там же.— С. 224.

⁴ Беседовский Г. Е. На путях к Термидору.— Париж, 1930.— С. 212.

Васильевич писал: «Я в Лондоне примкнул к меньшевизму, но меня сейчас же поразило, что меньшевики скулят и распускают нюни»¹. А это были как раз те черты, которые Чичерин не любил и с которыми боролся в собственном характере.

В период первой мировой войны он активно борется за ее прекращение; выступая с интернационалистских позиций. После свержения царизма в России его деятельность концентрируется на оказании помощи российским политическим эмигрантам в возвращении на родину. Английское правительство «интернировало» Г. В. Чичерина, посадив его в Брикстонскую тюрьму, чтобы помешать его активной антивоенной деятельности. Советское правительство, придя к власти в результате Октябрьской революции, вызвало в конце 1917 г. Г. В. Чичерина из тюрьмы, договорившись с британским посольством о беспрепятственном выезде из России сэра Джорджа Бьюкенена, бывшего британского посла при царском и Временном правительствах.

6(19) января 1918 г. Г. В. Чичерин прибыл в революционный Петроград, где ему была устроена теплая встреча на Финляндском вокзале. Конечно, первый визит в Смольный. В. И. Ленин встретил Чичерина в своем кабинете. Глава Советского правительства рассказал о тяжелом положении в стране, о начавшихся переговорах с немцами, о необходимости создания аппарата Народного комиссариата по иностранным делам, куда он предложил ему пойти работать. Уже 8(21) января Совнарком назначил Г. В. Чичерина товарищем народного комиссара по иностранным делам. В эти же дни Георгий Васильевич оформил свое членство в большевистской партии.

Начался новый, самый важный этап в жизни Г. В. Чичерина.

Вспоминая первые шаги в работе НКИД, нарком Л. Д. Троцкий признавал, что «наша дипломатическая деятельность происходила в Смольном без всякого аппарата Наркоминдела. Только когда приехал тов. Чичерин и был назначен в состав Наркоминдела, началась работа в самом здании, подбор новых сотрудников, но в очень небольших размерах»². Кстати, сам Лев Давыдович несколько странно подходил к вопросу о задачах Наркоминдела. Однажды он заявил: «Дело мое маленькое: опубликовать тайные договоры и закрыть лавочку»³. Но Г. В. Чичерин не был

¹ Зарницкий С., Сергеев А. Чичерин. — М., 1975. — С. 34.

² Пролетарская революция. — 1922. — № 10. — С. 61.

³ Там же. — С. 99.

согласен с такой трактовкой задач, стоявших перед внешне-политическим аппаратом.

Прежде чем развернуть свою деятельность, Г. В. Чичерину пришлось пройти тяжелую школу Бреста. Выполняя волю В. И. Ленина и Советского правительства, он подписал вместе с главой советской делегации Г. Я. Сокольниковым, Л. М. Караханом и другими членами делегации грабительский Брестский мирный договор с Германией и ее союзниками, благодаря которому Россия вышла из войны и получила мирную передышку. Это были тяжелейшие минуты. «Наш Карахан,— писал один из очевидцев этой процедуры,— с каким-то ожесточением выкуривал одну папиросу за другой; у Чичерина волосы прилипли к покрытому потом лбу»¹. С тех пор взаимное уважение и искренняя привязанность друг к другу сохранились у них на долгие годы.

После подписания Брестского мирного договора Г. В. Чичерин был назначен временно исполняющим обязанности наркома, а 30 мая 1918 г.— наркомом иностранных дел. Его заместителем стал Л. М. Карахан. На их долю выпала крайне напряженная дипломатическая борьба, связанная с сохранением мира с Германией после убийства 6 июля левыми эсерами германского посланника В. Мирбаха, с начавшейся иностранной военной интервенцией стран Антанты и США. Вспоминая впоследствии те дни, Георгий Васильевич отмечал, что ему приходилось работать по 18—20 часов в сутки.

В то неимоверно тяжелое время Г. В. Чичерин, констатировала газета «Правда», «своими нотами, то революционно-призывными, то деловыми, «чисто дипломатическими», стучится во все двери необходимого Советской Федерации мира»².

Большим счастьем для Чичерина было то, что своим заместителем первые три года он имел Л. М. Карахана, с которым, по словам наркома, они «абсолютно спелись» и без труда распределяли работу: «В общем и целом,— писал нарком,— у меня более общая политическая работа, у него же море деталей».

Эта «общая политическая работа» включала и раздумья над перспективами развития отношений с отдельными странами, и ведение мирных переговоров, и встречи со многими политическими деятелями Запада и Востока. Попытаемся

¹ Соколов В. В. На боевых постах дипломатического фронта.— М., 1983.— С. 55.

² Правда.— 1928.— 30 мая.

кратко перечислить лишь некоторые ее аспекты: мирные переговоры с республиками Прибалтики и нашими восточными соседями — Афганистаном, Ираном и Турцией и заключение с ними первых равноправных договоров, поездка во главе советской делегации на первую после войны международную конференцию в Генуе, подписание знаменитого Рапалльского договора с Германией, означавшего прорыв дипломатической и экономической блокады, участие в работе Лозаннской конференции по подготовке мирного договора с Турцией и установлению режима Черноморских проливов, подписание в 1925 г. в Париже советско-турецкого договора о ненападении и нейтралитете и подписание такого же договора в 1927 г. с Ираном и многое, многое другое.

А его встречи с политиками и дипломатами! Целое созвездие имен и званий: англичане — Д. Ллойд Джордж и Дж. Керзон, американцы — В. Вандерлип, Дж. И. Франс и полковник Р. Робинс, немцы — И. Вирт, У. Брокдорф-Ранцау, Г. Штреземан, норвежец Ф. Нансен, французы — Л. Барту, А. Бриан, Э. Эррио, японец С. Гото. А его интереснейшая переписка с Сунь Ятсеном или встреча с Н. К. Рерихом, привезшим письма махатм и ларец с землей с могил великих людей Индии к Мавзолею В. И. Ленина.

Г. В. Чичерин оставил громадное эпистолярное наследие, которое еще далеко не изучено. К сожалению, часть его безвозвратно утеряна во время войны, когда при эвакуации архива НКВД была уничтожена переписка Георгия Васильевича с политическими деятелями и деятелями культуры зарубежных стран. Тем не менее сохранившаяся большая переписка Г. В. Чичерина с советскими руководителями того времени, с заместителями наркома М. М. Литвиновым и Л. М. Караханом, с полпредами СССР за рубежом открывает перед нами неисчерпаемый кладезь идей, оценок и выводов.

Наркома отличал глобальный подход к мировым делам, его интересовали события повсюду — будь то в Англии или Японии, Польше или Саудовской Аравии. Он ратовал за участие СССР «во всей мировой политической жизни», обращал внимание на необходимость оказания политической поддержки борющимся за свою свободу народам Черного моря и Мексики, Йемена и Южноамериканских республик. Но при этом он исходил из принципиальных устремлений советской внешней политики. Г. В. Чичерин неоднократно повторял, что «советская дипломатия всегда и во всем поддерживает все, что содействует всеобщему миру, сокращению вооружений и налогового бремени, улаживанию мировых антагонизмов и конфликтов, удовлетворению насущных

интересов трудящихся масс всех стран, развитию экономических сношений и ослаблению мучительного мирового кризиса. Советская дипломатия стремится развивать мирные, нормальные, дружественные отношения со всеми государствами в интересах всеобщего мира, экономического развития, преодоления мирового кризиса и восстановления своего собственного хозяйства»¹.

Эти «штрихи», как их назвал Георгий Васильевич, общих целей и принципов внешней политики, безусловно, верны и в наше время. Конечно, он не мог предвидеть возможных отступлений от этих принципов, сделанных сталинско-брежневской дипломатией. Но тогда Г. В. Чичерин свято верил в эти принципы и последовательно осуществлял их на деле.

Прозорливый политик, он ясно осознавал неразрывную связь и взаимовлияние экономики и политики. «Наши экономические связи,— говорил он,— создают все более прочную базу для наших политических отношений»². В то же время он указывал на необходимость теснейшей координации деятельности советских учреждений НКВД, НКВТ и ВСНХ, справедливо полагая, что хотя они являются разными ведомствами, но «их действия должны совпадать»³.

В экономическом сотрудничестве СССР с другими странами Г. В. Чичерин видел возможность хозяйственного восстановления страны. В подготовленном им отчете НКВД к очередной сессии ВЦИК в декабре 1919 г. указывалось: «Мы должны воспользоваться техническими орудиями передовых стран и их техническими силами для развития нашего производства, и уступки правящим кругам Антанты в смысле предоставления концессий их капиталистам соответствуют нашим же интересам, открывая дорогу к использованию наших естественных богатств»⁴.

Неоднократно возвращаясь к этой мысли, нарком в интервью французской газете «Ле Пти Паризьен» говорил в 1925 г.: «Все наши силы направлены на экономическое возрождение. В связи с этим основное внимание нашей международной политики обращено на развитие экономических связей со всеми странами, что влечет за собой развитие дружественных связей в политической области»⁵.

Как современно звучат все его положения, как созвучны они новому политическому мышлению.

¹ Чичерин Г. В. Статьи и речи.— М., 1961.— С. 243.

² Документы внешней политики СССР.— М., 1965.— Т. IX.— С. 569.

³ Чичерин Г. В. Указ. соч.— С. 238.

⁴ Там же.— С. 134.

⁵ Там же.— С. 341.

Буквально переворот в умах международной общественности произвело предложение Г. В. Чичерина на Генуэзской конференции, сделанное по поручению Советского правительства, о всеобщем сокращении вооружений с целью облегчения бремени милитаризма и о дополнении правил ведения войны полным запрещением ее наиболее варварских форм, таких, как ядовитые газы, воздушная война и др. Это советское предложение не было поддержано в Генуе, но уже через три года вопросы разоружения начали рассматриваться в рамках Лиги Наций.

Но переговоры в Генуе, как известно, касались не только и не столько вопросов разоружения, сколько проблемы возвращения иностранцам частной собственности, национализированной в Советской России. Дипломатическая борьба вокруг этой проблемы приобретала порой чрезвычайно острый характер. Г. В. Чичерин проявил в ходе переговоров величайшее профессиональное мастерство, идя на определенный маневр, тактические уступки, чтобы добиться главного — согласия Антанты на «самостоятельное экономическое развитие России с помощью иностранного капитала, но без подчинения ему»¹.

20 апреля 1922 г. Г. В. Чичерин направил премьер-министру Великобритании Ллойд Джорджу письмо, в котором выразил готовность «сделать еще один шаг в поисках пути для урегулирования разногласий»². При условии аннулирования военных долгов и процентов по всем долгам, оказании финансовой помощи и признании Советского правительства де-юре, писал он, Советская Россия была бы готова вернуть прежним собственникам пользование национализированным или изъятым имуществом.

Это предложение Георгия Васильевича вызвало прежде всего бурю в стане советской делегации. Некоторые члены делегации расценили письмо Чичерина как нарушение директивы Политбюро ЦК РКП(б). Член делегации Я. Э. Рудзутак даже сообщил об этом в Москву, протестуя против шага наркома. Драматизм ситуации состоял в том, что и В. И. Ленин, который в эти дни готовился к операции по извлечению пули, исходя из полученной телеграммы, сделал несколько поспешные выводы. 24 апреля он направил членам Политбюро ЦК записку с проектом телеграммы Г. В. Чичерину. «Телеграмма Рудзутака, — говорилось в записке, — с протестом против письма, посланного Ллойд Джорджу, показывает, по-моему, что Чичерин либо уже

¹ Чичерин Г. В. Указ. соч. — С. 230.

² Документы внешней политики СССР. — М., 1961. — Т. V. — С. 260.

сделал, либо вполне способен сделать несомненную ошибку и нарушить директиву ЦК»¹.

В ленинском проекте телеграммы наряду с другими положениями констатировалось: «Считаю мнение Рудзутака... вполне правильным»².

Сталин, однако, задержал отправку телеграммы. К этому времени пришла телеграмма от Чичерина, в которой он объяснил свой маневр тем, что хотел выиграть время, не допустить срыва конференции и получить дополнительные указания из Москвы. После этого Политбюро ЦК РКП(б) в телеграмме от 25 апреля признало действия Г. В. Чичерина правильными, но указало, что, в случае провала конференции, советской делегации важно подчеркнуть, что он «вызван исключительно вопросом о восстановлении частной собственности»³. Конечно, в тот момент Георгий Васильевич еще не знал всех перипетий борьбы, происходившей в Москве, но он пережил довольно неприятные дни.

Говоря о деятельности Г. В. Чичерина, нельзя не сказать о его большой роли в становлении «восточной политики» Советского правительства, которой он уделял самое пристальное внимание. В инструкции полпреду РСФСР в Афганистане Ф. Ф. Раскольникову от 3 июня 1921 г. он писал: «В настоящее время, когда восточные народы, как экономически отсталые, болезненно ощущают иностранное экономическое угнетение, социалистическая Советская Россия является для них естественным другом.

Наша политика на Востоке не агрессивна, она есть политика мира и дружбы». В то же время Георгий Васильевич предостерегал полпреда от «искусственных попыток насаждения коммунизма в стране», где условий для этого не существует. «Мы говорим афганскому правительству,— писал нарком,— у нас один строй, у вас другой; у нас одни идеалы, у вас другие; нас, однако, связывает общность стремлений к полной самостоятельности, независимости и самодеятельности наших народов. Мы не вмешиваемся в ваши внутренние дела»⁴.

Эти принципиальные установки наркома относились и к деятельности полпредов в других азиатских странах. В частности, в письме полпреду в Монголии П. М. Никифорову от 12 марта 1926 г. он даже предлагал доводить до его сведения о всех замеченных фактах великодержав-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 45.— С. 164—165.

² Там же.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 45.— С. 539.

⁴ Документы внешней политики СССР.— М. 1960.— Т. IV.— С. 166—167.

ности в отношении Монголии и «о негодности тех или других посылаемых отсюда инструкторов и других работников, чтобы неподходящие элементы нас не дискредитировали».

Особенно Георгий Васильевич выступал за укрепление отношений с Китаем. «Наши добрые отношения с китайским народом основываются на совпадении реальных интересов и на нашем положительном отношении к созданию сильного демократического Китая, а не на каком-то нашем толстовстве,— писал он советскому представителю в Китае А. А. Иоффе 11 апреля 1923 г.— Марксисты суть реалисты, а не прекраснодушные иллюзионисты».

Весьма интересна переписка наркома с советскими представителями в странах арабского Востока, куда они были направлены по его инициативе. В письме генконсулу СССР в Хиджазе К. А. Хакимову от 14 ноября 1924 г. он писал: «Наши интересы в арабском мире сводятся к объединению арабских земель в одно государственное целое»¹. Он выступал против междоусобной войны между отдельными княжествами и поддерживал стремление тех кругов, которые выступали за создание единого государства Саудовской Аравии. Через год в другом письме К. А. Хакимову нарком, касаясь проблемы религии, отмечал: «Главным образом нас интересует вопрос о панисламизме, как особой форме арабского национального движения, как идеологической маске для последнего»². Именно поэтому Г. В. Чичерин считал необходимым, чтобы советский представитель находился «в самом центре мусульманского мира»³. В то же время, принимая шаги по установлению связей с арабскими странами, нарком призывал к осторожности, чтобы избегать действий, «которые могли бы быть истолкованы, как прямая наша акция против Англии»⁴. Вот эта всесторонность подхода Г. В. Чичерина к делам мировой политики была характерной чертой его деятельности.

Георгий Васильевич учил советских дипломатов не копаться на «заднем дворе» политической жизни, а видеть историческую перспективу революции, которую совершает народ, ведя национально-освободительную борьбу. В письме временному поверенному в делах СССР в Турции М. И. Розенбергу от 24 мая 1923 г. нарком, ссылаясь на великого русского писателя, отмечал: «Точно так же, как Лев Толстой,

¹ Вестник МИД СССР.— 1990.— № 21.— С. 39.

² Там же.— С. 41.

³ Там же.— С. 37.

⁴ Вестник МИД СССР.— 1990.— № 21.— С. 39.

изображая величайшее сражение, показывает, что каждый отдельный человек в нем занят самыми глупейшими мелочами, точно так же, если терять из виду перспективу, даже обстановка только что пробудившегося и переживающего революцию народа может казаться сборищем неприглядных мелочей». Далее нарком писал: «Вы приписываете мифической «Москве» наивные фантастические представления о катаклизме любвеобильности между Россией и восточными народами и потом, конечно, с величайшей легкостью разбиваете этого сочиненного Вами воображаемого противника. Могу Вас уверить, что в мифической «Москве» ни один мыслящий политик не закрывает глаза на очень большую сложность положения на Востоке».

«Но мифическая «Москва», — продолжал нарком, — имеет все-таки маленькое достоинство. Она не теряет из виду историческую перспективу». В пределах этой исторической перспективы, подчеркивал Г. В. Чичерин, нас не пугает, что английские дипломаты «могут шептаться и даже немного больше» с деятелями Турции. Определяющим все же является то, что «имеется неизлечимая склонность господ из Сити получать в колониальных странах одну маленькую вещь, называемую сверхприбылью, и имеется столь же неизлечимая склонность тех, с которых она должна быть содрана, ее не платить».

Георгий Васильевич обращал внимание советских дипломатов на необходимость поддержания хороших личных отношений с руководящими деятелями той страны, в которой они работают. В письме советскому полпреду в Афганистане Л. Н. Старку от 8 мая 1925 г. нарком писал: «Вы прекрасно понимаете, какое значение на Востоке имеют личные отношения, без которых невозможна никакая работа. Наши лучшие намерения повиснут в воздухе, если проводить их будет лицо, не пользующееся авторитетом».

Листая архивные документы, особенно письма Г. В. Чичерина В. И. Ленину и другим руководителям Советского государства, имена которых были преданы забвению на долгие годы, не перестаешь удивляться разносторонности интересов наркома, его настойчивости в постановке одних и тех же вопросов, которые он считал необходимым «пробивать». Диапазон его интересов распространялся на все сферы дипломатической деятельности, к которой он относился как к искусству. В своих циркулярных письмах он требовал от полпредов такой информационной работы, которая «должна давать исчерпывающий анализ действующих исторических сил, с точной конкретизацией политических и экономических факторов каждого момента... должна разоблачать и фикси-

ровать закулисные силы, влияющие на политические события... должна давать возможность предвидеть дальнейший ход политического развития»¹.

Г. В. Чичерин особенно активно выступал за соблюдение нравственных аспектов дипломатии, осуждал тактику угроз и шантажа. Его письма В. И. Ленину, написанные в разное время, свидетельствуют о том, что его мысли навеяны не сиюминутными событиями, а являются плодом его длительных раздумий.

Обращаясь к В. И. Ленину в марте 1920 г., Г. В. Чичерин писал: «Тактику угроз надо применять очень осторожно, ибо большой вопрос, удержит ли это рвущихся в авантюру активистов»². А полугодом раньше нарком, излагая свою позицию, отмечал: «Вообще тактикой угроз можно пользоваться лишь умеючи. Бисмарк умел грозить, зная, когда и как грозить. А то результатом угрозы может быть то, что противник захочет предупредить ее исполнение, как Вильгельм II в 1914 г. В лучшем случае рискуешь сделать себя смешным»³.

В новой обстановке Г. В. Чичерин считал необходимым демонстрировать «систематическое миролюбие», доказывая всем народам, что им нечего нас бояться. «Грозные интервью и демонстративные поездки», предупреждал нарком, «не внушают убеждения в нашей силе», но дадут богатейший материал для недругов⁴. «Был период, когда Советское правительство вело борьбу вместе с революционными элементами всех народов против всех правительств. Теперь Советское правительство поддерживает сношения почти со всеми существующими правительствами на почве невмешательства в их внутренние дела»⁵. Поэтому он не согласился с предложением В. И. Ленина отозвать советское представительство в Италии, возглавляемое В. В. Воровским, устроив тем самым «международную демонстрацию» и «начав травлю ее за фашистов»⁶.

Особенно нарком заботился об авторитете советской внешней политики. Имеется много свидетельств, когда он специально указывал на необходимость соблюдения заключенных Советским государством международных договоров. В письме В. И. Ленину от 16 июля 1921 г. он писал:

¹ Архив внешней политики Российской Федерации (далее АВП).— Ф. 04.— Оп. 59.— П. 432.— Д. 57591.— Л. 2.

² АВП.— Ф. 04.— Оп. 52.— П. 340.— Д. 55246.— Л. 8.

³ Там же.— Д. 55251.— Л. 24.

⁴ Там же.— Д. 55256.— Л. 60.

⁵ Там же.— П. 352.— Д. 55313.— Л. 2.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 54.— С. 310.

«Мне кажется... в высшей степени желательным, чтобы Политбюро предписало тов. Орджоникидзе и всем партийным организациям и советским учреждениям на Кавказе строго следить, чтобы русско-персидский договор и директивы ЦК и НКИД о персидской политике ни в коем случае не нарушались никакими советскими учреждениями и должностными и партийными организациями»¹.

Еще более решительную позицию занял Г. В. Чичерин по поводу предложения наркома финансов Г. Я. Сокольникова задержать выплату Турции оставшейся суммы в размере 3,5 млн. рублей по советско-турецкому соглашению о предоставлении Турции безвозмездной финансовой помощи в размере 10 млн. рублей. Чичерин понимал, в каком трудном положении находилась Советская Россия в связи с голодом в Поволжье, в других регионах страны и в связи с подготовкой денежной реформы. Но тем не менее он считал необходимым свято соблюдать международные обязательства. С негодованием он сообщал в ЦК РКП(б) В. М. Молотову: «Сокольников предложил нечто ужасающее, чему нет имени — нарушить торжественное обязательство Московского договора, не уплатить в договорный срок (16 марта) требуемую сумму». Это значит, продолжал нарком, «грубо обмануть верящих нам турецких крестьян и ремесленников, опозорить себя перед всеми народами Востока, чтобы ни в чем больше нам не верили, чтобы презирали нас как обманщиков, — и меня лично, подписавшего договор, пригвоздить к позорному столбу перед народами Востока, политически убить. Не могу допустить, чтобы у кого-нибудь поднялась рука поддержать такое предложение, политическое самоубийство»².

В. И. Ленин согласился с Г. В. Чичериным. «Я считаю, — писал он в Политбюро, — что Чичерин *абсолютно* прав, и предлагаю *Политбюро* решить: подтверждается точка зрения Чичерина. Выплатить в срок обещанное безусловно»³.

Положение Г. В. Чичерина было довольно сложным в советской иерархии. Занимая высокую должность наркома, он тем не менее до XIV съезда ВКП(б) не входил даже в состав ЦК партии, в который в разное время избирались некоторые из членов коллегии НКИД. Поэтому работники Коминтерна, который возглавляли видные деятели партии Г. Е. Зиновьев, Н. И. Бухарин и др., могли иной

¹ АВП.— Ф. 04.— Оп. 52.— П. 340.— Д. 55256.— Л. 55.

² АВП.— Ф. 04.— Оп. 52.— П. 342.— Д. 55312.— Л. 14.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 54.— С. 181—182.

раз принимать решения, в корне противоречащие интересам советской внешней политики. Это возмущало Георгия Васильевича, и он этого не скрывал.

В письмах В. И. Ленину он неоднократно критиковал ЦК партии, предлагал вывести руководителей Советского государства из Исполкома Коминтерна, чтобы внешняя политика СССР не ассоциировалась с деятельностью Коминтерна. В этих случаях В. И. Ленин резко высказывался против предложений Чичерина, требуя от него строгого проведения линии партии. И Георгий Васильевич, как истинный профессиональный дипломат, продолжал защищать советскую позицию, в правильности которой порой сомневался. Так, в декабре 1923 г. германский посол У. Брокдорф-Ранцау вновь поставил вопрос о том, чтобы Советское правительство официально отмежевалось от политики III Интернационала. Нарком на тираду посла примирительно заявил: «Местопребывание III Интернационала в Москве является чистой случайностью. В конце концов,— улыбнулся он,— никому не придет в голову возложить ответственность за деятельность II Интернационала на бельгийского короля только потому, что штаб-квартира II Интернационала находится в Брюсселе».

Однако несмотря на критические стрелы, выпускаемые иногда в адрес Чичерина, В. И. Ленин его очень высоко ценил. Положение Георгия Васильевича значительно ухудшилось с приходом И. В. Сталина, с которым у него была взаимная неприязнь. Еще в марте 1921 г. Г. В. Чичерин выступил в «Правде» с большой статьей «Против тезисов Сталина» по национальному вопросу. Конечно, главный «теоретик» национального вопроса не забыл этого. Правда, выступая на X съезде РКП(б), он пытался представить дело так, что кроме литературщины и недоразумений в критике Чичерина будто бы ничего больше нет. После смерти Ленина Чичерин старался «хозяина» не огорчать. Однако не таков был Сталин: он никогда ничего не забывал. Не забыл он, безусловно, и то, что в его спорах с Чичериным по внешнеполитическим вопросам Ленин, как правило, принимал сторону Чичерина.

С середины 1927 г. Г. В. Чичерин предпочитает находиться на лечении за границей. Но его болезнь нередко носила дипломатический характер. Он никак не мог примириться с тем, что И. В. Сталин и М. М. Литвинов постепенно отходили от проводимого им политического курса, сущность которого состояла в том, чтобы сохранять приоритетность дружественных отношений с Германией и воспрепятствовать приходу фашистов к власти.

В письме от 3 июня 1927 г. из Франкфурта Г. В. Чичерин, в частности, писал И. В. Сталину и А. И. Рыкову: «За истекшее время Москва показала, что весьма мало дорожит отношениями с Германией, и устроила ряд нелепых инцидентов, срывавших эти отношения. Компартии относятся самым легкомысленным образом к существованию СССР, как будто оно им не нужно. Теперь, когда ради существования СССР надо укреплять положение, прежде всего в Берлине, ИККИ не находит ничего лучше, как срывать всю нашу работу выпадами против Германии, портящими все окончательно. Я еду в Москву, с тем чтобы просить об освобождении меня от должности наркоминдела. Моя работа невозможна, когда все опрокидывается такими выходками»¹.

Несмотря на то что Георгий Васильевич неоднократно ставил вопрос об отставке, рекомендуя на свой пост В. М. Молотова, Сталин, который в этот период вел острую борьбу против своих политических противников, видимо, не хотел давать им повода заявить, что он «ушел» Чичерина. С популярностью наркома ему приходилось считаться.

Особо громкую известность Г. В. Чичерин приобрел после Генуэзской конференции, на которой он проявил себя как европейски образованный дипломат, говорящий свободно на трех языках, талантливый политик. Он считал, что на его долю выпала особая роль быть посредником в улаживании споров между СССР и государствами, принадлежащими к другим общественным системам. Поэтому Георгий Васильевич всем сердцем поддержал ленинскую политику мирного сосуществования двух систем, политику нэпа и др. Он готов был идти значительно дальше и предлагал В. И. Ленину в записках от 20 и 22 января 1922 г. подумать над тем, чтобы «за приличную компенсацию внести в нашу конституцию маленькое изменение», в частности, допустить, «если американцы будут очень приставать», в какой-либо форме представительство нетрудовых элементов в Советах, так как «лишение всей буржуазии политических прав шокирует американцев». Это предложение Чичерина встретило резкое возражение В. И. Ленина. «Сумасшествие!» — написал он на полях чичеринской записки. В то же время на следующий день в записке членам Политбюро ЦК РКП(б) В. И. Ленин продиктовал: «Это предложение Чичерина показывает, по-моему, что его надо 1) немедленно отправить в сана-

¹ АВП.— Ф. 04.— Оп. 59.— П. 425.— Д. 56959.— Л. 80.

торий, всякое попустительство в этом отношении, допущение отсрочки и т. п. будет, по моему мнению, величайшей угрозой для всех переговоров...»¹

Но еще до этой записки В. И. Ленина нарком писал В. М. Молотову: «Меня глубоко поразило навязывание мне отпуска, физически вредного, политически совершенно несвоевременного и организационно неосуществимого. Этот отпуск должен означать мой полный уход. Удалить меня легко, но это будет безвозвратно»².

Сегодня, спустя несколько десятилетий, разбирая с трудом рукописи Георгия Васильевича, невольно приходишь к мысли, что многие идеи, высказанные этим удивительным человеком, настоящим патриотом земли русской, могли бы изменить весь ход развития Советского государства.

Рассказывая о жизни и деятельности Г. В. Чичерина, нельзя не упомянуть о его публицистической и пропагандистской работе. Вступая осенью 1918 г. в Союз советских журналистов, он на вопрос анкеты о профессии написал: «публицист». Действительно, Георгий Васильевич часто выступал в печати, откликаясь на злободневные вопросы внешней политики. Его статьи появлялись в газетах «Правда», «Известия», журналах «Международная жизнь», «Вестник НКВД» и других изданиях.

При внешней слабых характерности нарком неоднократно ставил перед руководством партии и страны такие вопросы, которые не осмеливались затрагивать другие руководители его ранга. Так, например, он много раз выражал возмущение практикой партийных мобилизаций, которые опустошали НКВД, вели к ослаблению его личного состава. Чичерин не соглашался с переводом сотрудника наркомата, будущего полпреда И. Л. Лоренца, занятого активной дипломатической работой, из членов в кандидаты партии только за то, что тот «потерял связь» с партийной организацией какого-то завода, где он должен состоять на учете по тогдашним правилам. В письме секретарю ЦК В. М. Молотову, копия И. В. Сталину, нарком писал 3 октября 1924 г.: «Вопрос о так называемом примате партии принимает настолько острый характер, что иногда серьезнейшим образом влияет на нашу работу и может повести к самым неприятным политическим последствиям»³. А несколько раньше он выразился еще более категорично: «Примат партии над госу-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 54. — С. 136.

² АВП. — Ф. 04. — Оп. 52. — П. 342а. — Д. 55329. — Л. 13.

³ АВП. — Ф. 04. — Оп. 52. — П. 344а. — Д. 55405. — Л. 43.

дарственной деятельностью... означает паралич государственной власти»¹.

Особенно резко Г. В. Чичерин высказывался о деятельности ГПУ, которое в тот период набирало все большую силу. Он осуждал политические процессы над священниками, социалистами-революционерами, шахтинский процесс и др., рассматривая их с точки зрения ущерба, который они наносят интересам советской внешней политики. Так, в сентябре 1922 г. он обращал особое внимание Л. М. Карахана в связи с предстоящим визитом в Москву французского политического деятеля Э. Эррио, чтобы «ГПУ с ним не головотняло»². 10 июня 1922 г. Г. В. Чичерин писал своему другу Карахану: «Нелепые действия чекистов настолько повредили нашей восточной политике, что надо с особым вниманием пользоваться каждым случаем, чтобы хотя немножко подправить положение»³. И таких писем наркома, полных негодования в отношении чекистов, которые, пренебрегая юридическими нормами, то незаконно арестовывали иностранных граждан, то задерживали диппочту, то оказывались в центре скандала за границей, было много.

Вторая половина 1922 года... Полным ходом идет подготовка к заключению союзного договора об образовании СССР. Г. В. Чичерин принимает самое активное участие в разработке союзной Конституции, в организации внешнеполитического аппарата Союза ССР.

В записке И. В. Сталину от 31 октября нарком, не стесняясь в выражениях, выступил против того, чтобы назначать представителей республик «при союзных полпредах и торгпредах». Особенно он возражал против создания в качестве постоянного органа при НКИД совета из представителей союзных республик. «Если бы коллегия НКИД,— писал он,— была превращена в нечто вроде национального Совета Наркомнаца, НКИД сделался бы абсолютно неповоротливым учреждением»⁴.

На другой день позицию наркома поддержал М. М. Литвинов, а это было далеко не часто. В записке И. В. Сталину он писал: «Я считаю нужным самым решительным образом протестовать против каких бы то ни было отдельных представительств союзных республик. Мы имеем уже печальный опыт и знаем, что, кроме совершенно ненужной траты валюты и создания постоянной склоки, а также питания нацио-

¹ АВП.— Ф. 04.— Оп. 52.— П. 344а.— Д. 55405.— Л. 26.

² Там же.— Оп. 69.— П. 454.— Д. 26.— Л. 167.

³ Там же.— Ф. 04.— Оп. 69.— П. 454.— Д. 26.— Л. 3.

⁴ Там же.— Оп. 52.— П. 342а.— Д. 55327.— Л. 9—10.

налистических стремлений, отдельные представительства федеративных республик никаких результатов дать не могут. Совершенно достаточно было бы, чтобы при заграничных миссиях в тех местах, где та или другая федеративная республика может иметь особые интересы (...) создавать специальные (...) столы или отделы»¹.

В конечном итоге их соображения были приняты во внимание, когда ЦИК СССР осенью 1923 г. утвердил Положение о НКВД СССР.

* * *

*

Как и любой человек, Георгий Васильевич не был одномерным, не вписывался в заданные рамки. Еще при жизни наркома многих иностранных дипломатов и журналистов удивляла его личная дружба с германским послом в СССР У. Брокдорфом-Ранцау, которую считали противоестественной: красный комиссар, большевик и граф из знатного германского рода. Но Г. В. Чичерин, встретившись летом 1922 г. в неофициальной обстановке с будущим германским послом, сделал для себя вывод: «Это лучший кандидат». Он придерживался ориентации на русско-германское сближение и «будет стараться»². Георгий Васильевич не ошибся. И видимо, не случайно, Брокдорф-Ранцау, будучи на смертном одре, свое последнее слово благодарности направил в сентябре 1928 г. народному комиссару Чичерину и Литвинову, выразив надежду, что «германский и русский народы совместными усилиями достигнут цели, которой он добивался».

В повседневной жизни Г. В. Чичерин жил чрезвычайно скромно. Будучи холостым всю жизнь, он привык довольствоваться малым.

С юных лет Георгий Васильевич проявлял заботу по отношению к окружающим, будь то больная мать, брат Николай, няня или же деятели революционного движения, которым он оказывал всемерное содействие. Без малейшего колебания разделял он со своими подчиненными в Наркоминделе все материальные нужды и лишения трудного времени первых лет Советской власти. Этой слабостью пользовались некоторые красноармейцы из охраны НКВД, бравшие у него деньги взаймы и иногда «забывавшие» отдавать их. Находясь на лечении в Германии, он в своих письмах выражал постоян-

¹ АВП.— Ф. 04.— Оп. 52.— П. 342а.— Д. 55327.— Л. 11.

² Там же.— Оп. 69.— П. 454.— Д. 26.— Л. 180б.

ное беспокойство о близких ему людях и даже о кошке, оставшейся в квартире в Москве. И подчиненные отвечали ему за это своей преданностью и любовью.

О его трудоспособности ходили легенды, и он неукоснительно требовал такой же полной отдачи сил от своих сотрудников. Это не всегда и не всем нравилось.

Рассказывая о Чичерине, нельзя не упомянуть о его непреходящей любви к классической музыке — Вагнеру, Баху, Моцарту. Незадолго до ухода со своего поста он закончил книгу о Моцарте, высоко оцененную А. В. Луначарским.

21 июля 1930 г. Президиум ЦИК СССР удовлетворил просьбу Г. В. Чичерина и освободил его от обязанностей наркома.

После ухода из Наркоминдела Георгий Васильевич вел уединенный образ жизни. Он жил в кооперативном НКИДовском доме в квартире 46 по Спасопесковскому переулку, 3/1. Его могли видеть иногда на Арбате, заглядывавшего в букинистические магазины. Он носил темные очки, сутулился и казался много старше. Навещали его только доктора, Л. М. Карахан и помощник наркома Б. И. Короткин. Проявляли внимание к нему руководящие деятели ЦИК СССР М. И. Калинин и А. С. Енукидзе.

Он еще пытался работать, внимательно следил за событиями, происходящими в мире, однако болезнь и переживания, связанные с происходившими в стране переменами и чистками, не вдохновляли его.

Он умер 7 июля 1936 г., не дожив до тех страшных лет, когда началась повальная сталинская чистка его детища — Наркоминдела, где подверглись необоснованным репрессиям более двухсот человек, многих из которых он хорошо знал.

В наши дни сделано немало, чтобы увековечить память Г. В. Чичерина. Вышли монографии о его жизни и деятельности, опубликован сборник его статей и выступлений. Это, конечно, только начало в изучении его богатого творческого наследия. В 1987 г. был открыт Музей Г. В. Чичерина в Тамбове, там же регулярно проводятся Чичеринские чтения.

В. В. Соколов

**НАРКОМ ЛИТВИНОВ —
ПОБОРНИК КОЛЛЕКТИВНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ**

Имя М. М. Литвинова широко известно в России и во всем мире. Он вошел в историю как видный советский дипломат, глашатай политики «неделимости мира», коллективной безопасности и борьбы против фашистской агрессии. В ознаменование шестидесятилетнего юбилея постановлением ЦИК Союза ССР от 16 июля 1936 г. он был награжден орденом Ленина «За выдающиеся заслуги в борьбе за мир на посту руководителя советской дипломатии». Юбилей отмечался широко. От имени «вождей» советского народа В. М. Молотова и И. В. Сталина было направлено приветствие СНК СССР и ЦК ВКП(б).

В «Правде» были опубликованы в адрес М. М. Литвинова, находившегося в тот момент на международной конференции в Монтрё, статьи и приветствия видных советских дипломатов Н. Н. Крестинского, Б. С. Стомонакова, Ф. Ф. Раскольников, И. М. Майского, Б. Е. Штейна и др. Правда, первым трем из названных оставалось жить уже недолго.

Но в его жизни были не только юбилеи. Во времена прошедшие, когда события и люди рисовались одной краской, можно было сконцентрировать внимание только на этом. Теперь же мы хотим знать правду. Так что же это за человек, М. М. Литвинов?

«Максим Максимович Литвинов был острый, крутой и решительный человек,— отмечал хорошо знавший его А. И. Микоян.— Он быстро решал вопросы». «Организованность и методичность Литвинова были поразительны»,—

писал эксперт Наркоминдела Н. Н. Любимов. За рубежом, правда, можно встретить и иные оценки. «Несмотря на дружелюбную внешность,— констатировал в своей книге «Дипломаты» американский ученый Г. Л. Робертс,— Литвинов не был легким человеком, с которым было хорошо работать». А германский дипломат Г. Хильгер, проработавший два десятка лет в Москве, выразился в своих мемуарах более изящно: «У Литвинова не было друзей. Однажды я спросил одного члена коллегии Наркоминдела, с которым поддерживал доверительные отношения, как он относится к Литвинову, и получил характерную информацию: «Литвинова нельзя любить, с ним можно только работать, если нет другого выбора».

Американский журналист Луи Фишер со знанием дела констатировал: «Обладая большим умом, Литвинов резко критиковал ошибки и глупости своих подчиненных, и те порой боялись идти к нему на доклад. Но они восхищались им, и он был лоялен к ним, и многие из них оставались в наркомате еще долгие годы». А если к этому добавить, что М. М. Литвинов был хорошим семьянином, любил детей, о чем рассказывала дочь заместителя наркома Л. М. Карахана, Ирина Львовна, вспоминая, как они повисали на нем, когда он отдыхал или читал дома в кресле, то и в этом случае не будет прояснен во всех деталях многосложный образ Литвинова.

Максим Максимович Литвинов (настоящие имя и фамилия Макс Валлах) родился 4(16) июля 1876 г. в Белостоке Гродненской губернии в многодетной семье мелкого служащего. Окончил реальное училище, а затем подрабатывал в качестве вольнонаемного служащего в армии, бухгалтера и т. д. В армии он впервые познакомился с учением К. Маркса, социал-демократической литературой. С 1898 г. он ведет активную пропагандистскую работу в Белостоке, фабричном посаде Клинцы Черниговской губернии, а затем переезжает в Киев. Там он быстро зарекомендовал себя как активный пропагандист и организатор. Очень скоро Литвинов был кооптирован в члены Киевского комитета создававшейся Российской социал-демократической рабочей партии.

В жизни М. М. Литвинова неоднократно происходили резкие повороты, которые круто меняли его положение. Таким событием стал его арест в апреле 1901 г. вместе с другими членами Киевского комитета партии, а затем успешный побег в августе 1902 г. из Лукьяновской тюрьмы. Скрываясь от царских жандармов, Литвинов уезжает за границу, где находит путь в ленинскую «Искру». Он ведет

административной и организационной стороной издания газеты, занимается ее распространением. В эти годы он часто встречался с В. И. Лениным. После II съезда РСДРП М. М. Литвинов становится на сторону большевиков, хотя, по его признанию, личные симпатии связывали его тогда с Л. Д. Троцким, П. Б. Аксельродом, В. И. Засулич, Ю. О. Мартовым.

Осенью 1905 г. М. М. Литвинов приезжает в Петербург и вместе с Л. Б. Красиным создает первую легальную большевистскую газету «Новая жизнь». Он много разъезжает по различным городам страны, скрываясь от полиции, меняет имена и фамилии. Его многочисленные партийные клички — «Папаша», «Феликс», «Граф», «Ниц» и др. — оседают в полицейских досье. По поручению боевой группы ЦК партии, возглавляемой Л. Б. Красиным, он занимается закупкой оружия за границей и доставкой его в Россию. В этой работе ему активно помогал болгарский революционер Б. С. Стомоняков, ставший впоследствии его заместителем в Наркоминделе.

Долгое время Литвинову удавалось избежать ареста, хотя полиция и шла за ним по пятам. И все же его арестовали в 1908 г., но не в России, а во Франции по настоянию царской охранки. Царское правительство требовало от французского правительства выдачи Литвинова в связи с на шумевшим тогда делом революционера-большевика Камо (С. А. Тер-Петросяна), который по заданию партии занимался экспроприацией денежных средств на Кавказе, организуя налеты на банки и почтовые кареты. Полученные таким образом крупные суммы Литвинов реализовывал на покупку оружия.

Позже IV съезд РСДРП осудил практику подобных экспроприаций. Но тогда М. М. Литвинову пришлось немало пережить, так как выдача его российским властям грозила ему тяжелейшим приговором. Спасло его то, что французское правительство не решилось на такую акцию и ограничилось лишь высылкой активного большевика в Англию. Здесь он прожил 10 лет, работая в большевистской секции при Международном социалистическом бюро, выступая по заданию В. И. Ленина на различных форумах.

Октябрьская революция застала М. М. Литвинова в Лондоне. Прошло менее двух месяцев, и положение его круто изменилось. 4 января 1918 г. вечерние лондонские газеты напечатали радиосообщение из Москвы о назначении М. М. Литвинова уполномоченным Народного комиссариата по иностранным делам (НКВД) в Лондоне.

«Итак, я стал полпредом,— вспоминал позднее Литвинов,— но у меня ничего не было: ни директив из Москвы, ни денег, ни людей. Излишне говорить, что у меня не было ни опыта, ни подготовки к дипломатической работе»¹.

5 января 1918 г. М. М. Литвинов направил свою первую ноту в Форин Оффис, английское министерство иностранных дел, на имя министра иностранных дел Артура Бальфура, в которой извещал о своем назначении. Через пять дней М. М. Литвинову был дан ответ, что Форин Оффис признать его в качестве официального уполномоченного не может, так как «правительство Его Королевского Величества не нашло еще возможным признать г. Троцкого и его сотрудников законно установленным правительством»². Тем не менее британский МИД выразил согласие поддерживать с советским представителем отношения де-факто, поручив осуществлять неофициальные контакты с Литвиновым молодому чиновнику Форин Оффиса Р. Липеру. Вскоре, однако, выяснилось, что английское правительство, идя на эту уступку, стремилось прежде всего получить право на посылку в Москву своего представителя, каковым вскоре и стал Брюс Локкарт.

Тем временем М. М. Литвинов развил в Лондоне активную деятельность, в кратчайший срок создал «Русское Народное посольство» и «Русское Народное консульство», наладил связь с Москвой, начал информировать НКВД о происходящих событиях, давал интервью местным газетам, выступал на собраниях. Нарком Г. В. Чичерин посылал ему информационные письма и указания, московские газеты, деньги.

Советское представительство в Лондоне установило широкие связи с английскими демократическими общественными и рабочими организациями, раздобыло копию Декрета о мире и разослало его по редакциям нескольких газет, распространяло другую информационную литературу о событиях в России.

М. М. Литвинову приходилось решать множество вопросов: освобождение здания бывшего российского посольства и консульства; воспрепятствование призыву российских граждан на английскую военную службу и посылку их в действующую армию; налаживание консульских и торговых отношений между двумя странами и др.

Но если до заключения Советской Россией Брестского мирного договора с Германией английские должностные

¹ АВП.—Ф. 05.—Оп. 24.—П. 76.—Д. 1.—Л. 1.

² Там же.—Ф. 69.—Оп. 3.—П. 2.—Д. 6.—Л. 2.

лица еще шли на какое-то сотрудничество в практических вопросах, то с марта 1918 г. английское правительство взяло курс на прямую вооруженную интервенцию. Уже 9 марта произошла первая высадка английских войск на Севере под предлогом необходимости «обороны Мурманского края от немцев». Одновременно были совершены агрессивные акты на Дальнем Востоке. Британский консул вместе с консулами других держав во Владивостоке предпринял коллективный демарш, требуя создания новых местных органов власти вместо Советов. 12 марта 1918 г. М. М. Литвинов направил А. Бальфуру ноту с решительным протестом против этого «невооруженного вмешательства во внутренние дела Российской Республики».

8 апреля советский представитель обращает внимание английского МИД на серьезное положение, создавшееся в результате высадки японских и английских войск во Владивостоке. Проходит несколько дней, и М. М. Литвинов вновь протестует... теперь уже против конфискации британским правительством российских пароходов «Тобольск», «Индибирка» и др. Положение обострялось. Начались аресты английских сотрудников в советских консульских учреждениях.

В этой обстановке у Максима Максимовича иногда сдавали нервы и он допускал промахи, на которые ему тактично указывал в своих письмах Г. В. Чичерин. Так, однажды М. М. Литвинов предложил «захватить посольство силой» (речь шла о здании посольства России в Великобритании, которое удерживали царские дипломаты). В другой раз он разослал лидерам лейбористской партии и тред-юнионов письма, в которых выражал уверенность, что найдет поддержку в своей работе со стороны английского пролетариата. Согласно своим тогдашним представлениям, он считал себя аккредитованным не столько при британском правительстве, сколько при английском рабочем движении. Такая позиция Литвинова, естественно, не получила одобрения Москвы. В своем письме от 17 февраля 1918 г. Г. В. Чичерин указывал: «Свержение ига английского капитала — дело английских рабочих и не наше дело организовывать стачки в Англии». В то же время, подчеркивалось в письме, «интернационалистская агитация и, в частности, Ваша деятельность для нас более ценны, чем «признание».

В связи с продолжавшимся нагнетанием атмосферы вокруг советского представительства в Лондоне М. М. Литвинов, ссылаясь на свое неравноправное положение по сравнению с положением английского дипломатического агента Локкарта в Москве, который был вхож к наркому и

его заместителю, неоднократно предлагал разорвать эту, по его словам, видимость дипломатических отношений. В конце мая 1918 г. он писал: «Сейчас благоприятный момент для резкой постановки вопроса: или полное прекращение заигрываний с заговорщиками и установление нормальных сношений с нами, или же полный разрыв и удаление Локкарта из Москвы и мой отъезд»¹. Наркоминдел не поддержал это предложение Литвинова. Более того, ему было дано новое поручение. В. И. Ленин подписал 21 июня 1918 г. верительную грамоту в том, что Литвинов назначается полпредом РСФСР в США.

Однако вскоре в Москве был раскрыт так называемый «заговор послов», ключевую роль в котором играл Брюс Локкарт. 3 сентября Локкарт был арестован. Рассказывая о характере и размере заговора, Г. В. Чичерин писал Литвинову: «Установлено, что только через руки одного из агентов Локкарта, лейтенанта английской службы Рейли, за последние полторы недели прошел один миллион двести тысяч рублей на подкуп»².

Эти события немедленно отразились на судьбе М. М. Литвинова. За его квартирой установили полицейское наблюдение. А 6 сентября он был арестован. Правда, часть документов, шифры и деньги ему удалось заблаговременно переправить в безопасное место. Наряду с Литвиновым полиция арестовала некоторых сотрудников советского представительства и посадила их в Брикстонскую тюрьму.

Было похоже на то, что англичане «терпели» советского представителя в Лондоне и его сотрудников как заложников на случай провала и ареста Локкарта. Однако М. М. Литвинов не растерялся и решительно потребовал своего освобождения. По его инициативе начались переговоры об одновременном выезде М. М. Литвинова и Б. Локкарта. Достигнутое джентльменское соглашение позволило Максиму Максимовичу в конце сентября 1918 г. выехать из Лондона и через Норвегию и Швецию возвратиться в конце октября на Родину. Вместе с ним уезжали около 50 человек — членов советской колонии в Лондоне.

Завершился первый этап его дипломатической карьеры. Но борьба за нормализацию отношений молодого Советского государства с окружающим его капиталистическим миром, за прекращение иностранного военного вмешательства еще только начиналась. Не прошло и полутора месяцев, как ему уже было дано новое важное поручение: он выехал в

¹ АВП.— Ф. 04.— Оп. 4.— П. 17.— Д. 239.— Л. 6.

² Там же.— Д. 238.— Л. 25.

Стокгольм, откуда 23 декабря 1918 г. обратился по поручению Советского правительства с нотой в адрес посланников Великобритании, Франции, Италии, Японии и США с предложением о мире. На другой день он направил письмо президенту США В. Вильсону, в котором предлагал беспристрастно взвесить все односторонние обвинения против Советской России, договориться с Советским правительством «убрать иностранные войска с русской территории и снять экономическую блокаду», помочь России техническими советами, «как наиболее эффективно эксплуатировать ее естественные богатства»¹. Эти дипломатические шаги Советского правительства не были приняты во внимание правительствами стран Антанты и США.

Свое пребывание в Швеции М. М. Литвинов использовал для налаживания информационной работы, установления деловых связей. В частности, в середине января 1919 г. он вместе с советским полпредом В. В. Воровским провел полуофициальные переговоры с американским дипломатом У. Буклером, приехавшим из Лондона по поручению президента Вильсона.

В конце января советское полпредство было выслано из Швеции, которая присоединилась к экономической и дипломатической блокаде России, установленной странами Антанты.

Однако правительства стран Антанты и США понимали, что нельзя надолго изолировать такой гигант, каким являлась Советская Россия. И уже в марте в Москву прибыл новый эмиссар американского правительства У. Буллит, который в тот период занимал невысокую должность начальника отдела политической информации при американской делегации на Парижской мирной конференции. Для Советского правительства речь шла о том, чтобы выработать условия мира, которые давали бы возможность странам Антанты и США прекратить военные действия, отменить экономическую блокаду, вывести войска интервентов с территории России и союзных республик, наладить торговые отношения и т. д. В переговорах с У. Буллитом активное участие принимал М. М. Литвинов вместе с В. И. Лениным и Г. В. Чичериным.

Выработанные совместно с Буллитом мирные условия оказались неприемлемыми для правительств стран Антанты, так как они понимали, что все так называемые «правительства свободной России» держатся только на иностранных штыках. Поэтому и британский премьер-министр

¹ Документы внешней политики СССР.—М., 1957.—Т. 1.—С. 630.

Д. Ллойд Джордж, и президент США В. Вильсон постарались отмежеваться от «миссии Буллита». Этому способствовало и начавшееся к тому времени наступление Колчака. Кольцо блокады войск внутренней контрреволюции и интервентов все плотнее сжималось вокруг Москвы и центральных районов России.

На короткий период тотальной блокады М. М. Литвинов отходит от дипломатических дел. Его назначают членом коллегии Наркомата государственного контроля, который в тот период возглавлял И. В. Сталин. Но он по-прежнему остается членом коллегии НКВД. И только после разгрома войск Деникина и Юденича страны Антанты услышали мирные призывы Москвы.

В середине ноября 1919 г. М. М. Литвинов выехал в Копенгаген, столицу нейтральной Дании. Там 25 ноября 1919 г. начались англо-советские переговоры по обмену военнопленными. Английскую делегацию возглавлял О'Грэди. По словам Максима Максимовича, ему удалось «затянуть переговоры на 9 месяцев» и за 35 английских офицеров, принадлежавших к высшей аристократии, получить военнопленных, которые находились не только в Великобритании, но и в других странах¹. Кроме того, он добился разрешения отправить первый пароход с медикаментами в Советскую Россию. Тем самым была прервана экономическая блокада, которая затем была снята и официальным решением Верховного Совета стран Антанты. Там же в 1920 г. М. М. Литвинов подписал соглашение об обмене военнопленными с другими странами — Италией, Францией, Швейцарией, Австрией. При этом Копенгагенский договор с Австрией предусматривал, наряду с обменом военнопленными, нейтралитет Австрии в продолжавшейся войне против Советской России и начало фактических отношений между двумя странами².

Нарком Г. В. Чичерин высоко оценивал деятельность М. М. Литвинова в Копенгагене. Поэтому, когда Максим Максимович выразил намерение вернуться в Россию, нарком в письме В. И. Ленину 2 мая 1920 г. подчеркивал: «По-моему, во что бы то ни стало Литвинов должен остаться за границей: он является единственным серьезным политическим контролем над делегацией, и без него никакого контроля над ней не будет; вообще его пребывание за границей имеет для нас прямо-таки неоценимое значение, он один дает

¹ АВП.— Ф. 05.— Оп. 19а.— П. 162.— Д. 42.— Л. 42.

² Документы внешней политики СССР.— М., 1959.— Т. 3.— С. 12—13.

нам постоянную замечательно проницательную информацию о каждом биении пульса мировой политики»¹.

По возвращении из Дании М. М. Литвинов был направлен в том же 1920 г. полпредом в Эстонию, где одновременно выполнял функции торгпреда. Там он пробыл около пяти месяцев. Постановлением СНК РСФСР от 10 мая 1921 г. М. М. Литвинов был назначен заместителем наркома иностранных дел. В основном он курировал отношения РСФСР, а затем СССР с западными странами, которые хорошо знал.

Максим Максимович вместе с Г. В. Чичериным активно участвовал в работе советской делегации на Генуэзской конференции в апреле — мае 1922 г. Затем он возглавлял советскую делегацию на международной экономической конференции в Гааге. В том же 1922 г. Литвинов руководил работой советской делегации и председательствовал на Московской конференции по разоружению. Эта проблема станет близкой для него на долгие годы. В ноябре 1927 г. он впервые во главе советской делегации принял участие в IV сессии Подготовительной комиссии Лиги Наций к конференции по разоружению, предложив по поручению Советского правительства проект немедленного всеобщего и полного разоружения. В следующем году, поскольку советский проект был отвергнут, М. М. Литвинов предложил «промежуточное» пропорционально-прогрессивное сокращение вооружений. И этот проект был отвергнут делегациями западных стран. Правда, это и не очень беспокоило тогдашних лидеров СССР. В действительности высшее советское руководство, не верившее в возможность достижения соглашения с буржуазией, не ставило своей целью истинное разоружение. Речь шла в основном об идеологической, политической борьбе за массы.

В середине 20-х гг. началась «полоса признания» СССР: значительно расширился объем его дипломатических связей со странами Европы, Китаем и Японией. Развитие этих отношений не всегда протекало гладко. Приходилось реагировать и на «ультиматум Керзона», поставивший отношения Великобритании с СССР на грань разрыва, и на полицейский налет на советское торгпредство в Берлине, и на разрыв дипломатических отношений с Советским Союзом английским правительством консерваторов, и на контрреволюционный переворот Чан Кайши, приведший к резкому ухудшению советско-китайских отношений и гибели нескольких советских консульских работников. Конечно, все это происходило на фоне общего укрепления внешнеполитических позиций

¹ АВП.— Ф. 04.— Оп. 52.— П. 340.— Д. 55228.— Л. 23.

СССР, расширения договорно-правовой базы. 12 октября 1925 г. М. М. Литвинов подписал договор между СССР и Германией, предусматривавший улучшение «практической совместной работы в экономической области и в области международных правоотношений».

М. М. Литвинов много занимался в эти годы организационными вопросами, часто замещал наркома. Его стиль — спокойная уверенность, целеустремленность, точность, аккуратность. Если заведующий отделом опаздывал к нему на прием в назначенное время, то он его в этот день уже не принимал. Это приучало сотрудников к порядку. Но был у него и крупный недостаток. М. М. Литвинов, по словам германского посла в Москве Г. фон Дирксена, «не любит около себя никаких других богов». Это выражалось в постоянных интригах против тех людей, рядом с которыми он работал и которые занимали на каком-то этапе равное или более высокое положение. Иногда он шел даже на определенный политический ущерб, лишь бы дискредитировать своего соперника.

В записке Г. В. Чичерину в конце 1920 г. Ленин предлагал передать от его имени М. М. Литвинову: «Возмущен Вашими новыми явно неосновательными придирками к Красину вроде опротестования договора со шведами о лесе. Предупреждаю, что, если Вы радикально не перемените своей тактики, я буду просить Цека об отозвании Вас»¹.

В январе 1922 г. В. И. Ленин в записке и. о. наркома финансов Г. Я. Сокольникову о реорганизации Гохрана вновь говорит о «каше» между Литвиновым и Красиным, вызвавшей «на днях решение Политбюро». «Надо во что бы то ни стало устранить эту кашу и добиться быстро, немедленно их (Литвинова и Красина) дружной работы»².

Эта сторона характера Литвинова особенно проявилась, когда он стал постоянно работать в Наркоминделе. Его интриги против Г. В. Чичерина и заместителя наркома Л. М. Карахана стали притчей во языцех среди сотрудников. Прежде всего он добился разъединения дуэта Чичерин — Карахан, организовав направление Л. М. Карахана полпредом сначала в Польшу, а затем в Китай. Потом он методично повел атаку на Чичерина. В письме от 20 июня 1922 г. нарком жаловался Льву Михайловичу: «Т. Литвинов провалил итальянский договор, так как он был заключен без него, и этим нанес нам громадный вред»³.

¹ Ленин В. И. Полн собр. соч. — Т. 52. — С. 28.

² Там же. — Т. 54. — С. 132.

³ АВП. — Ф. 04. — Оп. 69. — П. 454. — Д. 26. — Л. 9.

Цитирование подобных документов можно было бы продолжить. Приведем лишь свидетельство американского журналиста: «Литвинову никогда не нравились крупные люди рядом с ним, и, когда он стал наркомом, переняв в 1930 г. дела у Чичерина, он постарался избавиться от Григория Сокольникова и Льва Карахана, оба заместителя наркома и оба очень хорошо связанные с высшими советскими сферами. ...Литвинову это не нравилось»¹.

* *

*

С 1928 г. М. М. Литвинов фактически возглавлял наркомат. Его устраивало, что нарком Г. В. Чичерин находился долгое время на лечении за границей. Это давало ему широкие возможности для постепенной переориентации советской внешней политики.

В отличие от Г. В. Чичерина, мыслившего глобально и в какой-то мере учитывавшего традиционные устремления российской дипломатии, видевшей интересы страны широко, М. М. Литвинов подходил к внешнеполитическим проблемам сугубо прагматически, исходя конкретно из интересов сегодняшнего дня. Он не был теоретиком, а это как раз импонировало Сталину, который интеллигентов не любил.

Литвинов не занимался мелочами и не тратил времени зря на поиски какого-нибудь документа, а очень умело распределял работу среди сотрудников. Иностранцам с Литвиновым было легко: он был точен и конкретен, уверенно брал на себя ответственность, проявлял уступчивость в ряде спорных вопросов. Но он не деликатничал с теми, кто был чрезмерно настойчив или, используя свое положение, пытался на него жаловаться выше.

Внешнеполитические взгляды наркома и Литвинова расходились. Для Чичерина советско-германский договор, подписанный в Рапалло, был краеугольным камнем советской европейской политики. Для Литвинова же этот договор представлял лишь эпизод, значение которого уменьшалось по мере охлаждения советско-германских отношений. Он стремился к улучшению отношений прежде всего с западными странами: Великобританией, Францией и США. Возможно, здесь сказывалось определенное влияние его жены-англичанки и то, что он долгое время жил в Лондоне. Максим Максимович не верил в мировую революцию, он трезво оценивал возможности азиатских стран влиять

¹ Fischer Louis: Men and Politics.— London, 1941.— P. 125—126.

на мировую политику и не хотел наносить ущерба отношениям СССР с крупными европейскими странами ради роста призрачного, по его мнению, влияния в странах Востока.

Для роста авторитета СССР он считал необходимым его участие в различного рода международных пактах и конференциях. Особенно высоко он ставил вопросы разоружения и уделял много внимания переговорному процессу, проводившемуся при его активном участии в Женеве. Одной из первых подобных акций было подписание М. М. Литвиновым с рядом соседних с СССР государств Московского (на Западе его называют Литвиновским) протокола от 9 февраля 1929 г. о досрочном введении в действие пакта Бриана — Келлога (1928 г.) о воспрещении войны в качестве орудия национальной политики.

21 июля 1930 г. М. М. Литвинов был назначен наркомом иностранных дел СССР. В беседе с иностранными корреспондентами 25 июля он подтвердил неизменность советской внешней политики, которая стремится «к изысканию и осуществлению способов мирного сосуществования обеих социальных систем», «к установлению одинаковых отношений со всеми государствами, которые этого пожелают» к «расширению экономических связей с другими государствами». «Мы охотно, — продолжал он, — будем поддерживать начинания и предложения, имеющие целью устранение возможностей военных столкновений и обеспечение всеобщего мира»¹.

Началась «эра Литвинова». Она совпала с периодом, когда Сталин, разделавшись с оппозицией, получил фактически неограниченную власть. Новый нарком лучше, чем Г. В. Чичерин, приспособился к тоталитарному духу сталинского режима. Еще в январе 1929 г. он осуществил энергичные дипломатические шаги, связанные с высылкой Л. Д. Троцкого из Советского Союза. Дело оказалось непростое; ни одно государство, кроме Турции, не хотело давать согласие на въезд «большевистского комиссара».

Продолжавшийся мировой экономический кризис вызвал ряд антисоветских пропагандистских кампаний в некоторых ведущих капиталистических странах. Но несмотря на это М. М. Литвинов начал проводить осторожный курс на сближение с западными странами и Лигой Наций. Свое кредо он четко изложил отъезжавшему в Лондон новому советскому полпреду И. М. Майскому:

¹ Литвинов М. М. Внешняя политика СССР: Речи и заявления. 1927—1935. — М., 1935. — С. 52—54.

«Советская внешняя политика, — говорил нарком, — есть политика мира. Это вытекает из наших принципов, из самих основ Советского государства... До сих пор наилучшие отношения у нас были с Германией, и в своих действиях мы старались, насколько возможно, поддерживать единый фронт с Германией или во всяком случае принимать во внимание ее позицию и интересы... Не сегодня-завтра к власти придет Гитлер, и ситуация сразу изменится. Германия из нашего «друга» превратится в нашего врага... Очевидно, что теперь в интересах политики мира нам надо попробовать улучшить отношения с Англией и Францией, особенно с Англией, как ведущей державой капиталистической Европы»¹.

Как показали последующие события, расчеты Литвинова на быстрое сближение с Великобританией не оправдались. Но было важно, чтобы она не противодействовала политике сближения СССР с другими странами. Уже в ноябре 1932 г. был подписан договор о ненападении между СССР и Францией, заключение которого тесно увязывалось с подписанием аналогичных соглашений с Польшей и рядом других государств Восточной Европы.

В 1933 г. по приглашению большой группы государств СССР вступил в Лигу Наций. Началась активнейшая деятельность Литвинова в Лиге Наций и ее органах. У. Черчилль в своих воспоминаниях писал: «М. М. Литвинов, который представлял Советское правительство, быстро «приспособился к атмосфере Лиги Наций и пользовался ее моральным языком с таким большим успехом, что он скоро стал выдающимся деятелем»².

И действительно, М. М. Литвинов многое сделал, используя трибуну Лиги Наций, в плане пропаганды миролюбивой советской внешней политики, разоружения, разоблачения агрессоров. В своем стремлении содействовать сохранению мира Советское правительство согласилось на участие в региональных пактах взаимопомощи, заключив в 1935 г. соответствующие договоры с Францией и Чехословакией. Литвинов резко возражал против высказываний тех реакционных политиков и журналистов, которые позже пытались «изобразить эти пакты как какой-то подарок или благодеяние Советскому Союзу». Эти пакты, указывал он, «помимо оказания помощи в случае войны, имеют также целью пред-

¹ Майский И. М. Воспоминания советского посла. — М., 1964. — Кн. 2. — С. 43.

² Churchill W. S. The Gathering Storm. Cambridge. — Massachusetts, USA, 1948. — P. 106.

отвращение или уменьшение самой опасности войны в определенных частях Европы»¹.

Выступая перед представителями чехословацкой печати 3 января 1935 г., нарком подчеркнул: «Все пограничные столбы на всех границах Европы являются опорами мира, и удаление хотя бы одного такого столба неизбежно повлечет за собой падение всего здания мира»². Очень скоро весь мир, к сожалению, смог убедиться в справедливости этих слов.

Успех сопутствовал Литвинову и в другом важном начинании — установлении дипломатических отношений СССР с Соединенными Штатами Америки. Советское правительство стремилось нормализовать отношения с США уже в первый год своего существования, когда М. М. Литвинов, как упоминалось выше, был назначен полпредом РСФСР в США. Однако потребовалось 16 лет, прежде чем США признали СССР. Здесь сказывалась прежде всего междоусобная борьба различных общественно-политических и экономических кругов и кланов этой страны и небольшая доля СССР во внешнеторговом обороте США. Немалую роль играла и американская политика изоляционизма. Агрессивная политика Японии на Дальнем Востоке побудила правящие круги США пересмотреть свою негативную позицию в отношении СССР. Инициативу проявил новый президент США Ф. Д. Рузвельт, который продемонстрировал достаточную степень мудрости и смелости, чтобы сделать этот шаг.

Тем не менее переговоры М. М. Литвинова с Рузвельтом в ноябре 1933 г. не были легкими. Потребовалась неделя, чтобы добиться соглашения об установлении дипломатических отношений. Одновременно был произведен обмен нотами о пропаганде, т. е. о невмешательстве во внутренние дела друг друга, о правовой защите граждан, о пользовании религиозной свободой для американских граждан, проживающих на территории СССР, о судебных делах, согласно которым СССР отказывался от всех исковых прав и претензий к американским гражданам, включая суммы, которые могли причитаться ему по решению американских судов.

Накануне обмена упомянутыми нотами, 15 ноября, было зафиксировано так называемое «джентльменское соглаше-

¹ Литвинов М. М. К современному международному положению. — М., 1938. — С. 20.

² Внешняя политика СССР: Сб. документов. — М., 1946. — Т. IV. — С. 4.

ние» между наркомом и президентом по вопросу о взаимных финансовых претензиях. Суть его сводилась к тому, что, при условии предоставления Соединенными Штатами долгосрочного займа Советскому Союзу, нарком выразил согласие Советского правительства погасить разницу между американскими и советскими претензиями на сумму 75 млн. долларов в форме дополнительного процента сверх обычной процентной нормы на заем. Отмечалось, что все взаимные претензии после этого будут рассматриваться как аннулированные. Поскольку американская сторона требовала вдвое большую сумму, то была достигнута договоренность продолжить переговоры после установления дипломатических отношений. Однако начавшиеся в начале 1934 г. переговоры окончились безрезультатно, и вопрос этот остался нерешенным.

В ходе состоявшихся переговоров М. М. Литвинову удалось установить прекрасные личные отношения с президентом Ф. Рузвельтом, с рядом его сотрудников и министров.

С середины 30-х гг. внутривнутриполитическое и международное положение СССР все более осложняется. Фашистские государства в Европе — Германия и Италия — и милитаристская Япония на Дальнем Востоке предпринимают одну агрессивную акцию за другой. В эти годы М. М. Литвинов неутомимо призывает с трибуны Лиги Наций к коллективным действиям против агрессора. 1 июля 1936 г., выступая на заседании Ассамблеи Лиги Наций, нарком говорил: «Я хочу верить, что человечеству не придется пережить еще один армагедон (великая война), чтоб все народы пришли к этому же убеждению. А пока нет этой радикальной меры, нам не остается ничего иного, как укреплять Лигу Наций в качестве инструмента мира. Укреплять Лигу — это значит цепко держаться принципа коллективной безопасности, который является отнюдь не продуктом идеализма, а практическим мероприятием по обеспечению безопасности всем народам. Держаться принципа неделимости мира!»¹

Эта политическая борьба М. М. Литвинова на международных форумах постоянно подрывалась и обесценивалась сообщениями о новых репрессиях, судебных процессах, происходящих в СССР. Он избегал беседовать по этим вопросам с журналистами, иногда даже грубо обрывал их, когда они задавали «неуместные» вопросы по поводу ареста того

¹ Документы внешней политики СССР. — М., 1974. — Т. XIX. — С. 335

или иного видного дипломата. В записках И. В. Сталину он не пытался защищать арестованных дипломатов. Он только констатировал, что после ареста К. А. Хакимова следует закрыть советское представительство в Саудовской Аравии или же закрыть полпредство в Венгрии после ареста А. А. Бекзаяна под смехотворным предлогом присоединения последней к «Антикоминтерновскому пакту». Или же предлагал: «Афины можно было бы на некоторое время оставить без полпреда»¹, взяв оттуда Н. И. Шаронова и направив его полпредом в Варшаву.

В письме И. В. Сталину от 3 января 1939 г. М. М. Литвинов констатировал, что имеются 10 вакансий полпредов, 9 — советников, 22 — секретарей, 30 — консулов и вице-консулов, 46 — других политических работников полпредств. «Некоторых полпредов мы не можем вызывать в Москву во исполнение решения ЦК ввиду отсутствия у них работников (в Афинах у полпреда нет ни одного человека)»². Таков был далеко не полный перечень репрессированных дипломатов.

Некоторые иностранные дипломаты в Москве, не отдавая себе полностью отчета о том произволе, который творился в стране, довольно строго судили наркома. Так, один из них писал: «Но — как бы ни толковать, ни выгораживать Литвинова — бесспорно одно — стоять во главе громадного учреждения НКВД, где чуть ли не все высшие должностные лица оказываются шпионами, чести Литвинову не делает. Либо-либо: если он знал, что его ведомство переполнено предателями, то как же он их терпел? Если он не знал этого, то слепец и не имеет никакого права оставаться на ответственном посту руководителя иностранной политики. Одно из двух. Середины нет»³.

М. М. Литвинов не ушел, поскольку иностранный дипломат не знал, что середина была. Он не мог додуматься, что арестовывают и осуждают невиновных дипломатов за «шпионаж» и «связь с иностранной разведкой» по ложным доносам. А Максим Максимович знал, он верил своим людям, но ничего не мог сделать в той обстановке. Жаловаться было некому, так как арест полпреда, заместителя наркома или заведующего отделом Наркоминдела не мог быть произведен без санкции Сталина. Это-то Литвинов хорошо понимал. Он только ждал, когда придет его очередь...

¹ АВП.—Ф. 06.—Оп. 1.—П. 2.—Д. 11.—Л. 200.

² Там же.—Л. 4—5.

³ Озолс К. В. Мемуары посланника.—Париж, 1938.—С. 232.

Драматические события 1939 г. стали новым поворотным пунктом в судьбе М. М. Литвинова. Захват Чехословакии, аннулирование Гитлером германо-польского соглашения о ненападении, оккупация Клайпеды и другие акты германской агрессии, совершенные в марте 1939 г., не встречали должного отпора со стороны Великобритании, Франции и других стран.

Советский Союз стремился в этих условиях обеспечить безопасность своих западных рубежей на путях достижения равноправного соглашения с Великобританией и Францией о взаимопомощи. Однако правительства этих стран, готовя, по словам У. Черчилля, полумеры и юридические компромиссы, всячески затягивали переговоры. «Эта оттяжка стала фатальной для Литвинова, — писал У. Черчилль. — ...Доверие к нам упало. Требовалась совершенно другая внешняя политика для спасения России»¹.

Вопрос об отставке М. М. Литвинова назрел, так как Советское правительство намеревалось проводить политику, не односторонне ориентированную на Великобританию и Францию, а самостоятельную, соответствующую национальным, а не идеологическим интересам страны. И тем не менее сообщения телеграфных агентств, известивших об Указе Президиума Верховного Совета СССР от 3 мая 1939 г. о назначении В. М. Молотова наркомом иностранных дел, потрясли столицы многих государств цивилизованного мира своей неожиданностью. В самом деле, еще два дня назад М. М. Литвинов присутствовал на первомайской демонстрации и стоял на трибуне Мавзолея вместе с руководителями партии и Советского государства. И вдруг...

Хотя советским полпредам было дано указание заявлять в соответствующих столицах о неизменности советской внешней политики и полпреды разъясняли, ссылаясь на самого Литвинова, что политику в СССР определяют не отдельные наркомы, а ЦК и высшее руководство партии и государства, политики и журналисты понимали, что отставка Литвинова означает конец эпохи борьбы за коллективную безопасность.

Вечером 3 мая всем полпредам и временно исполняющим дела пошла телеграмма, в которой секретарь ЦК ВКП(б) И. В. Сталин извещал: «Ввиду серьезного конфликта между Председателем СНК тов. Молотовым и наркоминде-

¹ Churchill W. S. The Gathering Storm. Cambridge.— Massachusetts, USA, 1948.— P. 365.

лом тов. Литвиновым, возникшего на почве нелояльного отношения тов. Литвинова к Совнаркому Союза ССР, тов. Литвинов обратился в ЦК с просьбой освободить его от обязанностей Наркоминдела. ЦК ВКП(б) удовлетворил просьбу тов. Литвинова и освободил его от обязанностей наркома. Наркоминделом назначен по совместительству Председатель СНК Союза ССР тов. Молотов»¹.

Необычным в телеграмме Сталина было то, что снимаемый с такого высокого поста человек по-прежнему назывался «товарищем». Ведь продолжались 30-е гг., когда «летели головы» даже с членов Политбюро ЦК ВКП(б) и известных всему миру военачальников, сразу становившихся «врагами народа». Видимо, здесь сказалось особое, личное отношение Сталина к Литвинову.

По понятиям того времени, Сталин поступил с М. М. Литвиновым «корректно». Он не просто исчез, как это произошло со многими видными деятелями партии и государства, а до февраля 1941 г. оставался членом ЦК ВКП(б). В течение нескольких дней он даже принимал участие в работе комиссии ЦК ВКП(б), занимавшейся чисткой Наркоминдела. В комиссию также входили В. М. Молотов, Г. М. Маленков, Л. П. Берия, В. Г. Деканозов.

В результате основательной чистки внутреннего и внешнего аппарата НКВД дипломатическая служба потеряла ряд замечательных работников, а пришедшие им на смену «верные сыны партии» не всегда обладали достаточным профессионализмом, чтобы умело отстаивать интересы СССР. Видимо, и этим можно объяснить ряд неуместных заявлений, сделанных новым наркомом, и соглашений, подписанных им в августе — сентябре 1939 г.

А тогда, в мае, поверенный в делах СССР в Германии Г. А. Астахов сообщал в Москву, что заместитель заведующего отделом печати МИД Германии Б. Штумм констатировал: «Германия удовлетворена той «корректной» позицией, которую советская печать занимает... и заверяет, что германская пресса, учитывая это, также изменила тон и от выпадов против СССР воздерживается»². В состоявшейся 20 мая беседе с германским послом фон Шуленбургом В. М. Молотов заявил: «Мы пришли к выводу, что для успеха экономических переговоров должна быть создана соответствующая политическая база»³. Это было начало

¹ АВП.— Ф. 059.— Оп. 1.— П. 313.— Д. 2154.— Л. 45.

² Год кризиса: 1938—1939. Документы и материалы.— М., 1990.— Т. 1.— С. 441.

³ Там же.— С. 482—483.

альтернативного поиска в обеспечении безопасности страны.

М. М. Литвинов, оставшись не у дел, жил на даче под Москвой. Он напомнил о себе... 22 июня 1941 г., когда вновь явился в Наркоминдел. Начавшаяся война незамедлительно поставила вопрос о заключении союза с Великобританией и США. Приехавший в Москву личный представитель президента США Г. Гопкинс встретился с В. М. Молотовым и И. В. Сталиным. На беседе у Сталина с Гопкинсом 31 июля М. М. Литвинов присутствует в качестве переводчика. Это была демонстрация доверия к нему со стороны Сталина.

10 ноября 1941 г. М. М. Литвинов был назначен послом СССР в США и одновременно заместителем наркома иностранных дел. Через два дня он вылетел с женой и секретарем А. В. Петровой из Куйбышева, где находился НКВД, на американском самолете в США.

* *

*

«Президент меня принял без обычных формальностей при вручении грамоты, — телеграфировал Максим Максимович 8 декабря в Москву. — После разных любезностей по моему адресу он сразу же начал разговор с японского нападения, спрашивая, ожидаем ли мы объявления нам войны Японией»¹.

Вопрос был задан не случайно. Дело в том, что М. М. Литвинов вручил свои верительные грамоты президенту Ф. Рузвельту на другой день после японского нападения на главную американскую военно-морскую базу на Тихом океане Пёрл-Харбор (Гавайские острова) и находившийся там американский флот. В результате удара японской авиации американский линейный флот на Тихом океане был разгромлен, а портовые сооружения и военные объекты разрушены. В начавшейся войне на Тихом океане США были заинтересованы в новых союзниках и в вовлечении СССР в войну с Японией. Но М. М. Литвинов несколько разочаровал президента, выразив сомнение в возможности японского нападения в тот момент на СССР, а неблагоприятное положение на советско-германском фронте вынуждало Советское правительство избегать новых конфликтов. В свою очередь посол поставил перед Рузвельтом вопрос: отразится ли новое развитие событий на обещанном американцами снабжении Советского Союза? Президент ответил отрица-

¹ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941—1945. — М., 1984. — Т. 1. — С. 143.

тельно. Поясняя позицию Ф. Рузвельта, М. М. Литвинов в тот же день сообщил в Москву: «Он говорил относительно танков, которые Америке не понадобятся для войны с Японией, но менее уверенно говорил относительно самолетов».

В связи с начавшейся японо-американской войной встал вопрос о маршрутах для поставок американских грузов в СССР. Посол, информируя о различных аспектах беседы, писал в другой телеграмме: «Рузвельт говорил, что владивостокское направление отпадает, во всяком случае в отношении американских судов... Иранский маршрут Рузвельт считает еще возможным и, само собой, архангельский».

В тот же день, 8 декабря, глава управления по вопросам ленд-лиза Э. Стивенсон официально подтвердил, что снабжение СССР по ленд-лизу остается полностью в силе. Речь шла о поставках вооружения Советскому Союзу по закону о ленд-лизе (аренда и кредит), принятом в США в марте 1941 г. и распространенном в ноябре 1941 г. на СССР.

Однако встреча Максима Максимовича со специальным помощником президента Г. Гопкинсом 11 декабря показала, что в первое время могут быть «всякие неожиданности со стороны военных властей и задержки». Действительно, советскому послу в скором времени доложили, что американские власти сняли с некоторых судов погруженные ранее танки и истребители. Но настойчивые усилия посла и добрая воля американского руководства сделали свое дело. Уже 18 декабря Г. Гопкинс сообщил Литвинову, что «движение началось». А генерал Сполдинг в предварительном порядке проинформировал посла о предоставлении Советскому Союзу 100 легких бомбардировщиков «Дуглас», 200 танков сверх ранее обещанных 100, а также грузовиков. Вопрос встал о путях доставки.

23 декабря советскому послу было дано указание передать Г. Гопкинсу, что Советское правительство считает необходимым отправлять вооружение и другие грузы из США в Архангельск и Мурманск.

В зашифрованной телеграмме в Москву от 20 января 1942 г. М. М. Литвинов поставил вопрос о необходимости требовать от США открытия второго фронта в Европе. Он писал, что «обещания Рузвельта относительно снабжения СССР к апрелю военными материалами делаются все более и более иллюзорными... Ввиду этого не следует ли нам поставить прямо вопрос об оказании прямой военной помощи созданием второго фронта на европейском континенте».

НКВД СССР дважды, 4 и 26 февраля, указал послу, что, хотя СССР приветствовал бы создание в Европе вто-

рого фронта, однако в связи с неоднократными выступлениями У. Черчилля, «особенно откровенно открещивающегося от второго фронта, неуместность нашей инициативы в этом вопросе достаточно очевидна». Послу предписывалось не ставить этого вопроса перед Рузвельтом.

М. М. Литвинов в своей телеграмме в НКВД от 23 февраля заявил, что он будет считаться с данным ему указанием. «Однако в своих публичных выступлениях,— продолжал он,— я считаю возможным говорить о недопустимости бездельничанья союзнической армии в минуту, когда решается судьба всей кампании». Свои соображения М. М. Литвинов изложил, выступая в клубе иностранных журналистов в Нью-Йорке в конце февраля. Его действия были признаны неправильными в Москве. «К тому же,— указывалось в телеграмме наркома от 1 марта 1942 г.,— ваша установка в этом выступлении не выражает точку зрения Советского правительства». Одновременно В. М. Молотов отметил: «Ваше заявление... является излишне нервным и неправильным».

Однако настойчивость Литвинова и продолжавшееся отступление Красной Армии на юг побудили президента подумать над вопросом о втором фронте, о чем он несколько туманно сообщил в своем послании И. В. Сталину, пригласив в США ответственного представителя СССР. 20 апреля глава Советского правительства в своем ответном послании выразил согласие устроить встречу наркома иностранных дел с президентом США «для обмена мнениями по вопросу об организации второго фронта в Европе в ближайшее время».

Содействие в переписке И. В. Сталина с Ф. Рузвельтом и выполнение прямых указаний главы Советского правительства были в тот период особо важным элементом в деятельности посла. По поручению Советского правительства М. М. Литвинов еще 1 января 1942 г. подписал в Вашингтоне вместе с Ф. Рузвельтом, У. Черчиллем и другими представителями 26 государств Декларацию Объединенных Наций, свидетельствующую о солидарности и решимости Объединенных Наций воевать до победы. Это был, после Атлантической хартии, еще один шаг в создании Организации Объединенных Наций.

Несмотря на определенные трудности, советско-американское сотрудничество ширилось и развивалось. Советский посол пользовался полным доверием руководящих деятелей США. 21 марта 1942 г. заместитель госсекретаря С. Уэллес пригласил к себе М. М. Литвинова и ознакомил его с документом, в котором говорилось о подготовке нового немец-

кого наступления на советско-германском фронте и надежде Германии «на полное содействие Японии». Через месяц посол получил из госдепартамента более детальную информацию о предстоящей возможности японского выступления против СССР, которое будто бы планировалось на июнь. Об этом М. М. Литвинов незамедлительно сообщил в НКВД.

17 июня президент Рузвельт счел необходимым направить И. В. Сталину послание, в котором указал: «Положение, которое складывается в северной части Тихого океана и в районе Аляски, ясно показывает, что японское правительство, возможно, готовится к операциям против Советского Приморья. Если подобное нападение осуществится, то Соединенные Штаты готовы оказать Советскому Союзу помощь американскими военно-воздушными силами при условии, что Советский Союз предоставит этим силам подходящие посадочные площадки на территории Сибири». Этот вопрос в течение нескольких недель являлся предметом переписки на самом высоком уровне и многочисленных бесед посла, пока президент не сообщил 5 августа Советскому правительству, что по «определенно достоверным» сведениям «правительство Японии решило не предпринимать в настоящее время военных операций».

В конце мая 1942 г. в США прилетел нарком иностранных дел В. М. Молотов. В состоявшихся советско-американских переговорах и беседах с президентом Ф. Рузвельтом и другими деятелями США, в которых активное участие принимал М. М. Литвинов, было достигнуто взаимопонимание о необходимости открытия второго фронта в Европе еще в текущем году и об американских военных поставках Советскому Союзу, прежде всего самолетов, танков и другого вооружения.

По поручению Советского правительства М. М. Литвинов подписал 11 июня 1942 г. вместе с госсекретарем США К. Хэллом Соглашение о принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии.

Президент Рузвельт заверил Литвинова, что «поскольку это будет зависеть от Америки и от той помощи, которая от нее требуется для десантных операций, второй фронт будет создан в 1942 г., но он не может обязываться за англичан». Как показали последующие события, союзники не торопились с открытием второго фронта. В беседе с советским послом 22 июля Рузвельт заявил, что он «всегда стоял за высадку во Франции, но Черчилль против этого».

Возникли осложнения и с военными поставками. Президент в беседе с советским послом жаловался на трудности конвоирования судов в северных водах ввиду появления

там германских линкоров «Тирпиц», «Шарнгорст» и «Гнейзенау». В этой связи М. М. Литвинову было поручено добиваться увеличения отправок американских пароходов в порты Персидского залива. В то же время нарком писал Литвинову, что «опасения англичан и американцев о возможных нападениях немцев преувеличены». Поэтому советскому послу поручалось принять меры, чтобы «не допустить сокращения или прекращения погрузки пароходов для СССР в Америке».

Вопросами американских поставок в СССР М. М. Литвинову приходилось заниматься постоянно. Летом 1942 г. началось обсуждение второго трехстороннего протокола — СССР, США и Великобритании — о военных и других поставках союзников Советскому Союзу. Поскольку переговоры затягивались, послу 11 сентября было дано указание «принять срочные меры к подписанию протокола в ближайшее время. В последующей телеграмме НКВД от 15 сентября обращалось внимание посла на то, что «отсутствие оформленного протокола о поставках Советскому Союзу из США и Англии... весьма невыгодно СССР».

Через три дня М. М. Литвинов в телеграмме в НКВД пытался оправдать позицию США и представить дело так, что «неподписание протокола никакого ущерба и никакого неудобства нам не причинило». В ответ послу была направлена 22 сентября телеграмма с разъяснением ошибочности его линии. «Советский Союз,— указывалось в телеграмме,— конечно, заинтересован в скорейшем подписании второго протокола. Между тем американцы проделывают в этом вопросе весьма подозрительные манипуляции, под всякими предлогами оттягивая подписание протокола. Вам известна также их недавняя возмутительная попытка сократить советские поставки в четыре раза против представленного ими же проекта протокола. Не трудно понять, что именно теперь, когда всем видна напряженность боев на нашем фронте и пока правящим кругам Америки приходится изворачиваться под нажимом общественных требований второго фронта, американцам труднее отступить в вопросе о втором протоколе от их же собственных обещаний. ...Вы делаете грубую ошибку, недооценивая значения протокола о поставках, подписанного правительствами трех держав».

6 октября 1942 г. в Вашингтоне был подписан второй протокол. С советской стороны его подписал М. М. Литвинов, с американской — заместитель госсекретаря С. Уэллес, с английской — посланник Р. Кэмпбелл.

Несколько ранее, 31 июля, М. М. Литвинов обменялся

нотами с госсекретарем США К. Хэллом о продлении действовавшего торгового соглашения между СССР и США.

М. М. Литвинову было уже 65 лет, но он по-прежнему работал активно. Его часто принимал президент, другие руководящие деятели правительства и различных общественных организаций США. Героическая борьба советского народа и Красной Армии против гитлеровской агрессии вызывала волну симпатии к Советскому Союзу. Американские общественные организации организовали сбор средств в фонд обороны СССР и направляли подарки бойцам Красной Армии.

Максим Максимович и его супруга Айви Вальтеровна принимали участие в различного рода митингах солидарности, выступали в печати, встречались с представителями американской общественности. Главная его задача состояла в том, чтобы добиться скорейшего открытия второго фронта в Европе, обеспечения непрерывной отправки конвоев кораблей с грузами для Советского Союза, получения кредитов и размещения советских военных заказов в США. Конечно, М. М. Литвинов работал не один, а активно использовал аппарат посольства и торгпредства.

В октябре 1942 г. были установлены дипломатические отношения между СССР и Кубой. Ноту от имени СССР подписал 14 октября советский посол в США М. М. Литвинов.

В начале апреля 1943 г. Литвинов прибыл на Кубу для вручения верительных грамот в качестве первого советского посланника в этом островном государстве. 10 апреля он вручил верительные грамоты президенту Батисте.

29 января 1943 г. американский посол в СССР У. Стэнли в беседе с В. М. Молотовым высказал просьбу Бюро военной информации США о предоставлении свободных данных, касающихся американской помощи СССР и эффективности на поле боя американской военной техники. Телеграммой от 6 марта 1943 г. нарком уведомил М. М. Литвинова, что американское вооружение и транспортные средства эффективно используются Советской Армией как в оборонительных, так и наступательных операциях. Особенно хорошо зарекомендовали себя истребители «Аэрокобра», бомбардировщики Б-25 и А-20 «Бостон», грузовики и джипы. Меньше подходили для российских условий американские танки с бензиновыми двигателями.

Получив эту информацию, М. М. Литвинов, выступая на обеде, устроенном администрацией по ленд-лизу, не преминул рассказать об этом своим слушателям. Он-то знал,

как во многом зависит от них принятие дальнейших мер по оказанию помощи Советскому Союзу. И эта помощь шла.

Хуже обстояло дело с открытием второго фронта, который, несмотря на обещания, не был открыт ни в 1942-м, ни в 1943 г. Это вызывало раздражение и недовольство в советских руководящих кругах. Поэтому после Сталинградской и Курской битв и начавшегося успешного наступления Красной Армии на фронтах И. В. Сталин и В. М. Молотов сочли необходимым покончить со своеволием дипломатов старой школы, которые позволяли себе «сметь свое суждение иметь». В июне 1943 г. М. М. Литвинов, уезжая в отпуск, давал понять своим американским друзьям, что в США он уже больше не вернется. На решение об отзыве Литвинова также повлияли и его почтенный возраст, и нетерпимость к новым работникам, пришедшим на дипломатическую службу.

В начале сентября 1943 г. по решению Политбюро ЦК ВКП (б) была создана при НКВД СССР Комиссия по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства. Возглавил эту комиссию заместитель наркома иностранных дел М. М. Литвинов. В комиссию вошли С. А. Лозовский, Д. З. Мануильский, Я. З. Суриц, Е. В. Тарле и др. Члены комиссии проделали большую работу, подготовив справки и аналитические документы по различным сложным проблемам международной политики и истории международных отношений, в том числе Версальскому и другим мирным договорам, спорным территориальным вопросам в Восточной Европе, морским проливам и т. д.

М. М. Литвинова часто можно было видеть на приемах в иностранных посольствах в Москве, где он встречался с дипломатами и журналистами. В октябре 1943 г. он принимал активное участие в Московской конференции министров иностранных дел трех держав — СССР, США и Великобритании. Ему писали и поздравляли с Победой многие иностранные политические деятели, которых он знал по предвоенному периоду, например, германский посол в СССР Р. Надольный, французский политик Э. Эррио и др.

За свою деятельность в годы войны Максим Максимович был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

В июле 1946 г. М. М. Литвинову исполнилось 70 лет. На этот раз никаких торжеств и юбилейных статей по этому поводу не было. Вскоре ему позвонил заместитель наркома В. Г. Деканозов, занимавшийся кадровыми вопросами, и попросил зайти. Состоявшаяся беседа длилась недолго: М. М. Литвинову было предложено уйти в отставку.

Оставшиеся пять лет жизни Максим Максимович посвятил семье, внукам, которых очень любил. Он много читал, иногда посещал самых близких друзей.

Умер М. М. Литвинов 31 декабря 1951 г.

После его смерти на Западе появилось много статей, всякого рода интервью с ним и даже его личные дневники. М. М. Литвинов часто общался с журналистами и умел делать себе «паблисити», когда это считал необходимым для дела. Сейчас порой трудно отделить во всех этих публикациях правду от вымыслов. Ясно одно, что он в своей дипломатической деятельности тесно сотрудничал со Сталиным, да иного и не могло быть, и принадлежал он к той эпохе, которая ныне ушла навсегда.

В. В. Соколов

**В. М. МОЛОТОВ — МИНИСТР
ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
СССР**

Что мы знаем о Молотове?

В. М. Молотов — член Политбюро ЦК партии, глава Советского правительства в 1930—1941 гг., первый заместитель Председателя СНК (Совета Министров) СССР, нарком (министр) иностранных дел в 1939—1949 гг., а затем в 1953—1956 гг. В течение всей Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы он оставался правой рукой Сталина и оказывал на него заметное влияние.

В своих воспоминаниях Н. С. Хрущев, которого никак не заподозришь в симпатиях к Молотову, так как именно он исключил Молотова из партии и снял с руководящих постов, писал: «Молотов на меня производил в те времена впечатление человека независимого, самостоятельно рассуждающего. Он имел свои суждения по тому или другому вопросу, высказывался и высказывал Сталину, что он думает. Было видно, что Сталину это не нравится, а Молотов все-таки настаивал... Поэтому я к Молотову относился с очень большим уважением».

Вячеслав Михайлович Молотов (настоящая фамилия Скрябин) родился 9 марта 1890 г. в слободе Кукарка Вятской губернии в большой семье приказчика Михаила Прохоровича Скрябина, служившего в торговом доме богатого купца Якова Небогатикова. Мать его, Анна Яковлевна — дочь упомянутого купца. В семье было десять детей, трое из которых умерли в раннем возрасте.

Дети подрастали, и родители стали думать об их образовании. Семья переехала сначала в Вятку, затем в Нолинск. Следует отметить характерную черту семьи Скрябиных — их любовь к музыке и вообще к искусству. Уже в школьные годы Вячеслав играл на скрипке, писал стихи. Его брат Николай стал известным советским композитором.

Вместе со старшими братьями Вячеслав выехал в 1902 г. на учебу в Казань, где поступил в 1-е казанское реальное училище, которое давало среднее образование и позволяло поступить в технический институт. Все четыре брата жили дружно в одной комнатке. Один из них учился в гимназии, другой — в художественном училище, а двое — в реальном. Учился Вячеслав легко. Жизнь без родителей приучала его к самостоятельности.

Сама атмосфера революционных событий 1905 г. с их стачкой железнодорожников, всеобщей забастовкой, крестьянскими волнениями, выступлениями студентов вовлекала молодежь в революционное движение. Летом 1906 г. Вячеслав вступает в РСДРП и создает в Казани вместе с самоопределившимся большевиком В. А. Тихомирновым нелегальную революционную организацию учащихся средних и высших учебных заведений, которая под видом непартийного просветительства вела работу по пропаганде марксизма, издавала прокламации, оказывала помощь политзаключенным. В апреле 1909 г. он был арестован вместе со своими друзьями — В. А. Тихомирновым, А. Я. Аросевым, Н. М. Мальцевым, и сослан в Вологодскую губернию. Для В. М. Молотова началась жизнь профессионального революционера.

Находясь в ссылке под надзором полиции, он ведет в 1910—1911 гг. нелегальную пропагандистскую работу среди железнодорожных рабочих Вологды, восстанавливает разгромленную царскими жандармами вологодскую большевистскую партийную организацию.

Отбыв ссылку, Вячеслав в 1911 г. приехал в Петербург, сдал экстерном экзамены за реальное училище и поступил на экономическое отделение Политехнического института. В начале 1912 г. он работает в легальной большевистской газете «Звезда», принимает участие в создании ежедневной газеты «Правда» при материальном содействии своего товарища В. А. Тихомирнова.

Вячеслав Михайлович совмещает легальную работу в «Правде» с нелегальной деятельностью в качестве члена Петербургского комитета партии. В этот период он впервые встретился и подружился с И. В. Сталиным и даже одно

время жил с ним в одной комнате. Дружба оказалась прочной.

Молотов принимает активное участие в работе социал-демократической фракции IV Государственной думы. Это помогло ему ближе познакомиться с вопросами чисто государственными. В этот период появляется значительное количество его статей, прежде всего в «Правде». Первая статья была опубликована за подписью «Аким П-та», что должно было означать «Аким Простота». Следующие статьи он подписывает «В. Михайлов»: Впервые Вячеслав Михайлович подписал псевдонимом «Молотов» свою брошюру «Как рабочие учатся строить свое хозяйство», вышедшую в 1919 г. в Петрограде, хотя уже в 1915 г. он скрывался под этой фамилией.

Впереди были новые аресты, ссылка в Иркутскую губернию, побеги, нелегальная работа. Февральскую революцию Молотов встретил в Петрограде. Он являлся членом Русского бюро ЦК партии, входил в Исполком Петроградского совета. В. М. Молотов без колебаний поддержал Апрельские тезисы Ленина и курс на социалистическую революцию. В Октябрьские дни он — член Военно-революционного комитета.

После установления Советской власти В. М. Молотов работает председателем Совета народного хозяйства Северного района. В конце 1919 г. ЦК РКП (б) направляет его в Нижний Новгород, где он становится председателем губисполкома. Из Нижнего Новгорода его переводят на работу в Донбасс в качестве секретаря губкома. В 1920 г. Молотов становится секретарем ЦК Компартии Украины. В марте 1921 г. он едет делегатом на X съезд РКП (б), где, по предложению В. И. Ленина, его избирают членом ЦК, кандидатом в члены Политбюро и секретарем ЦК партии. С этого времени В. М. Молотов, всецело поддерживавший Сталина, который вскоре стал генсеком, в течение более тридцати лет находился в высшем эшелоне власти, определяя внутреннюю и внешнюю политику Советского государства. В 1926—1952 гг. он — член Политбюро ЦК ВКП(б), в 1952—1957-м — член Президиума ЦК КПСС.

В декабре 1930 г. В. М. Молотов возглавил Советское правительство, заменив своего земляка А. И. Рыкова, обвиненного в правом уклоне. Он вел активную борьбу против троцкистов, правых и других уклонов, не считаясь ни с юридическими нормами, ни с личными привязанностями. Молотов, безусловно, наряду со Сталиным и другими тогдашними руководителями, несет ответственность за массовые репрессии 30-х гг. Впрочем, он и не пытался выгородить

себя или оправдаться, ибо искренне верил в необходимость репрессий, которые будто бы помогли искоренить врагов советской власти. Правда, Молотов допускал, что были случаи уничтожения совершенно невиновных людей, но здесь он исходил из общего тогдашнего принципа — «лес рубят, щепки летят». Репрессии коснулись его жены П. С. Жемчужиной и чуть не затронули его самого: помешала смерть И. В. Сталина.

Надо признать, что в период репрессий 30-х гг., когда он ставил свои известные «В. М.», что могло означать просто его инициалы, а могло расшифровываться и как «высшая мера», он вывел из-под удара НКВД немало ценных работников. Достаточно упомянуть в этой связи командарма тяжелой промышленности А. П. Завенягина, строителя заполярного металлургического комбината в Норильске, а затем министра среднего машиностроения, заместителя Председателя Совета Министров СССР.

Страна готовилась к войне... Еще в начале 30-х гг. при СНК СССР была создана постоянная Комиссия обороны во главе с В. М. Молотовым. В 1937 г. Совет Народных Комиссаров упразднил Совет Труда и Обороны и преобразовал Комиссию обороны при СНК в Комитет обороны. Председателем Комитета обороны остался В. М. Молотов, члены — И. В. Сталин, К. Е. Ворошилов и др.

«Условия жизни в стране были трудными, — вспоминал Молотов, — а мы требовали: «Давай, давай! Давай производительность труда, давай то, давай это...» Шла упорная подготовка к войне, но все учесть и успеть было просто невозможно, а страна работала без выходных, и струна напряжения и терпения у нашего народа была натянута до предела».

Усложнялось и внешнеполитическое положение СССР. Мюнхенское соглашение Великобритании, Франции, Германии и Италии о разделе Чехословакии в сентябре 1938 г. нанесло политике коллективной безопасности, которую проводил СССР, сокрушительный удар.

Перед советским руководством встала дилемма: продолжать курс на коллективную безопасность, который становился все более бесперспективным, или идти на переговоры с Германией. Сталин и Молотов решили изменить внешнеполитический курс, что всегда в любой стране влечет за собой и смену министра иностранных дел. В данном случае это было тем более необходимо, поскольку еврей М. М. Литвинов не мог вести доверительные переговоры с фашистами, которые провозгласили антисемитизм своей официальной политикой.

По свидетельству полпреда СССР в Великобритании

И. М. Майского, в кабинете Сталина произошло бурное объяснение между В. М. Молотовым и М. М. Литвиновым, когда обстановка «была накалена до предела». Этот факт признал и Сталин в своей циркулярной телеграмме, уведомляющей полпредов о назначении Молотова наркомом «ввиду серьезного конфликта между Председателем СНК тов. Молотовым и наркоминделом тов. Литвиновым».

При назначении В. М. Молотова у Сталина не было свободы выбора: руководящие кадры НКВД были разгромлены, а в тогдашнем составе Политбюро не было другой подходящей фигуры. К тому же он помнил, что еще Г. В. Чичерин в конце 20-х гг. называл В. М. Молотова в качестве своего преемника. Немалое значение имело и то, что Молотов неоднократно публично выступал за советско-германское сближение. Не случайно, что немцы приветствовали назначение нового наркома.

В. М. Молотов, придя в наркоминдел, соблюдал крайнюю осторожность, стремясь согласовывать с И. В. Сталиным все возникавшие вопросы. Считая себя политиком, он к дипломатической деятельности не готовился, иностранными языками не владел (немного читал и понимал по-немецки и по-французски, а в последние годы своей деятельности — по-английски). Его положение осложнялось тем, что, взяв курс на постепенное сближение с Германией, он одновременно выполнял указание Сталина: «Убрать из наркомата евреев».

Это диктовалось, по мнению Молотова, не антисемитизмом Сталина, а тем, что большинство руководящего звена и сотрудников наркомата были евреями, которые имели связи с оппозицией. Сталин, по словам Молотова, отмечал в еврейском народе многие положительные качества: работоспособность, спаянность, политическую активность. Тем не менее новый нарком выполнил указание «вождя» и освободил наркомат от «всякого рода сомнительных полупартийных элементов». Тем самым он лишил себя грамотного и опытного рабочего аппарата, что оказало отрицательное воздействие на деятельность НКВД в условиях надвигавшегося международного политического кризиса.

Провозгласив преемственность советской внешней политики, Молотов принимает активное участие в англо-франко-советских переговорах летом 1939 г. в Москве, не реагируя в течение длительного времени на зондажи германской стороны. Еще 28 июля Молотов телеграфировал временному поверенному в делах СССР Г. А. Астахову: «Ограничившись выслушиванием заявлений Шнурре (о сближении СССР и Германии.— В. С.) и обещанием, что переда-

дите их в Москву, Вы поступили правильно». Он не доверял никому из дипломатов старой школы и старался переключить все переговоры на Москву.

Проявив колоссальную выдержку, Молотов вынудил немцев самих выступить с инициативой улучшения советско-германских отношений. Он понимал, что они торопятся, что им нужно, как сообщала разведка, завершить запланированную польскую кампанию до наступления осени. И его выдержка дала результаты: немцы предложили договариваться по всем вопросам от Балтики до Черного моря.

Проанализировав создавшуюся ситуацию, когда, по выражению Сталина, правительства Великобритании и Франции хотели бы лишь иметь Советский Союз «в батраках и при этом ничего не платить», советское руководство приняло непопулярное решение о заключении договора с фашистской Германией, что само по себе оставляло неприятный осадок нравственного свойства.

23 августа 1939 г. нарком подписал печально знаменитый «пакт Риббентроп — Молотов», т. е. советско-германский договор о ненападении.

Одновременно Молотов подписал секретный протокол к этому договору, предусматривавший разграничение сфер взаимных интересов между СССР и Германией. В сферу интересов СССР входила Прибалтика, Финляндия, Бессарабия. Отмечалось, что в случае государственного переустройства в Польше районы с украинским и белорусским населением отходят к СССР.

Конечно, этот протокол, затрагивавший интересы и территориальную целостность других государств, с которыми у СССР были договоры о ненападении, означал отступление от норм международного права. Правда, подписание этого документа происходило в условиях начинавшейся войны, когда агрессор «разрывал в клочья все законы» и добивался, по словам У. Черчилля, «ряда преимуществ» из того, что его противники «уважают закон». Поэтому Черчилль выговаривал право британскому правительству действовать в отношении нейтральных стран «вопреки воле их законных правительств и в нарушение международного права». В. М. Молотов, конечно, не знал этого меморандума Черчилля, но он действовал тогда, руководствуясь классовыми соображениями, идеей мировой революции.

Заключение советско-германского договора означало установление барьера для германской экспансии на восток, т. е. суживало возможности дальнейшей агрессии. Начали активно развиваться советско-германские торгово-экономические связи, которые позволяли СССР получать не только

новейшие станки и оборудование, образцы военной техники, но и опыт, накопленный советскими специалистами на германских заводах.

Вслед за договором о ненападении Молотов 28 сентября подписал советско-германский договор о дружбе и границе, который и дальше толкал СССР на беспринципное сотрудничество с гитлеровской Германией, подрывая статус СССР как нейтрального государства. Это была одна из многих допущенных им вместе со Сталиным ошибок, которых можно было избежать, если бы рядом с новым наркомом находились опытные дипломаты. Н. С. Хрущев в своих воспоминаниях отмечал, что Гитлер в 1939 г. при проведении демаркационной линии не создавал конфликтов «по мелочам». «Напротив, он хотел тогда расположить нас к себе и показать, что он «человек слова» Поэтому немецкие войска были частично отведены, а наши войска вышли на линию границы, обусловленной договором, подписанным Риббентропом и Молотовым».

Все это подкупало на первых порах, и у наших «вождей» началось «головокружение от успехов». Никакими требованиями официального протокола не вызывались слова Сталина в телеграмме Риббентропу о дружбе, «скрепленной кровью», или ряд высказываний Молотова неуважительного характера в отношении поверженной Польши.

В течение года В. М. Молотов активно работает над осуществлением тех шагов, которые были зафиксированы в советско-германских договоренностях. Он поддерживает постоянные контакты с германским послом Ф. фон Шуленбургом и ограниченные связи с дипломатическими представителями Великобритании, Болгарии, Турции, Японии и других стран.

Быстрое и неожиданное поражение Франции летом 1940 г. явилось для него и, видимо, для Сталина непредвиденным ударом. Нарком все-таки надеялся, что будет вторая империалистическая война, т. е. война между двумя группами капиталистических стран за передел колоний, рынков сбыта, которая не коснется СССР. Но поражение Франции в корне изменило политическую ситуацию на европейском континенте. Если еще зимой и весной 1940 г. Молотов пытался как-то смягчить отношения СССР с Великобританией в сторону их большей нормализации, то к осени он вновь вернулся к жесткой позиции, опасаясь «вызывать гнев» германского правительства.

Тем не менее он все более ясно отдает себе отчет о предстоящей военной угрозе. Полпреду СССР в Великобритании И. М. Майскому поручается выяснить вопросы об

организации службы своевременного оповещения в случаях воздушного налета противника, о построении заградительного огня зенитной артиллерии, применении баллонов для воздушного заграждения и т. д.

Нарком настороженно встретил предложение английского правительства от 19 октября 1940 г. по улучшению торговых и политических отношений между двумя странами. Особенно его насторожил тот факт, что об этом предложении сразу же стало известно мировой печати. Привыкший за последний год к секретности в договоренностях с Германией, он увидел в этой «утечке» информации намерение английской стороны посорить СССР с Германией. Поэтому он решительно отверг утверждение английского посла в СССР С. Криппса, что утечка произошла от советского полпреда в Лондоне.

В беседе с Криппсом 1 февраля 1941 г. нарком заявил, что «полпредство не могло ничего рассекретить, ибо из-за затруднений с диппочтой Советское правительство вообще не сообщило полпреду подробностей предложений английского правительства». Тем не менее все эти встречи и беседы создавали хорошую основу для будущих отношений.

А тогда Советское правительство продолжало получать информацию о появлении германских войск в Финляндии и Румынии, усилении германского влияния в Болгарии и Турции. 27 сентября 1940 г. в Берлине был подписан Тройственный пакт между Германией, Италией и Японией, который позже называли «союзом агрессоров».

Драматизм событий нарастал. Гитлер взял курс на войну с СССР. В Москве, понимая это, тем не менее полагали, что все можно уладить. Впервые было принято беспрецедентное решение о поездке главы Советского правительства за границу. В ноябре 1940 г. В. М. Молотов поездом выехал в Берлин. Это был ответный визит, поскольку германский министр уже дважды приезжал в Москву.

Трехдневные переговоры в Берлине были напряженными: состоялись продолжительные беседы с Гитлером и две официальные беседы с Риббентропом. Глава Советского правительства и нарком иностранных дел, констатировав положительные итоги советско-германского сотрудничества, основной упор сделал на выяснении сути Тройственного пакта, к которому немцы предлагали СССР присоединиться, и на целях пребывания германских войск вблизи границ СССР, прежде всего в Финляндии и Румынии. Он настойчиво требовал вывода германских войск из Финляндии, которая, по его утверждению, входила в сферу интересов СССР, и прекращения «как в Финляндии, так и

в Германии политических демонстраций, направленных во вред интересам СССР».

Молотов ежедневно переписывался со Сталиным, кратко докладывая ему о ходе переговоров и получая соответствующие инструкции. Поэтому, когда зашла речь о Черноморских проливах, нарком в соответствии с указанием Сталина заявил, что СССР стоит за независимость Турции и что заинтересованность в проливах есть «вопрос обороны берегов СССР и обеспечения его безопасности». Определенное внимание было уделено в этом контексте необходимости заключения договора о взаимопомощи с Болгарией.

Выслушав предложение немцев о новом разграничении сфер интересов после присоединения СССР к Тройственному пакту, в частности, о расширении советского влияния на юг в сторону Персидского залива и Индийского океана, нарком предпочел уклониться от детального обсуждения этого вопроса. К тому же у него было указание Сталина: «Если дело дойдет до декларации... предлагаю вычеркнуть пункт об Индии».

В общем, Молотов был на первых порах доволен: «Принимают меня хорошо,— писал он Сталину,— и видно, что хотят укрепить отношения с СССР». Ответная телеграмма Сталина ободряла: «Твое поведение в переговорах считаем правильным». Вызывали удовлетворение получаемые в полпредстве сообщения о реакции в мире на его визит. Так, переговоры в Берлине вызвали повышение курса на токийской бирже. Его не пугало, что в некоторых кругах Лондона переговоры рассматривали как внезапный поворот политики СССР в сторону держав оси.

Подводя предварительные итоги встреч с Гитлером, Молотов писал Сталину: «Обе беседы не дали желательных результатов... Германия не ставит сейчас вопрос о приезде в Москву Риббентропа.— Таковы основные итоги. Похвастаться нечем, но, по крайней мере, выяснил теперешние настроения Гитлера, с которыми придется считаться».

Молотов проявил себя в этой первой заграничной поездке смелым и твердым политиком. Никаких обещаний руководителям германского рейха он не дал.

«После поездки Молотова в Берлин,— отмечал в своих воспоминаниях Н. С. Хрущев,— никакого сомнения не было в том, что будет война, но эта война может быть по времени оттянута. Гитлер готовится».

Информируя о существовании состоявшихся переговоров советского полпреда в Лондоне И. М. Майского 17 ноября 1940 г., нарком писал в шифрованной телеграмме: «Как

выяснилось из бесед, немцы хотят прибрать к рукам Турцию под видом гарантий ее безопасности на манер Румынии, а нам хотят смазать губы обещанием пересмотра конвенции в Монтрё в нашу пользу, причем предлагают нам помочь и в этом деле. Мы не дали на это согласия, так как считаем, что, во-первых, Турция должна остаться независимой и, во-вторых, режим в проливах может быть улучшен в результате наших переговоров с Турцией, но не за ее спиной. Немцы и японцы, как видно, очень хотели бы толкнуть нас в сторону Персидского залива и Индии. Мы отклонили обсуждение этого вопроса, так как считаем такие советы со стороны Германии неуместными».

Однако через неделю, 25 ноября 1940 г., Молотов сделал германскому послу в Москве Шуленбургу заявление, в котором выразил готовность принять предлагавшийся немцами проект пакта четырех, но это согласие он оговорил рядом неприемлемых для Гитлера условий, включавших вывод германских войск из Финляндии. Поэтому данное Молотовым согласие было тактическим ходом, чтобы выяснить истинную позицию Гитлера.

Так это поняли и немцы, которые, начав разработку плана «Барбаросса», отнюдь не собирались развивать идеи, высказанные ими в Берлине. Советское правительство выжидало реакцию Гитлера почти два месяца. 17 января 1941 г. Молотов в беседе с Шуленбургом затронул в числе некоторых других и этот вопрос. Однако определенного ответа не последовало. Было ясно, что период советско-германского «сердечного согласия» закончился и наступает время противостояния. В той же беседе нарком недвусмысленно предупредил, что Советское правительство «считает территорию Болгарии и проливов зоной безопасности СССР».

Дальнейшие шаги Советского правительства: открытое выражение недовольства присутствием германских войск в Румынии и угрозой введения их в Болгарию, заключение 5 апреля 1941 г. договора о дружбе и ненападении с Югославией (за сутки до начала германской агрессии против этой страны), а затем подписание советско-японского пакта о нейтралитете — лишь подтверждают, что основная внешнеполитическая линия СССР была направлена на сдерживание германской агрессии. Во всех упомянутых акциях Советского правительства самое активное участие принимал Молотов.

С весны 1941 г. стала сплошным потоком поступать информация из дипломатических и консульских представительств о подготовке немцами войны против СССР. Ин-

формация общего порядка приходила и раньше. Но теперь уже назывались конкретные даты, перечислялись немецкие дивизии. Чем объяснить то затмение, которое нашло на Молотова и Сталина, сказать трудно. Даже все их стремления всемерно оттянуть сроки неизбежного военного столкновения с Германией никак не могут оправдать их трагический просчет.

В мае 1941 г. И. В. Сталин стал главой Советского правительства, а В. М. Молотов — его первым заместителем и наркомом иностранных дел.

В субботу 21 июня в 9 часов 30 минут Молотов вызвал в Кремль немецкого посла, с которым не встречался длительное время, и решительно заявил протест против возрастающих нарушений советской границы германскими самолетами. Перейдя затем к общим вопросам советско-германских отношений, нарком впервые отметил, что за границей циркулируют слухи о готовящейся войне между Германией и Советским Союзом, что германская сторона не опровергает этих слухов и даже не опубликовала сообщение ТАСС от 13 июня. Он просил посла объяснить ему причину ухудшения советско-германских отношений.

Шуленбург, который еще 5 мая пытался через находившегося в Москве советского посла в Берлине В. Г. Деканозова предостеречь советское руководство о надвигающейся опасности, чувствовал себя тем не менее очень неловко. Кажется, он сделал тогда со своей стороны все, что мог, не совершая предательства, однако его предостережение о том, что «слухи» следует рассматривать как «факт», не было принято во внимание.

...И вот теперь они закончили беседу, но Шуленбург знал, что расстаются они всего на несколько часов, если не произойдет чуда. Чуда не произошло.

22 июня в 3 часа 30 минут в Генштаб стали поступать сводки о бомбардировках советских городов Украины и Белоруссии.

Срочно были вызваны в Кремль члены Политбюро. Молотову было предложено позвонить в германское посольство в Москве. Сталин еще не верил... Он даже допускал, что германские генералы действуют без санкции Гитлера. Но звонить не пришлось. Наркому доложили, что германский посол граф Ф. фон Шуленбург срочно просится на прием. Он был принят незамедлительно. Войдя в кабинет В. М. Молотова, германский дипломат отметил, что нарком выглядит уставшим и даже осунувшимся. Посол сделал краткое заявление: концентрация советских войск у германской границы достигла таких размеров, каких уже не может тер-

петь германское правительство. Поэтому оно решило принять соответствующие контрмеры.

Слово «война» произнесено не было. Но Молотов прекрасно понял, о чем шла речь. Последовала глубокая пауза. Нарком, поборов внутреннее волнение, спросил: «Это что, объявление войны?» Ответа не последовало, Шуленбург лишь, подняв плечи, беспомощно махнул рукой.

Молотов, оправившись от первоначального шока, дал волю своему негодованию, назвав действия Германии невиданным вероломством и подчеркнув, что «мы этого не заслужили».

Доложив Сталину о визите германского посла, В. М. Молотов отдал ряд распоряжений, связанных с предстоявшим обменом советских и германских дипломатов. О начавшейся войне надо было сообщить советскому народу. Сталин поручил это сделать ему.

Молотов пришел в свой кабинет и как бы на одном дыхании написал простым карандашом известное свое выступление по радио с обращением к гражданам Советского Союза. Это обращение он закончил знаменательными словами, которые навсегда запомнились многим: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами».

В написанный текст были внесены поправки и дополнения некоторыми членами Политбюро и лично Сталиным, в том числе упоминание о том, что Молотов делает это заявление по поручению главы правительства Сталина. Но в целом молотовский текст сохранился. В 12 часов дня он зачитал свое выступление по радио.

В тот же день, т. е. первый день войны, он, несмотря на бессонную ночь, как обычно, читает донесения послов и немедленно на них реагирует.

Познакомившись с телеграммой советского посла И. М. Майского, сообщавшего о заверениях английского министра иностранных дел А. Идена, что «британское правительство готово оказать нам содействие во всем, в чем оно может», и что «военная и экономическая миссии, о которых мне вчера говорил Криппс, могут вылететь в любой момент, если мы того пожелаем», нарком написал 22 июня послу: «Советское правительство не возражает, чтобы эти две группы английских представителей были присланы в Москву». При этом он указывает, что Советское правительство «в свою очередь готово оказать помощь Англии».

В тот же день поступили сообщения о разрыве дипломатических отношений с СССР со стороны ряда государств — союзников Германии, в том числе Румынии, Финляндии, Дании, Италии, а в последующие дни — Венгрии и

вишистского правительства Франции. Большинство из них объявили войну Советскому Союзу. Военно-политическое положение страны продолжало ухудшаться, но это никак не отражалось на поведении Молотова. Он уверенно давал поручения и указания сотрудникам Наркоминдела и послам за рубежом и так же независимо вел себя в отношении иностранных представителей, не делая ни малейшей попытки заискивать или заигрывать с ними.

26 июня он пишет послу СССР в США К. А. Уманскому: «Вам следует немедленно пойти к Рузвельту или Хэллу и запросить, каково отношение американского правительства к этой войне и к СССР. Вопросов о помощи сейчас не следует ставить». Встретившись через три дня с американским послом в Москве Л. Штейнгардтом, нарком попросил разъяснить ему заявление президента Ф. Д. Рузвельта о его отношении к начавшейся вероломной войне гитлеровской Германии против Советского Союза, поскольку, как я понимаю, насмешливо сказал он, «Америка может помочь Советскому Союзу лишь ботинками и носками». Посол спокойно разъяснил, что позиция американского правительства сводится «к выражению желания и готовности дать всякую возможную помощь Советскому Союзу, которая окажется в силах США».

Нарком поверил, несмотря на скептическое отношение к империалистам. В тот же день он телеграфировал К. А. Уманскому: «Вам следует теперь пойти к Рузвельту или Хэллу (Уэллсу) и поставить перед ним вопрос о возможности оказания Советскому Союзу помощи следующими поставками». Далее перечислялись виды самолетов, зенитных пушек, станков и оборудования для военных заводов и т. д.

12 июля В. М. Молотов и посол С. Криппс подписали Соглашение между правительствами СССР и Великобритании о совместных действиях в войне против Германии.

Постепенно налаживалось и расширялось сотрудничество со странами антигитлеровской коалиции, восстанавливались дипломатические отношения с правительствами европейских государств, оккупированных фашистской Германией, находившимися в эмиграции в Лондоне (Бельгия, Норвегия, Польша, Чехословакия и др.). 14 августа В. М. Молотов сообщил послу СССР в Турции С. Виноградову, что Советское правительство согласно установить официальные отношения с де Голлем как руководителем французов, борющихся против германского фашизма.

29 сентября — 1 октября 1941 г. состоялась Московская конференция представителей СССР, США и Великобрита-

нии, которая призвана была согласовать вопрос о военных поставках Советскому Союзу. В работе конференции принял участие Сталин.

Американская делегация во главе с представителем президента А. Гарриманом имела широкие полномочия ввиду «первостепенной важности» русского фронта «для безопасности Америки». Британскую делегацию возглавлял лорд Бивербрук.

Выступая на заключительном заседании конференции, глава советской делегации В. М. Молотов заявил: «Наша конференция войдет в славную историю борьбы за разгром Гитлера — этого убийцы народов. Всех этих гитлеров, герингов, риббентропов мало ненавидеть, мало желать им гибели, но надо научиться бить и громить их везде, где они нападают и насильничают, чтобы навсегда покончить с властью этой преступной шайки насильников-захватчиков, на голову которых пало проклятие народов». Политическое значение конференции, продолжал нарком, заключается в срыве намерений гитлеровцев уничтожать своих противников поодиночке. «Отныне создан мощный фронт свободлюбивых народов во главе с Советским Союзом, Англией и Соединенными Штатами Америки».

30 июля 1941 г. был образован Государственный Комитет Обороны во главе с И. В. Сталиным. Его бессменным первым заместителем стал В. М. Молотов. Он же единственный из гражданских лиц входил в Ставку Верховного Главнокомандования, где, по словам Г. К. Жукова, играл заметную роль и со знанием дела участвовал в работе. В ГКО он отвечал за развитие танковой промышленности. В сентябре 1943 г. за особые заслуги в области усиления производства танков в трудных условиях военного времени В. М. Молотову было присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина.

В октябре 1941 г. наркомат иностранных дел СССР вместе с дипкорпусом был эвакуирован в Куйбышев. В. М. Молотов, как и Сталин, оставался в Москве. Главное внимание в своей внешнеполитической деятельности он уделял вопросам военных поставок из Великобритании и США и открытию второго фронта в Европе.

В конце мая — начале июня 1942 г. Молотов впервые посетил Великобританию и США. 26 мая он подписал в Лондоне вместе с А. Иденом договор «О союзе в войне против гитлеровской Германии и ее сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны», который стал одним из краеугольных камней складывавшейся антигитлеровской коалиции. Выступая с речью после под-

писания договора, У. Черчилль высоко оценил «государственную мудрость и понимание», проявленные наркомом в переговорах.

Впоследствии английский премьер-министр неоднократно встречался с наркомом и сумел в своих воспоминаниях дать ему довольно точную и справедливую оценку. «Вячеслав Молотов,— писал он,— был человек выдающихся способностей и хладнокровной жестокости... Его бы приветствовали в своей компании при ведении внешних дел Мазарини, Талейран, Меттерних».

Тогда же, после Лондона, В. М. Молотов побывал в США, имел несколько бесед с Ф. Рузвельтом, его министрами. В ходе визита было подписано «Соглашение между СССР и США о принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии». Твердых заверений об открытии в 1942 г. второго фронта в Европе и об увеличении поставок вооружений президент не дал.

Рассказывать о деятельности В. М. Молотова в период войны и в первые послевоенные годы — это значит писать историю внешней политики СССР. С его именем связаны все международные конференции глав правительств и государств, и прежде всего в Тегеране, Ялте, Потсдаме, которые заложили основы послевоенного мирного урегулирования. Он — участник конференции в Сан-Франциско, на которой создавалась Организация Объединенных Наций. В. М. Молотов возглавлял советские делегации на большинстве сессий Совета министров иностранных дел — СССР, США, Великобритании, Франции и Китая, на Парижской мирной конференции 1946 г., где он активно защищал территориальные интересы Албании, Болгарии и Югославии.

Но с его именем связана также политика СССР, направленная на раскол Европы, прежде всего Германии, установление просоветских режимов в странах Восточной Европы, конфронтацию с западными странами, усиление международной напряженности. Немалую лепту внес он в 1948 г. в советско-югославский конфликт, в берлинский кризис.

Вспоминая о выработке в июне 1947 г. советской позиции в отношении предложения США об оказании помощи странам Европы в восстановлении и развитии народного хозяйства («план Маршалла»), В. М. Молотов говорил: «Вначале мы в МИД хотели предложить участвовать всем социалистическим странам, но быстро догадались, что это неправильно. Они затягивали нас в свою компанию, но подчиненную компанию, мы бы зависели от них, но ничего

бы не получили толком, а зависели бы безусловно. Но если на Западе считают, что это была наша ошибка, что мы отказались от плана Маршалла, значит, правильно мы сделали».

С большим энтузиазмом говорил Молотов о своей поддержке создания государства Израиль. Все были против, включая США, «кроме меня и Сталина». Объясняя свою позицию, он отмечал, что советская политика в национальном вопросе всегда была интернационалистской по своему характеру, поддерживала самоопределение наций, а здесь шла речь о еврейском народе. Другое дело — сионизм. Большевики всегда были и остались противниками сионизма.

Еще во время войны по инициативе Молотова был создан Еврейский Антифашистский Комитет, который вел большую работу по подготовке материалов для мировой печати о борьбе советского народа на фронте и в тылу. В работе комитета принимала участие супруга наркома П. С. Жемчужина.

После войны в недрах этого Комитета возник проект передать Крым, после выселения оттуда татар, евреям, создав там Еврейскую советскую республику. Сталин расценил это предложение как акцию американских сионистов. В ноябре 1948 г. Комитет был распущен. Начались аресты. Была арестована и супруга Молотова. Конечно, Молотов не был согласен со Сталиным. На Пленуме ЦК партии, когда ее выводили из кандидатов в члены ЦК, он при голосовании воздержался, хотя все проголосовали «за». Сталин ему этого не простил. Он стал, как писал Н. С. Хрущев, «зло лягать Молотова».

В 1949 г. В. М. Молотов был снят с поста министра иностранных дел. Его имя постепенно исчезло со страниц газет. Казалось, судьба его была предрешена. Но вот неожиданно прошел слух, что Молотов появится на предстоящем съезде. Действительно, он открыл кратким вступительным словом XIX съезд КПСС.

Однако сразу же после съезда И. В. Сталин, выступая на Пленуме ЦК КПСС 16 октября 1952 г., обрушился на Молотова за его мнимые ошибки, в том числе за то, что он в конце 20-х гг. поддерживал зажиточных крестьян, предлагая уменьшить налоги с работников сельского хозяйства. Конечно, это был предлог. Видимо, Сталину хотелось разделаться с этим старейшим членом партии, у которого партийный билет был за номером 5, чтобы избавиться от опасного свидетеля и соучастника своих многих темных, а порой и кровавых дел.

Смерть Сталина спасла Молотова от неминуемой расправы и вернула из ссылки его жену П. С. Жемчужину.

В. М. Молотов вновь на прежнем посту. Ему 63 года. Но он активен и энергичен. После длительного перерыва он блестяще проводит в январе — феврале 1954 г. Берлинскую конференцию министров иностранных дел СССР, США, Великобритании и Франции, на которой обсуждались германский и австрийский вопросы. Но его цель не достижение единства Германии, а сохранение социализма на германской земле. Он стремится указать руководству ГДР на чрезмерно быстрый курс на индустриализацию и на не соответствующее возможностям крупное строительство, «помочь нашим немецким друзьям поскорее поправить явно левацкий курс».

Летом 1954 г. он возглавляет советскую делегацию на Женевском совещании министров иностранных дел по корейскому и индокитайскому вопросам.

Начавшаяся «эра Хрущева» с ее прагматизмом и поисками новых путей строительства социализма в СССР, с политикой ослабления международной напряженности не соответствовала конфронтационному, сугубо классовому подходу наркома. Первые стычки в советском руководстве произошли по австрийскому вопросу, а также по вопросу нормализации отношений с Югославией, куда Н. С. Хрущев направился с первым своим визитом без министра иностранных дел.

Правда, 15 мая 1955 г. В. М. Молотов подписал, наряду с министрами других заинтересованных государств, Государственный договор о восстановлении независимой и демократической Австрии. Летом 1955 г. он участвовал в Женевском совещании глав правительств СССР, США, Великобритании и Франции и осенью возглавлял советскую делегацию на Женевском совещании министров иностранных дел. Но это были его последние выходы на мировую арену в качестве министра иностранных дел.

Молотов создал небывало централизованную дипломатию, лишив рядовых советских дипломатов возможности проявлять несанкционированную инициативу. «Все было в кулаке сжато у Сталина, у меня», — говорил он. «Это неприятно было для грамотных людей, послов, — признавал нарком, — но иначе мы не могли». «Опытных дипломатов у нас не было, — продолжал Вячеслав Михайлович, — но честные и осторожные дипломаты у нас были, грамотные, начитанные». «Наши послы не всегда хорошо знали иностранный язык», — отмечал нарком, — поэтому они были «только исполнителями определенных указаний».

Резюмируя, Молотов говорил: «Конечно, в одних слу-

чаях мы действовали более умело, в других — меньше, но всегда с большой осторожностью, и больших промахов мы, по-моему, не допускали. А мелкие были, конечно. И средние были промахи, недостатки».

И конечно, одним из этих промахов, которые допускал сам Молотов, было его недоверие к дипломатам, которое культивировалось долгие годы и после него. Это недоверие выражалось и в ограничении возможных контактов советских дипломатов с различными иностранными деятелями и дипломатами и особенно с буржуазной прессой. Во время поездки в США Молотов не брал на свои беседы с Рузвельтом советского посла Литвинова потому, что он ему не доверял. Эта молотовско-сталинская подозрительность только вредила делу.

Несомненно, заслугой Молотова является то, что он выдвинул на руководящую дипломатическую работу большую плеяду молодых, выросших при советской власти работников, которые становились послами в тридцать пять — сорок лет и вынесли основную тяжесть дипломатических битв во время войны и в послевоенный период. Поэтому, когда при обсуждении материалов Пленума ЦК партии «Об антипартийной группе» один из заместителей министра упрекнул Молотова в том, что он не выдвигал молодых дипломатов на руководящую работу, тот резонно заметил: «А Вас-то я все же выдвинул».

Он не любил склок и всемерно их пресекал. Получив телеграмму от одного вновь назначенного советника посольства с жалобой на своего посла, он немедленно отреагировал: «Вам надлежит сработаться». В. М. Молотов безжалостно расстался со своим переводчиком В. Н. Павловым, с которым проработал все трудные годы войны, как только тот попытался «рассказать» ему о А. Я. Вышинском. Кого-кого, а Вышинского он знал не только по судебным процессам 30-х гг.

Он отзывал советских послов, выдвинутых им же на дипломатическую работу, когда видел, что они к ней не способны. На заявлении посла в Германии А. А. Шкварцева от 11 мая 1941 г. с просьбой оставить его «на любом и самом трудном участке работы» он начертал: «У т. Шкварцева было достаточно времени доказать полезность своей работы в НКВД, но этого не вышло».

После июньского (1957 г). Пленума ЦК КПСС, когда В. М. Молотов был выведен из состава ЦК и снят со всех руководящих партийных и государственных постов, он был назначен в августе послом СССР в Монголии, где пробыл ровно три года. Правда, предпринималась попытка назначить

его послом в Нидерланды, но предварительный зондаж показал, что голландское правительство не в восторге от этой кандидатуры.

5 сентября 1960 г. Совет Министров СССР утвердил Молотова на пост Постоянного представителя СССР при Международном агентстве по атомной энергии в Вене. Работы было много. МАГАТЭ искало в этот период свое место в международном сотрудничестве. Возник вопрос о гарантиях того, чтобы расщепляющиеся ядерные материалы, оборудование и изотопы, предоставляемые другим странам для мирного применения атомной энергии, не были использованы в военных целях. Этот вопрос рассматривался неоднозначно правительствами ряда государств, в том числе и Советского Союза, поскольку полагали, что любая форма контроля является вмешательством во внутренние дела. Таким образом, вопросы специальные, технические становились политическими, а это как раз та стихия, в которой любил находиться Молотов. Он активно участвовал в работе Генеральной конференции МАГАТЭ, ее комитетов.

XXII съезд партии... В. М. Молотов обращается с письмом к съезду. Он как будто живет в другом мире. Н. С. Хрущев в докладе, и особенно в заключительном слове, вновь обрушивается на него с жесткой и справедливой критикой. Хотя, если подумать, в этом не было никакой необходимости. По существу, Молотов в тот период уже не имел никакой опоры в партии и представлял только себя.

Поражали его выдержка и спокойствие. В Москве бушуют страсти, а он в Вене спокойно работает, как обычно, занимается с преподавательницей изучением немецкого языка. И это в 71 год...

В середине ноября 1961 г. было принято решение о его отзыве из Вены. По его желанию отъезд был организован так, чтобы ему не докучали досужие журналисты. В Москве Молотова ожидал новый удар: его исключили из партии, которой он так дорожил. Приказом по МИД СССР от 12 сентября 1963 г. В. М. Молотов был освобожден от работы в Министерстве в связи с уходом на пенсию.

Будучи на пенсии, он вел активный образ жизни, постоянно работал дома или в библиотеке. Мемуары Молотов не писал, но в течение ряда лет излагал свои взгляды на те или иные события общественной жизни. Все свои записки он направлял в ЦК КПСС. В течение ряда лет он добивался восстановления членства в партии. Партбилет ему возвратили в 1984 г.

«У меня счастливая старость,— сказал он однажды журналистке.— Хочу дожить до ста лет». Не дожил.

Совет Министров СССР известил, что 8 ноября 1986 г. на 97-м году жизни после продолжительной и тяжелой болезни скончался персональный пенсионер союзного значения В. М. Молотов.

* * *

*

Рассматривая в кратком очерке многомерный «феномен Молотова», автор менее всего стремился «обелить» или «реабилитировать» «правую руку Сталина», которая за один только день — 12 ноября 1938 г.— санкционировала вместе с «вождем» расстрел 3167 человек. И это — правда. Но правда состоит также и в том, что с его именем связана целая эпоха советской внешней политики, которую нельзя замолчать.

Двенадцать лет Молотов непосредственно стоял во главе советской дипломатической службы. Под его руководством советская дипломатия закрепила плоды победы, достигнутые советским народом и его армией во второй мировой войне. Поэтому в сознание многих советских людей вошел образ сдержанного, умудренного опытом министра иностранных дел, ведущего переговоры с Великобританией и США на конференциях в Тегеране, Ялте и Потсдаме, на сессиях СМВД в Лондоне, Париже, Москве и Нью-Йорке, на конференции в Сан-Франциско по созданию ООН и на Парижской мирной конференции.

Не все, однако, было просто в проводимой им внешней политике. Теперь стало известно, что Молотов тормозил заключение Государственного договора с Австрией, выступал против «антикоммунистической клики Тито» в Югославии и планов воссоединения Германии. С другой стороны, возглавляя советскую делегацию на Женевской конференции, он способствовал мирному урегулированию положения в Индокитае.

Сложен, неоднозначен «феномен Молотова», и пусть выверенную оценку ему даст только История.

В. В. Соколов

**Н. Н. КРЕСТИНСКИЙ —
РЕВОЛЮЦИОНЕР,
НАРКОМ, ДИПЛОМАТ**

«Я не признаю себя виновным», — мужественно заявил Н. Н. Крестинский на открытом судебном процессе полвека назад, пройдя адово колесо «следствия». Кто же этот бесстрашный человек, который не побоялся тихо, но убежденно произнести эти слова перед сталинскими вершителями «правосудия» — Вышинским и Ульрихом?

Николай Николаевич Крестинский родился 13(25) октября 1883 г. в Могилеве в семье учителя русского языка и словесности. Отец его, Николай Семенович, — сын чиновника из дворян Черниговской губернии и мать, Анна Семеновна, придерживались прогрессивных по тому времени взглядов. Позже Николай Николаевич Крестинский напишет в автобиографии: «Отец и мать были типичные либеральные интеллигенты культурнического типа».

Семья была большая, средств не хватало. Но тем не менее родители стремились дать детям образование. Окончив с золотой медалью 2-ю виленскую мужскую гимназию, Николай поступил в 1901 г. на юридический факультет Петербургского университета и стал жить самостоятельно.

С конца 1901 г. Н. Н. Крестинский активно участвует в российском революционном движении, с 1903 г. — член РСДРП. Вместе с большевиками Ф. И. Драбкиным, А. А. Сольцем, М. И. Фрумкиным, С. С. Пилявским и др. он ведет работу в партийных организациях Вильно (Вильнюса), Витебска, Каунаса, Петербурга, подвергается неоднократным арестам.

В 1907 г. Н. Н. Крестинский заканчивает Петербургский университет и работает помощником присяжного по-

веренного, а затем и присяжным поверенным. Эта работа давала ему широкие возможности встречаться с людьми, сочетать легальные формы работы с нелегальными. Особенно заметной стала его роль в большевистской партии, когда он вошел в состав Петербургского комитета РСДРП.

С момента создания в апреле 1912 г. легальной общерусской социал-демократической газеты «Правда» и до начала первой мировой войны Крестинский — непременный сотрудник отдела писем и отдела юридических консультаций редакции.

Наряду с газетой «Правда» он сотрудничает также в газете «Звезда», в журнале «Вопросы страхования», в издательстве «Прибой», принимает участие в издании теоретического журнала «Просвещение». Николай Николаевич был одним из организаторов «Профсоюза металлистов» и заведовал его партийной кассой.

Активная партийная и революционная деятельность Крестинского снискала ему широкий авторитет в партии и рабочей среде. Этому способствовало и то, что он входил в состав юридической комиссии социал-демократической фракции III и IV Государственной думы и даже выдвигался кандидатом от большевиков в депутаты IV Государственной думы по 2-й курии. Все это было известно царским жандармам.

Н. Н. Крестинский, доносила охранка в 1914 г., «принадлежал к числу особо активных представителей Ленинской большевистской фракции РСДРП». Охранка была осведомлена, что Николай Николаевич избран от большевиков делегатом на Международный конгресс в Вене, который должен был состояться легально и проводиться деятелями II Интернационала. Но через своего провокатора Малиновского охранка безусловно знала, что большевики собираются устроить во время Международного конгресса съезд своей собственной партии.

Конгресс тогда не состоялся. Но слежка продолжалась. Из документов департамента полиции следует, что Н. Н. Крестинский был «непосредственно связан с членами большевистской фракции Государственной думы и служил посредником между таковой и местным подпольем».

Конечно, ему приходилось постоянно быть начеку. Но он очень умело соблюдал правила конспирации и поэтому даже после ареста и нескольких месяцев тюрьмы его выпустили на волю «за отсутствием состава преступления». Только в связи с начавшейся первой мировой войной, ликвидацией 27 августа 1914 г. Петербургской организации РСДРП(б) и арестом большевистских депутатов Государ-

ственной думы был арестован в восьмой раз и Крестинский. По постановлению Особого совещания Николай Николаевич высылается в Екатеринбург под гласный надзор полиции сроком на три года.

С первых дней жизни на Урале Н. Н. Крестинский развернул активную революционную деятельность по восстановлению распавшейся во время войны парторганизации. И это ему удалось. Но полиция не оставляла его в покое и там. Он был сослан в Кунгур, подальше от рабочих центров. Февральскую революцию 1917 г. большевики Урала встретили, опираясь на широкую поддержку рабочих и солдат. В середине апреля Н. Н. Крестинский вместе с Я. М. Свердловым и другими товарищами подготовил и провел в Екатеринбурге Первую (Свободную) Уральскую социал-демократическую конференцию, на которой его избрали председателем Екатеринбургского областного комитета РСДРП(б). Под его руководством уральские большевики вели борьбу за влияние в Советах рабочих и солдатских депутатов. Сам он был избран членом Екатеринбургского Совета.

VI съезд РСДРП(б), состоявшийся в июле — августе 1917 г. в Петрограде, заочно избрал Н. Н. Крестинского членом Центрального Комитета партии. Это не было случайным. Многие деятели партии хорошо его знали по работе в «Правде», Государственной думе, на Урале.

В октябрьские дни 1917 г. он — председатель Екатеринбургского военно-революционного комитета. Переход власти к Советам в Екатеринбурге осуществился, по словам Крестинского, бескровно.

В декабре 1917 г. Н. Н. Крестинский приехал в Петроград в качестве депутата Учредительного собрания от Пермской области. Это облегчило ему проезд, так как за созыв «Учредилки» выступали все политические силы страны. Но прибыв в столицу, он сразу же окунулся в кипучую деятельность по созданию советского государственного аппарата. Одна из важнейших проблем — финансовая, так как бывшие чиновники и служащие Временного правительства, включая работников банковских учреждений, саботировали мероприятия Советского правительства. По предложению ЦК партии Н. Н. Крестинский вошел в состав коллегии Наркомфина. Назначение его было официально оформлено 28 февраля 1918 г. постановлением Совнаркома.

В период заключения Советской Россией Брестского мира с кайзеровской Германией и ее союзниками зимой 1918 г. Н. Н. Крестинский занимает на заседаниях ЦК партии пассивную позицию, не участвует в острых спорах по

вопросу выхода России из войны, открыто не выступает против В. И. Ленина, но и не поддерживает его. В совместном заявлении, подписанном им, А. А. Иоффе и Ф. Э. Дзержинским 23 февраля, указывалось, что они «считают невозможным подписывать мир с Германией», но, не желая своим голосованием усложнить положение, воздерживаются от голосования по этому вопросу.

* *

*

После переезда Советского правительства в Москву в марте 1918 г. Н. Н. Крестинский остается в Петрограде, выполняя обязанности члена коллегии наркомфина, товарища (заместителя) главного комиссара Народного Банка, а также комиссара юстиции Петроградской трудовой коммуны и Союза коммун Северной области. Но уже в конце марта В. И. Ленин поставил на заседании ЦК вопрос о необходимости переезда Н. Н. Крестинского в Москву. 16 августа 1918 г. Крестинский был назначен наркомом финансов РСФСР вместо освобожденного по болезни И. Э. Гуковского.

В условиях экономической блокады, осуществляемой странами Антанты и США, и гражданской войны финансы не играли роли непосредственного хозяйственного механизма, регулирующего экономическое развитие страны. Да партия большевиков и не могла допустить в той ситуации свободной игры цен и спекуляции, что неизбежно в условиях рынка. Провозгласив политическое равенство всех тружеников, партия и в экономической области проводила политику жесткого распределения товаров и продуктов. Это был «военный коммунизм», когда казалось, что действительно «не будет денег при социализме».

В. И. Ленин первым понял ошибочность такого жесткого курса, его экономическую неэффективность и при первых же шагах в переходе от войны к миру провозгласил новую экономическую политику (нэп), предусматривавшую регулируемое развитие рыночных отношений. Такая политика дала быстрый народнохозяйственный эффект, помогла стабилизации рубля.

В начале 1919 г. Н. Н. Крестинский переключается всецело на партийную работу. На состоявшемся после VIII съезда РКП(б) в марте 1919 г. Пленуме ЦК партии он был избран членом Политбюро и Оргбюро Центрального Комитета, а с сентября стал выполнять обязанности ответственного секретаря. В декабре 1919 г. Крестинский

официально стал секретарем ЦК партии. При этом за ним был сохранен пост наркома финансов.

Будучи членом Политбюро и секретарем ЦК РКП(б), Н. Н. Крестинский в этот период занимается вопросами политической, экономической и внешнеполитической деятельности Советского государства, работает в непосредственном контакте с В. И. Лениным, решая множество организационных и кадровых вопросов.

В период «дискуссии о профсоюзах» (1920—1921 гг.) Н. Н. Крестинский оказался близок к сторонникам платформы Л. Д. Троцкого, призывавшего к «огосударствлению профсоюзов». X съезд РКП(б) не поддержал точку зрения Л. Д. Троцкого и согласился с мнением В. И. Ленина о профсоюзах как школе хозяйствования, школе коммунизма.

После X съезда РКП(б) Николай Николаевич, не будучи избранным в руководящие органы партии, остался «без работы». И хотя он по-прежнему занимал пост наркома финансов, основную работу выполняли его заместители.

Воспользовавшись паузой, он выехал в середине апреля 1921 г. на лечение в Германию. В годы гражданской войны работали на износ, поэтому он был рад появившейся возможности привести в порядок свой кишечник и приостановить прогрессирующую потерю зрения. Но приехав в Берлин, Н. Н. Крестинский сразу же подключился к советско-германским переговорам о подписании Временного соглашения между двумя странами по вопросам попечения военнопленных и развития торговых отношений. Опыт Николая Николаевича в финансовых и юридических вопросах оказался полезен советской делегации.

6 мая 1921 г. Временное соглашение с советской стороны было подписано представителем Наркомфина А. Л. Шейнманом. Оно предусматривало восстановление отношений между РСФСР и Германией де-факто: создавались официальные представительства в столицах обоих государств, руководители представительств, аккредитованные при центральных ведомствах иностранных дел страны пребывания, имели право беспрепятственно пользоваться радиостанциями, шифрами, курьерами для поддержания связей со своими правительствами и т. д.

Участие Н. Н. Крестинского в переговорах позволило ему познакомиться с ведущими германскими дипломатами: заведующим восточным отделом Густавом Берендтом, легационным советником министерства Аго фон Мальцаном, юристом Фридрихом Гаусом, с которыми ему пришлось затем сотрудничать много лет.

Весной 1921 г. в только что созданном советском представительстве в Берлине сложилось довольно трудное положение в связи с предстоящим отъездом уполномоченного НКВД и НКВТ В. Л. Коппа. В соответствии с решением Политбюро ЦК РКП (б) от 31 мая 1921 г. торговым представителем РСФСР в Германии был назначен по рекомендации наркома внешней торговли Л. Б. Красина болгарин Б. С. Стомоняков, тесно связанный в прошлом с российским революционным движением. Однако этого было явно недостаточно. Требовался политический работник. Учитывая мнение наркома иностранных дел Г. В. Чичерина, В. И. Ленин предложил «подыскать еще кандидатов», теперь уже на пост полпреда РСФСР в Германии. Г. В. Чичерин назвал фамилию Н. Н. Крестинского. Как свидетельствуют документы, нарком за два дня до этого написал в Берлин заместителю торгпреда Ю. Х. Лутовинову и попросил его выяснить, согласен ли Крестинский принять пост полпреда в Германии, где требуется «выдающийся политик» и «Крестинский был бы незаменим для Берлина». Но Лутовинову лично переговорить с Николаем Николаевичем не удалось, так как тот уехал на юг Германии, и он направил к нему специального человека.

9 июня в Москве было получено сообщение о состоявшейся беседе. Н. Н. Крестинский самым определенным образом доводил до сведения наркома о своем нежелании ехать в Берлин: «Удивляюсь Вашему предложению при наличии более подходящих кандидатур: А. Л. Шейнмана, Г. Я. Сокольникова и Я. А. Берзина. Меня все более тянет на местную работу — хозяйственную и административную, в частности на Урал. Если постановление ЦК о разрешении мне после отпуска ехать на Урал останется в силе, Ваше предложение категорически отклоняю. Если же мне придется работать в Москве, в Наркомфине, то я предпочитаю Берлин. Убедительно прошу не выступать инициатором пересмотра вопроса о моей поездке на Урал». Но Г. В. Чичерин проявил в этом вопросе настойчивость, и его выбор оказался, несомненно, удачным.

* * *

*

21 октября 1921 г. Н. Н. Крестинский был назначен полпредом РСФСР в Германии. Началась работа, которая стала важнейшим делом его жизни. Конечно, он специально не готовился к этой деятельности. На вопрос анкеты при поступлении в НКВД «Какие иностранные языки знаете?» он ответил четко и однозначно: «Никаких». Но уже менее чем че-

рез три года написал: «Понимаю и немного говорю по-немецки, понимаю по-французски и по-польски». Это свидетельствовало о его блестящей общеобразовательной подготовке, громадной работоспособности и умении учиться всегда и везде.

В ноябре 1921 г. Николай Николаевич прибыл в Берлин в здание советского полпредства на Унтер ден Линден. 15 ноября полпред встретился с рейхсканцлером Й. Виртом для вручения верительных грамот. Официально дипломатические отношения еще не были установлены. Но Вирт, умный и гибкий политик, понимал историческое значение России. Он высказал удовлетворение заявлением Н. Н. Крестинского о том, что Советское правительство желает поддерживать хорошие отношения с Германией, и заверил, что считает «своей первейшей задачей по мере возможности содействовать усилиям, направленным на сотрудничество обоих народов»¹.

Германия переживала в тот период большие экономические и политические трудности. Связанное путами Версальского мирного договора германское правительство стремилось выйти из внешнеполитической изоляции, но действовало осторожно, с постоянной оглядкой на страны Антанты и США. В отличие от Германии Советская Россия не была побежденной страной. Поэтому она проводила последовательно независимую политику. Советское правительство было готово нормализовать отношения со всеми странами, в том числе и с Германией, на основе равноправия и невмешательства во внутренние дела.

С первых дней своей работы в Германии Н. Н. Крестинский активно включился в переговоры по экономическим вопросам. Он встречался с министрами, ответственными сотрудниками различных министерств и учреждений, представителями деловых кругов. Вместе с торгпредом Б. С. Стомоняковым он добивался получения кредитов под конкретные торговые сделки, заключения ряда концессионных договоров. Привлечение иностранного капитала и новейшей технологии для обновления и модернизации советских предприятий он считал одной из главных задач и находил в этом вопросе поддержку В. И. Ленина.

В начале 1922 г. Советское правительство, как и правительства других европейских стран, приступило к интенсивной подготовке к первой после войны международной конференции в Генуе. В комиссию по разработке позиции

¹ Советско-германские отношения. 1917—1922.— М., 1972.— Т. 2.— С. 395.

советской делегации, возглавляемой наркомом Г. В. Чичериным, входил и Н. Н. Крестинский.

В начале апреля советская делегация выехала в Геную. Н. Н. Крестинский еще некоторое время оставался в Москве и не участвовал в переговорах, которые вел Г. В. Чичерин с немцами в Берлине. Тем более для него было неожиданным и радостным получить сообщение из Италии, что в Рапалло, во время продолжавшейся Генуэзской конференции, был подписан исторический договор между Советской Россией и Германией, предусматривавший отказ от взаимных материальных претензий и установление дипломатических отношений.

Нормализация отношений между двумя странами означала также изменение правового статуса Н. Н. Крестинского: он становился полпредом в ранге посла и как таковой получал аккредитацию уже не при главе правительства, а при главе государства. Это повышало его личный престиж среди членов дипломатического корпуса.

Вручая 2 августа 1922 г. президенту Германии Фридриху Эберту новые верительные грамоты, Н. Н. Крестинский изложил в своей речи целую программу дальнейшего улучшения советско-германских отношений. Он заявил: «Мое правительство считает, что дальнейшим шагом, соответствующим хозяйственным интересам обеих стран, явилось бы распространение уже заключенного Рапалльского соглашения на другие советские республики, связанные с РСФСР в одном общем рабоче-крестьянском союзе. Мое правительство считает также желательным заключение торгового договора, который бы оживил и углубил экономические отношения»¹.

В июне — июле 1922 г. Н. Н. Крестинский впервые принял участие в международной конференции, которая состоялась в Гааге. Представители западных держав считали, что если в Генуе им не удалось навязать Советской России обязательства по уплате иностранных долгов и возмещению за национализированное имущество, то это можно будет сделать на новой конференции. Однако их надежды не оправдались.

Николай Николаевич, находясь в Берлине, наблюдал за различными тенденциями в очень непростой политической жизни Германии. Одни политические силы, наиболее последовательным выразителем которых был германский посол в Москве граф У. Брокдорф-Ранцау, выступали за союз с

¹ Советско-германские отношения. 1922—1925 гг.: Документы и материалы. — М., 1977. — Ч. 1. — С. 53—54.

Советской Россией, другие искали союза с западными державами путем вступления в Лигу Наций, ослабления пут Версальского договора и создания единого антисоветского фронта. Борьба этих противоположных тенденций обострялась внутривнутриполитическими трудностями — инфляция, вооруженное восстание германских рабочих в 1923 г. в Гамбурге и др.

Но несмотря на трудности, отношения между двумя странами успешно развивались. Уже в августе 1922 г. был решен вопрос об открытии германского генерального консульства в Петрограде, а советского — в Гамбурге. Несколько позже, в январе 1923 г., был согласован вопрос об учреждении германских консульств в Ново-Николаевске (Новосибирске) и Владивостоке, а впоследствии в Харькове и Одессе. В свою очередь СССР получил право открыть консульства в Штеттине, Кенигсберге и Лейпциге.

5 ноября 1922 г. Н. Н. Крестинский подписал договор о распространении Рапалльского договора на союзные с РСФСР советские республики. Это были первые успехи в реализации рапалльской политики.

Н. Н. Крестинский уделял много внимания начавшимся советско-германским торговым переговорам. Советскую делегацию возглавил Я. С. Ганецкий, член коллегии Наркомвнешторга, но в нее вошли и сотрудники НКВД. Переговоры продолжались около трех лет и велись в Москве и Берлине большей частью по дипломатическим каналам. Активное участие в них принимал нарком Г. В. Чичерин. Договор был подписан 12 октября 1925 г., но уже в 1923 г. Германия вышла на первое место среди капиталистических стран в торговле с Советским Союзом.

Были заключены договоры о создании ряда смешанных обществ, например, «Дерулюфт» — общество воздушных сообщений между СССР и Германией, открывшее авиалинию Москва — Берлин, «Дерутра» — германо-русское транспортное общество, «Дероп» — общество по сбыту в Германии советских нефтепродуктов, «Русгерторг» — торговое общество с участием фирмы Отто Вольфа и др. Подписаны были также договоры о предоставлении концессий германскому капиталу. Так, фирма Ф. Круппа создала крупное сельскохозяйственное предприятие в Сальском округе Донской губернии, которое просуществовало до октября 1934 г. и на базе которого позже возник совхоз «Гигант». Но в целом концессии не получили в дальнейшем большого развития, и это, по-видимому, было неправильно.

Н. Н. Крестинский принимал активное участие в организации советско-германского военного сотрудничества, той

«изменческой связи» с рейхсвером, которую позже ему припомнят на судебном процессе против «врагов народа». А тогда, сначала по указанию В. И. Ленина и Л. Д. Троцкого, а затем И. В. Сталина, он договаривался с фон Сектом и другими военными руководителями Германии об использовании германских специалистов при восстановлении старых и строительстве новых военных заводов в СССР, подготовке военных кадров — летчиков, танкистов и др. Например, через созданное под Липецком военное авиационное училище, финансировавшееся рейхсвером, прошла не одна сотня советских и немецких летчиков. Все это, конечно, укрепляло прежде всего обороноспособность Страны Советов и способствовало, хотя и в небольшой степени, воссозданию военной мощи Германии. А это противоречило Версальскому договору. Учитывая пожелания германских правящих кругов, Советское правительство сохраняло длительное время в секрете сотрудничество с Германией по военной линии.

Несмотря на активно развивавшиеся политические и экономические связи между двумя странами, спокойной жизни у Николая Николаевича не было. То незаконный налет германской полиции на советское торгпредство, то слушание в верховном суде в Лейпциге так называемого «дела Чека», то вооруженное восстание немецких рабочих против правительства, то «разоблачение» социал-демократами советско-германского военного сотрудничества и т. д. — все это создавало непростую атмосферу вокруг полпредства. К тому же неуклюжие действия некоторых советских органов, в частности ГПУ, нередко вызывали протесты со стороны германского посольства в Москве, что немедленно подхватывалось германской печатью и превращалось в очередную антисоветскую кампанию.

Однако Н. Н. Крестинский, рассматривая эти провокации и антисоветские кампании как попытки столкнуть германское правительство с рапалльского курса на политическое и экономическое сотрудничество с СССР, продолжал спокойно и уверенно вести дело к дальнейшему углублению отношений между двумя странами.

В конце 1925 г. полпред предпринял зондаж о возможности заключения дополнительного политического соглашения с Германией. Однако он хорошо помнил свою беседу с министром иностранных дел Г. Штресеманом, когда тот откровенно заявил, что до тех пор, пока не урегулированы отношения Германии с западными державами, Советскому правительству придется ждать.

После заключения Германией Локарнского договора с ее

западными соседями о гарантии границ на Западе и ее вступлении в Лигу Наций путь к переговорам с СССР был открыт. Но понадобилось много встреч и бесед на разных уровнях, прежде чем договоренность была достигнута. Аргументируя свою позицию в отношении необходимости достижения компромисса по отдельным формулировкам будущего договора о нейтралитете, полпред писал в НКВД: «Я считаю, что заключение этого соглашения, во-первых, подтверждает и усиливает Рапалльский договор, делая это после Локарно и тем самым подчеркивая перед широким общественным мнением Германии, что Рапалло остается в силе. Во-вторых, в договоре имеется пункт 3, предусматривающий невступление во враждебные экономические соглашения»¹.

24 апреля 1926 г. полпред СССР в Германии Н. Н. Крестинский и министр иностранных дел Г. Штреземан подписали Берлинский договор о ненападении и нейтралитете. Это был важный политический документ.

Договор исходил из того, что основой взаимоотношений между двумя странами остается Рапалльский договор. Правительства обязывались «поддерживать дружественный контакт с целью достижения согласования всех вопросов политического и экономического свойства, касающихся совместно обеих стран». Стороны брали на себя обязательство соблюдать нейтралитет в течение всего конфликта, если одна из сторон подвергнется нападению третьей державы или группы третьих держав.

Подписание Берлинского договора способствовало укреплению торгово-экономических связей. В июне 1926 г. удалось добиться предоставления СССР германских сравнительно долгосрочных кредитов в сумме 300 млн. марок. Кредит предоставлялся банками из расчета 9,4% годовых и частично гарантировался германским правительством. Он давал новый импульс расширению советских заказов в Германии и тем самым росту советско-германской торговли.

Надвигался мировой экономический кризис, и советские заказы имели все возрастающее значение для загрузки германских промышленных предприятий, для сохранения занятости немецких рабочих. В то же время импорт германского промышленного оборудования имел не меньшее значение для всестороннего развития советского народного хозяйства.

¹ Документы внешней политики СССР.— М., 1964.— Т. IX.— С. 131—132.

21 июля 1930 г. ЦИК СССР удовлетворил просьбу Г. В. Чичерина об освобождении его от обязанностей наркома по состоянию здоровья. Наркомом стал М. М. Литвинов. В тот же день Н. Н. Крестинский был назначен первым заместителем наркома. К этому времени он накопил большой опыт политической, организационной и дипломатической работы. Но главное, конечно, было в том, что он был лично известен Сталину и Молотову и, находясь в течение девяти лет на посту полпреда, открыто не выступал против «вождя».

По приезду в Москву Н. Н. Крестинский поселился в Кремле, где он жил ранее. Это был, видимо, особый жест благоволения И. В. Сталина к Николаю Николаевичу как бывшему члену Политбюро и Секретариата ЦК партии, где они в прошлом сотрудничали. Ведь даже нарком М. М. Литвинов жил в городе.

Теперь, оценивая этот факт с точки зрения повседневной жизни, понимаешь, что жизнь в Кремле, не давая каких-либо преимуществ, создавала массу неудобств, особенно когда Кремль был закрыт для посторонних. Тогда же, по свидетельству дочери Крестинского Натальи Николаевны, они поселились во флигеле справа от Большого Кремлевского дворца, на втором этаже с общей кухней, т. е. в квартире, мало отличавшейся от знакомой нам обычной «коммуналки». Там же жили семья В. В. Осинского (Оболенского), заместителя председателя Госплана СССР, супруга покойного Я. М. Свердлова Клавдия Тимофеевна с дочерью Верой и сыном Андреем и др. Недалеко, в так называемом Кавалерийском корпусе, жили семьи Г. К. Орджоникидзе, В. М. Смирнова и др. Проходили они в Кремль обычно через Троицкие ворота. Жили довольно замкнуто. В гости друг к другу, за исключением детей, почти не ходили. Да и напряженный ритм жизни, работа по вечерам, которую практиковал Сталин, его настороженное отношение ко всякого рода проявлениям дружеских чувств не способствовали свободному, раскованному общению.

Приступив к своим обязанностям в качестве первого заместителя наркома, Н. Н. Крестинский стал курировать дела, связанные с отношениями СССР со странами Запада. Восточными делами уже много лет занимался другой заместитель наркома Л. М. Карахан, а после его отъезда в 1934 г. полпредом в Турцию вторым заместителем стал Б. С. Стомоняков, которого Николай Николаевич хорошо знал по Берлину. Конечно, Н. Н. Крестинскому приходилось

заниматься всеми вопросами советской внешней политики, поскольку М. М. Литвинов часто находился за границей, особенно после вступления СССР в Лигу Наций. В отличие от наркома, который был сух и даже резок в обращении с работниками аппарата НКВД, Крестинский слыл демократом. Он был весьма доступен, помнил имена и отчества многих сотрудников, нередко вызывал их к себе, минуя непосредственных начальников. Он обладал феноменальной памятью и исключительной работоспособностью. Бывшая сотрудница НКВД З. А. Назарова рассказывала: «Николай Николаевич был чрезвычайно умным, интеллигентным, вежливым и душевным человеком. Видел он очень плохо. У него были такие толстые очки, но они ему помогали мало. Без секретаря он обойтись не мог. Секретари читали ему газеты, почту, показывали, где ставить резолюцию на документах, а потом сами с трудом расшифровывали их».

Рабочий день Н. Н. Крестинского затягивался за полночь. Поэтому двое его секретарей работали посменно, через день.

...Начало 30-х годов. Продолжался мировой экономический кризис. Международная обстановка усложнялась. Приходилось много думать, анализировать, давать оценку новым событиям, происходившим в мире.

Став первым заместителем наркома, Николай Николаевич взял на себя в первую очередь германские дела. Новый полпред в Германии Л. М. Хинчук сообщал: «С 1928 г. мы видим оглушительный рост «наци», и перелома в настоящее время трудно ожидать»¹. Н. Н. Крестинский все это знал, но считал необходимым более активно использовать заинтересованность германских промышленных кругов в укреплении двусторонних отношений. Возможности для этого имелись.

8 января 1931 г. он дает указание полпреду договориться от имени ВСНХ с представителями крупнейших германских фирм об их приезде для переговоров в Москву. Через неделю заместитель наркома, поторапливая полпреда, который не спешил с выполнением поручения, строго указал: «Отнеситесь к этому делу как к наиболее срочной мере, не терпящей отлагательств, и примите все меры к осуществлению директивы»².

Такая поездка делегации крупнейших концернов — Круппа, «Демаг», «Борзиг», Отто Вольфа, Флика, Клекнера, Сименса, «АЕГ» и др. — состоялась. Банкиры и промышлен-

¹ Документы внешней политики СССР. — М., 1969. — Т. XV. — С. 287.

² Там же. — Т. XIV. — С. 31.

ники встречались в Москве с советскими хозяйственными руководителями Г. К. Орджоникидзе, С. В. Косиором, Г. Л. Пятаковым. Дал обед в честь делегации и Н. Н. Крестинский. В результате состоявшихся затем интенсивных переговоров в Берлине 14 апреля было подписано соглашение о размещении в Германии советских заказов на 300 млн. марок и предоставлении для этих целей немецкого кредита. В условиях мирового экономического кризиса эти заказы имели для Германии особо важное значение. Но и для Советского Союза, осуществлявшего первый пятилетний план, не менее важен был импорт новейшего промышленного оборудования. Так что развитие торгово-экономических связей между двумя странами носило взаимовыгодный характер. Это соглашение, за которым последовали другие, ломало лед предубеждений, распространившихся в ряде стран.

Вскоре Н. Н. Крестинский получает шифрованную телеграмму из Парижа, в которой советский полпред В. С. Довгалевский сообщал, что Франция дала положительный ответ на неоднократные советские предложения о заключении пакта о ненападении и временного торгового договора. Это был очень заметный сдвиг в позиции французского правительства. На другой день, 22 апреля, полпреду был дан ответ о готовности Советского правительства начать переговоры. Но потребовалось еще полтора года переговоров, прежде чем договоры стали фактом.

Наметившееся советско-французское сближение проявлялось в расширении контактов и росте числа визитов государственных деятелей Франции в СССР (Э. Эррио, П. Кот и др.).

В конце сентября 1933 г. Н. Н. Крестинский получил информацию из дипагентства в Киеве о пребывании французского министра авиации Пьера Кота на Украине. На обеде, данном в его честь, П. Кот, выразив благодарность за радушный прием, заявил: «Дружба обеих наших стран давно была существенной необходимостью. Смею надеяться, что наши отношения станут более тесными и интимными. Мы видели Вас за работой, мы в восторге от Вашей страны, страны мужества, страны труда, строительства, заводов. Мы также познакомились с Вашей общественной жизнью и блестящим сохранением памятников искусства в Ваших музеях. Когда мы думаем о мире — мы вполне солидарны с Вашими взглядами по этому вопросу».

Николай Николаевич, конечно, понимал, что не все во Франции придерживаются аналогичных взглядов, не все готовы поддержать далеко идущие предложения СССР по созданию коллективной безопасности в Европе в рамках

«Восточного пакта». Однако борьба за его осуществление привела к нормализации отношений СССР с рядом государств Восточной Европы и установлению с ними дипломатических отношений — Албанией, Болгарией, Венгрией, Румынией и Чехословакией. В контексте общей борьбы за коллективную безопасность в Европе и Азии была достигнута договоренность об установлении дипломатических отношений с США, чему в Москве придавали большое значение. Недаром Сталин, почти не принимавший иностранцев, сделал исключение для первого американского посла в СССР У. Буллита.

Первостепенное внимание Крестинский уделяет борьбе против угрозы войны. В телеграмме полпреду СССР в Германии Я. З. Сурицу от 17 марта 1935 г. он писал: «Вчерашняя гитлеровская бомба — введение всеобщей воинской повинности — является ... серьезным предупреждением, доказывающим широким кругам французского общественного мнения необходимость сближения с СССР»¹.

Общественное мнение сыграло свою роль. В мае 1935 г. был заключен советско-французский, а затем советско-чехословацкий договоры о взаимопомощи. Однако от формального подписания договора до установления действительно союзнических отношений дистанция оставалась огромной. И это особенно проявилось в политике Франции, когда пришлось давать отпор фашизму сначала в Испании, а затем в период подготовки мюнхенской сделки.

Еще в конце июля 1933 г. Н. Н. Крестинский подписал ответную телеграмму министру иностранных дел Испании Де Лос Риосу об установлении дипломатических отношений между СССР и Испанией и выразил готовность «приступить к немедленному обмену послами». Однако назначенный полпредом в Испанию А. В. Луначарский умер во Франции, так и не доехав до Мадрида. Дипломатические отношения с Испанией в течение почти трех лет оставались не реализованными.

18 июля 1936 г. испанский генерал Франко при поддержке извне поднял фашистский мятеж против законного республиканского правительства в Испании. Вокруг него стали группироваться все реакционные силы. Прямую военную, экономическую и политическую поддержку оказали мятежникам фашистская Италия и гитлеровская Германия.

Развернувшаяся дипломатическая борьба вокруг итало-германской интервенции в Испанию требовала больших уси-

¹ Документы внешней политики СССР.— М., 1973.— Т. XVIII.— С. 185.

лий со стороны советских дипломатов по созданию единого фронта демократических государств против агрессии. Н. Н. Крестинский добился того, что в Мадрид срочно был назначен полпред, которым стал М. И. Розенберг, опытный работник Наркоминдела, представлявший ранее СССР в Лиге Наций.

Вспоминая эти дни, полпред в Лондоне И. М. Майский писал:

«8 октября 1936 г., днем, я вернулся в Москву из отпуска, который проводил на Кавказе. Едва вошел в квартиру, как зазвонил телефон. У телефона оказался сам Крестинский, который выполнял в этот период обязанности наркома (М. М. Литвинов находился в отпуске).

Через полчаса мы встретились в кабинете Крестинского в Наркоминделе, который рассказал о последних событиях в Испании, создании Комитета по невмешательству. Он говорил, что наш долг поддержать испанских демократов, противодействовать тем актам Лондонского комитета по невмешательству, которые не учитывают разницу между агрессором и его жертвой.

— Завтра же выезжайте в Лондон,— резюмировал Николай Николаевич,— а сегодня вечером мы с Вами поедem в Кремль, где Вы получите конкретные указания»¹.

Крестинский следил за тем, чтобы советская помощь Испании не ухудшала международное положение СССР, не портила отношений СССР с Великобританией, Францией и другими странами. В телеграмме генконсулу СССР в Барселоне В. А. Антонову-Овсеенко он советовал установить дружественные отношения с каталонским правительством, а не вмешиваться в непосредственное руководство военными операциями против мятежников.

В октябре 1936 г. Н. Н. Крестинский обратил внимание полпреда в Испании М. И. Розенберга, что тот допустил ошибку и не известил дуайена дипломатического корпуса о своем прибытии. «Не важно, что дуайен — чилиец, с которым мы не поддерживаем отношения. Срочно исправьте свою ошибку».

Выше уже упоминалось, что Николаю Николаевичу приходилось заниматься не только европейскими, но буквально всеми вопросами советской внешней политики. Так, 29 марта 1936 г. он подписал вместе с афганским министром иностранных дел Файза Мухаммед-ханом Протокол о продлении на 10 лет Договора о нейтралитете и взаимном ненападении между СССР и Афганистаном.

¹ Майский И. М. Воспоминания советского посла.— Кн. 2.— С. 294—295.

Напряженные дни и месяцы работы сменялись у Николая Николаевича долгожданными отпусками, когда он мог поехать на юг, расслабиться и отдохнуть вместе с семьей. До осени 1933 г. он, как и другие руководящие деятели, лечился большей частью за границей, пока Сталин не положил конец этой практике. В последние годы он стал ездить в Крым, на Кавказ, беря с собой дочку Наташу, поскольку его супруга, будучи главным врачом Филатовской детской больницы, не всегда могла сопровождать его.

Довольно часто работники НКВД на выходные и праздничные дни выезжали в подмосковные дома отдыха Наркоминдела в Ильинском, в Клязьме и др. Н. Н. Крестинский приезжал туда обычно ненадолго, взяв с собой своих секретарей с их женами. Собиралось много сотрудников, занимавших разное служебное положение. Все вместе шутили, дурачились, веселились.

Как-то в начале марта 1937 г. на даче в Клязьме, вспоминает Наталья Николаевна, отец сказал ей, что его вызывал Сталин и как бы между прочим предложил ему перейти на другую работу. Сказано это было под благовидным предлогом, что неудобно, мол, держать в Наркоминделе, где такие широкие связи с иностранцами, человека, который когда-то был близок к оппозиции. Крестинский согласился с ним, хотя Сталин в тот момент ничего конкретного не предложил. Никаких сомнений Николай Николаевич дочери не высказал, но, наверное, про себя подумал, что Сталин все помнит и не забыл никаких его прегрешений.

* * *

*

В вихре каждодневных будней Н. Н. Крестинский с тревогой наблюдал за все разрастающейся вакханалией политических преследований, арестов и убийств. Он работал, как обычно, много, часто исполнял обязанности наркома в связи с выездами М. М. Литвинова за границу, давал указания полпредам, отвечал на письма, ходил на официальные приемы в иностранные посольства, встречался с дипломатами, аккредитованными в Москве. Но за спокойным тоном его писем и бесед проскальзывала глубокая горечь. Он, как мог, успокаивал уполномоченного НКВД СССР при правительстве УССР С. И. Бродовского, представителя НКВД в Харькове И. П. Калину и других советских дипломатов, жаловавшихся на многочисленные аресты советских и иностранных граждан, особенно на аресты служащих учреждений НКВД на периферии, которые трудно было объяснить.

Николай Николаевич раньше многих руководящих работников Наркоминдела, да и других советских и партийных работников, понял, в каком направлении идет развитие событий. Уже первые процессы 1936 г. показали, что о правосудии в полном смысле слова не может быть и речи. А ему как юристу по образованию весь этот механизм был хорошо известен. Он не стал, как Карл Радек или В. А. Антонов-Овсеенко, проклинать публично «троцкистско-зиновьевскую банду», этих «злейших врагов народа», «с которыми может быть только один разговор — расстрел». Возможно, именно поэтому он был арестован в Наркоминделе одним из первых.

29 марта 1937 г. Николай Николаевич формально получил новое назначение — заместителя наркома юстиции. Посещение нового наркомата произвело на него угнетающее впечатление. Назначенный в 1936 г. наркомом юстиции СССР Н. В. Крыленко ходил под влиянием царящего в судах произвола как в воду опущенный. Он никого не принимал... По словам заместителя председателя Верховного суда СССР С. С. Пилявского, Николай Васильевич, видный деятель революции, входивший в состав первого Советского правительства, понемногу спивался... в окружении близких друзей.

Назначение Н. Н. Крестинского в новый наркомат было довольно обычным приемом Сталина: не надо давать объяснений. В одном наркомате написали приказ об увольнении в связи с переходом на другую работу. В другом наркомате еще не успели написать никакого приказа.

20 мая 1937 г. поздно вечером за ним в его кремлевскую квартиру приехали работники НКВД. Он был спокоен. Видимо, к этому «визиту» он давно подготовился. Простился с женой, которая только что пришла с работы. Испуганной шестнадцатилетней дочери Наташе, наблюдавшей за обыском и торопливыми сборами отца, Николай Николаевич спокойно сказал: «Учись, дочка. Знай, я ни в чем не виноват».

Для такого заявления у него были все основания. Только два года назад на вопрос анкеты, связанной с очередной проверкой членов партии, «Подвергался ли партвыскапаниям за время пребывания в ВКП(б)?» он ответил: «Не подвергался».

Но теперь его объявили «врагом народа» еще до того, как начался суд.

Судебный процесс по делу так называемого антисоветского «правотроцкистского блока» проходил в Октябрьском зале Дома Союзов и продолжался со 2 по 13 марта 1938 г. Обвинялся 21 человек. Только трое из них потребовали

защитников. Они еще верили в какую-то законность и справедливость. Большинство же обвиняемых, и среди них Н. И. Бухарин, А. И. Рыков, Н. Н. Крестинский, Х. Г. Раковский и др., от защитников отказались.

Председательствующий судебного присутствия военной коллегии Верховного Суда Союза ССР Ульрих дал команду огласить обвинительное заключение. В нем говорилось: «Обвиняемый Крестинский Н. Н. по прямому заданию врага народа Троцкого вступил в изменческую связь с германской разведкой в 1921 году».

После прочтения обвинительного заключения председательствующий опросил каждого подсудимого в отдельности, признает ли он себя виновным. Все-подсудимые, за исключением Крестинского, полностью признали себя виновными в предъявленных им обвинениях.

Поэтому государственный обвинитель Вышинский начинает допрос не с Крестинского, а с других подсудимых, чтобы всячески опорочить заместителя наркома. При этом он не утруждает себя поиском аргументов и доказательств. Каждое слово Вышинского — ложь и искажение фактов.

Как прокурор ни лез из кожи, стремясь «уличить» Крестинского, тем не менее последний смог доказать, что «свидетели» просто-напросто лгут, что сам он на следствии дал фальшивые показания, бросив тем самым открыто вызов в отношении практиковавшихся методов следствия.

В ходе процесса Вышинский продолжал избегать непосредственного допроса Николая Николаевича, а пытался обвинить его в троцкистской деятельности устами «свидетелей» — подсудимых С. А. Бессонова, Г. Ф. Гринько, Х. Г. Раковского и др.

Да и трудно было обвинению доказывать заведомую неправду, хотя оно и манипулировало фактами, как хотело. Ведь Вышинский и суд знали, что Н. Н. Крестинский имел дело в 1921 г. не с «врагом народа» Л. Д. Троцким, а с членом Политбюро ЦК ВКП(б), наркомом по военным и морским делам, председателем Реввоенсовета Советской Республики и т. д. И вступил он, как рассказывалось выше, не «в изменческую связь с германской разведкой», а в официальные контакты с рейхсвером по прямому указанию Советского правительства, будучи полпредом СССР в Германии.

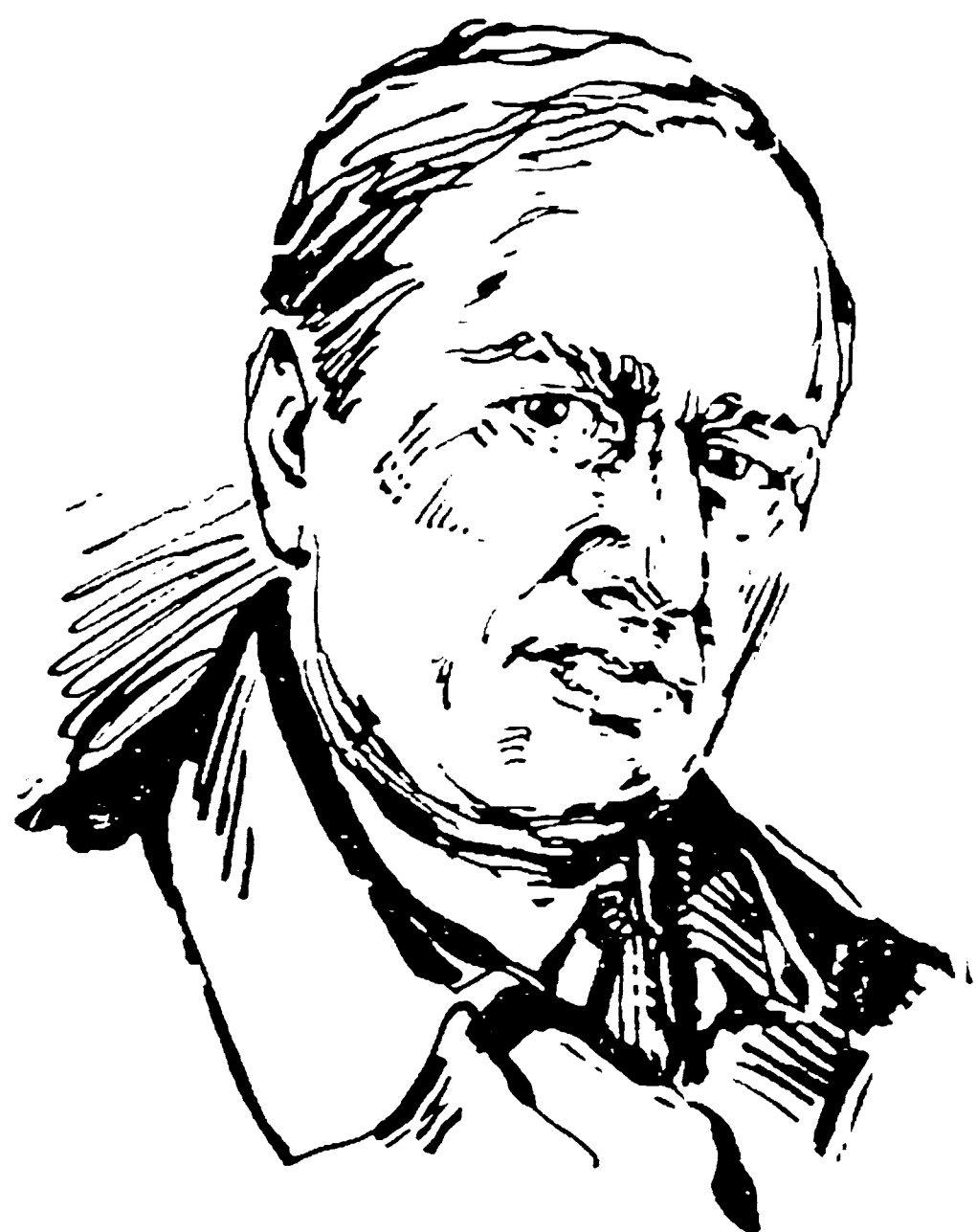
Можно только удивляться, с какой циничностью обвинение использовало любой действительно существовавший факт или эпизод, переворачивало его с ног на голову для огульных обвинений подсудимых в государственной измене, шпионаже, терроризме. Доказательств не требова-

лось. Суд не ставил под сомнение голословные утверждения прокурора, не требовал проведения экспертизы документов, обоснования фактов. Все обвинение покоилось лишь на «показаниях» и «признаниях» подсудимых на предварительном следствии. Как выколачивались эти признания, теперь нам известно. Но даже в этой обстановке Н. Н. Крестинский выступил против предъявленных обвинений: «Я не признаю себя виновным. Я не троцкист. Я никогда не был участником «правотроцкистского блока», о существовании которого я не знал. Я не совершал также ни одного из тех преступлений, которые вменяются лично мне, в частности, я не признаю себя виновным в связях с германской разведкой... Я до ареста был членом ВКП(б) и сейчас остаюсь таковым»¹.

После этого заявления в заседании суда был объявлен перерыв. Допрос Крестинского перенесли на следующий день. Можно только догадываться, какой он подвергался «обработке», какие ему пришлось перенести физические и моральные муки, если на следующем судебном заседании он признал себя виновным. В наше время существуют различные версии этого вынужденного признания, в том числе и такая, что Крестинского на самом деле подменили двойником.

Но что бы там ни было, мужество таких людей, как Н. Н. Крестинский, помешало «открыть заговор» в Наркоминделе и тем самым помогло спасти многих дипломатов, которые еще послужили своей Родине, даже будучи уволенными с дипломатической службы.

¹ Правда.— 1988.— 19 авг.

**Г. И. Чернявский,
М. Г. Станчев**

**Х. Г. РАКОВСКИЙ — ПОЛИТИК,
ДИПЛОМАТ, БОРЕЦ ПРОТИВ
САМОВЛАСТЬЯ**

Если верить гороскопу, то Х. Г. Раковский родился под знаком Льва. Как утверждают приверженцы астрологии, человек, родившийся под этим знаком, уже благодаря своей манере держаться вызывает симпатию окружающих. Гороскоп отмечает следующие характерные черты человека, родившегося под знаком Льва: творческий склад ума, широту натуры, веселость, предприимчивость, общительность. Он независим и смел, не сворачивает с избранного пути даже тогда, когда возникают сложные ситуации, стремится всегда быть признанным окружающими, находиться в центре внимания. Г. В. Плеханов в одном из писем Раковскому писал: «Мне страшно хочется Вас видеть. Это у меня одна из сильнейших нравственных потребностей». Сопратница Плеханова В. И. Засулич неоднократно подчеркивала, что все члены русской марксистской группы «Освобождение труда» с симпатией относились к молодому Раковскому, отмечала его полемический талант, непримиримость в дискуссиях, политическую и личную смелость.

Не были равнодушны к Раковскому и женщины, для которых политика не была главным в жизни. Они оставили в его судьбе яркий след. Лев остается львом. И в политике и в любви.

Каким же был Христиан Георгиевич Раковский как человек и как политик?

Родился Крыстю Станчев 1 августа 1873 г. в болгарском городе Котеле в зажиточной семье. Мать его была племянницей Георгия-Савы Раковского — одного из виднейших деятелей национально-освободительного движения бол-

гарского народа. Поэтому не случайно, что в 14 лет Крыстю берет фамилию Раковский.

Его неоднократно исключали из гимназий за издание и распространение революционной литературы, за участие в ученических «бунтах». Лишившись права обучаться в болгарских гимназиях, юноша в 1890 г. уезжает в Женеву, где поступает на медицинский факультет университета. Здесь он активно включается в социал-демократическое движение, знакомится с русской политической эмиграцией, в частности с Г. В. Плехановым, В. И. Засулич, П. Б. Аксельродом. Занимаясь подготовкой I и II международных конгрессов студентов-социалистов, Раковский неоднократно посещал Париж, Берлин и другие города, организовывал собрания, на которых читались доклады по социологии, истории и теории социализма, встречался с Ж. Гедом, К. Либкнехтом, Р. Люксембург, переписывался с Ф. Энгельсом.

Из-за преследований полиции Раковский был вынужден переехать из Женевы в Берлин, а оттуда в Цюрих и Нанси (Франция). Последние годы студенческой жизни он провел во французском университетском центре Монпелье, закончив свое медицинское образование защитой докторской диссертации.

Так к середине 90-х гг. Раковский стал не только квалифицированным специалистом-медиком, но и зрелым социалистом, публицистом и оратором, активно участвовавшим в жизни болгарской, русской, немецкой и французской социал-демократии. Произошли изменения и в его личной жизни. В 1897 г. Крыстю женился на русской социал-демократке Елизавете Рябовой. После скитаний по Болгарии, а затем по Румынии молодая чета переехала в Россию, в Петербург. Кончина супруги в 1902 г. перечеркнула планы Крыстю. Да и в политическом отношении Петербург представлял собой тогда, по его словам, «пустыню» после студенческих волнений 1901 г., когда многие революционеры оказались в тюрьмах или ссылке. Раковский покидает Россию и уезжает во Францию. Но смерть отца заставила его переехать в Румынию и вступить по наследству во владение сельскохозяйственным имением, расположенным в небольшом городке Мангалии, в той части Добруджи, которая решением Берлинского конгресса 1878 г. отошла к Румынии. Здесь Раковский быстро наладил связи с румынскими социалистами, продолжал сотрудничать с российским революционным движением. По просьбе В. И. Ленина он писал статьи для «Искры», материально поддерживал многие социалистические газеты

оказывал финансовую помощь в политической деятельности Д. Благоеву, В. Засулич, Г. Плеханову, Л. Троцкому и др.

Переселившись в Румынию, Раковский предпринимает энергичные меры для восстановления социалистической партии, распавшейся несколькими годами раньше. Полный сил и энергии, он находит широкое поле для применения своих сил и способностей: совместно с румынскими социал-демократами и рабочими деятелями других стран организует международную кампанию в защиту матросов-потемкинцев, которая заставила правительство Румынии принять членов экипажа мятежного броненосца в качестве политических эмигрантов; участвует в издании газеты «Романия мунчитоаре» («Рабочая Румыния»); выступает против народников, анархо-синдикалистов; разрабатывает программные документы возрождавшейся социал-демократии. Именно в эти годы имя Крыстю было изменено на румынский манер, и Раковский на всю дальнейшую жизнь стал Христианом. В Румынии он установил тесные связи с К. Доброджану-Геря (К. А. Кацем), русским народником-эмигрантом, лидером румынских социалистов, с врачом В. С. Ивановским, также эмигрировавшим из России в связи с революционной деятельностью, а через него — с выдающимся писателем-демократом В. Г. Короленко (Ивановский был шурином Короленко).

В 1907 г. во время крестьянского восстания в Румынии Раковского арестовали и выслали из страны. В течение пяти лет (1907—1912 гг.) он скитался по Европе: жил во Франции, Германии, Бельгии, Турции, Болгарии, многократно пытался нелегально проникнуть в Румынию. Мать и старшая сестра, стремясь уговорить Христиана, уговорили его жениться на тихой и скромной учительнице французского языка одной из софийских гимназий Анне Киселковой. Но привязать Раковского к домашнему очагу не удалось. Испытывая к нему сильное чувство, Анна не смогла понять главного в Раковском — как человек независимый, неумной энергии он не терпел никаких ограничений, тем более таких, которые могли коснуться его политической деятельности.

Вскоре после того, как в 1912 г. Раковскому удалось вернуться в Румынию, его брак с А. Киселковой распался. В Бухаресте он встретился с Александриной Кодряну — учительницей математики и социалистической журналисткой, которая стала его верной супругой и помощницей до конца жизни.

Христиан Раковский явился одним из активных деятелей

II Интернационала. Из его девяти конгрессов он не участвовал только в первых двух, на четырех конгрессах был представителем болгарской, а на последних трех — румынской социал-демократии. Ни на одном из конгрессов, в которых ему пришлось участвовать, Раковский не оставался в стороне от обсуждаемых проблем, выступал против анархистов, заступался за армян, македонцев и греков, подвергавшихся национальному угнетению, против участия социалистов в буржуазных правительствах, против милитаризма и опасности войны. Своей деятельностью во II Интернационале Раковский выдвинулся в ряды самых популярных и авторитетных его работников. Ряд лет он был членом информационно-совещательного органа II Интернационала — Международного социалистического бюро.

В Интернационале Раковский проявил себя как разумный и честный политик, в основном чуждый догматизма и мелочности, стремившийся к достижению реальных целей. Он прилагал усилия к объединению болгарской социал-демократии, расколотой на враждовавшие между собой партии «тесных» и «широких» социалистов. Но догматизм Д. Благоева и его соратников, реформизм Я. Сакызова и других лидеров «широких» предопределили неудачу этой объединительной деятельности. В годы первой мировой войны Раковский занимал активную антивоенную позицию, принимал участие в создании в 1915 г. Балканской социал-демократической федерации и стал ее секретарем. Он не разделял большевистской установки на революционный выход из войны, считал главной ближайшей задачей борьбу за скорейшее заключение демократического мира. Именно таковой была его позиция на международной конференции социалистов в Циммервальде в сентябре 1915 г.

В 1916 .. Раковский был арестован румынскими властями. 1 мая 1917 г. революционные русские солдаты освободили его из заключения в г. Яссы. Он сразу же выехал в Одессу, а затем в Петроград, где продолжал борьбу против войны. Эта деятельность вызывала раздражение у Временного правительства, оно стало угрожать высылкой. Посыпались обвинения по адресу Раковского как «агента германской армии». В его защиту выступил В. Г. Короленко, писавший, что «это, несомненно, злая клевета, пущенная противниками румынских социалистов».

Октябрьская революция застала Раковского в Стокгольме, куда он приехал, чтобы принять участие в третьей конференции циммервальдского объединения. Из столицы Швеции он пишет письмо в редакции петроградских газет

о своем присоединении к большевикам. Прибыв в конце декабря 1917 г. в Петроград, он встретился с Лениным и предложил ему свои услуги. Учитывая огромный опыт Раковского в международном социалистическом движении, знание им политической ситуации во многих европейских государствах, правительство Ленина решило вначале использовать его на дипломатическом поприще.

В январе 1918 г. румынские войска вступили на территорию Бессарабии, что резко осложнило ситуацию на советско-румынской границе. При Советском правительстве была незамедлительно создана Комиссия по делам Румынии (преобразованная вскоре в Верховную автономную коллегия по русско-румынским делам) во главе с Х. Г. Раковским, основной задачей которой была организация борьбы против румынской контрреволюции, за освобождение Бессарабии. Действуя в тесной связи с В. И. Лениным, Л. Д. Троцким, В. А. Антоновым-Овсеенко, имея в своем распоряжении отряд революционных матросов под командованием А. Г. Железнякова и при поддержке армии М. А. Муравьева, Раковский и возглавляемая им коллегия добились, что Румыния 5 марта 1918 г. подписала договор с РСФСР, по которому румынские войска должны были очистить Бессарабию до 15 мая, предоставив местному населению право на самоопределение. Однако в результате нарушения правительством А. Авереску договорных обязательств претворить в жизнь советско-румынское соглашение не удалось.

Вскоре бурные вихри гражданской войны забросили Х. Г. Раковского на Украину, где у власти был Центральный совет («Рада»), провозгласивший независимость Украины. Появилась необходимость подписать мирное соглашение между РСФСР и Украиной. Решением ВЦИК и СНК РСФСР 16 апреля 1918 г. Раковский был назначен руководителем делегации в Курск, где предполагалось начать переговоры (в состав делегации входили также Д. З. Мануильский, И. В. Сталин и М. П. Томский). В Курске возник первый конфликт между Раковским и Сталиным. Он касался лишь вопроса о полномочиях членов делегации и вскоре был исчерпан. Однако, по-видимому, уже тогда у будущего «вождя и учителя» возникло стойкое неприязненное чувство к Раковскому. Между тем в Киеве произошел государственный переворот, в результате которого Центральный совет был свергнут и власть при поддержке германских войск захватил генерал П. П. Скоропадский, провозглашенный вскоре гетманом Украины. Новое правительство подтвердило намерение Украины вести переговоры с Москвой, и вскоре рос-

сийская мирная делегация во главе с Раковским уехала в Киев, а Сталин и Томский вернулись в Москву.

Переговоры, начавшиеся 23 мая 1918 г., шли трудно. Гетманское правительство, не удовлетворяясь той территорией, которая была захвачена немцами, требовало отодвинуть демаркационную линию дальше на север и восток. Остро встал вопрос о государственной границе между Украиной и РСФСР, а также о Крыме. Раковский сообщил в Москву о требованиях украинской делегации, подчеркивая «невероятную жадность и упрямство» гетмана. Советская делегация пошла на уступку, согласившись на передачу Украине территории площадью 46 тысяч квадратных километров в районе Припяти, а также рудников, заводов, лесов в Мозырском уезде. Но украинская делегация не соглашалась передать РСФСР южную часть Воронежской области и территорию в Донецком бассейне, находившиеся под властью гетмана, на чем настаивал Раковский. Переговоры зашли в тупик. Имея в виду, что Украина была оккупирована немецкими войсками и правительство Скоропадского послушно выполняло волю Германии, было решено перенести переговоры в Берлин. Однако этого сделать не удалось — в самой Германии назревала революция.

Возвратившись в Москву, Х. Г. Раковский недолгое время работал в Наркомате по иностранным делам. В это время в правительстве Советской Украины возник «председательский кризис», вызванный столкновениями левых (во главе с Г. Л. Пятаковым) и правых (во главе с Э. И. Квириным). ЦК КП(б)У выступил против дальнейшего пребывания Пятакова на посту главы правительства, но прийти к единому мнению, кому его возглавить, украинские руководители не могли. Было решено искать «нейтральную фигуру», и выбор пал на Раковского, который хорошо зарекомендовал себя во время переговоров на Украине и пользовался уважением в кругах местных большевиков. Возглавив правительство Украины, Раковский произвел в нем перестановки и принял решительные меры для восстановления дисциплины в рядах Украинской Красной Армии.

Для более глубокого ознакомления с положением дел Раковский осуществляет инспекционную поездку по республике. Она показала срочную необходимость налаживания хозяйственной жизни, доведения до конца борьбы против контрреволюции, создания боеспособной Красной Армии из разрозненных повстанческих отрядов. Введение советской властью продразверстки и других мер «военного

коммунизма» в этот период еще более усугубило ситуацию, породив крупный политический кризис. Начались волнения среди крестьян и в армии.

Тревогу вызывали действия частей под командованием Н. И. Махно, отрядов Н. А. Григорьева, которые отказывались выполнять приказы советского командования и призывали к всеобщему восстанию против властей. Но наибольшую опасность представляли белогвардейские войска А. И. Деникина. 30 апреля 1919 г. решением Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета был образован Совет рабочей и крестьянской обороны во главе с Х. Г. Раковским, который должен был осуществлять непосредственное руководство мобилизацией сил и средств республики для борьбы с контрреволюцией. Правительство Украины выступило с инициативой создания военно-политического союза советских республик, поддержав идею объединения их военных и хозяйственных ресурсов. Под руководством Раковского на Украине была проведена реорганизация военных формирований, введены обучение военному делу, всеобщая воинская повинность.

Однако, несмотря на принятые меры, устоять перед натиском контрреволюции не удалось. Правительство Раковского вынуждено было эвакуироваться в Чернигов, а затем в Москву. Здесь Раковский пробыл шесть месяцев, возглавив по предложению Л. Д. Троцкого Политическое управление Реввоенсовета республики. В конце 1919 г. в результате разгрома деникинских войск значительная часть территории Украины была освобождена.

Х. Г. Раковский как глава украинского правительства с полным основанием считал, что важным условием победы революции является правильная постановка крестьянского вопроса. Но решался этот вопрос, особенно поначалу, догматически и вразрез с интересами крестьянства. Еще до деникинской оккупации правительство Раковского отстаивало ошибочный тезис, что «крупное советское хозяйство в украинском селе — основа нашего коммунистического строительства». Проводилась агитация в пользу коммун, создавались совхозы. Все эти преждевременные, диктуемые умозрительными теоретическими установками мероприятия вызывали большое недовольство украинского крестьянства. Они были подвергнуты критике Лениным на VIII Всероссийской конференции РКП(б), а также руководителями кооперативного движения на Украине. Вскоре в Москве при активном участии Х. Г. Раковского был составлен земельный кодекс УССР, принятый 5 февраля 1920 г., который ставил цель ликвидировать старую по-

литику недоверия к крестьянству. В какой-то мере изменение курса способствовало улучшению ситуации в украинской деревне. Тем не менее враждебное отношение значительной части украинского крестьянства к советской власти сохранялось.

Раковский и его сторонники провели большую и кропотливую работу по установлению сотрудничества с партией украинских левых эсеров («боротьбистов»), вставшей на коммунистическую платформу. Ряд лидеров боротьбистов по решению ВУЦИК вошли в состав Совнаркома Украины, что вызвало сопротивление некоторой части большевиков, не желавших, чтобы боротьбисты занимали руководящие посты. Вскоре под натиском большевиков (усилия Раковского играли здесь не последнюю роль) партия боротьбистов объявила о самороспуске. Многие ее деятели вступили в КП(б)У, заняли впоследствии высокие партийные и государственные посты. Однако в 30-е гг. почти все они пали жертвами сталинских репрессий. Ликвидация партии боротьбистов означала, что на Украине, вслед за РСФСР, было покончено с многопартийностью и политическая монополия КП(б)У как составной части РКП(б) стала реальностью. Вполне естественно, что на IX съезде РКП(б) в марте 1920 г. В. И. Ленин высоко оценил усилия Х. Г. Раковского, направленные на ликвидацию партии боротьбистов.

Позиция Раковского в отношении партии боротьбистов, а также по многим хозяйственным вопросам вызвала недовольство группы «демократического централизма» во главе с Т. В. Сапроновым, которая на IV конференции КП(б)У в 1920 г. выступила против Раковского. В результате он не был избран делегатом IX съезда РКП(б), не вошел в состав ЦК КП(б)У. Однако ЦК РКП(б) вмешался во внутрипартийные дела коммунистов Украины, приняв решение о роспуске ЦК, избранного на IV конференции КП(б)У. Новый пленум ЦК КП(б)У в апреле 1920 г. избрал Раковского и его сторонников членами ЦК и Политбюро. Так бесцеремонно, вопреки каким-либо демократическим принципам решались уже в те годы важные политические дела.

В суровых условиях гражданской войны и интервенции Раковский ратовал за «красный террор», считая его необходимым и справедливым ответом на «белый террор». В частности, в 1920 г. в борьбе с выступлениями крестьян он предлагал применять жестокие меры, не останавливаясь ни перед чем, брать заложников, уничтожать хутора и села, являвшиеся очагами повстанческих формирований. Состав-

лялись списки сел, против которых необходимо было применять репрессивные меры. Но Раковский постепенно убеждался, что террористические действия советской власти выходят далеко за пределы даже той, весьма условной, законности, которая складывалась в республике. Не выступая за прекращение кровавой вакханалии, он, однако, стремился не допустить крайностей и оказывал помощь арестованным, когда убеждался в нелепости предъявленных им обвинений. Против кровавых репрессий протестовал В. Г. Короленко, выступая в защиту десятков людей разных политических взглядов и социального положения. В ответ на многочисленные заступничества Короленко Раковский писал: «Ко всем письмам и всем Вашим вмешательствам я относился и отношусь с должным вниманием и искренне радовался, когда условия помогали их удовлетворить».

После окончания гражданской войны страна приступила к относительно мирному развитию. Политика подрыва верстки, обязательность которой была сомнительна с самого начала, исчерпала себя полностью. Жизненная необходимость перехода на новые рельсы хозяйствования стала ощущаться повсеместно. Новая экономическая политика, которая стала проводиться с 1921 г., нашла различное понимание у деятелей партии и государства. Раковский воспринял идеи нэпа как серьезную и длительную политику и активно занялся их разработкой и реализацией.

Как председатель СНК УССР он способствовал развитию различных форм кооперации на селе, но сам был склонен к созданию колхозов. Пытаясь не допустить усиления влияния зажиточного крестьянства («кулачества») на селе, Раковский еще в 1920 г. ратовал за создание «комитетов незаможных селян» (комнезамов) по типу комбедов в РСФСР. При переходе к нэпу встал вопрос об их судьбе в новых условиях. Пытаясь их сохранить, Раковский провел через ВУЦИК закон о комнезамах, в соответствии с которым они провозглашались «организациями государственного значения». Только в 1925 г. комнезамы стали формально добровольными общественными организациями и в таком виде просуществовали до 1933 г.

Пожалуй, трудно найти сферу государственной деятельности, в которой не принимал бы активного участия Х. Г. Раковский как председатель СНК УССР. Большой вклад внес он в борьбу с разрухой, голодом и холодом на Украине, в решение социальных проблем — ликвидацию безработицы, неграмотности, беспризорности детей, много сделал для подъема здравоохранения, обновления коммунального хозяйства республики.

Весьма важную роль сыграл Раковский в развитии советской государственности. В 1922 г. ему впервые пришлось публично столкнуться со Сталиным. Будучи членом комиссии по подготовке проекта совершенствования федеративных отношений между РСФСР и другими советскими республиками, он резко и открыто выступил против сталинского проекта автономизации, отстаивал идею федерации. Позиция Раковского была близка к позиции Ленина. Правильное урегулирование отношений между республиками Раковский считал исключительно важным как для внутреннего развития, так и для укрепления их международного авторитета.

Выход он видел в равноправном представительстве национальных интересов отдельных республик. Раковский внес предложение о создании в СССР двухпалатной системы. Он неустанно обращал внимание на диалектическую связь, органическое единство централизма и децентрализации, к которой надо было стремиться в развитии союзного советского государства. «Искусство нашего советского правления должно заключаться в правильном дозировании и уравнивании этих различных элементов, перевес которых в одну или иную сторону может дать только уродливый результат»¹.

На XII съезде РКП(б), на совещаниях, посвященных национально-государственному строительству, конфронтация Раковского и Сталина все более обострялась. Набиравший силу генсек и его окружение не могли простить Раковскому его «непослушания», последовательного отстаивания суверенности республик. Мужественная борьба Х. Г. Раковского на заседании конституционной комиссии 14 июня 1923 г. была его последним публичным, хотя и негласным антисталинским выступлением во всесоюзном масштабе в качестве главы украинского правительства.

Вскоре последовала кара — устранение Х. Г. Раковского с поста Председателя Совнаркома Украины и назначение его заместителем наркома иностранных дел и полпредом СССР в Великобритании (в 1925—1927 гг. он работал полпредом СССР во Франции). Обратим внимание, что «ссылка» за границу в качестве полпреда СССР стала с середины 20-х гг. довольно распространенным приемом устранения неугодных от активной политической деятельности.

Отправка Раковского на дипломатический фронт не была для него неожиданностью, да в этой сфере он и не был но-

¹ Раковский Х. Г. Союз Советских Социалистических Республик: Новый этап в союзном советском строительстве.— Харьков, 1923.— С. 4.

вичком. Он успел зарекомендовать себя как прекрасный дипломат еще в 1918 г., пытаясь ликвидировать русско-румынский конфликт и возглавляя переговоры с правительством Скоропадского. Будучи главой правительства Украины, он принимал участие в европейской экономической конференции в Генуе и в Лозаннской конференции по ближневосточным вопросам. По мнению многих западных дипломатов, Раковский был одним из самых активных русских участников конференции. Он внес важный вклад в подписание 16 апреля 1922 г. советско-германского договора в Рапалло.

Прибыв в Лондон 28 сентября 1923 г., Х. Г. Раковский активно включился в дело «постановки отношений между Советским Союзом и Англией на более прочные хозяйственные и политические основы»¹. Пришедшие в январе 1924 г. к власти лейбористы во главе с Р. Макдональдом, которого Раковский знал еще по работе во II Интернационале, были заинтересованы в стабилизации отношений с СССР.

Основная задача, которая была поставлена Советским правительством перед Х. Г. Раковским, — добиться признания Англией Советского Союза, — несмотря на многочисленные трудности, была в конечном счете выполнена, и в значительной мере это было связано с дипломатическим искусством Христиана Георгиевича. 1 февраля 1924 г. правительство Макдональда заявило о признании СССР.

Но юридическое признание не означало коренного улучшения советско-английских отношений. Предстояло решить ряд спорных вопросов, чтобы заложить правовую основу для экономических связей. Х. Г. Раковский приложил немало усилий для подготовки и проведения конференции по урегулированию двусторонних отношений. Как подчеркивала британская пресса, обаяние Раковского, его дипломатический такт, умелая аргументация сыграли немалую роль в достижении позитивных результатов. 8 августа 1924 г. были подписаны два договора: общий и торговый. Предусматривался порядок компенсаций обоснованных претензий британских держателей довоенных царских долговых обязательств, признавалась государственная монополия внешней торговли СССР, а торговые отношения между обеими странами намечено было строить на основе принципа наибольшего благоприятствования².

¹ Правда. — 1923. — 1 авг.

² См.: Документы внешней политики СССР. — М., 1963. — Т. VII. — С. 609—635.

Дело с «письмом Зиновьева» («письмом Коминтерна») позволило консерваторам во главе с С. Болдуином одержать победу на досрочных парламентских выборах, и изменившаяся ситуация в Англии привела к срыву ратификации советско-английских документов. Дипломатические отношения не были прерваны, но остались неурегулированными спорные вопросы.

Будучи полпредом в Англии, Х. Г. Раковский по рекомендации Москвы начал подготовку к налаживанию советско-французских отношений. Приход к власти во Франции весной 1924 г. «левого блока» во главе с Э. Эррио создал благоприятную обстановку для нормализации двусторонних связей. Х. Г. Раковский неоднократно встречался с французскими политическими деятелями — Э. Эррио, сенатором А. де Монзи для подготовки документов о признании Францией СССР, что и было заявлено 28 октября 1924 г. А через год, 30 октября 1925 г., Президиум ЦИК СССР принял постановление о назначении Раковского полпредом во Франции. Здесь Х. Г. Раковский чувствовал себя спокойнее и увереннее. Превосходное знание языка страны, в которой он провел студенческие годы и защитил докторскую диссертацию, сохранившиеся связи со старыми социалистами, деятелями культуры позволили ему наладить контакты с людьми, близкими к правительственным кругам. Наряду с ними частыми гостями в посольском особняке на улице Гренель были Ж. Садуль, А. Барбюс, М. Кашен, Л. Арагон и многие другие общественные и культурные деятели.

Х. Г. Раковский понимал, что предстоят сложные переговоры, ибо французы стремились добиться полного удовлетворения бывших собственников национализированных в СССР имуществ и держателей облигаций царских займов. Вопросы же торговли и других экономических связей их интересовали значительно меньше. Раковский заявлял представителям печати, что проблема долгов не является чисто финансовой. Война, революция, иностранная интервенция превратили эту проблему в политическую. Подчеркивалось, что СССР рассматривает вопрос о долгах во взаимосвязи с предоставлением ему кредитов со стороны Франции. Однако стороны так и не пришли к окончательному соглашению из-за изменений внутриполитической ситуации во Франции, где к власти пришло правительство «национального единства» во главе с Р. Пуанкаре, в котором ведущие позиции заняли правые партии.

Выдвижение Раковским по поручению руководства СССР новых предложений, сформулированных в виде открытого письма к главе французской делегации на переговорах

де Монзи, было расценено французской стороной как разглашение тайны переговоров. Вслед за этим усилилась начатая несколько раньше кампания за объявление советского полпреда во Франции персоной нон грата. Создается впечатление, что публикация письма, адресованного де Монзи, была провокацией, задуманной в кремлевском кабинете и направленной против Х. Г. Раковского, которого к этому времени Сталин и его присные решили устранить с арены активной политической деятельности.

Но основные обвинения против Раковского во Франции выдвигались в связи с его политической деятельностью в составе объединенной оппозиции в ВКП (б), в частности с подписанием им документа оппозиции, один из пунктов которого призывал солдат армий капиталистических стран в случае войны против СССР переходить на сторону Красной Армии. В октябре 1927 г. Х. Г. Раковский был отозван с дипломатического поста.

В качестве полпреда Х. Г. Раковский сыграл ведущую роль в процессе нормализации советско-британских и советско-французских отношений, в выработке общеполитических и торгово-экономических документов, определявших компромиссные условия компенсаций за национализированную в России собственность и восстановления хозяйственных связей с обеими странами. По различным причинам, как мы видели, эти соглашения в действие не вступили. Яркую, хотя и не лишенную парадоксальности характеристику Раковского-дипломата дал Л. Д. Троцкий: «Придворный костюм Раковский надевал так же, как во время войны красноармейскую шинель, как и производственную одежду. Но можно сказать, что из всех советских дипломатов Раковский лучше всех носил одежду посла и меньше всех давал ей воздействовать на свое «я»¹.

Между тем внутрипартийная борьба в СССР осенью 1927 г. резко обострилась. Оппозиция выступила с несколькими документами, предшествовавшими XV съезду ВКП (б). Х. Г. Раковский вначале в оппозиционной деятельности активного участия не принимал, хотя и сочувствовал оппозиции. Находясь в Лондоне, а затем в Париже, он вплоть до возвращения в СССР не мог полностью отдаться внутрипартийной борьбе. Единственной существенной инициативой Раковского, косвенно связанной с оппозиционной деятельностью до середины 1927 г., был вывоз на Запад и пере-

¹ Троцкий Л. Д. Портреты революционеров.— Benson, Vermont, Chalidze, Publications, 1988.— С. 312.

дача американскому публицисту Максу Истмену текстов ленинских писем — «Письмо к съезду» и «К вопросу о национальностях или об «автономизации», находившихся в СССР под покровом тайны, так как они содержали критику Сталина¹. Первоначально Х. Г. Раковский не был и в числе подписавших заявление 83-х с критикой линии ЦК ВКП(б) в основных вопросах партийной политики, но вскоре присоединился к этому заявлению.

В августе 1927 г. во время очередного пленума ЦК ВКП(б) Раковский был в числе 13-ти оппозиционеров, выступивших с заявлением по поводу речи В. М. Молотова на пленуме, в которой содержалось обвинение оппозиций в том, что она призывает к «повстанчеству против партии и советской власти»². Авторы заявления решительно отвергали это. Подписи Х. Г. Раковского под заявлениями 83-х и 13-ти дали основание партийной верхушке рассматривать его как одного из оппозиционных лидеров. Именно подпись Раковского под заявлением 13-ти вызвала шумную кампанию против него как полпреда СССР во Франции, а после этого и в советской печати на него началось массированное давление.

После пленума ЦК ВКП(б) в октябре 1927 г. члены ЦК и ЦКК, принадлежавшие к оппозиции, в том числе Раковский, выступили с заявлением по поводу решения об исключении Зиновьева и Троцкого из состава ЦК, в котором давалась резкая и вполне справедливая негативная оценка происшедшего.

Когда же за месяц до XV съезда была объявлена общепартийная дискуссия, Х. Г. Раковский попытался познакомить общественность со своими взглядами через печать, но все каналы информации были для него перекрыты. Тогда он занялся устной пропагандой взглядов оппозиции, фиксируя главное внимание на резкой критике бюрократических извращений в партийной и государственной жизни. Он выступал на собраниях коммунистов и перед рабочими в Москве, Харькове, Днепропетровске и Запорожье. Особенно рассчитывал Христиан Георгиевич на свою поездку по Украине, где кадровые работники и трудящиеся хорошо помнили его деятельность и относились к нему с глубоким

¹ Факт передачи Раковским Истмену этих документов зафиксирован в переписке Троцкого и Истмена 1931 г., хранящейся в коллекции Троцкого — Истмена Индианского университета в США (Троцкий Л. Д. Портреты революционеров. — С. 123)

² Коммунистическая оппозиция в СССР — Benson, Vermont, Chalidze, Publications, 1988. — Т. 4 — С. 48—50

уважением. Но он не учел, что сталинская бюрократия, мобилизовав аппарат агитации, смогла создать в партийных организациях не просто устойчивое антиопозиционное настроение, но и вызвать у основной массы коммунистов чувство ненависти к оппозиционерам. В резолюциях, принимаемых на партийных собраниях, выдвигались требования применить к оппозиционерам самые жестокие меры, вплоть до расстрела.

Партаппаратом были блокированы и сорваны попытки Раковского выступить на предприятиях Харькова, Днепропетровска, Запорожья, хотя многие рабочие этих городов хотели с ним встретиться и даже собирали подписи под требованиями о его приглашении. Рабочие справедливо спрашивали: «Почему на некоторых фабриках и заводах не удовлетворяют требования рабочих, которые требуют выступления Раковского?»

Между тем Х. Г. Раковский продолжал мужественную борьбу, стремясь донести до трудящихся свою оценку внутреннего и международного положения СССР. Несмотря на шумное, хорошо организованное аппаратом «стихийное» возмущение, он все-таки смог выступить на нескольких собраниях коммунистов, депутатов, простых трудящихся. Поездка Х. Г. Раковского по городам Украины серьезно встревожила правящую верхушку. После того как он отказался подчиниться требованию о возвращении в Москву, зафиксированному в двух телеграммах, посланных от имени ЦК и ЦКК, вопрос о его поведении был рассмотрен на Политбюро, где ему грозили исключением из партии. Раковский выехал в Москву. За две недели до начала XV съезда ВКП(б) его и других лидеров оппозиции исключили из ЦК, лишив тем самым важного канала общественно-политической деятельности.

На XV съезд ВКП(б), открывшийся 2 декабря 1927 г., Х. Г. Раковский и некоторые другие деятели оппозиции были допущены с совещательным голосом «согласно постановлению ЦК». Большая группа оппозиционеров (121 человек), включая Раковского, 3 декабря представила съезду заявление, в котором подчеркивалось отсутствие программных разногласий с партией и то, что, не отказываясь от своих взглядов, в целях сохранения единства партии они готовы прекратить фракционную борьбу и настаивают на возвращении в партию исключенных и освобождении арестованных за оппозиционную деятельность.

Х. Г. Раковский выступил на съезде 5 декабря, успев остановиться только на вопросах международного положения СССР. Ему понадобилось невероятное самообладание,

сдержанность и сосредоточенность, так как уже после первых слов заработала сталинская клика. Оратора непрерывно прерывали, со всех сторон раздавались грубые и оскорбительные выкрики.

Это было последнее выступление Х. Г. Раковского на партийном и советском форуме.

Разнузданная травля оппозиционеров заставила Х. Г. Раковского, в отличие от других, склонившихся к капитуляции, утвердиться в правоте своих критических суждений. 10 декабря он совместно с Н. И. Мураловым и К. Б. Радеком обратился к съезду с новым письменным заявлением, авторы которого подтвердили прекращение фракционной работы и настаивали на соблюдении демократических принципов в партии. 18 декабря Раковский вместе с Н. И. Мураловым, К. Б. Радеком и И. Т. Смилгой выступил с заявлением по поводу исключения оппозиционных деятелей из ВКП(б). Эти документы, оглашенные на съезде, были свидетельством политического мужества, смелости, принципиальности Х. Г. Раковского и его товарищей, что вызвало лишь новую волну бешенства сталинской группы. Съезд принял решение об исключении из ВКП(б) 75 оппозиционных деятелей, в том числе Х. Г. Раковского.

Христиан Георгиевич понимал, что исключение из партии должно привести к прямому насилию над ним и другими не капитулировавшими участниками оппозиции. Действительно, 30 декабря 1927 г. Президиум ЦИК СССР «отозвал» Раковского из состава ЦИК и тем самым лишил его последнего официального поста. А 3 января 1928 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение отправить не капитулировавших лидеров оппозиции в ссылку в отдаленные районы страны. Первым в Алма-Ату был выслан Троцкий, вслед за ним в Астрахань — Раковский.

В Астрахани Х. Г. Раковский смог быстро установить контакты со многими ссыльными оппозиционерами. Особенно активной, судя по имеющимся данным, была переписка с Л. Д. Троцким, К. Б. Радеком и его женой Розой, находившимися вначале в Тобольске, а затем в Томске.

Раковский работал в губернской плановой комиссии в качестве «специалиста-экономиста», занимаясь вопросами экономического районирования. Он изучал труды А. Сен-Симона и его ученика Б. Анфантена, перечитывал Маркса и Энгельса, начал писать мемуары о своих первых шагах в социалистическом движении, о встречах с Г. В. Плехановым, В. Либкнехтом, Р. Люксембург, Ж. Жоресом, В. И. Лениным, о гражданской войне.

В Астрахани произошло важное событие в личной жизни

Раковского. Он увлекся молодой женщиной Юлией Ионовной Щегловой, которая стенографировала его воспоминания, и сблизился с ней. Позже он узнал о рождении сына Аскольда. В семейной жизни Раковских возникли естественные трудности. Но его супруга Александрина оказалась на высоте: она не только не препятствовала контактам отца с ребенком, но позже, возвратившись в Москву, сердечно принимала маленького Аскольда в своем доме¹.

Оппозиционный лидер в ссылке отнюдь не прекратил своей политической деятельности. В Астрахани Х. Г. Раковский размышлял над сущностью и причинами тех порочных явлений, которые вели к вырождению советского государственного и партийного аппарата, к формированию бюрократической системы и серьезнейшим деформациям в том политическом и социально-экономическом курсе, который власть предержащие определяли как строительство социализма. Результаты раздумий Христиана Георгиевича были изложены в письме Г. Б. Валентинову (работавшему ранее в редакции газеты «Труд», а теперь находившемуся в ссылке в г. Великий Устюг) от 6 августа 1928 г. в ответ на его «Размышления о массах». Это письмо через год было опубликовано за границей и стало достоянием мировой общественности. Исходя из неутешительных констатаций о том, что партийное руководство ведет страну к погибельному пути, об «идейном убожестве и развращающем влиянии» партаппарата, использовавшего демагогию, антисемитизм, ненависть к интеллигенции, ксенофобию для укрепления своего диктата, Раковский говорил, что положение могло бы улучшить решительное сокращение объема и функций партруководства. Он считал утопией любую реформу, которая опиралась бы на партийную бюрократию.

В Астрахани Х. Г. Раковский вспомнил свою давно оставленную специальность медика и принял участие в борьбе со вспышкой малярии. Он сам заразился этой болезнью, которая на фоне тяжелого сердечного заболевания резко ухудшила общее состояние его здоровья. В течение некоторого времени он не мог даже передвигаться. Уже летом

¹ Предвидя возможное развитие событий, Ю. И. Щеглова дала ребенку свое отчество, и это способствовало тому, что он не разделил трагической участи детей «врагов народа». Аскольд Юльевич Щеглов, знавший с малых лет, кто его отец, хранил эту тайну в течение многих десятилетий. Он окончил Астраханский медицинский институт и аспирантуру в Ленинграде, защитил кандидатскую диссертацию. Ныне он доцент Тверского медицинского института.

1928 г. врачи сочли опасным его дальнейшее пребывание в Астрахани и потребовали перевода на Кавказ для лечения.

В начале ноября 1928 г. органы ОГПУ перевели Раковского из Астрахани в Саратов, но не для поправки здоровья, а с намерением разрушить его контакты и политические связи. Как и в Астрахани, в Саратове Раковский работает консультантом вначале губернской, а затем окружной плановой комиссии, занимается вопросами сельского хозяйства и народного образования.

Здесь Раковского посещал американский журналист Луи Фишер, который позже в вышедших в США книгах немало страниц уделил деятельности Раковского и встречам с ним. К этому времени часть оппозиции капитулировала перед Сталиным и обратилась к Раковскому с предложениями последовать за ней, вернуться в партию. Раковский вначале колебался, но в конце концов пришел к выводу, что такой шаг целесообразно предпринять только при гарантии права оппозиции отстаивать свою платформу и критиковать руководство. В ряде своих новых статей, позже опубликованных в «Бюллетене оппозиции» (сентябрь — декабрь 1929 г.), он критиковал теперешнюю политическую позицию Радека, Преображенского, Смилги, капитулировавших перед сталинским курсом, вскрывал объективные и субъективные причины кризиса оппозиции и бюрократического перерождения высшей партийной и государственной элиты.

Как только властям стало известно о публикации этих статей, последовали новые репрессии. В конце августа 1929 г. у Раковского был произведен обыск, к первоначальным трем годам ссылки ему добавили еще два и вместе с женой перевели в Барнаул, куда они прибыли 4 сентября 1929 г. Состояние здоровья Х. Г. Раковского ухудшалось. Моральные издевательства, которые он испытывал, глубокая обеспокоенность за судьбу страны и партии, крайне тяжелые климатические условия Алтая привели к резкому обострению сердечного заболевания.

Но несмотря на все невзгоды, Х. Г. Раковский и в Барнауле продолжал проявлять высокую политическую активность и принципиальность, верность своим убеждениям, возобновил связи с единомышленниками. Он разослал для согласования и присоединения подготовленные им еще в Саратове тезисы и заявления в ЦК ВКП(б), которые переписывались оппозиционерами от руки и рассылались в новые места. Несмотря на критику этого документа со стороны некоторых деятелей оппозиции, в целом заявление Раковского, первоначально подписанное также В. В. Косио-

ром и М. С. Окуджавой, стало своего рода новой платформой оппозиции, к которой присоединились около 5 тыс. ссыльных и заключенных¹.

В связи с решением о созыве летом 1930 г. XVI съезда ВКП(б) Х. Г. Раковский написал обращение к партии. Но во время очередного обыска его изъяли и оно осталось неизвестным. Но вскоре в условиях крайней конспирации Раковским был подготовлен текст «Обращения оппозиции большевиков-ленинцев в ЦК, ЦКК ВКП(б) и ко всем членам ВКП(б). (К предстоящей дискуссии)»², которое подписали также В. В. Косиор, Н. И. Муралов и В. Д. Каспарова. Оппозиционеры критиковали политику сплошной коллективизации в деревне и констатировали возникновение нового этапа в государственном развитии СССР — переход от рабочего государства с бюрократическими извращениями к «бюрократическому государству с пролетарско-коммунистическими пережитками». По существу дела, в таком определении было то же содержание, что и в современном термине «командно-административная система». Констатировались упразднение нэпа, обезличение национальных республик и лишение их самостоятельности и инициативы.

После XVI съезда ВКП(б) Х. Г. Раковский написал большую статью «На съезде и в стране», в которой были подмечены новые явления в жизни ВКП(б) и СССР. «Задача XVI съезда,— говорилось в статье,— заключалась в том, чтобы своим авторитетом закрепить организационные «достижения» сталинской фракции, закрепить аппарат над партией, сталинскую группу над аппаратом и самого Сталина, как признанного вождя, который венчает всю аппаратную машину, удобно обосновавшуюся на шее партии»³. Публикация этой статьи за рубежом привела к еще большему ухудшению режима Раковского как политического ссыльного. Он подвергался слежке и обыскам, возможность лечения, несмотря на ряд тяжелых сердечных приступов, не предоставлялась. Усилился контроль за всеми контактами и перепиской.

Со второй половины 1932 г. сведения о Раковском, публиковавшиеся в «Бюллетене оппозиции», становятся все более отрывочными и редкими. В Москве даже распространились слухи о его смерти. По свидетельству членов семьи

¹ См.: Бюллетень оппозиции.— 1929.— № 6.— С. 3.

² Там же.— 1930.— № 17—18.— С. 11—19.

³ Бюллетень оппозиции.— 1931.— № 25—26.— С. 9.

Раковского, из Барнаула он был переведен в Рубцовск, а затем в Якутск.

В нашем распоряжении нет никаких сведений о последнем годе пребывания Х. Г. Раковского в ссылке, в частности о том, каковы были непосредственные причины его отказа от оппозиционной деятельности, кроме того мотива, который был им изложен в телеграмме в адрес ЦК ВКП(б), отправленной из Барнаула 17 февраля 1934 г.: «Перед ростом международной реакции, направленной в последнем счете против Октябрьской революции и социалистического строительства СССР, разногласия, отделяющие меня от партии, теряют свое значение; считаю революционным долгом коммуниста-большевика прекратить полностью идейную и организационную борьбу против руководства и генеральной линии, установленных партией на ее съездах, и подчиниться ее решениям и дисциплине»¹.

Действительно, под влиянием роста фашистской опасности в Европе после прихода Гитлера к власти в Германии, некоторого смягчения внутренней ситуации в СССР, когда руководящие круги ВКП(б) и Советского государства давали понять, что выступают за внутривластическое сплочение и бывшие оппозиционеры могут быть привлечены к работе на ответственных постах, появились многие заявления бывших деятелей оппозиции о том, что они прекращают фракционную борьбу. В печати стали публиковаться статьи Н. И. Бухарина, Л. С. Сосновского, Г. Е. Зиновьева, Л. Б. Каменева, К. Б. Радека, непомерно восхвалявшие Сталина. Телеграмма Раковского принципиально отличалась от выступлений других бывших оппозиционеров тем, что в ней не было ни слова об идейно-политическом разоружении, об отказе от собственных взглядов, а лишь заявлялось о прекращении оппозиционной борьбы и подчинении дисциплине ВКП(б).

Х. Г. Раковский вместе с женой возвратился в Москву в апреле 1934 г. и после недолгого лечения стал заместителем председателя Ученого медицинского совета Наркомздрава РСФСР и начальником управления научных институтов этого наркомата. 18 апреля 1934 г. в «Правде» и «Известиях» было опубликовано его заявление, адресованное ЦК ВКП(б), которое, в отличие от февральской телеграммы, свидетельствовало о политическом, правда, не полном, разоружении. Обращаясь с просьбой о восстановлении в ВКП(б), автор объявлял об исчезновении каких-либо

¹ Правда.— 1934.— 20 февр., Известия.— 1934 — 20 февр.

разногласий с партией, хотя тут же оговаривал, что не нужно «закрывать глаза на недочеты аппарата, на его тенденцию к бюрократизации и разбуханию», о полном и безусловном одобрении генеральной линии партии и разрыве с «контр-революционным троцкизмом».

Имея медицинское образование, великолепные организаторские качества, опыт общения с самыми разнообразными категориями людей, данные исследователя, пропагандиста и оратора, владея многими европейскими языками, Х. Г. Раковский быстро включился в работу Наркомздрава. Он решительно выступал за концентрацию научных сил в медицине, сокращение совместительства, действительную, а не формальную оценку качества научных исследований в тесной связи с практикой здравоохранения и резко возражал против вульгарных извращений, не имевших ничего общего с наукой (например, когда в одном из институтов изыскивались социальные формы аппендицита)¹. Раковский настаивал на усилении международных связей советской медицинской науки, требовал пересмотра решения об отказе от Рокфеллеровской стипендии для советских медиков, значительных ассигнований на зарубежную специальную литературу.

Уже в самом начале своей работы в Наркомздраве, в октябре 1934 г., Х. Г. Раковский возглавил советскую делегацию на международной конференции Красного Креста, которая проходила в Токио. Почему Раковский, не входивший в руководство Красного Креста, был назначен руководителем делегации? Думается, что это была заранее подготовленная сталинская провокация, чтобы представить его, как это и было сделано позже, связанным с «японскими военными чинами в правительстве».

После убийства С. М. Кирова тучи над головой Христиана Георгиевича начали сгущаться. Раковский убедился, что в условиях набравшего силу политического террора в СССР его попытка прекратить оппозиционную деятельность и восстановление в партии (он был восстановлен в ВКП(б) в 1935 г., но «шутник» Сталин объявил его «молодым коммунистом» — партстаж стал исчисляться только с момента восстановления) без полного политического разоружения и без восхваления Сталина оказываются недостаточными. Во время провокационного процесса по делу так называемого «антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра» в 1936 г. перед ним встала дилемма: немедленная гибель или же зыбкая возможность

¹ ЦГА РСФСР.— Ф 482.— Оп. 24.— Ед. хр. 226.— Л. 40.

самосохранения на неопределенный срок. В условиях всеобщей ненависти и истерии по отношению к бывшим оппозиционерам 21 августа 1936 г. в «Правде» появилась небольшая статья Х. Г. Раковского «Не должно быть никакой пощады», в которой он бичевал самого себя за прошлую принадлежность к оппозиции. Но наиболее резкие эскапады звучали по адресу подсудимых и Л. Д. Троцкого. Всячески восхвалялся Сталин. В заключение звучал призыв расстрелять Зиновьева, Каменева и других обвиняемых. Невозможно дать ответы на возникающие в связи с публикацией этой статьи вопросы: сам ли Раковский предложил эту статью редакции или же его к этому принудили прямой угрозой-ультиматумом? Писал ли он сам этот текст или только поставил подпись под предварительно заготовленным? Как бы ни обстояло дело в действительности, именно теперь произошла истинная капитуляция Х. Г. Раковского, означавшая его политическую гибель. Христиан Георгиевич не знал, что через месяц после появления его статьи на места была направлена секретная директива Политбюро ЦК ВКП(б), предписывавшая расправу не только с «троцкистско-зиновьевскими элементами», но и со всеми теми, кто раньше был выслан. Так судьба Раковского была фактически предрешена за полтора года до того, как формально ему был вынесен приговор.

В ночь на 27 января 1937 г. Х. Г. Раковский был арестован по обвинению «в участии в контрреволюционной террористической организации». Семь с половиной месяцев он отказывался давать показания, на которых настаивали следователи. Есть свидетельство, что Христиан Георгиевич стал «признаваться» лишь после того, как ему показали арестованную племянницу Лилянну Гевренову, пригрозив, видимо, ее уничтожить. Издевательствами Х. Г. Раковского заставили подтвердить не только принадлежность к «террористической заговорщической организации», но и конкретные факты шпионажа в пользу Великобритании и Японии. Однако сами показания на следствии, а затем на суде в марте 1938 г. свидетельствуют о том, что, подтверждая нелепости, Раковский сам запутывал следствие и судей, разыгрывал роль в «театре абсурда», чтобы общественность могла понять действительный смысл его показаний. 65-летний Х. Г. Раковский был осужден на 20 лет тюрьмы, поражение в политических правах на 5 лет после отбытия заключения и конфискацию всего личного имущества.

Более года Х. Г. Раковский находился в Соль-Илецкой тюрьме, расположенной на Урале, к югу от Оренбур-

га, а в августе 1939 г. был переведен в Орловскую тюрьму, старинный «централ», подчиненный Главному управлению госбезопасности НКВД СССР. Александрина получила от мужа из тюрьмы несколько писем стандартного содержания. В мае 1941 г. Раковский обратился в высшие инстанции с просьбой о смягчении его участи. «Теперь я уже дряхлый старик, меня одолевает одышка, у меня головокружение и обморочные состояния. Я стал инвалидом», — писал он. Из тюремного управления НКВД СССР пришел ответ, что даже в переводе на больничное питание ему отказано.

8 сентября 1941 г. без вызова обвиняемого, без предварительного следствия, по личному распоряжению Сталина, оформленному постановлением Государственного Комитета Обороны СССР, Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила Х. Г. Раковского к расстрелу. 11 сентября он был убит палачами в числе 157 политзаключенных.

В течение десятилетий Х. Г. Раковский был предан забвению, и лишь после реабилитации в начале 1988 г. его доброе имя возвращено народам Болгарии, Румынии, России. Он по праву предстает перед нами как видный деятель социалистического движения Европы, опытный дипломат, приложивший значительные и небезуспешные усилия к нормализации отношений СССР с западноевропейскими странами, мужественный борец против утверждавшейся единоличной террористической власти Сталина.

В. А. А р т е м о в

**КАРЛ РАДЕК:
«ПУСТЬ ВРЕМЯ И ОПЫТ
ПОКАЖУТ, КТО И В ЧЕМ
ОШИБАЛСЯ...»**

Канун нового, 1919 года. В Берлине идет съезд только что созданной Коммунистической партии Германии. На трибуне с приветственной речью представитель Советской России. Он призывает к единению германского и русского пролетариата в борьбе с буржуазией, страстно просит поддержать Советскую Россию, которая одна не сможет выстоять в своей борьбе за социализм. «Да здравствует мировая социалистическая революция! Да здравствует боевой союз Советской России и Германской Советской Республики!» — его последние слова тонут в шквале аплодисментов. Этого человека хорошо знали по революционной работе в довоенной Германии — в Берлине, Лейпциге, Штутгарте, Бремене, в крупнейших промышленных центрах страны. Именно за призывы «навстречу революции» в 1912 г. он был исключен из рядов германской социал-демократии сторонниками реформистского руководства. А до этого был хорошо известен как член социал-демократии Польши и Литвы, соратник и постоянный оппонент Розы Люксембург. Это Карл Бернгардович Радек, он же Берлинер, он же Парабелум, он же Арвид, Рамзей Карлсон, Макс, Обсерватор, Константин Ремер, Сергей Волков и проч., и проч., подпольных кличек ему было не занимать, их хватило бы еще на десяток партийных функционеров.

Вся жизнь Карла Бернгардовича Радека (1885—1939 гг.) была неразрывно связана с международным рабочим и коммунистическим движением. Он являлся членом социал-демократии Королевства Польского и Литвы, РСДРП, Со-

циал-демократической партии Германии, РКП(б) — ВКП(б), до июля 1924 г. занимал различные ведущие посты в Коммунистическом Интернационале, активно сотрудничал в печатных органах — журнале «Коммунистический Интернационал», «Бюллетене Коммунистического Интернационала», бюллетене «Международная пресс-корреспонденция», журнале «Коммунистическая революция», газетах «Правда» и «Известия». Долгие годы К. Б. Радек фактически являлся публицистическим рупором Коминтерна на Западе, особенно в ленинский период деятельности этой организации, стоял у истоков тактики единого рабочего фронта в начале 20-х гг.

«Детская болезнь радикализма недолго продолжается, и всякий начинал свою партийную работу с убеждением, что с него начинается история партии»¹, — напутствовали молодого революционера руководители польской социал-демократии в Галиции в начале века. Они ошиблись, это не относилось к Радеку. Веру в мировую революцию он пронес через всю свою сложную, противоречивую жизнь, полную взлетов и падений. Именно это дало возможность английскому историку и публицисту У. Лернеру назвать Радека «последним интернационалистом» ленинского поколения. В начале XX в. К. Радек много сделал для укрепления большевистской партии на международной арене. Именно через Радека многие революционные марксисты Запада впервые познакомились с ленинским анализом империализма и ленинской теорией социалистической революции. Причем, как отмечал позже сам Радек, многие ленинские идеи были неожиданны для них — конкретизация проблемы и формы власти, новый подход к национальному вопросу, проблема партии и массовых организаций в революции и после нее².

Вопрос о месте и роли К. Радека в международном рабочем движении, в ВКП(б) и Коминтерне долгие годы в силу известных обстоятельств оставался в числе «неудобных» и закрытых для исследователей тем. Хотя частично он освещался в работах советских историков, фактически же был отдан «на откуп» зарубежным исследователям. Попытаемся восполнить этот пробел.

¹ Деятели СССР и революционного движения России. — М., 1989. — С. 596.

² См.: Радек К. Три Интернационала. — М.; Л., 1924. — С. 31, 38—39.

К. Б. Радек (Копель Собельсон, или Собельзон) родился 31 октября 1885 г. во Львове, в семье почтового служащего. Рано лишившись отца, Карл вырос под влиянием своей матери, Софьи Лиферант, народной учительницы. Еврей по рождению, он не получил еврейского религиозного воспитания, считал себя поляком и вырос под влиянием симбиоза двух культур — польской и немецкой. После смерти отца семья переехала на родину матери в Тарнов, жила в бедном квартале ремесленников, быт и заботы которых Карл знал с детских лет.

В политическую жизнь он включился в гимназии, из которой его два раза исключали «за политику», и лишь летом 1903 г. ему удалось сдать экстерном экзамены на аттестат зрелости. В 14-летнем возрасте Карл познакомился с группой рабочих-социалистов, начал читать немецкую социалистическую литературу, завязал контакты с редакцией молодежного социалистического движения «Проминь» и газеты «Напшод», органа польской социал-демократической партии Галиции и Силезии (ППСД). Первый журналистский опыт в этой газете (рецензия на книгу немецкого социал-демократа М. Шиппеля «Производство сахара») был подписан псевдонимом Карл Радек, взятым из книги С. Жеромского «Сизифов труд». В период учебы в Краковском университете Радек познакомился с работами деятелей социал-демократии Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ), которые произвели на него «ошеломляющее впечатление», принял участие в их распространении в Королевстве Польском, опубликовал первую статью в органе этой партии «Червоны штандар».

Знакомство с Ф. Дзержинским повлияло на решение работать в рядах СДКПиЛ, в секцию которой он вступил. В 1904 г. Радек уезжает в Берн. В Швейцарии он вступает в переписку с Р. Люксембург, которая по достоинству ценила его талант публициста. Летом 1905 г. она писала Л. Тышке (Иогихесу): «Обрати внимание, как этот Радек превосходно пишет в нашем духе!» Речь шла о статьях Радека в варшавском еженедельнике «Глос». Их первая встреча состоялась 20 октября 1905 г., и Люксембург посоветовала ему использовать свой талант в стране, где шла революция.

В Польше К. Радек стал одним из ведущих авторов прессы СДКПиЛ, редактировал орган социал-демократических профсоюзов, издал (анонимно) их программу. В 1906 г. он был трижды арестован. В тюрьме на текстах

Д. Рикардо и А. Смита изучал одновременно политэкономию и английский язык, читал Платона в оригинале, изучал марксизм и русский язык.

По распоряжению генерал-губернатора Варшавы в октябре 1907 г. он был выдан австрийским властям без права возвращения в Царство Польское. Из Галиции Радек выехал в Финляндию, оттуда вскоре вместе с Л. Тышкой через Швецию отправился в Берлин, где была организована редакция центрального органа СДКПиЛ теоретического журнала «Пшеглонд социалдемократичны» и других партийных изданий. Начался немецкий период в революционной биографии К. Радека. Он принес в германское рабочее движение опыт революционной борьбы 1905 г., революционный энтузиазм массовых выступлений польских рабочих и попытался создать его сплав с немецкой организованностью.

* *

*

В феврале 1908 г. К. Радек поселяется в Берлине и активно включается в политическую жизнь немецкого рабочего движения, не порывая связей с Польшей. Он сотрудничает с «Лейпцигер фольксцайтунг», франкфуртской «Фольксштимме», «Бремер бюргерцайтунг», «Форвертс», теоретическими журналами «Нойе цайт» и «Пшеглонд», пишет для «Пшеглонд социалдемократичны» обзоры материалов зарубежной прессы по международным вопросам, продолжает работу для «Червоны штандар». На VI съезде СДКПиЛ в декабре 1908 г. Радек сделал доклад о профсоюзном движении, в котором защищал тезис о необходимости легализации деятельности социал-демократических профсоюзов и участия членов СДКПиЛ в других легальных профобъединениях. Это вызвало серьезные возражения у многих делегатов съезда, первые трения Радека с ЦК партии. В 1909 г. — новый конфликт, на этот раз вызванный необоснованными обвинениями его первой жены Елены Богоявленской, члена РСДРП, активно работавшей в лодзинской организации под партийным псевдонимом «Ночь», в сотрудничестве с русской полицией.

С осени 1908 г. Радек работает в «Лейпцигер фольксцайтунг», центре консолидации немецких революционных марксистов, одновременно изучает в местном университете историю Китая и посещает семинар по международной политике К. Лампрехта. «Эта работа привела меня к убеждению, что социал-демократия находится на грани двух эпох, что традиции социал-демократических политиков эпохи освободительных войн в Западной Европе мешают ей

в выработке правильных взглядов, что такой же бессмыслицей является делать зависимой точку зрения рабочего класса на надвигающиеся конфликты от того, кто дипломатически начнет войну и как вести политику сближения с либеральной буржуазией для того, чтобы избежать войны при помощи пацифистских договоров между буржуазными империалистическими державами, которые на деле будут договорами о дележе колоний»¹, — вспоминал позже Радек. Он делает для себя главный вывод — нужно перейти от радикальных протестов против капитализма непосредственно к массовой подготовке революционной борьбы, к борьбе за изменение характера германского и международного рабочего движения.

На Копенгагенском конгрессе II Интернационала Радек был членом отдельной группы от СДКПиЛ вместе с Р. Люксембург, И. Извольской, Ю. Мархлевским и А. Варским; но занял особую позицию в комиссии по разоружению и миру. Он отклонил требование ограничений морских вооружений на основе соглашений между Германией и Англией как «утопическое» и считал, что его нельзя будет обосновать в рейхстаге при помощи социал-демократических аргументов. «В замешательстве я узнала о том, что Радек сделал в комиссии по милитаризму, чего не мог предположить ни один человек»², — писала Р. Люксембург. После переговоров с французскими и немецкими делегатами она написала заявление, которое Радеку пришлось зачитать на комиссии конгресса. Радек утверждал, что он не хотел умалить социал-демократические стремления к обеспечению мира. Напротив, он якобы выступал за наибольшую действенность социал-демократических требований и хотел лишь раскритиковать пацифистские иллюзии, подчеркнув, что войне может воспрепятствовать лишь революционная классовая борьба. Как бы то ни было, определенные (причем сильные) сектантские тенденции были свойственны Радеку, так же как и частые максималистские лозунги вроде: «Социализм или империализм». Они ясно проявились в его брошюре «Германский империализм и рабочий класс» и статьях в лейпцигской и особенно бременской левых социал-демократических газетах.

Радек находился в гуще борьбы внутри СДПГ и СДКПиЛ. «Германская социал-демократия представилась мне при близком соприкосновении с ее буднями чем-то совершенно другим, не соответствующим той картине, которая существовала в головах польских и русских революционе-

¹ Деятели СССР и революционного движения России. — С. 599.

² Luxemburg R. *Gesamm. Briefe*. — Bd. 3. — S. 225.

ров, изучающих ее по решениям съездов и по литературе»¹. В рядах левого течения в СДПГ он безоговорочно поддерживает и пропагандирует идею массовой политической стачки, рассматривает борьбу в Пруссии за всеобщее избирательное право исключительно под знаком ее перерастания в борьбу за социализм. Переходные общедемократические требования в 1910—1912 гг. он, как правило, игнорирует. Однако в довоенный период Радек не стоял на позициях необходимости раскола германской социал-демократии, ибо понимал, что без масс левая оппозиция правлению — ничто. Он был убежден, что в период революционного подъема массам легко удастся побороть сопротивление партийной и профсоюзной бюрократии, что приведет к организационной и идейной победе левых, революционного направления.

Силу партийных инстанций Радек сумел оценить лишь в 1912 г., когда в связи с публикацией революционных призывов в геттингенской газете был исключен из СДПГ. Вторым председателем партии Ф. Эберт заявил по этому поводу: «В партии назрел леворадикальный взрыв, и мы его вскрыем». Правление СДКПиЛ также исключило его из рядов своей партии. В защиту К. Радека выступили В. И. Ленин и бременские революционные марксисты². Раскол в польской социал-демократии усилил отчуждение между Радеком и Люксембург, однако его поддерживали К. Либкнехт, Ф. Меринг, Я. Ганецкий, Ю. Уншлихт, А. Малецкий, В. Домбровский и др. К. Цеткин подчеркивала: «Мы не должны отождествлять наше дело с личными делами Радека... Он не весь радикализм».

* *

*

В первые дни августа 1914 г. Радек предпринимает попытки уговорить редактора «Бремер бюргерцайтунг» А. Генке проголосовать против военных кредитов и собрать вокруг себя нескольких левых депутатов. Безуспешно, Генке не решился плыть против основного течения. Радек пытается организовать связи между левыми противниками войны — договаривается с Г. Лауфенбергом и Ф. Вольфгеймом в Гамбурге об издании пропагандистских антивоенных брошюр, читает на курсах Ю. Борхарда лекции об английском империализме, печатает статьи в его еженедельнике «Лихтштрален», пытается удержать левого социал-демократа К. Гениша от перехода на социал-шовинисти-

¹ Деятели СССР и революционного движения России. — С. 599.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 54. — С. 361—366.

ческие позиции. Поддерживая ленинскую оценку характера и причин войны, краха II Интернационала, он не соглашался с тезисом о необходимости раскола старых социал-демократических организаций и превращения войны империалистической в гражданскую.

В начале декабря 1914 г. Радек возвращается в Берлин, вместе с Либкнехтом пытается вновь повлиять на позицию Генке, и вновь — напрасно. Из-за угрозы ареста он был вынужден вернуться в Швейцарию, где встретился с Лениным и Зиновьевым в начале 1915 г. Выявившиеся между ними разногласия — в основном по вопросу права наций на самоопределение и некоторые нюансы относительно раскола партий — не носили принципиального характера и позволяли создать базу для общих антивоенных действий. В Берлине Радек читает лекции об империализме в партийной школе, пишет статьи для «Бремер бюргер-цайтунг» и «Лихтштрален». После создания в Бремене левого еженедельника «Арбайтерполитик» поддерживает с его редактором И. Книфом постоянную связь, посылает свои статьи обычной почтой с пометкой: «Срочно — газетная рукопись! Подлежит газетной цензуре на месте!» Связь поддерживалась также через Розу Радек, работавшую врачом в Берлине.

Будучи секретарем Циммервальдской левой, Радек много сделал для укрепления тактического единства левых сил в международной социал-демократии. «Ежедневные общения с Лениным, обмен мнениями убедили меня окончательно, что большевики являются единственной революционной партией в России, и уже на апрельской международной конференции женщин в пятнадцатом году я помогал в борьбе против центристских настроений Клары Цеткин»¹. Радек, как и Ленин, не настаивал на немедленном разрыве с центристами и считал необходимым подталкивать их к решительным массовым антивоенным действиям.

После переезда в Давос Радек встречался с Лениным во время его приездов из Берна в Цюрих, участвовал в собраниях швейцарских рабочих. Известия о Февральской революции поставили вопрос о возвращении в Россию. Радек выехал туда через Германию вместе с Лениным, но не доехал, остался в Стокгольме в качестве агента ЦК для связи с границей, для издания органов ЦК РСДРП(б) «Корреспонденция «Правды» и «Вестник русской революции». Этим годом датировалось его пребывание в партии большевиков, но стаж исчислялся с 1902 г. — времени вступле-

¹ Деятели СССР и революционного движения России. — С. 603.

ния в ППСД. 5—12 сентября 1917 г. Радек участвовал в третьей Циммервальдской конференции одновременно как представитель РСДРП(б) и объединенной СДКПиЛ.

В Россию Радек попал только 20 ноября 1917 г. После продолжительной беседы с Лениным и Свердловым он вновь отправляется в Стокгольм для переговоров с представителем немецкого правительства Рицлером. Необходимо было подтвердить серьезные, а не чисто пропагандистские намерения советских властей на переговорах о мире. После возвращения в Петроград Радек делает доклад о международном положении на заседании Петроградского комитета РСДРП(б). По поручению Ленина и Свердлова он занимается организацией пропагандистской работы среди сочувствующих большевикам военнопленных, из среды которых вышли Б. Кун, Т. Самуэли и другие интернационалисты, ставшие активными деятелями Коминтерна. В декабре Радек становится ведущим сотрудником Информационного бюро НКВД и отдела внешних сношений ЦИК РСФСР, занимается организацией зарубежных связей партии и Советского государства.

Он участвует во второй фазе брестских переговоров в качестве консультанта по национальным вопросам, занимая левокоммунистические позиции, сотрудничает с «левыми» коммунистами в издании печатных органов противников Брестского мира. Под воздействием ленинских аргументов Радек в дальнейшем поддерживал ленинскую позицию во всех внешнеполитических вопросах. Так, именно он подготовил составленную отнюдь не в дипломатических выражениях ноту протеста Советского правительства от 12 сентября 1918 г. западным державам в связи с их обвинениями в адрес большевиков в проведении массового террора. Он же явился автором известного ответа В. Вильсону от 25 октября того же года, который Свердлов сравнивал с историческим ответом запорожцев турецкому султану.

После убийства немецкого посла Мирбаха Радек включился в подготовку к нелегальной работе в западных областях России в связи с реальной угрозой немецкой интервенции. В Смоленске, например, размещалась типография с латинскими шрифтами, подбирались кадры для подпольной работы. Активное участие в этой подготовке принимал Б. Кун.

После известий о революции в Австро-Венгрии Радек еще больше уверовал в мировую революцию. «Чувствовалось, что приближается мировая революция, народная масса услышала ее железный шаг. Наше одиночество закончилось», — писал он в своих воспоминаниях. По приглашению

немецких социал-демократов в Германию должна была отправиться делегация ЦИК РСФСР — Бухарин, Раковский, Иоффе, Игнатов, Радек, однако добраться до Берлина удалось лишь Радеку под видом австрийского военнопленного. На Учредительном съезде Компартии Германии он выступил с приветственной речью. За его поимку была назначена награда в 10 000 марок, и хотя Радек не выходил из конспиративной квартиры, кто-то прельстился деньгами и выдал его. С февраля по декабрь 1919 г. ему пришлось провести в берлинской тюрьме Моабит. За это время им было написано 7 брошюр: воззваний и статей для немецкой коммунистической печати, среди них воззвание о гибели Р. Люксембург и К. Либкнехта для «Роте фане». Идея мировой революции не покидает его. Она становится лейтмотивом всей пропагандистской деятельности Радека, делает его своим пленником. Главная надежда — на Германию, на немецкую революцию.

Однако как ни горел Радек желанием видеть Германию советской, он был вынужден пересмотреть свои предположения о возможности быстрого развития революции уже в то время. В январские дни он обращается к членам ЦК КПГ с письмом, в котором предостерегает от слепого копирования опыта Октября, от поспешных попыток непосредственного захвата власти пролетариатом, так как партия не имела опоры в таких массовых организациях, как Советы.

Радек призывал членов германского ЦК оставить в стороне всякие соображения о революционном самолюбии и учитывать реальное соотношение сил. Во всех случаях он требовал от партии сказать массам правду об их положении. Вместе с членом ЦК П. Леви он предпринимает попытку прекратить бои в квартале прессы, однако занятое восставшими здание социал-демократической газеты «Форвертс» уже штурмовали правительственные войска.

Несмотря на ленинское предостережение, Радек часто подходил к германской революции с мерками, явно снятыми с революции русской, пытался найти в ней признаки перехода от буржуазной революции к пролетарской, социалистической. Как и многие коммунисты, он продолжал считать, что победоносная германская революция еще впереди, нужна лишь более серьезная подготовка, перестройка рядов и тактики.

Однако революция в Европе не укладывалась в прокрустово ложе традиционной коммунистической схемы. Здесь не сложилось реального двоевластия, попытки коммунистов искусственно толкнуть Советы к власти успеха не имели,

ибо за европейскими Советами стояли иные, чем в России, социальные слои, иной была расстановка политических сил. Но в одном Радек оказался прав: вооруженная борьба против правительства в данный момент была безнадежна, так как пролетариат обезоружен и подавлен. Верен был и тактический совет: отказ от путчистских выступлений, участие в работе буржуазного парламента, укрепление позиции в Советах, перенос всей тяжести работы в массы, на фабрики и заводы. Начиная осознавать нежелание большинства рабочих идти по пути, предлагаемому коммунистами, Радек пытался снять противоречия коммунистической доктрины мировой революции тезисом о многоэтапности борьбы за социализм. «Мы еще далеки от этой цели. Борьба будет длиться по крайней мере целое поколение, потоки слез, пота и крови должны слиться в целое море, прежде чем одержим победу в международном масштабе... Но не надо опьяняться грядущими великими задачами, а осуществлять те задачи, которые выполнимы сегодня»¹, — писал он в 1919 г. В связи с этими реальными задачами он требовал работы коммунистов в демократических парламентах, отклонял сектантский лозунг анархо-синдикалистов «Вон из профсоюза!», критиковал отрицание «левыми» роли коммунистической партии в рабочем движении. Это было еще до выхода в свет ленинской работы «Детская болезнь «левизны» в коммунизме».

Радек говорил, что пролетариат, достигая власти, утверждая свою диктатуру, одновременно осуществляет диктатуру коммунистической партии. По его мнению, после завоевания власти эти понятия совпадут «во имя всеобщих пролетарских классовых интересов»². Довоенные сектантские взгляды Радека на «чисто» пролетарскую революцию преломились теперь в извращенное понимание сущности диктатуры пролетариата как диктатуры партии. Для него коалиция с другими рабочими партиями была возможна лишь как условие «их подчинения руководству партии». Такой союз, говорил Радек, «не следует считать чем-то большим, чем просто переходным моментом»³. Еще в сентябре 1917 г. на вопрос немецкого социал-демократа Г. Гаазе о возможности применения насилия по отношению к другим социалистическим партиям он ответил, что «насилие по отношению к якобы социалистическим партиям, предающим революцию,

¹ Радек К. Германская революция. — М., 1925. — Т. 2. — С. 208.

² Там же. — С. 262.

³ Там же. — С. 262.

признаем и будем практиковать, если очутимся у власти»¹ В дальнейшем это вылилось в расправу над меньшевиками и эсерами, к пропаганде которой Карл Радек приложил свою руку известного и авторитетного публициста. Все это мало способствовало росту авторитета РКП (б) и КПГ среди левых сил, подрывало тактику единого рабочего фронта. Он требовал прекратить дискуссии по программным и тактическим вопросам в рядах КПГ: «Пора положить конец дискуссиям о направлении пути! Пора твердо взять руль в свои руки и отправиться в путь»².

Немецкие власти обвиняли Радека в организации спартаковского восстания в Берлине. Однако какими-либо конкретными документами следствие не располагало и пыталось использовать подставных свидетелей, их сбивчивые и противоречивые показания. Обвинение повисло в воздухе, и власти держали Радека в тюрьме, полагаясь на естественное развитие событий. Условия содержания были вполне сносными, заключенный выписывал массу газет, журналов и книг. Тюремная стража в отличие от полиции относилась к политическим заключенным довольно лояльно. «Теперь неизвестно, кто правительство и как долго будет это правительство. Мы нейтральны. Если приведут Эберта (президента Веймарской республики, социал-демократа.— В. А.), то я его так же хорошо приму, как и Вас»,— говорил Радеку старый надзиратель. Воспользовавшись случаем, именно из этой тюрьмы бежали десять коммунистов во главе с известным спартаковцем В. Будихом.

Советское правительство Украины назначило К. Б. Радека своим полпредом в Берлине, надеясь, таким образом, облегчить его положение и способствовать освобождению. Германский МИД не согласился с этим назначением. От приехавшего в Берлин советского представителя Радек узнал о программных дискуссиях на VIII съезде РКП(б), перевел новую программу партии на немецкий язык и снабдил ее вступлением. Съезд избрал Радека заочно в состав ЦК и прислал поздравление и выражение солидарности с узником.

После длительных переговоров с немцами был решен вопрос о пропуске Радека в Советскую Россию через Польшу. Перед отъездом он встретился с К. Цеткин и П. Леви, на встрече обсуждались вопросы тактики коммунистов в условиях наступления реакции и были выработаны тезисы

¹ Деятели СССР и революционного движения России.— С. 607.

² Радек К. Германская революция.— Т. 2.— С. 274.

Западноевропейского бюро Коминтерна о международном положении и тактике коммунистических партий.

* * *

*

В Москву он прибыл 23 января 1920 г. и сразу же по просьбе Чичерина сел писать доклад о положении в Польше. Радек предостерегал Советское правительство от эскалации войны с Польшей, считая, что это может привести к консолидации польского населения под националистическими лозунгами. Переход от оборонительной военной стратегии к наступлению на Варшаву летом 1920 г. Радек назвал позже серьезной политической ошибкой. Такую же оценку событиям дал и Ленин после провала наступления. Но в то же время советское руководство надеялось на успех, на победу советского строя в Польше при помощи штыков Красной Армии, считая Польшу мостом между Советской Россией и пролетарской Германией.

Сразу же после II конгресса Коминтерна, на котором Радек выступил с докладом о задачах профсоюзов, он был кооптирован в Польское бюро ЦК РКП(б) и послан на Западный фронт в занятый Красной Армией г. Седлице, затем в Минск. В телеграмме Радеку 19 августа 1920 г. Ленин рекомендовал «настоять на беспощадном разгроме помещиков и кулаков побыстрее и поэнергичнее, равно на реальной помощи крестьянам панской землей, панским лесом». В телеграмме от 20 августа Ленин интересовался, начали ли малоземельные крестьяне в Седлецкой губернии захватывать поместья и рекомендовал Радеку, Дзержинскому и всем членам Польского ЦК «обязательно дать часть помещичьих земель крестьянам и во что бы то ни стало помирить крестьян малоземельных с батраками». Надежды на победу сменились вскоре пессимистическими нотками: «Варшаву едва ли мы возьмем скоро», — признавал Ленин. Он сожалел лишь о том, что «не хватило сил, мы не могли взять Варшаву и добить польских помещиков, белогвардейцев и капиталистов»¹.

В апреле 1921 г. Радек более подробно остановился на анализе причин поражения в советско-польской войне. Но в центре внимания находились исключительно военно-стратегические факторы: отрыв от баз снабжения, усталость красноармейцев, разделение фронта на две части, состояние транспорта и т. д. В чем причина столь явной

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 51. — С. 264, 266; Т. 41. — С. 354.

непоследовательности этого талантливое аналитика? Они — в верности догме о примате интернационального над национальным, классового над общечеловеческим. Наиболее ярко это проявилось в его словах: «Сейчас нет и не может быть отдельных национальных пролетарских интересов, а есть только один, общий, международный пролетарский интерес»¹.

Радек участвовал в мирных переговорах с польской делегацией. К сожалению, его роль в этих переговорах до сих пор не изучена, но очевидно, что на месте он увидел пагубность дальнейшего наступления Красной Армии на Запад и признал, что белорусские и польские крестьяне неодобрительно встречали «освободителей» на своей земле.

Доклад Радека на II конгрессе Коминтерна «Коммунистический Интернационал и профсоюзное движение» 3 августа 1920 г. — пример постепенного превращения профсоюзов в «приводной ремень» коммунистической партии, игнорирования повседневной, будничной работы по завоеванию уступок у капитала. Так, Радек утверждал, что мысль о возможности постепенного улучшения положения рабочего класса — реакционная утопия, ибо задача профсоюзов состоит «не в ремонте капиталистического здания, а в сознательной работе, направленной на свержение капитала»². Хотя он признавал затем и необходимость борьбы за повышение зарплаты, но лишь как средство убедить рабочих в распаде экономической системы капитализма.

II конгресс Коминтерна призвал «фактически подчинить фабрично-заводские комитеты и профессиональные союзы коммунистической партии», а коммунистов — стать «самыми решительными руководителями экономической борьбы»³. Вместе с тем тезисы о профсоюзах оставляли в стороне вопрос о защитных функциях этих рабочих организаций и целиком уравнивали их с органами власти в решении хозяйственных проблем. Сужение роли профсоюзов до простого помощника партии, «приводного ремня» этой партии к широким организованным массам служило также постоянным препятствием на пути взаимного сотрудничества с другим, социал-демократическим потоком в мировом рабочем движении.

Непримиримую позицию занял Радек в вопросе о приеме центристских партий, в частности Независимой социал-де-

¹ Радек К. Пять лет Коминтерна. — М., 1924. — Ч. 2. — С. 124—125.

² Там же. — С. 198—199.

³ Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932. — М., 1933. — С. 122

мократической партии Германии, в III Интернационал. Об этом свидетельствует его острая полемика с лидерами этой партии А. Криспиным и В. Дитманом, проводимая по принципу «никаких уступок». Радек, как и все руководство Коминтерна той поры, рассчитывал на сближение с революционными рабочими этой партии, но не хотел иметь ничего общего с ее вождями. Взаимные обвинения в стремлении к расколу, нетерпимость к взглядам и аргументам оппонентов, попытки представителей Коминтерна дезавуировать своих политических противников — Каутского и Гильфердинга отнюдь не укрепляли авторитет коммунистического направления. Пророчески прозвучали слова Р. Гильфердинга; обращенные к левым независимым: «Те же методы, которые вы сегодня применяете против нас, коммунисты завтра же применят против вас». Радек внес свою долю в отлучение ведущих теоретиков реформистского социализма от рабочего движения, выдвинув лозунг: «Вычищайте свой дом, но не метлой, а каленым железом!»

Ошибочную позицию занял Радек и в дни реакционного путча Каппа в марте 1920 г. Он осудил линию на «лояльную оппозицию» буржуазно-демократическому правительству, полностью отклонил идею создания «рабочего правительства» из социал-демократов и коммунистов как «донкихотство», как «погоню за теньями». В то время, как в ходе ликвидации капповского путча речь шла о защите демократии от откровенно реакционной военной диктатуры, укреплялось единство социал-демократов, независимых и коммунистов, К. Радек ставил вопрос о недоверии коалиционному правительству и обвинял немецких коммунистов в «парламентском кретинизме». Если Ленин считал политику КПГ в новых условиях «совершенно правильной», то Радек остался в это время на позициях левого доктринерства и не сумел понять необходимости борьбы за идеи, отвечающие насущным интересам широких слоев немецкого народа.

Отрезвление наступило лишь в начале 1921 г., когда он выступил инициатором «Открытого письма» ЦК КПГ всем социал-демократам и членам немецких профсоюзов с предложением единых действий. «Если мы не хотим обманывать самих себя, то мы должны прямо и открыто признать, что эта политика (поддержки социал-демократии.— В. А.) была политикой большинства германского рабочего класса»¹, — писал Радек. Начался новый период, период пере-

¹ Радек К. Грядущий крах германской буржуазии и Коммунистическая партия Германии//Коммунистический Интернационал.— 1921.— № 19.— С. 4866.

осмысления реальностей эпохи и коренного пересмотра тактики и стратегии. Это было время политического взлета Радека — он член ЦК РКП(б), член Президиума Исполкома Коминтерна (малого бюро), член редколлегии журнала «Коммунистический Интернационал». Его левокоммунистические ошибки в дни Брестского мира забыты и прощены, Ленин в интервью левой шведской газете подчеркивает, что Бухарин, Радек и другие противники мира снова активно участвуют в политической работе. Характерно, что на VII экстренном съезде партии при выборе членов комиссии по пересмотру программы М. С. Урицкий предложил включить в нее Радека вместо Сталина, указав на неизвестность программных работ Сталина. При голосовании Сталин получил 21 голос, Радек — 19, но был избран кандидатом. Сталин, очевидно, такого унижения Радеку не простил и вывел его через несколько лет из руководства партии и Коминтерна.

* *

*

В жизни Радека 1921—1923 гг. означали очень многое: он понял, что надо перестраиваться, пересматривать всю стратегию на большой исторический период. Революция нигде, кроме России, не победила, буржуазия повсюду переходила в наступление, революционная волна схлынула. Он видел необходимость в переносе основного противоречия между коммунистами и социал-демократами из области конкретной политики в сферу идеологии. Признание силы идейного и организационного влияния социал-демократии, жизнеспособности ее идей в рабочем классе стало важным условием для сотрудничества двух различных сил — коммунистов и социал-демократов. Лишь такой диалектический подход мог привести к эффективному взаимодействию в борьбе против наступления реакции. Основы такой политики были уже заложены в «Открытом письме» ЦК Объединенной КПГ, против которого выступили в Коминтерне Г. Зиновьев и Н. Бухарин, да и в самой германской компартии единого мнения по вопросу тактики не было. Так, левые элементы в ЦК опубликовали 4 марта 1921 г. в газете «Роте фане» призыв к свержению правительства.

Председатель КПГ П. Леви выступил с обвинениями в адрес КПГ и ее ЦК в авантюризме, в разжигании «преступного безумия». Его брошюра «Наш путь. Против путчизма» была предана Коминтерном анафеме, несмотря на то что на защиту П. Леви стали К. Цеткин, Э. Деймиг, А. Гофман и О. Брасс. Они считали действия ЦК КПГ,

исключившего Леви из партии, попыткой удушения свободы критики и вышли из состава ЦК. «Бунт пяти» был встречен в штыки. Исполком Коминтерна обвинил их в формировании «правого крыла» в партии, в «оппортунистических колебаниях в германской и международной политике», в уступках «меньшевистско-реформистскому течению», которое следует «убить в зародыше»¹. Леви был открыто назван предателем. Радек говорил, что «даже если ⁹/₁₀ утверждений Леви соответствует действительности, то и тогда его брошюра представляет собой ни в чем не прикрытое предательство». Он выдвинул понятие предела критики в коммунистическом движении. «Ясно, что если у кого-нибудь вдруг появились сомнения, не представляется ли все-таки демократия лучшим путем к социализму, чем диктатура, и не должно ли избегать гражданской войны, ясно, что с подобной критикой нечего искать в компартии»² — такой формулой Радек фактически отсекал все попытки сочетать революционные стремления с демократическими поисками решения социальных проблем.

На III конгрессе Коминтерна в 1921 г. Радек рассматривал задержку мировой революции как досадную помеху, вызвавшую необходимость перехода от прямой атаки на капитализм к его осаде. Укрепление международного положения Советской России, переход к нэпу, мартовское поражение в Германии — все это убеждало Радека в необходимости сменить тактику в отношении социал-демократии. Он выступает за создание рабочего правительства как переходной ступени на пути к диктатуре пролетариата. Это, по его мнению, поможет избавиться пролетариату «от старых традиций и демократических иллюзий». Его представления о природе социал-демократических партий, их сущности и политической практики не изменились, налицо был политический прагматизм и четко выраженный классовый реализм. Он остро ставит вопрос о необходимости блока рабочих партий, не требуя непременно гегемонии в нем коммунистов.

В апреле 1922 г. Радек вместе с Бухариным и Цеткин приняли участие во встрече в Берлине делегации трех Интернационалов. Отклонив идею организационного единства, делегация Коминтерна призвала сплотиться для оборонительной борьбы против наступления капитала. Наиболее острые дискуссии развернулись вокруг процесса против эсе-

¹ Коммунистический Интернационал. — 1921. — № 17. — С. 4069.

² Радек К. Падение Пауля Леви // Коммунистический Интернационал. — 1921. — № 17 — С. 4067—4068.

ров, требования независимости Грузии, Азербайджана и Украины, отношения к Версальскому миру. Радек не возражал против ознакомления комиссии трех исполкомов с положением в Грузии, но был категорически против вмешательства во внутренние дела Советского государства. Радек и Бухарин дали обещание, что советская власть не применит смертную казнь по делу 47 эсеров и разрешит присутствовать на процессе представителям всех трех Интернационалов. Ленин даже эти уступки посчитал слишком большой ценой, заявив позже, что «мы заплатили слишком дорого». В дальнейшем взаимные обвинения, усиление кампании против эсеров и меньшевиков мало способствовали реализации возможности сближения социал-демократов и коммунистов.

Главным движущим мотивом в ходе становления тактики единого фронта была все же абсолютизация русского опыта, догматизм и стремление подавить внутрипартийную демократию в рабочем движении. Большинство лидеров Коминтерна, в том числе и Радек, возлагали отныне надежды на Коминтерн как единственно реальную силу для воплощения в жизнь политики единого рабочего фронта.

На IV конгрессе Коминтерна Радек выступал четыре раза. Он отстаивал необходимость переговоров с лидерами социал-демократии, заявляя вполне искренне: «Я думаю, что ни один человек в здравом уме не отказался бы приветствовать желание социал-демократов бороться... Докажите, что вы хотите бороться, и тогда мы сможем пройти вместе по крайней мере часть пути. Мы этого не боимся»¹. Радек выступил против навязываемой Зиновьевым трактовки рабочего правительства как синонима диктатуры пролетариата. Он также возражал представителю левого крыла в КПГ Г. Урбансу, считавшему вообще невозможным какой-либо компромисс с социал-демократами как с «предателями рабочего класса», подчеркивал необходимость исчерпать весь запас возможностей коалиции с социал-демократами.

В своей речи на расширенном пленуме ЦККИ в июне 1923 г. Радек призывал не обольщаться призывами к «кровавой борьбе», а искать пути реалистической политики. В выступлении на сессии бюро Коммунистического Интернационала Молодежи Радек отказался от надежд на «чисто» пролетарскую революцию и подчеркивал необходимость привлечения союзников из крестьян и технической интеллигенции. Творческую интеллигенцию он в качестве возмож-

¹ Радек К. Пять лет Коминтерна.— Ч. 2.— С. 269.

ного союзника игнорировал. Выступал Радек и по вопросам борьбы с фашистскими движениями. Как и Сталин, Радек считал это движение в Германии слабым и неперспективным, думал, что оно потерпит крах под давлением внутренних противоречий. А чтобы его ускорить, нужно противопоставить фашистам единый фронт пролетариата и союз с мелкой буржуазией. «Свобода Германии может быть завоевана рабочим классом Германии в союзе с Советской Россией, со всеми некоммунистическими патриотическими силами, готовыми к национальному сотрудничеству»¹. Такой лозунг выдвигал Радек для борьбы с франко-бельгийской оккупацией Рурского бассейна. Это дало повод руководителям «левых» в КПГ обвинить Радека в «национал-большевизме». Но реально позиция Радека была направлена на противодействие влиянию фашизма, шовинистической и реваншистской пропаганды, имела целью сближение в национальной и освободительной борьбе рабочего класса и средних слоев с коммунистами. В этой борьбе он призывал к сотрудничеству и с работниками умственного труда.

К чести Радека нужно отметить, что он сумел понять необходимость объединения общенародных и классовых интересов в борьбе с франко-бельгийскими оккупантами в условиях острого экономического и политического кризиса в Германии. Характеризуя причины поражения болгарских коммунистов во время профашистского переворота в Болгарии, Радек выделял как раз их неумение и нежелание пойти на коалицию с мелкобуржуазными слоями. Но средства преодоления кризиса в БКП он предлагал отнюдь не демократические — прямое вмешательство Коминтерна в решение организационных и кадровых вопросов. Этот тезис таил в себе скрытую опасность прямого диктата Коминтерна, вся пагубность которого вскрылась позже, уже в сталинский период.

* * *

*

Крах реакционного правительства Куно в августе 1923 г. Радек воспринял как сигнал к наступлению полосы «новых революционных потрясений», «новой революции в Центральной Европе». Он явно переоценивал степень влияния коммунистов в массах, преувеличивал частные события и факты. Основная масса рабочих продолжала идти за социал-демократами, но Радек говорил о готовности комму-

¹ Радек К. Портреты и памфлеты. — М., 1934. — Т. 1. — С. 143.

нистической партии к борьбе за власть «даже в одиночку», приводил примеры назревания гражданской войны, создавал у слушателей впечатление о действительном начале новой революции.

Ошибочная оценка Коминтерном (а Радек в данном случае выступал как ее интерпретатор) развития событий в Германии, реального соотношения сил и субъективной готовности трудящихся к борьбе за рабоче-крестьянское переходное правительство имела далеко идущие негативные последствия. Отметим, что Сталин в эти дни занял довольно трезвую позицию, понимая, что «если сейчас в Германии власть, так сказать, упадет, а коммунисты ее подхватят, они провалятся с треском... По-моему, немцев надо удержать, а не поощрять». Однако его поддержка линии Зиновьева на отрыв рабочих от социал-демократии и на создание Советов как органов разложения социал-демократии была в принципе ошибочной. Троцкий, в свою очередь, считал, что Сталин несет главную ответственность «за упущение революционной ситуации в Германии»¹. Это был явный перехлест со стороны Троцкого.

22 октября 1923 г. Радек нелегально, через Чехословакию, приезжает в Дрезден как представитель Коминтерна с целью использовать участие коммунистов в рабочем правительстве Саксонии для подготовки вооруженного восстания. Однако предложение КПГ объявить всеобщую забастовку не нашло отклика ни у левых социал-демократов, ни у беспартийных рабочих. ЦК КПГ срочно дает отбой выступлению, но не зная об этом отряды Э. Тельмана уже начали вооруженное восстание в Гамбурге. Радек переезжает в Берлин, живет на конспиративной квартире, встречаясь лишь с партийными функционерами и поддерживая связь через Ларису Рейснер, которая оставила яркие зарисовки событий в Германии той поры. В расстрелянном Гамбурге она увидела «огонь под пеплом»², но вместе с тем убедилась в том, что нельзя рассчитывать на близкую победу революции в Германии и Европе.

В январе 1924 г. Радек пишет тезисы по поводу уроков германских событий, выражавшие точку зрения его, Троцкого и Пятакова. Оппозиционеры стремились доказать объективную обусловленность курса на революцию в Германии, критиковали ошибки КПГ, не сумевшей организовать подготовку масс и, главное, вооружить их, призывали к под-

¹ Троцкий Л. Сталинская школа фальсификаций // Вопросы истории. — 1990. — № 2. — С. 123.

² Рейснер Л. Избранное. — М., 1965. — С. 188.

готовке вооруженного восстания против диктатуры генерала Секта, что было нереально в сложившихся условиях. Сталин и Зиновьев считали виновницей неудачи 1923 г. социал-демократию как «агентуру международного капитала в среде рабочего класса», как «опору фашизированной власти».

* * *

В развернувшейся борьбе Троцкого со Сталиным за власть Радек встал на сторону Троцкого. Он пропагандировал заслуги Троцкого в гражданской войне и совершенно умалчивал о Сталине. На пленуме ЦК РКП(б) в январе 1924 г. Радек выступил в защиту критических выступлений Троцкого о бюрократизации партии, засилии в ней чиновников, их отрыве от масс. Эта позиция была осуждена участниками пленума, Радек был обвинен в попытках восстановить Президиум Коминтерна, руководителей компартий Германии и Польши против ЦК РКП(б), в агитации в пользу оппозиции. Ему было указано на необходимость неуклонного подчинения постановлениям ЦК партии по международным вопросам и запрещены попытки перенесения в Коминтерн свободы критики и фракционной борьбы.

На следующий день открылась XIII конференция РКП(б), в ходе которой Зиновьев потребовал осуждения Радека и других оппозиционеров за интерпретацию тактики единого фронта как союза коммунистов с социал-демократами. В резолюции «О международном положении», принятой конференцией, расшифровывались обвинения ЦК в адрес Радека. Ему ставилось в вину то, что он якобы «держит курс целиком на поддержку правого меньшинства ЦК КПГ и дезавуирование левого крыла партии, что объективно грозит расколом германской Компартии». Утверждалось, что его взгляд «на ход дальнейшей борьбы в Германии исходит из неправильной оценки классовых сил Германии: оппортунистическая переоценка разногласий внутри фашизма и попытка на этих разногласиях построить политику рабочего класса Германии»¹. Было также указано на недопустимость в большевистской партии неподчинения члена ЦК постановлениям по международным вопросам.

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. — М., 1984. — Т. 3. — С. 176—177.

На XIII съезде РКП(б) Радек выступил против Зиновьева, обвинив Исполком Коминтерна в недооценке революционной ситуации в Германии и нерешительности. Он не отказывался от идеи борьбы за пролетарскую диктатуру, пытаясь как-то увязать ее с идеей единого фронта. Увы, это была утопическая попытка сесть между двумя стульями. Радек понимал опасность прихода к власти в КПГ левацки настроенных руководителей. «На борьбу только против правых, даже существующих фактически правых, я не пойду, ибо это означает разрыв рабочего авангарда с широкими массами рабочего резерва»¹, — говорил он. XIII съезд партии заявил, что «правые уклоны, защищавшиеся вопреки решениям ЦК РКП(б) Радеком, *ничего общего* с политической линией Российской Коммунистической партии не имеют». Съезд поручил ИККИ укрепить Коминтерн наиболее квалифицированными работниками, заявил, что кризис в КПГ в основном изжит и призвал к ее превращению в «большевистскую партию»².

Сталин считал Радека «правым» из-за прямой постановки вопроса: «Могут ли коммунисты при известных условиях войти с революционной целью в коалиционное правительство с социал-демократами?» Положительно отвечая на этот вопрос, Радек решительно отклонял уверенность Зиновьева и большинства руководства КПГ в том, что пролетарская революция есть вопрос ближайшего будущего. Блок «левых» и «ультралевых» сил в Коминтерне безоглядно толкал массы на новые жертвы, членов компартии — к «решительному бою», к европейской революции. Поэтому Радек предупреждал об угрозе отрыва партий от социальной базы, уменьшения сферы их влияния. Трактую тактику единого фронта лишь как метод агитации и революционной мобилизации масс на целый исторический период, Коминтерн отвергал все иные пути и попытки ее реализации на практике как оппортунизм и этим усугублял раскол мирового рабочего движения.

Тщетно Радек пытался отстоять право на выражение иного мнения по вопросам тактики. Он уже хорошо понял «правила игры» в большевистской партии, заявляя: «Мы не должны отказываться от критики, иначе мы были бы заговорщической организацией, которая закулисно обделыв-

¹ Радек К. Пять лет Коминтерна. — Ч. 2. — С. 452.

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. — Т. 3. — С. 209—210.

вает свои делишки за спиной масс. Но после борьбы на конгрессе мы имеем возможность и даже обязаны вести положительную работу на том посту, куда нас поставит исполком или отдельные партии. Пусть время и опыт покажут, кто и в чем ошибался»¹. Радек требовал прекращения травли и так называемой «правой группы» в Коминтерне. Но участь самого Радека была уже предрешена: на V конгрессе он не был избран в состав Исполкома, а перед этим выведен из состава ЦК РКП(б).

Вопрос о «правой оппозиции» был вновь рассмотрен на V расширенном пленуме ИККИ в марте—апреле 1925 г. в связи с лозунгом «большевизации» компартий Запада. Выдавая понятия «коммунизм», «марксизм» и «большевизм» за полностью тождественные, левацко-догматическое руководство Коминтерна стремилось навязать партиям идеологическое и организационное единomyслие на основе беспрекословного копирования практики большевиков. «Политически растет новое революционное поколение, которое искренне стремится каждую конкретную задачу, поставленную рабочим движением перед ним, разрешить так, как ее в более или менее аналогичных обстоятельствах решали русские большевики»², — писал в начале 1925 г. Д. Мануильский.

Критикуя ошибки левых западноевропейских социал-демократов — Р. Люксембург, А. Паннекука и других, сталинская группа нацеливала коммунистов против левых сил, утверждая, что чем ближе к ленинизму стоят эти деятели, тем опаснее их взгляды. Свой негативный вклад в борьбу с социал-демократами внесли и сторонники Троцкого. Радек писал в 10-ю годовщину начала первой мировой войны: «Кто не хочет умирать убойной скотиной капитализма, тот должен помочь уничтожить социал-демократию»³. Вместе с Троцким он занял крайне враждебную позицию по отношению к социал-демократам. Несмотря на отдельные нюансы, в принципе такая позиция совпадала с линией Зиновьева, Бухарина, Сталина. Поэтому объединения «правых» в союзе с социал-демократами были лишь лицемерными фразами политической борьбы группировок.

Хотя Радек, Брандлер и Тальгеймер в своем заявле-

¹ Радек К. Пять лет Коминтерна. — Ч. 2. — С. 502.

² Мануильский Д. К вопросу о большевизации партии // Коммунистический Интернационал. — 1925. — № 2. — С. 6.

³ Радек К. 10 лет спустя // Коммунистический Интернационал. — 1924. — № 5—6. — С. 94.

нии от 25 марта 1925 г. выразили согласие с тезисами пленума, оно было отклонено пленумом как «шитый белыми нитками, заимствованный из арсенала социал-демократических вождей тактический маневр, направленный против линии V конгресса»⁴. Авторы обвиняли в отходе от большевизма, в стремлении «создать полуменьшевистские массовые партии». Резолюция Центральной Контрольной комиссии РКП(б) по делу Радека, Брандлера, Тальгеймера и других запрещала им вмешательство в деятельность КПГ и участие в работе Коминтерна. В марте Радек был смещен с поста редактора журнала «Коммунистический Интернационал», летом этого же года назначен ректором университета народов Востока им. Сунь Ятсена. Он еще оставался редактором исторического отдела «Большой Советской Энциклопедии» (до 9-го тома).

В 1925 г. Радек вместе с Троцким ведет активную борьбу против зиновьевско-сталинских методов руководства Коминтерном и партией. В «Предварительном наброске тезисов о политике Коминтерна» он убедительно доказывал банкротство «левого» курса после V конгресса в организационном и идейном плане, давал конкретные рекомендации по преодолению кризиса Коминтерна. По его мнению, важнейшими мерами были: отказ от политики непрерывных персональных комбинаций в руководстве партий и предоставление им свободы учиться на своих собственных ошибках; создание мозгового центра Коминтерна; прекращение травли инакомыслия; прекращение содержания партий субсидиями из Москвы, особенно в тех странах, где они легальны, так как субсидии идут на содержание партийной бюрократии. «Необходимым злом» Радек считал лишь субсидии на содержание нелегальных коммунистических партий.

Программа реформ К. Радека не носила антикоминтерновского и антикоммунистического характера. Напротив, он предлагал меры с целью сохранения Коминтерна как инструмента мировой революции. «Вся борьба международного пролетариата будет интернационализироваться и обостряться. Коминтерн в состоянии исполнить свою великую задачу приготовления будущей революции путем создания массовых революционных коммунистических партий»², — утверждал Радек.

¹ Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932. — С. 524—525.

² Радек К. Первоначальный набросок тезисов о политике Коминтерна // Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923—1927. — М., 1990. — Т. 1. — С. 150.

Разумеется, Радек понимал, что без изменения ситуации в РКП(б) как ведущей партии III Интернационала ни о каком реформировании Коминтерна речи идти просто не может. Отсюда активизация его деятельности в рядах оппозиции Троцкого. В августе 1926 г. он составил комментарий к основным требованиям оппозиции в форме вопросов и ответов. На этой основе Троцкий написал свои «Вопросы и ответы» для устной пропаганды¹.

Оба документа совпадали полностью как по форме, так и по содержанию.

В своих «Вопросах и ответах» Радек суммировал обвинения оппозиции в адрес ЦК партии: в бюрократическом засилии, отрыве государственного аппарата от масс, переоценке роли нэпа и недооценке процесса расслоения в деревне, защите кулака и середняка, пособничестве политической активности мелкобуржуазных элементов города и деревни, возвращении курса единого рабочего фронта и, наконец, в отрицании необходимости создания пролетарских партий на Востоке. Наряду с верно понятными признаками перерождения партаппарата оппозиция выдвигала надуманные, левацкие требования. Они вытекали из сектантского подхода к политике в деревне, из оценки нэпа как отката к капитализму, как капитуляции перед «правыми» лидерами международного рабочего движения.

В экономической сфере требования «сверхиндустриализации» были рассчитаны на ускорение промышленного развития за счет поднимающегося крестьянина. И те и другие говорили об укреплении смычки города и деревни. Однако пути преодоления разрыва, ликвидации товарного голода в стране предлагались различные. Троцкий и Радек надеялись на превращение крестьянина в пайщика государственного хозяйства путем «перекачки» денег из кармана зажиточных крестьян на нужды индустриализации. Однако, несмотря на внешние отличия, к раскулачиванию деревни вела не только сталинская политика «великого перелома», но и программа оппозиционеров.

Радек был сторонником жесткого государственного регулирования рынка. Утверждая на словах приоритет потребителя, он, по сути дела, фактически отдавал предпочтение интересам государства. Рынок для него — явление чуж-

¹ См.: Радек К. Об оппозиции // Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923—1927. — М., 1990. — Т. 2. — С. 40—55, 64—75

дое, не социалистическое, государственная монополия — родное. Позиция сторонников Троцкого в вопросах зарплаты внешне выглядела как забота о росте материального и культурного уровня рабочего класса, но — за счет усиления налогового пресса на зажиточных крестьян и торговцев. Требование повышения зарплаты рабочим в условиях товарного голода и роста цен не могло автоматически повысить их жизненный уровень и неизбежно толкало к конфронтации с торговыми и крестьянскими элементами в деревне. Радек считал, что широкая масса середняков, не говоря о кулаках, не стремится к социализму и старается обострить отношения с городом. Подобные взгляды укрепляли почву для внедрения в последующем преступного сталинского тезиса об усилении классовой борьбы в стране по мере углубления социалистического строительства. Они создавали базу для утверждения в случае победы троцкистов военно-казарменного социализма. Во взглядах Радека отчетливо проявилась вся ортодоксальность русского марксизма с его верой в историческую миссию русского рабочего класса и нигилизмом по отношению к крестьянству. Крестьянства он не знал и никогда его не понимал.

Одновременно тезисы Радека содержали важное предупреждение об опасности бюрократического перерождения верхушки партии — партаппарат принимал решения за партию, члены партии на собраниях боялись выступить с критикой партийных органов и партийной политики из-за репрессий, системы доносов и клеветы; сложилась система выдвижения и подбора угодных номенклатурных партийных и советских руководителей, атмосфера бесправия коммунистов. Все это вело к созданию особого социального слоя чиновников, не имеющих самостоятельной точки зрения ни по одному вопросу и скованных бюрократической системой послушания.

В платформе Троцкого — Радека было выражено стремление восстановить внутрипартийную демократию, права партийных организаций на свободное обсуждение всех вопросов и решение их без давления аппарата, без репрессий, ссылок и перемещений, ликвидировать практику назначения должностных лиц, возродить свободу партийных дискуссий. Однако антикрестьянская (под антикулацкими лозунгами) направленность линии оппозиции, ее антикооперационная политика и четко обозначенная ориентация только на бедняков и часть середняка представляли не что иное, как левацкий, узкоклассовый перегиб.

Ставка на мировую революцию как единственный гарант

независимости СССР, пропаганда идеи «перманентной революции» не могли помочь в преодолении кризиса в РКП (б) и Коминтерне, были направлены на продолжение социального эксперимента.

Несмотря на некоторое расхождение во взглядах Троцкого и Радека на перспективы китайской революции 1925—1927 гг., и тому и другому были свойственны переоценка ее социалистических возможностей, игнорирование аграрного вопроса; жонглирование общими революционными фразами. Все это, однако, не помешало Троцкому заявить, что политика Сталина явилась прямой и непосредственной причиной крушения китайской революции. Однако главное в другом — выступление в этой дискуссии против Сталина провело еще одну резкую грань между сталинским курсом и курсом, взятым оппозицией.

В ноябрьские дни 1927 г. Радек участвует в альтернативной демонстрации в Москве, выступает вместе с Троцким и Раковским перед ее участниками. В декабре этого же года на XV съезде партии 75 активных деятелей оппозиции, в том числе Каменев, Пятаков, Радек, Раковский, были исключены из партии. В январе 1928 г. Радек был уволен со всех постов и сослан в Тобольск, затем в Томск, после — в Воронеж, где находился в 1930 г. всего несколько месяцев. Опальный троцкист, пользуясь расположением редактора «Коммуны», изредка печатал здесь статьи о международном положении. Долгое время он категорически отказывался каяться, осуждал Каменева и Зиновьева за «покаянное вранье». В своих письмах, опубликованных Троцким в «Бюллетене оппозиции», он призывал оппозиционеров держаться до конца: «Те, кто остался, должны сказать правду».

Однако 10 мая 1929 г. Радек вместе с Е. Преображенским и И. Смилгой пишет заявление о раскаянии, признав отход от «единственной правильной большевистской линии, линии сталинского ЦК». Радек признал политику сталинской партийной хунты «ленинской» и поставил себя в двусмысленное положение сталинского должника. Честолюбие не давало ему силы оставаться в забвении, уйти с политической сцены. «С этого времени один Радек — самостоятельный публицист и мыслитель — умирает. И остается другой — своим пером обслуживающий интересы Сталина»¹.

¹ Соколов М. Война и мир Карла Радека // Собеседник. — 1988. — № 50. — С. 13.

Вместе с позволением вернуться в Москву и восстановлением в партии Радек получил должность заведующего иностранным отделом газеты «Известия», работал в иностранном отделе ЦК ВКП(б), выполнял ряд доверительных поручений. Одним из них было участие в 1932 г. в качестве члена советской делегации в работе Женевской конференции по разоружению. В мае и июне 1933 г. он проводит зондаж готовности режима Пилсудского к активному сотрудничеству с СССР перед лицом угрозы агрессии со стороны гитлеровской Германии. Его полуофициальный визит в Варшаву и Краков способствовал ослаблению напряженности между Польшей и СССР, ряд статей Радека был опубликован в польских газетах.

В это время Радек вновь сближается с Бухариным. Как отмечает С. Коэн, Бухарин «приглашал талантливых авторов, в том числе своего друга детства и разоружившегося троцкиста Радека, и создал «Известиям» репутацию самой живой и наиболее критически настроенной советской газеты»¹. На страницах «Известий» Радек публиковал свои международные обзоры. Его материалы заметно отличались от безликой и скучной информации в большинстве советских газет этого времени. Сразу после прихода Гитлера к власти Радек предсказал недолговечность фашистского режима, назвав Гитлера «марионеткой на троне». Однако уже в июне 1934 г., в полном соответствии со сталинской политикой сближения Советского Союза и Германии, Радек публикует серию статей, пропагандирующих возможности советско-германского сотрудничества.

Сталин сделал Радека марионеткой в своей большой игре на международной арене и в борьбе с внутренней оппозицией. В 1934 г. Радек, явно по указке сверху, старается отлучить Троцкого от старых участников оппозиции, которые якобы не сумели разглядеть его антикоммунизма. Это был явно «примирительный подарок всем зиновьевым и бухариным», которые вновь признавали свои ошибки и подчеркивали правоту «великого Сталина»². Но апофеозом восхваления культа Сталина явилась большая

¹ Коэн С. Бухарин: Политическая биография. 1888—1938.— М., 1988.— С. 425.

² Конквист Р. Большой террор//Нева.— 1989.— № 9.— С. 132.

статья К. Радека в первом номере газеты «Правда» за 1934 г. Она вскоре была издана отдельной брошюрой под названием «Зодчий социалистического общества». Это была не просто лесть, а выражение верноподданнических чувств к Сталину и ко всей системе казарменного социализма. Верил ли сам Радек в то, что писал? Очевидно, уже никто не сможет ответить на этот вопрос, мы можем лишь догадываться. Скорее всего, Радек принял принцип сталинской системы — «с волками жить, по-волчьи выть» и внешне стал ее органической частью.

В этом же году Радек переиздает свои известные «Портреты и памфлеты», переведенные на ряд европейских языков. Это была странная книга. Наряду с политическими портретами таких деятелей, как В. Ратенау, П. Гинденбург, В. Вильсон, Д. Лллойд Джордж, Г. Стиннес, Ф. Эберт, мастерски написанными в разное время прежним Радеком, в нее вошли конформистские и панегирические статьи 30-х гг. Книга была посвящена Л. Рейснер, с которой автора связывало не только тесное сотрудничество, но и очень теплые человеческие отношения. Он не только посвятил ей книгу, но написал ее биографию для Энциклопедического словаря Гранат и напечатал воспоминания о ней. В новом издании Радек снял свою прежнюю хвалебную статью о Л. Д. Троцком, так как теперь считал, что, «заблестев как метеор, он упал обратно в болото борьбы против большевизма и скатился в лагерь контрреволюции»¹.

На первом съезде советских писателей Радек учил их принципам социалистического реализма, требуя писать «только правду» и не бояться цензуры. В качестве примеров он привел Р. Роллана, А. Жида, Б. Шоу, восхищавшихся советской действительностью. С. Есенин для Радека — «бездомный человек», певец уходящего мира, не нашедший себе места в новой жизни. «Понятно, не легко стать коммунистом. Но это есть вопрос жизни и смерти для русского писателя», — требовал Радек.

Пролеткультовские взгляды Радека на отношение писателя к политическому режиму, деление их на «чистых» и «нечистых», резкий водораздел между писателями по их партийной принадлежности вместе с циничным требованием писать правду были составной частью политики преследования и изгнания наиболее талантливой части русской интеллигенции.

В 1935 г. Радек вошел в состав комиссии по подго-

¹ Радек К. Портреты и памфлеты. — Т. 1. — С. 5.

товке новой Конституции СССР, самого лицемерного документа за всю советскую историю, принимал активное участие в написании ее политических разделов.

После убийства Кирова и первого политического процесса над лидерами «новой оппозиции» — Зиновьевым, Каменевым, Евдокимовым и другими Радек сказал: «Ну, а теперь они расправятся с теми, кто им не угоден». В то же время он выступил в прессе в поддержку приговора. Однако «вождю» нужен был широкий заговор и большой процесс, чтобы расправиться со старой гвардией, когда-то начинавшей революцию вместе с Лениным. Выборочные репрессии его уже не устраивали. Указ от 1 декабря 1934 г. давал возможность в корне истребить всякое потенциальное несогласие, акт от 30 марта 1935 г. позволял привлекать для наказания членов семей изменников Родины, а апрельский указ — детей с 12-летнего возраста (вплоть до применения смертной казни).

* *

*

На открытом судебном процессе в августе 1936 г. над лидерами так называемого «троцкистско-зиновьевского террористического центра» обвиняемые «неожиданно» признались в связях с Бухариным, Радеком, Пятаковым, Сокольниковым, Серебряковым и другими бывшими оппозиционерами. Узнав об этом, Радек обратился с письмом к Сталину, в котором опровергал имеющиеся на него показания и заверял в своей полной невинности и преданности. Однако это его не спасло, письмо было оставлено без внимания¹. 31 августа в советской прессе была опубликована последняя статья Радека.

29 сентября 1936 г. было принято подписанное Сталиным постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Об отношении к контрреволюционным троцкистско-зиновьевским элементам». В нем говорилось уже не об оппозиционерах, а о разведчиках, шпионах, диверсантах, вредителях, о необходимости расправы не только над арестованными, но и над всеми ранее высылаемыми за принадлежность к троцкизму. Капкан захлопнулся, на очереди был Радек. И это несмотря на то, что он в связи с процессом Зиновьева опубликовал в «Известиях» 21 августа 1936 г.

¹ См.: Известия ЦК КПСС.— 1989.— № 9.— С. 37.

статью «Троцкистско-зиновьевская фашистская банда и ее гетман — Троцкий», в которой называл Троцкого «кровавым шутом», «фашистским обер-бандитом».

Радек был арестован 16 сентября 1936 г. без санкции прокурора. При фабрикации его дела за основу были взяты показания Л. Б. Каменева, Г. Е. Евдокимова, И. И. Рейнгольда и Е. А. Дрейцера о существовании «параллельного центра», якобы созданного Троцким в 1933 г. для свержения советской власти и возвращения Троцкого к руководству партией и страной. Никаких других данных у НКВД не было, на вооружение были взяты фальсификация и самооговор.

Радеку было предъявлено обвинение во вредительско-диверсионной и террористической деятельности с целью свержения советской власти, в попытках реставрации капитализма, шпионаже в пользу Германии и Японии, в связях с Троцким, в создании по его заданию подпольных троцкистских центров по всей стране.

Радек держался на следствии два месяца и 18 дней, не признавая надуманных обвинений. Почему же он все-таки признался в несовершенных преступлениях, оклеветал себя и своих товарищей? Очевидно, вначале Радек надеялся на помощь Сталина, рассчитывая, что встреча с ним или личное письмо помогут избежать расправы. Письмо Сталину было написано из тюрьмы. По версии А. Орлова, бывшего сотрудника НКВД, такая встреча состоялась в здании Управления НКВД в присутствии Ежова. После этого якобы Радек сам написал протокол допроса и за себя и за следователя, добавив сюжет о переговорах с гитлеровскими дипломатами относительно территориальных уступок троцкистского блока Германии¹. Но, по свидетельству Л. Фейхтвангера, Сталин посчитал письмо Радека лживым, а его самого — «неискренним»².

На позицию Радека не могло не повлиять также беспокойство за судьбу жены и дочери-студентки. По крайней мере, эта нота явственно звучит в письме Радека жене из тюрьмы 20 января 1937 г. Оно прошло цензуру следователя и полно иносказаний: «В ближайшие дни состоится суд над центром Зин.-тр. организации. Для того, чтобы происходящее на этом суде не обрушилось на тебя неожиданно, я попросил свидания с тобой. Выслушай то, что я могу тебе сообщить, и не спрашивай меня ничего.

¹ См.: Орлов А. Тайная история сталинских преступлений // Огонек. — 1989. — № 49.

² См.: Фейхтвангер Л. Москва. 1937. — М., 1937

Я признал, что был членом центра, принимал участие в его деятельности, знал о его вредительской деятельности, о связи с герм. и яп. правительством, я это подтверждаю на процессе. Незачем тебе говорить, что эти признания не могли у меня быть вырванными ни средством насилия, ни обещаниями. Ты знаешь, что я ценой такого признания не покупал себе жизнь.

Я (пропущено), значит это правда. Если эта правда для тебя невыносима, то сохрани мой облик таким, каким ты меня знала, но ты не имеешь никаких оснований и права хотя словом одним ставить знак вопроса насчет правды, установленной судом. Когда внимательно продумаешь то, что будет происходить на суде, особенно международную часть разоблачений, то поймешь, что я не имел никакого права скрыть эту правду перед миром. Чем бы ни кончился суд, ты должна жить. Если я буду жив, чтобы и мне помочь. Если меня не будет, чтобы общественно-полезной работой помочь стране. Однако знай, что бы ни было, я никогда не чувствовал себя так связанным с делом пролетариата, как теперь»¹.

Это письмо — предостережение, просьба понять, что весь суд — спектакль, а подсудимые — актеры, вынужденные играть не свои роли. Стремление сохранить жизнь жене и дочери — одна из причин согласия Радека играть чужую роль. Это, конечно, не спасло их от репрессий: жена и дочь были арестованы, жена умерла в лагере, дочь осталась жива.

И наконец, была еще одна причина. Подсудимым внушалась мысль, что они своими саморазоблачениями, «саморазоружением» перед партией помогут ей в борьбе с международным троцкизмом и в итоге принесут пользу трудящимся всех стран. Партия оценит их преданность и смягчит их участь. Не следует сбрасывать со счета и систему «конвейерных» допросов, очных ставок и прочие методы ежовских следователей. Не нужно забывать и о простом человеческом страхе. Радек писал раньше: «Смерть является для нас символом жизни, самым великим подвигом жизни»². Но к такому подвигу сам он готов не был.

Да, Радек сознался в несовершенных преступлениях и повлиял на признание близкого друга Троцкого Н. Муравлова. Да, он оговорил и Г. Сокольникова, приписав ему связи с японской разведкой, и Н. Бухарина. Но на суде

¹ Известия ЦК КПСС.— 1989.— № 9.— С. 43.

² Радек К. Портреты и памфлеты.— Т. 1.— С. 23.

он сделал все, чтобы показать, что все доводы обвинения шиты белыми нитками. В своем заключительном слове Радек сказал: «Слыша, что люди, сидящие здесь, на скамье подсудимых, являются попросту бандитами и шпионами, я протестую против этого! Имеются свидетельства двух человек — мое собственное признание в том, что я получил инструкции и письма Троцкого (которые, к сожалению, я сжег), и признание Пятакова, который говорил с Троцким. Все признания остальных обвиняемых основываются на нашем признании. Если вы имеете дело с обычными бандитами и шпионами, на чем же основано ваше убеждение, что мы говорим истинную правду?»¹.

Фактически ничего не было доказано, но судьбу обвиняемых уже решили заранее. Сталину не нужны были ни Радек, ни Пятаков, ни Сокольников. Старые большевики ему мешали, они слишком много видели и слишком много знали.

Вс. Вишневский в своей статье «К стенке!» писал: «Вот они: хиловатые, лысые, в очках — адъютанты Троцкого, главари «параллельного центра». Вот он — Радек, по очереди, с девятисотых годов, покидавший и предававший рабочую Польшу, Германию, бродивший по Срединной Европе, безродный и вредный, и пойманный, наконец, в СССР... И эта трусливая, конспиративно или тоньше, чем Яго, работавшая тварь, тут же лила слезы над могилой Либкнехта и Люксембург. Но вылез на свет, когда кончился бой и солдатчина Носке топтала свежие следы и бросала окурки в лужи крови, вытекавшей из коммунистов». Статьи Вс. Вишневского, Л. Леонова, Г. Шторма, А. Толстого, К. Федина были напечатаны под рубрикой «Никакой пощады троцкистским выродкам, кровавым собакам фашизма!»

Через семь дней все 17 подсудимых по делу «параллельного центра» были признаны виновными и лишь четверых не приговорили к смертной казни, в том числе К. Радека, Г. Сокольникова и В. Арнольда, которые получили по 10 лет тюремного заключения без права переписки, и М. Строилов, осужденного на 8 лет.

Но это была лишь временная отсрочка. В мае 1939 г. Радек и Сокольников были убиты в камере наемными убийцами, Арнольд и Строилов — расстреляны в 1941 г. Процесс достиг своей цели — личная власть Сталина была укреплена, тлевшее в рядах партии и народа недовольство в корне пресечено.

¹ Комсомольская правда. — 1989. — 6 июля.

Радек прожил жизнь как апологет мировой пролетарской революции и диктатуры пролетариата. Отождествляя диктатуру пролетариата с диктатурой партии, он слишком поздно понял, что она привела к диктатуре одного человека в партии и государстве. Радек стал частью сталинской антигуманной государственной машины, ее заложником и жертвой. Жизнь этого талантливого, эрудированного, остроумного и темпераментного политика и публициста подтверждает слова Н. Бердяева о том, что «революция — это судьба и рок». Она призывает нас к противодействию насилию и антидемократизму в любой форме, требует преодоления догматизма и классово-сектантских тенденций.

Кто бросит в него ныне камень? Не время сводить счеты, время понять, что выход не на пути диктатуры и «сильной руки», а на пути укрепления демократии и подлинного народовластия.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
<i>Роберт К. Такер</i>	
И. В. Сталин	5
<i>Н. А. Васецкий</i>	
Л. Д. Троцкий: «Никто из нас не имеет безупречной и безгрешной биографии»	26
<i>Д. К. Шелестов</i>	
Трагедия Алексея Рыкова	50
<i>В. Л. Генис</i>	
«Любитель парадокса»	65
<i>Н. А. Васецкий</i>	
Г. Е. Зиновьев: взлеты и падения	97
<i>Д. К. Шелестов</i>	
Л. Б. Каменев: пункт маршрута в эпохе	119
<i>В. П. Наумов</i>	
Александр Шляпников	133
<i>Б. А. Старков</i>	
М. Н. Рютин	159
<i>В. В. Соколов</i>	
Нарком Г. В. Чичерин	177
<i>В. В. Соколов</i>	
Нарком Литвинов — поборник коллективной безопасности	197
<i>В. В. Соколов</i>	
В. М. Молотов — министр иностранных дел СССР	223
<i>В. В. Соколов</i>	
Н. Н. Крестинский — революционер, нарком, дипломат	243
<i>Г. И. Чернявский, М. Г. Станчев</i>	
Х. Г. Раковский — политик, дипломат, борец против самовластья	263
<i>В. А. Артемов</i>	
Карл Радек: «Пусть время и опыт покажут, кто и в чем ошибался...»	286

Учебное издание

Артемов Виктор Александрович
Васецкий Николай Александрович
Генис Владимир Леонидович и др.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Зав. редакцией А. И. Самсонов
Редактор Т. В. Естеферова
Младший редактор Н. А. Степанова
Художественный редактор Т. Г. Никулина
Технический редактор Н. Н. Бажанова
Корректор Н. С. Соболева

ИБ № 13847

Сдано в набор 25.10.91. Подписано к печати 20.04.92. Формат 84 × 108¹/₃₂.
Бум. типограф. № 2. Гарнит. литературная. Печать высокая. Усл. печ.
л. 16,8 + 0,21 форз. Усл. кр.-отт. 17,38. Уч. изд. л. 19,37 + 0,38 форз.
Тираж 41 000 экз. Заказ № 1631.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Просвещение» Министерства печати и информации Российской Федерации. 127521, Москва,
3-й проезд Марьиной роши, 41.

Отпечатано с диапозитивов Саратовского ордена Трудового Красного Знамени полиграфического комбината Министерства печати и информации Российской Федерации, 410004, Саратов, ул. Чернышевского, 59, в областной ордена «Знак Почета» типографии им. Смирнова, 214000, г. Смоленск, проспект им. Ю. Гагарина, 2.

Пролетарий естесь страна, соединяйтесь!

Товарищи!

В Петербурге революция! Солдаты присоединились к Преображенскому полку. На сторону народа перешли рабочие. На сторону революции перешли все колебавшиеся. Паматовский и другие.

Das Kapital.

Kritik der politischen Oekonomie

von Karl Marx.

und unter Theil.

Book III: der Kapitalistischen Produktion. I bis XVIII.

Да здравствует
Да здравствует Российская
Рабочая Партия.

Долой войну!

Московское Бюро Центрального Комитета Р. С. Д. Р.

ПРАВДА.

С. ПЕТЕРБУРГ.
Апрель, 28. 37. № 18.
Тираж 20.000.

В Главной Комитет

Из виду не принимая многого
газеты "Правда" вложила, не
содержит ни одного слова
нашего, на который бы
наше правительство, с
нашим правительством
с Петербургским Бюро

28 апреля 1913

Издатель
И. И. Мухоморов

МАНИФЕСТЪ

Российской Социально-Демократической Рабочей Партии
по вопросу о России.
Примечание: этот манифест...

56

ИЗДАЮТЪ ИХЪ

ПОИ

ИХЪ

ИХЪ

ИХЪ

ИХЪ

ИХЪ

ИХЪ

ИХЪ

ИХЪ

ИХЪ

ИХЪ

ИХЪ

ИХЪ

ИХЪ

ИХЪ

ИХЪ

ИХЪ

ИХЪ

ИХЪ

ИХЪ

ИХЪ

ИХЪ

ИХЪ

ИХЪ

ИХЪ

ИХЪ

ИХЪ

ИХЪ

ИХЪ

ИХЪ

ИХЪ

ИХЪ

ИХЪ

ИХЪ

ИХЪ

ИХЪ

ИХЪ

ИХЪ

ИХЪ

ИХЪ

ИХЪ

ИХЪ

ИХЪ

ИХЪ

ИХЪ

ИХЪ

ИХЪ

ИХЪ

ИХЪ

ИХЪ

ИХЪ

ИХЪ

ИХЪ

ИХЪ

ИХЪ

ИХЪ

ИХЪ

ИХЪ

ИХЪ

ИХЪ